АВТОР УЖАСОВ И МИСТИКИ №1 В РОССИИ

ТОЛЬКО ОН ЗНАЕТ, ЧЕГО БОИТСЯ КАЖДЫЙ ИЗ НАС

Александр ВАРГО

И АПОСТОЛЫ ТЬМЫ

ПЛОХАЯ ШУТКА

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Она давно забыла о своем бывшем. У нее теперь новый молодой парень. С ним хорошо и совсем не страшно. Даже здесь, в безлюдном заповедном высокогорье, у подножия Утеса Снов.

Тишина. Покой. Величественные горы…

Вот только ей постоянно приходят какие-то жутковатые sms с угрозами. Может, просто отключить телефон и выкинуть из головы все страхи?

Нет, не получается выкинуть… Гроб. На вершину Утеса кто-то затащил гроб. И солнце уже опускается за горы. И откуда-то из мрака медленно наступает мертвецкий стылый холод…

- Александр Варго, Иван Миронов
  - Александр Варго
  - Иван Миронов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Александр Варго, Иван Миронов
Плохая шутка

Александр Варго
Плохая шутка

Все описываемые события являются авторским вымыслом, и любое совпадение с реальностью случайно.

«Лжи не место в горах. Маски обмана вдребезги разбиваются об их каменный характер…»

«Скалолаз»

«Спасибо этому гному, пойду к другому».

Белоснежка

Где-то в районе Кавказского хребта

25 июня 2018 года

– Ты заметила, как на нас пялятся? – шепотом спросил Вячеслав, наклонившись к уху Светланы.

Она улыбнулась.

– Наверное, все завидуют, что рядом со мной такой мужчина, как ты, – так же тихо ответила она, подмигивая ему.

Вячеслав потер висок.

«Нервничает», – отметила Светлана, и ей почему-то сделалось смешно. Они встречались уже почти четыре месяца, и ее всегда забавляло, как выглядел Вячеслав в моменты смущения – он напоминал ей большого, сбитого с толку ребенка. Причем *очень* большого. Вячеславу было двадцать восемь лет, а его рост составлял метр девяносто, и весил он почти под сотню. У него было крепкое, мускулистое, без единого грамма жира тело (упорные занятия культуризмом на протяжении нескольких лет не прошли даром), создающее забавный контраст с лицом. Светлана нередко ловила себя на мысли, что с таким лицом, как у ее нового бойфренда, куда уместнее играть на скрипке, нежели тягать гири в тренажерном зале, скрипя зубами и выпучивая глаза

от напряжения. Оно у Вячеслава было совсем как у хрупкого юноши – мягкие черты, нежная кожа, темно-синие глаза, обрамленные густыми ресницами. Общую картину дополняли светлые вьющиеся волосы, которые он завязывал в небольшой аккуратный хвост.

– Мы смотримся полными дебилами с этими рюкзаками, – снова заговорил Вячеслав.

Светлана с напускным равнодушием окинула взором небольшую группу, разместившуюся в вагонетке, которая с мерным гудением тащилась на гору. Действительно, и хотя практически все туристы прилипли к окну, любуясь изумительным пейзажем, некоторые нет-нет да бросали заинтересованные взгляды на их плотно набитые рюкзаки.

Наконец кабина, тяжело покачиваясь на тросах, остановилась на верхней станции подъемника. Со скрипом раздвинулись стальные двери, выпуская оживленных людей в душное июньское марево.

– Через полчаса обратно, – напомнил долговязый машинист, наблюдая, как пассажиры перебирались на площадку, выложенную бетонной плиткой.

– Мне кажется, то, что мы делаем, не совсем законно, – пробормотал Вячеслав, вытаскивая тяжеленный рюкзак наружу.

– Если все делать по закону, то лучше сразу повеситься, – хмыкнула Светлана. Она развернула свою кепку козырьком вперед. – Пусть все думают, что мы привыкли кататься на канатке с рюкзаками. Как говорится, все свое ношу с собой. Пошли.

Вячеслав растерянно уставился на подругу.

– Прямо сейчас? Может, хотя бы сделаем вид, что фотогра…

– Прямо сейчас, – не дала ему договорить женщина. – Подобные вещи нужно делать уверенно и не мешкая. Будто все так и должно быть.

Стараясь не встречаться взглядом с машинистом, который уже косился на них с нескрываемым подозрением, пара направилась к смотровой площадке, куда уже, расчехлив фотоаппараты и приготовив смартфоны для снимков, гурьбой устремились другие отдыхающие. Рядом со ступеньками, ведущими наверх, располагалось небольшое кафе с незатейливым названием «В ОБЛАКАХ». Проходя мимо питейного заведения, Светлана мимоходом подумала, что ценники здесь наверняка заоблачные.

– Фото на память? – послышалось за спиной. – У нас сегодня скидки. Особенно для влюбленных пар!

К ним проворно метнулся дочерна загорелый фотограф, наготове держа фотоаппарат с громадным, как ствол зенитки,

объективом. Подобострастно улыбаясь, он с надеждой глядел на молодых людей с пухлыми рюкзаками.

– Благодарим, в следующий раз, – вежливо отказалась Светлана. Вячеслав лишь что-то невнятно буркнул, и фотограф, мгновенно утратив к ним интерес, торопливо зашагал к другим туристам.

– Вон, смотри, – сказала она, указывая в угол оградительного заборчика. – Там никого нет. Да и кому мы на фиг нужны? Давай, в темпе.

Вячеслав шагнул к краю обрыва, осторожно заглядывая вниз.

– Если отсюда сорвемся, хоронить нас будут в закрытых гробах, – вырвалось у него, когда он подошел к подруге.

– Я согласна на один, только большой, – откликнулась Светлана. – Будем вместе даже на том свете. Шевелись. Обрыв только с той стороны, здесь пологий спуск, не свалишься.

Вячеслав, прищурившись, разглядывал бескрайний гребень, плавно уходящий вниз. Он напоминал гигантский ковер великана, выгоревший и обесцвеченный под палящим солнцем, который повесили сушиться на забор.

Между тем Светлана наклонилась и ловко перелезла за ограждение.

– Помоги, – обратилась она к Вячеславу, и тот приподнял рюкзак, помогая просунуть ее руки через широкие лямки.

– Давай быстрее, – поторопила она бойфренда, и Вячеслав, воровато оглянувшись, последовал примеру Светланы, перемахнув через невысокий, скорее, символический забор. Впрочем, опасения молодого человека были напрасными – на них едва ли кто-то обратил внимание. Основная масса отдыхающих столпилась на смотровой площадке, некоторые двинулись в кафе, да и самой станции с дежурным машинистом, который вроде бы что-то заподозрил, отсюда было не видно.

– Слава, у тебя такой вид, будто ты что-то стырил, – съязвила Светлана, пружинисто шагая по нагретым за день камням. Колючий щебень тихо шуршал под их ногами, обутыми в спортивные кроссовки.

– Я просто подумал… Перед обратной посадкой в кабину людей могут пересчитать, – сказал он озабоченно. Тыльной стороной ладони Вячеслав вытер струйку пота, которая, блестя, скользнула по виску.

– Пусть считают. Не побегут же они за нами? Билеты на канатку у нас есть. Послезавтра вернемся обратно, потихоньку смешаемся с толпой и обратно вниз, в цивилизацию.

– Ты рассказывала, что несколько лет назад была здесь, – произнес Вячеслав. – То-то я гляжу, так себя уверенно

чувствуешь…

– Меня привозил сюда отец, когда мне было двенадцать, – отозвалась Светлана. – Видишь этот хребет? Это единственное место, по которому можно спуститься с другой стороны горного массива.

– Я прочитал в Интернете, что раньше здесь был заповедник.

– Был, – согласно кивнула Светлана. – Тут до перестройки водились серны с косулями. И даже безоаровый козел обитал! Потом началась неразбериха. Инспекторы за взятки браконьеров стали пускать, те почти всю живность отстреляли… Сейчас наверняка уже никого из редких экземпляров не осталось.

Вячеслав поправил лямку рюкзака.

– А как-то иначе к утесу можно подобраться? Зачем все усложнять, да еще светиться на подъемнике?

Женщина остановилась и, обведя бескрайнее пространство скалистой гряды, начала объяснять:

– Слева не подберешься, там река с таким течением, что тебя даже на катере сметет. Справа много лет назад произошел обвал из-за землетрясения. В свое время над разломом какие-то энтузиасты сделали подвесной мост, но провисел он недолго – его вскоре сожгли какие-то уроды. Восстанавливать мост не стали. Сейчас единственный путь к Утесу снов – через эту гору, на которой недавно отремонтировали канатку. Впрочем, есть и обходные пути, но тогда пришлось бы добираться неделю… А тут – всего пять или шесть километров.

– Шесть километров?! – едва не застонал Вячеслав. Он не без труда снял рюкзак и, вынув из бокового кармашка бутылочку с минералкой, жадно приник к горлышку. Утолив жажду, он коротко изрек:

– Жопская жара.

– Идем. Нужно добраться к месту до заката солнца, – сказала Светлана, возобновляя путь. – Ты не представляешь, какая тут красотища по вечерам…

Вячеслав мельком взглянул на подругу. Светлана кардинально отличалась от тех женщин, которые встречались в его жизни (а их, можно признаться, было немало). Невысокая, с грациозно-точеной и вместе с тем крепкой фигуркой, аппетитно-упругими, как мячики, грудками, она постоянно вызывала у него непреодолимое желание. В свои тридцать три она выглядела лет на пять моложе. Минимум макияжа, ногти короткие, но всегда аккуратно пострижены и окрашены бесцветным лаком. Поражали ее волосы – густой черный водопад, источающий аромат лесных трав. Характер Светланы был под стать внешности, она не сидела ни секунды на месте, как любознательный бельчонок с горящими

от любопытства глазами-бусинками.

Вот и сейчас. Как только Вячеслав заикнулся, не отправиться ли им в небольшой поход, Светлана мгновенно выдала:

«Утес Снов».

«Утес Снов?» – переспросил еще тогда Вячеслав.

«Да. Без вариантов, – подтвердила она. – Это запомнится на всю жизнь».

Конечно же он согласился. Невозможно сказать «нет», когда рядом с тобой *такая* женщина. От ее возбуждающей энергетики, казалось, вибрировал воздух, она впитывалась в каждую пору его кожи, отчего он был готов покорить не только Утес Снов, но даже самые высокие горы мира…

– Знаешь, а мне немного грустно, – не оборачиваясь, сказала Светлана. – Пока ремонтировали канатку, здесь было все тихо и спокойно. Никаких бутылок и прочего мусора. Думаешь, мы одни такие хитрожопые? На форумах походников уже вовсю эту тему мусолят! Так что я думаю, в скором времени сюда целая толпа желающих ломанется… Будем только надеяться, что сейчас мы первые.

Она присела на корточки, чтобы поправить развязавшийся шнурок, и Вячеслав едва не натолкнулся на подругу.

– Устал? – спросила она, с легкой улыбкой глядя на него.

– Немного, – признался он. – Душновато.

– Да. Это тебе не в тренажерном зале, – подмигнула Светлана. – Ничего, для разнообразия в самый раз…

Она хотела добавить что-то еще, но в этот момент в одном из многочисленных карманов ее песочных брюк пискнул сотовый.

– Надо же, – пробормотала она, вытаскивая телефон. – Не думала, что здесь будет ловить сигнал.

Вячеслав задрал голову, словно где-то неподалеку должна была выситься мачта сотовой связи. Когда он вновь посмотрел на Светлану, от него не ускользнуло, что в глазах женщины пронеслась смутная тень вроде легкого облака, на короткий миг сделав солнце тусклым. Не меняя выражения лица, Светлана убрала телефон обратно в карман. Перехватив испытующий взгляд Вячеслава, она сухо пояснила:

– Процент с мобильного банка сняли.

Он понимающе кивнул, и Светлана молча зашагала дальше.

Догнав ее, Вячеслав осторожно произнес:

– Когда ты мне рассказала про эту скалу, я загуглил тему о местном фольклоре. Ты знаешь, почему его так назвали, Утес Снов?

Светлана отрицательно покачала головой.

– Я не такой романтик, как ты, Славик. Меня больше

интересует практическая составляющая, а не легенды.

Молодой человек кашлянул.

– Ну, я просто подумал, что тебе было бы интересно.

Светлана улыбнулась, и внутри Вячеслава разлилась приятная истома.

– Конечно, интересно, Славик, – сказала она, и голос ее звучал совершенно искренне.

– Говорят, что в древности верхушка этой горы была похожа на радугу из-за редких и красивых цветов, – начал Вячеслав. – У них был необыкновенный аромат. Люди часто приходили сюда и рвали эти цветы. По правилам, которые сохранились еще с незапамятных времен, можно было сорвать один цветок в год. И целый год этот цветок сохранял волшебные свойства – зимой от него исходило тепло, а летом – приятная прохлада. Если лепесток приложить к больному месту, болезнь тут же отступала. Эти цветы отгоняли злых духов, а ночью могли светить, как ночник… Когда спустя год цветок погибал, можно было сорвать следующий. Но со временем люди забыли главное правило. Они стали жадными, черствыми и скупыми. Они толкались и ругались, стараясь первыми пробраться к цветам. И рвали их целыми охапками. Люди были неуклюжи и нередко затаптывали волшебные цветы. Однажды ночью был сильный дождь, и в гору ударила молния. На следующий день за цветами вновь пришли люди. Однако с этой ночи никакие правила больше не действовали. Отныне тот, кто сорвал хоть один цветок, вечером ложился спать в последний раз. Он попросту не просыпался, то есть умирал во сне. И цветок угасал вместе с человеком. Вскоре цветы исчезли вовсе, на горе образовались проплешины, и постепенно она превратилась в скалу, отшлифованную ливнями и ветрами. С тех пор ее стали называть Утесом Снов. И забраться на него уже было далеко не простым делом.

– С последним фактом соглашусь, – подала голос Светлана. Казалось, легенда не произвела на нее особого впечатления. – Залезть туда с рюкзаком, да еще с твоим весом – это тебе не два пальца… ну ты понял. Так что приготовься к суровому испытанию, дружок.

Вячеслав угрюмо промолчал. В какой-то момент он даже хотел обидеться на Светлану – он тут, понимаешь, распинался, а в ответ насмешливое:

«Приготовься к испытанию…»

Он вспомнил об смс, которое пришло на сотовый подруги. Как там Света сказала? Процент с банка?

«Так ли это?» – подумал он и, моргнув, смахнул с носа капельку пота.

Дальнейший путь они продолжили, почти не разговаривая.

* * *

Около пяти вечера они были на месте.

– Все же это больше смахивает на скалу, чем на утес, – сказал Вячеслав, разглядывая высившегося перед ним каменного исполина.

– Скала, утес, гора… какая разница? – пожала плечами Светлана, скидывая с плеч рюкзак. На ее спине темнело овальное пятно пота. – Главное, мы на месте. Перед нами цель, и мы должны ее одолеть, ферштейн? Пятнадцать минут на перекур, потом наверх.

Вячеслав снял солнцезащитные очки, желая внимательнее рассмотреть зубчатую верхушку Утеса Снов. Отполированная вековыми ветрами и дождями, безжизненная громадина была лишена практически всякой растительности, за исключением чахлых пучков кустарника, добела выгоревших на солнце. У самой вершины в величавом безмолвии кружила пара громадных орлов.

«Мы скоро тоже поднимемся наверх», – зачем-то подумал Вячеслав, а вслух спросил:

– Ты хочешь взобраться на самый пик?

– Непременно. И мы это сделаем до темноты. Здесь почти полтора километра. Часа за три управимся.

Вячеслав уставился на подругу так, словно она неожиданно заговорила на латыни.

– Три часа?! Я думал, это займет минут двадцать!

Губы Светланы тронула снисходительная улыбка, словно ей приходилось объяснять несмышленому малышу прописные истины.

– Не путай ходьбу по ровной поверхности со скалой. С учетом всех нюансов, погодных условий для новичков средняя скорость восхождения составляет примерно 200 метров в час. Для тех, кто хоть немного смыслит в горных походах – 300–350 метров. Для более опытных – 400 и больше. Впрочем, есть и рекордсмены, которые покоряют горы со скоростью 1000 и даже 1500 метров в час!

Заметив секундное замешательство бойфренда, Светлана приподняла бровь:

– Впрочем, если ты устал, я полезу одна. А ты отдыхай. Я поставлю на верхушку утеса флажок с нашим триколором, полюбуюсь закатом, а утром…

– Хочешь взять меня на слабо? Не прокатит. Пошли, – прервал ее Вячеслав, и в глазах женщины мелькнуло одобрение. Она знала, что для ее нового друга этот непростой поход было первым испытанием, и между делом внимательно украдкой наблюдала за каждым его действием. До этого случая все их встречи в основном сводились к походам в кино-рестораны, а также на всевозможные выставки, и лишь однажды им довелось с компанией выбраться в выходные на шашлыки в лес. Но одно дело – проехать на машине пару десятков километров, чтобы пожарить на купленных углях мясо (тоже, кстати, приготовленное загодя). И совсем другое – совершить трехдневный поход в горы, с достаточно тяжелыми рюкзаками, при этом взобраться на полуторакилометровую скалу, где нет ни воды, ни туалета, ни дров, чтобы разжечь костер. Как-то раз ее покойный отец говорил: «Именно в подобных ситуациях человек выглядит естественно. Если хочешь узнать его получше, сходи с ним в поход на несколько дней, и все маски, которые, вероятно, были до этого, будут сброшены…»

С этим трудно было поспорить. Именно поэтому Светлана решилась на это путешествие. Ей уже скоро тридцать четыре, у нее растет шестилетний сын, и у нее уже нет желания выступать в роли легкой на подъем любовницы. Поэтому через пару дней будет точно известно – по пути ли им обоим.

– Заметь, стартовый выстрел сделал ты, – бросила она, надевая рюкзак. – Но все равно, я иду первой.

– Почему? – надул губы Вячеслав.

– Потому что я же не первый раз в горах, вот почему, – терпеливо ответила Светлана. – Во-вторых, если ты случайно оступишься, то свалишься на меня, и мы оба покатимся вниз. Звучит эгоистично, но таковы негласные правила альпиниста.

Вячеслав плотно сжал губы. Казалось, он хотел что-то возразить, но в последний момент сдержался.

– Идем вместе, не отставай, – сказала она, начиная взбираться наверх. – Устанешь, лучше скажи сразу. Не нужно строить из себя героя и терпеть до последнего… пока у тебя от напряжения лопнет какой-нибудь сосуд в мозгу и ты склеишь ласты на середине пути.

Спустя сорок минут они очутились на крошечной площадке, где можно было разместиться вдвоем. Они сели на корточки и, облокотившись на запыленные рюкзаки, с наслаждением вытянули горящие от напряжения ноги. Вячеслав хрипло дышал, то и дело смахивая со лба градом катившийся пот. Его некогда голубая футболка, плотно обтягивающая рельефное тело, от пота

и пыли приобрела грязно-синий цвет.

– А ты молодец, – не удержалась от похвалы Светлана. – Не обижайся, но мне казалось, ты сольешься, Славик. Я думала, ты изнеженный мальчик.

– Не дождешься, – отрывисто произнес он, жадно глотая воду.

Женщина посмотрела на бутылку в руках Вячеслава, почти опустевшую.

– Не пей так много воды, потерпи. Говорят, если покатать во рту круглый камешек, жажда притупляется.

Вячеслав оторвался от бутылки и провел крупными пальцами по шершавой поверхности скалы.

– Круглых тут нет, – заметил он. – Надо было раньше напомнить, у подножия. Тогда я вместо воды набрал бы в рюкзак камней…

Светлана хихикнула. Она распустила волосы и встряхнула головой. Угольно-черный водопад тяжело всколыхнулся, обдав Вячеслава едва уловимым запахом травяного шампуня.

– Ладно, проехали. На самом деле это пустячная прогулка.

– Фигасе, пустячная…

Вячеслав недоверчиво смотрел на возлюбленную.

«А что же тогда не пустячная? Отвесная стена, без единого выступа?» – читалось на его блестящем от пота лице.

– Конечно, пустячная, – подтвердила она. – Взять тот же самый Эверест. Прежде чем лезть на такую высоту, нужна акклиматизация. Поэтому желающие покорить самую высокую гору несколько недель, а то и месяцев, живут на специальных альпинистских базах. Поднимаются на несколько сот метров, а ночевать спускаются вниз, чтобы организм привык к перепадам давления. И так несколько раз. Когда позади четыре километра пути, возникает риск отека легких. Дальше возможно продвижение только с кислородными баллонами. Задерживаться нельзя – есть угроза обморожения. Скорость ветра на Эвересте может составлять 200 километров в час! А температура ночью переваливать за минус 60! Участок подъема от 7500 километров вообще получил название «зона смерти». С момента покорения Эвереста там погибло порядка двухсот туристов… Более того, некоторые тела умерших до сих пор служат эдакими жуткими ориентирами для тех, кто еще не побывал наверху…

– Свет, хватит, – вдруг попросил Вячеслав, и Светлана уловила нервозность в голосе молодого человека.

Она глубоко вздохнула и, подтянув к себе ноги, поднялась.

Между тем Вячеслав прикрутил крышку обратно к уже пустой бутылке и вдруг спросил:

– Ты хоть сама была на Эвересте?

– Нет. Мой отец был там, – тихо сказала Светлана, глядя перед собой. Резкие порывы ветра трепали ее волосы, и она принялась стягивать их в хвост. – Но я тоже хочу взобраться на самую вершину Матери богов[1].

– Отдохнул? – осведомилась она и, когда Вячеслав, кряхтя, принялся подниматься, зашагала дальше.

* * *

Наконец по прошествии полутора часов они взобрались на самую вершину утеса.

Светлана скинула рюкзак и распрямила руки с поднятыми вверх большими пальцами:

– Ура! Сбылась мечта идиотки!

Вячеслав, спотыкаясь, буквально рухнул на ягодицы, высвобождая плечи от лямок рюкзака.

– Идиотки и идиота, – задыхаясь, добавил он. – В жизни не забирался так высоко.

– Иди сюда, – позвала его Светлана, подходя к краю.

Тот перевел дыхание и, выпрямившись, шагнул к возлюбленной.

– Теперь ты понимаешь, что это того стоило? – лукаво спросила она, беря за руку Вячеслава. Пораженный открывшимся видом, он застыл, с благоговейным видом разглядывая раскинувшуюся гряду скал. Тысячелетиями выбеленные солнцем, они напоминали сонных великанов. На горизонте мерцала синевой полоска моря.

– Обалдеть, – только и смог вымолвить Вячеслав. – Если десять минут назад я был готов пожалеть, что поперся в такую глухомань, то сейчас… просто офигенно!

Присвистнув, он осторожно приблизился к краю утеса. Из-под кроссовки выскользнуло несколько камешков. Подпрыгивая по каменистому склону, словно живые, они быстро скрылись из виду.

– Осторожнее, – предупредила Светлана. – Отсюда падают только один раз.

Вячеслав повернулся к ней.

– Я тебя хочу, – признался он, не сводя взора с грудей возлюбленной, вздымавшихся упругими мячиками под обтягивающей тканью футболки.

– Я тоже, – с серьезным выражением произнесла Светлана. – Только от нас, наверное, несет как от поросят. Да и палатку не мешало бы поставить, пока не стемнело.

Вячеслав обнял ее.

– Успеем, – произнес он, легонько куснув Светлану за мочку уха.

– Сколько мы уже встречаемся, Слава? – задумчиво спросила женщина.

Вячеслав кашлянул, словно желая потянуть время для обдумывания ответа.

– Э-э… четыре месяца, кажется, – сказал он не слишком уверенно.

– Скажи честно, я тебе нравлюсь?

Он прижал ее к себе, вдыхая запах густых волос Светланы.

– Я люблю тебя, дурочка, – тихо проговорил он.

С ее губ сорвался вздох.

– Тебе двадцать восемь, Славик. А мне скоро тридцать четыре. У меня сыну скоро в школу. И работаю я простым учителем английского. А ты дизайнер в успешной компании. Ни в чем не нуждаешься. У тебя шикарная внешность, за тобой наверняка девки табунами бегают… Я действительно тебе нужна?

Она почувствовала, как Вячеслав вздрогнул, словно нечаянно коснувшись раскаленного утюга.

– Видишь ли, – осторожно продолжила она, – сейчас ситуация вполне устраивает тебя, Славик. Никто никому ничего не должен, мы не успеваем надоесть друг другу, поскольку видимся раз в неделю. Но если ты решишься на совместное проживание, ты должен понимать, что твоя жизнь радикально изменится. Пойми и меня. Не хочу до самой старости бегать на свидания, как прыщавая студентка, и трахаться черт-те где. А когда ты бываешь нужен, я не могу до тебя дозвониться, потому что ты с друзьями зависаешь в каком-то клубе…

– Я все понимаю, – мягко произнес Вячеслав. Помедлив, он добавил дрогнувшим голосом: – Если я… гм… сделаю тебе предложение, ты выйдешь за меня замуж?

К лицу Светланы прилила кровь.

– О боже, – пробормотала она. – Держите меня семеро, похоже, я сплю. Ты что, шутишь? Или горный ветер слегка мозги просушил?

Склонившись над женщиной, Вячеслав нежно поцеловал ее в губы.

– Я говорю совершенно серьезно.

Светлана крепко прижалась к его крепкому спортивному телу.

Обнявшись, некоторое время они просто стояли, молча наблюдая, как предзакатное солнце багровым диском коснулось морской глади.

– У нас еще есть немного времени, – встрепенулась Светлана. – Солнце сядет минут через пять.

Вячеслав удивился.

– Что ты задумала?

Она указала на конусообразную россыпь глыб, вздымавшуюся по правую сторону утеса:

– Залезем туда и сделаем пару кадров. Это самая высшая точка здесь.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь? – Вячеслав скорчил страдальческое лицо. – Или у тебя вечный двигатель внутри?

– Давай, лезь. Загадаем желание перед закатом.

Вздохнув, молодой человек принялся карабкаться вслед за подругой. Когда он, отряхивая ладони и колени, взобрался наверх и выпрямился, Светлана уже держала в руке смартфон с включенной камерой.

– Селфи на фоне уходящего солнца, – сказала она, подмигивая Вячеславу. – Держи. Будешь фоткать, у тебя руки длиннее.

Сделав несколько снимков, влюбленные уже намеревались спускаться к рюкзакам, как Светлана неожиданно остановилась. Нахмурившись, она смотрела куда-то в сторону, туда, где темнело что-то выпуклое и продолговатое.

– Погоди, я на секунду.

С этими словами она направилась к странному предмету. Присев на корточки, она с недоумением уставилась на крупный прямоугольный предмет. Его покрывал запыленный брезент, края которого были тщательно обложены камнями, чтобы его, очевидно, не снесло ветрами.

– Что это за хрень? – полюбопытствовал Вячеслав, подойдя ближе. На мгновение они обменялись взглядами, после чего он нагнулся и осторожно, чтобы не задеть Светлану, убрал брезент.

– Действительно, хрень, – фыркнула она. – Интересно, кому и зачем понадобилось тащить на самый верх этот ящик?

Вячеслав озадаченно разглядывал неуклюжий короб, сколоченный из толстенных черных досок и накрытый крышкой. Сдвинув ее, он не без опаски заглянул внутрь. Ничего, кроме горсти песка, на дне ящика не было.

– Мне это не нравится, – промолвил Вячеслав, выпрямляясь. Он покачал головой и, словно ища поддержки, пытливо взглянул на Светлану. Та пожала плечами. И хотя внешне она держалась спокойно, Вячеслав вновь уловил странную отчужденность в ее взгляде.

– Подумаешь, деревянная коробка, – произнесла она, проведя кончиком указательного пальца по доскам. – Может, кто-то хотел

тут спрятать клад. Или хранил здесь запасы.

– Не похоже, что этот ящик тащили сюда, – рассуждал Вячеслав. – По всей видимости, его собирали прямо тут.

– Пошли вниз.

– Я хочу расколотить его, – неожиданно заявил он. Ткнув боковую стенку короба носком кроссовки, он посмотрел на море. Солнце практически скрылось за линией горизонта, виднелся лишь крохотный краешек, но вскоре исчез и он, моргнув на прощание уходящему дню рубиновым глазом. – Или сбросить вниз.

Светлана тоже поднялась на ноги.

– Нет, – сказала она, подумав. – Не ты его сюда затаскивал, не тебе его ломать.

Вячеслав снова пнул ногой ящик, и крышка, не удержавшись, свалилась с глухим стуком, накрыв собой скомканный брезент.

– Когда я смотрю на него, у меня перед глазами ядовитая змея, которая притаилась в кустах, – признался он. – Сунешь руку, чтобы ягодку сорвать, а тебя хвать…

– Тебе бы книжки писать, – усмехнулась Светлана. – Ладно, давай вниз.

* * *

– Я готов сожрать мамонта, – известил Вячеслав, когда палатка наконец была поставлена. Он открыл клапан своего громадного рюкзака и взглянул на Светлану:

– Будем заморачиваться с плиткой? Можно быстро сварить макароны с тушенкой или сосисками.

Женщина покачала головой:

– Хочешь возиться, делай все сам. Я слопаю хлеб с сыром и в койку. Там ведь еще осталась заначка?

Вячеслав захрустел фольгой, принюхиваясь к слипшимся бутербродам.

– Вроде съедобно…

– Сполосни ноги, – напомнила Светлана, когда с нехитрым ужином было покончено. Сама она быстро поменяла носки, предварительно освежив ступни влажными салфетками. – Не превращай палатку в газовую камеру.

Растерянно улыбнувшись, Вячеслав подхватил бутылку с водой и, усевшись на походную «пенку», стащил с ног запыленные кроссовки.

Светлана распустила хвост, и подувший с моря пронизывающий ветер, словно дразнясь, взлохматил ее волосы.

– Ты и вправду собралась на Эверест? – спросил Вячеслав, закончив гигиенические процедуры.

– Почему бы и нет. Я три года копила деньги, и если все срастется, то на следующий год попробую. Если есть желание, присоединяйся. Аванс за это мероприятие нужно вносить загодя. Со всеми тратами на перелет, питание, услуги сопровождающих шерпов, снаряжение и экологические сборы выйдет порядка тридцати-сорока тысяч долларов.

Вячеслав присвистнул.

– Недешево.

– Там, пока мы тащились на канатке, ты тоже бурчал и присвистывал, – с язвительной улыбкой напомнила Светлана. – Но видел бы ты себя со стороны, когда ты оказался на вершине! Причем это ведь всего лишь пара километров от уровня моря! Твои глаза горели так, будто исполнилась твоя самая заветная мечта! А теперь представь, Славик, что ты забрался на самую высокую гору в мире! Высота которой составляет почти девять километров! К тому же, в отличие от меня, сорок штук «зеленых» для тебя не такая уж крупная сумма. Извини, – спохватилась она, заметив, как нахохлился Вячеслав. – Не хотела тебя обидеть.

– Я не обиделся, – отозвался он. – Хотя ты при каждом удобном случае намекаешь, что своей финансовой независимостью я обязан своему отцу. Ведь это он помог мне приобрести недвижимость… и вообще, поддерживает меня во всем…

– Ладно, котик. Проехали. Залезай внутрь, поднимается ветер.

Он залез в палатку, начиная неуклюже стаскивать шорты. После этого снял футболку и сунулся было к Светлане, но та мягко отстранилась:

– Не сегодня. Я хочу просто выспаться.

Насупившись, Вячеслав молча залез в спальный мешок и «вжикнул» молнией, застегивая его до упора.

– Ты хороший парень, Славик, – произнесла Светлана. – Не дуйся. Сейчас просто нет настроения. Ты ведь знаешь, я вредина.

– Знаю, – эхом отозвался мужчина. – Послушай… Ты говорила, твой отец побывал на вершине Эвереста.

– Верно.

Вячеслав снова подумал о том, что голос возлюбленной звучит как-то по-другому. Он был странным, каким-то тускло-обесцвеченным, словно этот долгий изнуряющий день похода вытравил из него все жизненные соки.

– Если не хочешь, не рассказывай, – прибавил он.

– Да нет, рассказывать есть о чем. Отец привез много

фотографий после этого путешествия. Я сейчас прикрываю глаза и вижу его лицо. Темно-зеленые глаза, упрямый изгиб губ, колючая щетина, ранняя седина… Но почему-то я не вижу ликования и торжества в его глазах как победителя. У него на лице беспросветная тоска. Вот так, Славик. Тоска и горечь поражения.

– Почему? – удивился Вячеслав. Он приподнялся на локте, внимательно глядя на Светлану, но все, что ему удалось разглядеть, было лишь едва уловимым мерцанием ее глаз.

Она долго молчала, будто все еще сомневаясь, стоит ли продолжать начатую тему, затем медленно заговорила:

– В конце семидесятых годов при восхождении на Эверест погибла женщина, немка. Кажется, ее звали Ханнелоре Шмац. Или Шварц… В общем, в Интернете о ней есть информация. Так вот. Это случилось, когда она с мужем уже возвращалась вниз, то есть самое сложное, казалось, уже позади. Ханнелоре замерзла насмерть при спуске, на высоте примерно 8000 метров, неподалеку от спуска горы. Позже группа альпинистов предприняла попытку спустить ее тело вниз, но при этом погибли сами. Мертвая женщина сидела в нескольких метрах от маршрутной тропы, прислонившись к своему рюкзаку. Она смотрела на туристов, которые цепочкой поднимались наверх. Они торопливо отводили взгляд, каждому чудилось, что заледенелый труп разглядывает именно его… Пожалуй, это самая жуткая смерть за всю историю покорения Эвереста.

– Жаль ее, – произнес Вячеслав и, не удержавшись, зевнул. Вместе с этим он уже собирался заметить, что сотни детей ежеминутно умирают от голода, а тут замерзла какая-то альпинистка, которую, к слову, никто не заставлял насильно лезть в гору… Но что-то удержало его от этой не слишком тактичной фразы.

– Мой отец видел ее, – вдруг сказала Светлана. – В 1981 году.

– В 1981-м? – переспросил Вячеслав. – Гм… За три года ее так никто и не стащил вниз?

– На такой высоте любое лишнее напряжение может вызвать непредсказуемые последствия. И даже смерть. Тело Ханнелоре продолжало пугать путешественников вплоть до 2000 года – сильные ветра постепенно вытеснили труп к ущелью, где бедняга нашла свое последнее пристанище. На моего отца этот случай оказал неизгладимое впечатление. Когда мы были здесь, на утесе, в 1995 году, он и рассказал мне эту историю. Признался, что труп немки часто снился ему после той экспедиции. И каждый сон был одинаков – он в палатке, перед последним финальным броском на Эверест. Тело мертвой альпинистки застыло от него в сотне

шагов. Сквозь порывы ветра отец слышит шорох и скрип снега. Он выглядывает из палатки и видит, что замерзший труп стал намного ближе. Ветер треплет ее длинные волосы, остекленевшие глаза холодно смотрят на отца. И он слышит в мозгу ее голос:

«Мне никто не помог. Я просто замерзла, а все шли мимо, равнодушно глядя, как я умирала».

– Отец закрывал палатку, обливаясь горячим потом, – продолжила она. – Скрип снега приближался, и когда он рискнул снова расстегнуть «молнию», она была в двух шагах от него.

– Твою мать, – тихо выдохнул Вячеслав. Он почувствовал себя крайне неуютно, ощущения усугублял порывистый ветер, который яростно трепал палатку, как собака надоевшую ей игрушку. Он буквально воочию видел картину – сквозь метель по снегу медленно ползет заледеневший труп с развевающимися на ветру космами. Насмерть замерзшая альпинистка не сводит пристального взгляда с утопающей в сугробах палатки…

По его телу прошла крупная дрожь.

– После этого отец никогда не ходил в горы, – после небольшой паузы сказала Светлана. Вздохнув, она добавила: – А через два года его не стало.

Вячеслав уже открыл было рот, чтобы выразить соболезнование, но решил промолчать. Судя по настроению Светы, сейчас она нуждалась в словах сочувствия меньше всего.

Она первой нарушила затянувшуюся паузу:

– Я не говорила, как он умер?

– Нет.

Светлана вздохнула.

– Вечером он ехал на трамвае. Два урода приставали к какой-то девчонке, и папа вступился за нее. На следующей остановке школьница выскочила, а отец получил нож в горло. Когда приехала «Скорая», он еще дышал. Вот так. Тот, кто нанес ему смертельную рану, был ранее судим за убийство. Ему дали еще «десятку», но какое это имеет значение? Он там в зоне играет в карты и хвастается своими «подвигами», а мой отец в могиле.

После этого воцарилось молчание.

«Чудесный рассказ на ночь», – мрачно подумал Вячеслав. Он уже решил, что Светлана уснула, как вдруг услышал ее тихий голос:

– Славик… а ты бы мог за меня вступиться?

Он был сбит с толку неожиданным и вместе с тем провокационным вопросом. Вопросом, на который в плоскости взаимоотношений «мужчина – женщина» в принципе невозможно дать отрицательный ответ.

– Хм… милая, конечно, – ответил он, на мгновение

запнувшись. Эта секундная заминка вызвала у него легкое раздражение, и Вячеслав поспешил добавить: – Как ты могла сомневаться?

– Я хочу сказать… Одно дело – врезать по морде хаму, который шлепнул бы меня по заду… В твоем присутствии, где-нибудь на оживленной улице. И другое дело – дать отпор озверелому психу с ножом. Где-нибудь за гаражами. Или, например, в темном лесу.

Вячеславу показалось, будто невидимая иголочка кольнула его в висок, там, где непрерывно билась жилка.

«Или, например, на пустынной скале…» – пронеслось у него в голове. От этой мысли, внезапной и вместе с тем тревожной, пальцы его рук и ног непроизвольно сжались.

– Псих с ножом? – повторил он. – Ты о чем, солнце? Тебе кто-то угрожает?

Он тут же осекся, поняв всю нелепость последнего вопроса.

Что за бред?

Как и кто может угрожать Свете? При всем при том, что между ними на протяжении почти четырех месяцев нет никаких тайн? Она наверняка бы обмолвилась, если бы подобное имело место.

И вообще, Света – не изнеженная фифа, которая ноет, нечаянно сломав ноготь. Если надо, она и сама вполне способна дать достойный отпор и даже врезать по яйцам, если того будут требовать обстоятельства…

К его удивлению, Светлана рассмеялась.

– Забей, Славик. Все в порядке. Просто воспоминания нахлынули, – пояснила она, когда смех оборвался. – Спокушки, родной.

Вячеслав вновь приподнялся.

– Дай я тебя поцелую, – тихо промолвил он, и низ его живота обдало теплой истомой, когда он почувствовал на себе мягкие губы женщины.

– Спокойной ночи, – прошептал он.

«И пусть тебе приснятся красивые цветы, а не закоченевший мертвец на горе», – мысленно пожелал он.

Вячеслав закрыл глаза, и буквально спустя три минуты дыхание его стало спокойным и равномерным. Он крепко спал, слегка приоткрыв рот и посапывая.

В отличие от него Светлана лежала с открытыми глазами. Сон не шел, и все.

Несмотря на плотную материю палатки, женщине казалось, что она видит мертвенно-желтое пятно луны, нависшей над ними в прохладном небе. Светя своим тусклым безжизненным светом,

неизменный спутник Земли словно хотел внимательнее разглядеть тех, кто сейчас спал в палатке, разбитой на верхушке Утеса Снов.

Светлана улыбнулась своим мыслям, но улыбка вышла безрадостной.

Из головы не выходили сообщения, которые сегодня поступили на ее телефон. Вначале первая эсэмэска, когда они еще шли по горному хребту. Затем еще одна.

Видимо, вторая последовала через несколько минут, но она ее попросту не услышала, а обратила на нее внимание только в тот момент, когда они с Вячеславом начали фотографироваться на фоне заката.

Здесь, на вершине скалы, связи не было, так что, вероятно, были и другие послания, которые дадут о себе знать, как только появится сигнал приема связи.

Но как бы то ни было, она не стала говорить об этом Славе.

Потому что не привыкла паниковать раньше времени.

Но и уснуть нормально тоже никак не получалось, и лишь перед самым рассветом женщина забылась беспокойным сном.

* * *

Пробуждение было тяжелым, словно накануне была шумная вечеринка и она перебрала со спиртным. Голова налилась свинцовой тяжестью, в глазах пощипывало, как от долгого плавания в бассейне с чрезмерным содержанием хлорки.

Снаружи раздавались монотонное шипение газовой плитки и невыразительный бубнеж Вячеслава:

> – Отвесные стены… А ну, не зевай!
> Ты здесь на везение не уповай!
> В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
> Надеемся только на крепость рук…[2]

«Надо же», – невольно улыбнулась Светлана, начиная вылезать из спальника. Не многие ровесники Славы смогли бы сейчас процитировать творчество Высоцкого…

Щурясь, она выкарабкалась из палатки наружу.

– Приветствую тебя, волшебная фея! – воскликнул Вячеслав, сидя на корточках. Он был занят тем, что размешивал измельченную тушенку в котелке с кипящими макаронами-рожками. – Надеюсь, ваш отдых не омрачили дурные сны?

– Я вообще сплю без снов, – сказала она, подавив зевок.

Озабоченно взглянула на небо, затянутое мглистой пеленой. – Только дождя сейчас не хватало. Вроде по всем сайтам прошлась заранее, везде солнце обещали!

Вячеслав зачерпнул ложку макарон и, подув на нее, осторожно попробовал на вкус. Удовлетворенно кивнув, он поднялся на ноги.

– Не расстраивайся. У нас еще целый день впереди, может, распогодится.

Они обнялись.

– Кофе будешь? – осведомился Вячеслав, с любовью глядя в невыспавшееся лицо Светланы.

– Буду. И какаву с чаем тоже, – улыбнулась она.

Когда они позавтракали, Вячеслав положил ложку в опустевший котелок и сказал:

– Пока ты спала, мне тут приспичило. Ну, я вылез наружу, а потом понял, что уже не засну, и принялся бродить вокруг. Тем более уже было светло.

Он пристально посмотрел на Светлану, которая аккуратными глоточками отпивала горячий кофе.

– Я решил снова залезть на тот выступ, где мы вчера вечером наткнулись на черный ящик.

– Ну? Ты так смотришь, будто нашел внутри гору алмазов, – усмехнулась Светлана, вытягивая перед собой ноги.

– Это было бы здорово, – кивнул Вячеслав. – Но меня насторожило другое. Помнишь, я сдвинул крышку с этого ящика?

– Конечно.

– А перед этим я сорвал брезент.

– Славик, ты начинаешь меня пугать, – нервно хихикнула Светлана. – Не тяни резину!

– Мне не смешно, – тихо произнес Вячеслав. – Когда я залез наверх, крышка была задвинута обратно, а сама коробка – укрыта брезентом. И даже камни были на нем разложены по краям, как прежде. Все выглядело так, как мы вчера впервые увидели.

Светлана вздрогнула. Выплеснувшаяся из чашки клякса кофе обожгла ей руку, и она ойкнула.

– Ты… серьезно?

Она поставила чашку на землю и во все глаза смотрела на Вячеслава, словно пытаясь уловить в выражении его лица хоть малейший намек на розыгрыш. Но тот был совершенно серьезен и даже хмур.

– В какой-то момент я подумал, что это сделала ты, – медленно промолвил он. – Но потом понял, что мы все время были вместе. Не стала бы ты ночью вылезать из палатки и, рискуя сорваться вниз, лезть к этой дурацкой коробке?!

Светлана кашлянула. В мозгу неоновыми вывесками вспыхивали слова из вчерашних смс-сообщений.

– Потом я спустился вниз, решил познакомиться с окрестностями, – снова заговорил Вячеслав. – Меня не оставляло ощущение, что на утесе есть кто-то еще, кроме нас. Я облазил все вокруг, Света. Но никаких следов посторонних я не нашел, мы тут одни. Зато я обнаружил пещеру. С западной стороны утеса, за небольшой нишей. Отсюда ее не видно, нужно спуститься метров на десять вниз и немного пройти со стороны моря.

Светлана замерла.

– Ты же говорила, что была здесь с отцом? – спросил он, бросая на женщину изучающие взгляды. – Разве тут не было ничего подобного?

– Ты… был внутри?

Светлане не понравился собственный голос – дрожащий и хрипловатый. Голос неуверенного и даже напуганного человека.

Вячеслав отрицательно покачал головой.

– Над входом висит огромная глыба. Вероятно, когда-то тут тоже было землетрясение, и она сверху катилась, но зацепилась за выступ. Этот каменный «карниз» готов свалиться в любой момент. Но я все равно разглядел, как впереди темнеет овальная дыра. Были видны рваные обрывки тряпья, которые закрывали лаз. Оттуда тянуло сыростью и холодом. Знаешь, когда я на нее глядел, у меня почему-то возникла мысль, что передо мной логово людоеда. Смешно, правда?

Светлана встала, задев ногой кружку. Та перевернулась, остатки недопитого кофе растеклись темной лужицей.

«Охренительно смешно», – подумала она, чувствуя, как по спине тоненькой змеей заструился пронизывающий холод.

– Папа показывал ее мне, – сказала она, не глядя в глаза Вячеславу. – Пойдем.

Беспокойство на лице Вячеслава сменила тревога.

– Эй… Только не говори, что полезешь внутрь!

Вместо ответа Светлана скрылась в палатке. Несколько секунд оттуда доносилось шуршание вещей, перебираемых в рюкзаке, затем она выбралась наружу.

– Пошли, – поторопила она Вячеслава, пока тот таращился на походный нож, который она заткнула за пояс. В левой руке женщина держала светодиодный фонарь.

– Это превращается в триллер, – выдохнул он, поднимаясь на ноги. – Мне кажется, что я все еще сплю.

Спустя семь минут они были на западном склоне утеса. Каменистая дорога то сужалась, то снова расширялась, под

ногами хрустел щебень, и каждый раз, когда из-под кроссовки Вячеслава сыпался щебень, сердце молодого человека замирало, заставляя холодеть кровь.

«Пусть для нас лучше будет один гроб, большой», – не к месту вспомнил он слова Светланы, когда накануне путешествия он высказал свои опасения о возможном падении с горы.

– Вот там, – сказал он, указывая пальцем.

Светлана замедлила шаг.

– Послушай. – Вячеслав схватил ее за локоть. – Эта хрень, свисающая перед входом, может рухнуть в любую секунду. Я не смогу в одиночку отодвину…

– Разве ты не со мной? – не дала ему договорить Светлана. – Помнится, вчера вечером ты божился, что не оставишь меня в опасности?

Едва сдерживаясь, Вячеслав топнул ногой:

– Самая лучшая помощь – не позволить тебе лезть туда!

Светлана в упор разглядывала бойфренда, словно начиная различать в нем нечто такое, чего не замечала за все время их общения.

– Ящик, Славик. Ты не забыл про ящик? – спокойно спросила она. – По твоим словам, кто-то накрыл его крышкой и вновь заботливо укрыл брезентом. Я точно знаю, что это не я. И я верю, что это не ты.

– Тогда скажи, что происходит! – едва не закричал Вячеслав. – Я же вижу по твоему лицу, что тебя что-то тревожит! Причем с самого начала, как только мы слезли с канатной дороги! Я ведь хорошо тебя знаю, почему ты мне не доверяешь?!

Внезапно руки Светланы обвисли, черты лица размякли, и она устало прислонилась к выщербленному от времени камню.

– Наверное, ты прав.

– Давай, рассказывай. Иначе мы сию же минуту спускаемся вниз, – решительно сказал Вячеслав.

Вместо ответа она сунула руку в джинсовые шорты, вытащив смартфон. Мазнула пальцем по экрану, после чего протянула его мужчине:

– Не обижайся, но я не стала говорить тебе сразу. Надеялась, что это просто пустой треп.

Вячеслав молча взял смартфон, вчитываясь в крохотные буквы текста.

«Встретимся на Утесе Снов, вшивая сучка. Я взял с собой дрель и сделаю из твоей киски кровавое дупло».

Он моргнул, словно не веря своим глазам. Сглотнул подкатившийся вязкий комок, движением пальца перелистнул «страницу» на следующее письмо.

«Я прокручу тебя и твоего сопляка в мясорубке с луком и морковью. Слеплю из фарша огромную тефтель, поджарю и сожру».

Вячеслав машинально скользил по глянцевому экрану гаджета пальцем, но переписка ограничивалась лишь этими двумя посланиями. Вместо имени абонента высвечивался чей-то номер.

– Кто это? – хрипло спросил Вячеслав, медленно возвращая смартфон женщине.

– Мой муж. Бывший, – поправилась Светлана.

– Он… преследует тебя?

Она убрала за ухо выбившуюся прядь волос.

– Мы развелись три года назад. Его зовут Олег, я тебе рассказывала. Сначала все было тихо, затем его словно перемкнуло. Первое время он просто настаивал на встрече, затем стал писать всякую хрень в соцсетях. Я блокировала его аккаунты, но каждый раз этот псих регистрировался по новой, и все начиналось заново.

Вячеслав непроизвольно сжал громадные кулаки.

– Ты должна была сказать мне!

Светлана взглянула на него с грустной улыбкой. Ее возлюбленный был настолько разгневан, что у него разве что зубы не скрипели и дым из ушей не валил.

– Славик, он, в общем-то, эгоистичный трус. И тебе не ровня. Хотя когда-то занимался тхэквондо и парень вполне выносливый. Но я никогда не думала, что он может зайти так далеко. И вообще, я считала все эти нападки несерьезной возней, поэтому не вмешивала тебя в это дерьмо.

Пылающий взгляд Вячеслава метнулся в сторону пещеры.

– Но как он мог узнать, что мы собрались на Утес Снов?

– Это моя ошибка. В фейсбуке о предстоящей поездке я указала в своем статусе. Он написал мне в личку, что хочет присоединиться. Я в очередной раз занесла его в «черный список». Вот и все.

Вячеслав почесал затылок. Теперь он смотрел в сторону груды валунов, на вершине которой находился черный короб. Ярость и жажда мести постепенно отступали, теперь в его глазах проступала напряженная сосредоточенность.

– Так ты что… – начал он, непроизвольно понизив голос. – Хочешь сказать, что этот сумасшедший шел сюда вместе с нами? И что сейчас он прячется где-то здесь?!

– Я ничего не хочу сказать, – угрюмо проговорила Светлана. – Делай выводы сам. Эти гребанные эсэмэс. Эта чертова коробка наверху. Я не сыщик, но факты может сопоставить и ребенок.

– Тогда ему негде прятаться, – прошептал Вячеслав. – Негде. Кроме вот этой пещеры.

– Я тоже об этом подумала сегодня утром.

Они переглянулись.

– Светик, мы можем просто спуститься вниз и вернуться к канатке, – тихо сказал Вячеслав. – Не будем искать себе на жопу лишних приключений. Сфоткаться на верхушке мы успели, ночь прошла спокойно, чего еще надо?

Она медленно покачала головой.

– Как говорилось в одном фильме, лучше все узнать и умереть, нежели не предпринять попытку и мучиться всю жизнь. Я не хочу, чтобы какое-то истекающее желчью дерьмо считало, что смогло меня запугать своими пакостными сообщениями.

«В этом ты вся и есть, Светик», – подумал он. Вячеслав был раздражен и восхищен одновременно.

– Я могу залезть наверх… и обвалить громадину, что болтается над входом в пещеру, – едва слышно промолвил он. – Глыба закроет лаз. И тот, кто там внутри, останется в своей вонючей дыре навсегда.

– Если ты боишься, я полезу сама, – ровным голосом произнесла Светлана. – В конце концов…

Она улыбнулась лучезарной улыбкой. Той самой, которую Вячеслав так обожал.

– …ты ведь мне пока не муж. Так что позволь нам, бывшим супругам, выяснить отношения самостоятельно.

Щеки Вячеслава запылали от стыда. Если Светлана хотела его поддеть, то это у нее получилось блестяще, на пять с плюсом.

– Хорошо, – процедил он. – Дай сюда фонарь. Если он там, я голыми руками сверну шею твоему Отелло. Этот кретин захотел тефтелю? Я его накормлю досыта.

Светлана беспрекословно отдала ему фонарь, и тот демонстративно отстранил женщину в сторону. Приблизившись к валуну, который нависал над входом, Вячеслав присел на корточки и потянул носом воздух, сочащийся из пещеры. Пахло чем-то прелым и прогорклым, как из мусорной ямы с испорченными продуктами.

– Ну? – услышал он за спиной шепот Светланы и, вздохнув, пополз вперед.

Даже сквозь материю спортивных брюк его колени больно царапали острые камни. Остановившись у входа, он протянул руку и, ухватившись за грязное покрывало в прорехах, которое «закрывало» вход, с сухим треском сорвал его. Тряпье было таким ветхим, что буквально хрустело в его руках.

Вячеслав щелкнул кнопкой, включая фонарь, и вспыхнувший

луч холодно-белым кинжалом вспорол душную тьму. Протиснувшись сквозь отверстие, молодой человек осторожно поднялся на ноги.

– Света? – прошептал он, услышав шорох за спиной. Отряхиваясь, она выпрямилась, бледная, но преисполненная решимости. Вытащив из кармана смартфон, она включила фонарик.

Вячеслав медленно осветил тесное нутро пещеры. Температура здесь была значительно ниже, чем снаружи. Стены и сводчатый потолок сплошь усеяны буграми и глубокими рытвинами. Луч медленно опустился вниз, и рука Вячеслава дрогнула. В нескольких шагах от входа располагался массивный прямоугольный стол, слегка накренившийся влево. С обеих сторон виднелись приземистые лавки, на каждой из которой темнели странные силуэты, головы которых были покрыты длинными неуклюжими колпаками.

Вячеслав с опаской приблизился к столу, нервно подрагивающий лучик света, льющийся из фонаря, заскользил по молчаливо застывшим фигуркам.

– О черт, – шепнула Светлана, шагнув к одной из них. – Это… Это куклы, Слава…

Но Вячеслав уже и сам видел. Он осторожно приподнял ту, что была к нему ближе всего. Фигура была облачена в блекло-розовые тряпки и такой же расцветки колпак. Голова и «лицо» плотно замотаны грязной марлей, на которой неуклюже намалеваны глаза, нос и идиотски ухмыляющийся рот с громадными зубами.

Светлана осторожно развернула зеленое тряпье, в которое была запелената другая кукла. Обнажился каркас фигурки – крест-накрест сколоченные доски, где поперечные конечности, очевидно, выполняли функции рук. Для устойчивости нижняя часть куклы держалась на крестовине из плоских дощечек.

– Что за хренотень? – пробормотал Вячеслав, стаскивая колпак с уродца. От куклы исходил едва уловимый запах плесени и пыли.

– Посвети туда, Славик, – услышал он голос Светланы. – Вон туда, наверх. Моего телефона не хватает.

Вячеслав послушно перевел фонарь. Над головами, колыхаемые сквозняком, вяло болтались воздушные шары.

– Семь, – зачем-то пересчитала Светлана. – Кажется, они держатся на пластыре…

– Взгляни туда. Судя по всему, там еще одно помещение, – разлепил губы Вячеслав. Шаркая ногами, он нерешительно обошел стол, остановившись у крохотной дыры, размер которой

едва превышал отверстие собачьей конуры. Встав на четвереньки, он пригнулся, с недоумением уставившись на сплетенную из прутьев решетку. Осторожным движением он убрал ее, прислонив к стенке пещеры, после чего посветил вперед.

– Света, – позвал он, не оборачиваясь. – Иди сюда.

Она приблизилась к бойфренду, и несколько секунд они в безмолвном изумлении разглядывали странную куклу, скорчившуюся на грубо выщербленной нише в полу. Заскорузлые от каменной пыли лохмотья разметались, словно крылья дохлой вороны. Как и у чучел в колпаках, голова этой куклы также была забинтована мутно-желтой марлей, на «лице» темнели злобные глаза. Макушку украшало некое подобие «короны», которую, судя по всему, наспех склеили из плотной бумаги. Неподалеку от пугала валялся запыленный осколок зеркала.

– Слава… – заговорила Светлана, и голос ее задрожал, как тоненькое пламя свечки. – Слава, знаешь, что все это значит?

Вячеслав поднялся на ноги и вновь осветил куполо-образный свод пещеры.

– Похоже на глотку проголодавшегося вампира, – изрек он и повернулся к Светлане. – Твоего мужа здесь нет. Вот это я знаю точно. Идем отсюда, у меня начинает кружиться голова.

Бормоча ругательства, Вячеслав стал пробираться к выходу.

– Постой!

Он обернулся.

– Посмотри на стол, – попросила Светлана, и тот развернулся, переместив луч фонаря на грубо сколоченные доски. Перед каждой куклой был виден прибор – деревянная миска, ложка и дочерна закопченная кружка.

– Ну и что? – усмехнулся Вячеслав, сплюнув под ноги. – Какой-то мудозвон устроил тут кукольный домик. Флаг ему в руки и барабан в трусы. Мало ли извращенцев на свете.

– Посчитай, сколько приборов на столе!

Ему не понравился тон, которым была произнесена фраза – казалось, Света вот-вот сорвется и завизжит в истерике.

– Ну, семь, – буркнул он, быстро пересчитав миски.

Она подошла к нему вплотную, и Вячеслав буквально кожей впитывал ритмичные волны страха, которые источало ее дрожащее от напряжения тело.

– Правильно, семь, – тихо подтвердила она. – И шариков семь. Посмотри вниз, вон туда, у стены. Семь кроваток. Врубаешься?

Вячеслав почесал затылок.

– И что?

Светлана топнула ногой, сердясь на несообразительность

возлюбленного.

– А кукол – шесть! И это не просто куклы! Это гномы! Взгляни на эти колпаки! А вон, под столом ведерко со стекляшками! Это типа драгоценные камни, понимаешь? И молоточки игрушечные!

Она глубоко вздохнула, пытаясь собрать воедино хаотично скачущиеся мысли.

– А то чучело, что в соседней дыре сидит на полу, судя по всему, царевна, – чуть спокойней пояснила Светлана. – Злая мачеха. Это она все время говорила: «Свет мой зеркальце, скажи…»

Она взяла за руку Вячеслава, и тот почувствовал, как дрожат ее пальцы.

– Где седьмой гном, Слава?

«Да хер его знает», – мысленно выругался он. Больше всего на свете ему хотелось поскорее выбраться наружу, подальше от этого запаха тлена и плесени. И меньше всего выяснять, куда подевался этот гребаный седьмой гном…

– Не знаю, – произнес он, едва скрывая раздражение. – Пошли отсюда.

– Может, Олег и есть… – Светлана замешкалась, будто страшась продолжить мысль. – Может, мой бывший муж сошел с ума и считает… в общем…

– Твой муж – седьмой гном? – закончил за нее Вячеслав. – Но его здесь нет, родная. Давай вылезать наружу. Иначе я просто сблюю…

И прежде чем Светлана успела что-то сказать, он протиснулся в выходное отверстие, направляясь к пятнышку света.

Выкарабкавшись наружу, Вячеслав отряхнулся, с тревогой рассматривая нависший «карниз». В какой-то жуткий момент ему почудилось, что громадный валун медленно, но неуклонно ползет вниз.

– Света, скорее! – позвал он, ежась от холодных капель, обрушившихся на скалу колючей дробью.

Начинался дождь.

Из-под пещеры показалась рука женщины, затем растрепанная голова.

– Все нормально? – обеспокоенно спросил он, вглядываясь в бледное лицо любимой.

– Нет, – коротко ответила Светлана, вытирая перепачканные ладони о шорты. На голых коленках краснели царапины, оставленные шершавым камнем.

– Тогда валим отсюда, – предложил Вячеслав. – Что-то расхотелось здесь отдыхать, если быть честным. Да и погода

испортилась.

Светлана покачала головой.

– Почему? Я перестаю тебя понимать, – хмурясь, проговорил он.

– Сейчас мы никуда не пойдем.

– Да в чем дело-то?! – чуть не закричал Вячеслав, ощущая закипающий гнев. – То ты жалуешься на бывшего супруга, а теперь не хочешь уходить?!

Светлана поманила его пальцем:

– Прежде чем пукнуть, убедись, что хочешь в туалет. Иди сюда, только аккуратней. Гляди.

Вытянув голову, Вячеслав осторожно заглянул вниз. От увиденного у него перехватило дыхание – земли не было. Точнее, он просто не видел ее, вместо этого Утес Снов был окутан белесым туманом.

– Полезем вниз, сорвемся к чертям, – объяснила Светлана. – Ни фига не видно, и камни скользкие от влаги.

От Вячеслава не ускользнуло, что ее голос звучал совершенно спокойно, будто она объясняла своим малолетним ученикам тему урока.

Он выругался вполголоса.

– Идем в палатку, – сказала Светлана.

– Как это вообще возможно? – пробурчал Вячеслав, двинувшись следом за ней. – Туман во время ливня?

– Да. Вот такие здесь аномалии, – с безучастным видом ответила она.

Дождь усилился, и они ускорили шаг.

– Ты голодна? – спросил Вячеслав, когда они, продрогшие и вымокшие до нитки, влезли в палатку.

Светлана подумала о странных нелепых гномах в пещере, чьи жутковатые фигурки замерли над пустыми мисками, и брезгливо повела плечом:

– Нет. Во всяком случае, не сейчас.

Вячеслав вздохнул.

Она сняла липнущую к телу футболку и, вынув из рюкзака полотенце, быстро растерла мокрое тело.

– Извини, – сказала Светлана, заметив унылое лицо бойфренда. – Я не думала, что так все обернется.

– Ты точно уверена, что эсэмэс писал тебе твой бывший? – спросил Вячеслав. Странно, но сочные груди Светы, призывно манящие своими шоколадными сосками, сейчас совершенно его не возбуждали. – Абонент ведь не определился. Или ты его номер на память помнишь?

– Нет, конечно, на фиг бы мне сдался его телефон, – фыркнула Светлана. – Больше некому, Славик. Если у меня и есть тайные враги или завистники, так агрессивно себя никто не стал бы вести. Только Олег способен писать подобные мерзости.

– Воздушные шары в пещере выглядят свежими, – задумчиво проговорил Вячеслав. – Такое ощущение, что их повесили за несколько часов до нашего прихода…

Он поднял голову, внимательно глядя на Светлану.

– Этот парень мог сделать все заранее и затаиться где-то внизу. Но даже если предположить нечто подобное… Я не могу понять другого. Если этот шизик решил с тобой расправиться, зачем так усложнять задачу? Ты уж прости, но куда проще подкараулить тебя возле подъезда и шарахнуть битой по башке, чем отслеживать твои статусы в соцсетях и тащиться черт-те куда! Тем более когда я рядом!

– В этом весь и цимес, – хмыкнула Света. Сложив полотенце и убрав его в сторону, она извлекла из рюкзака клетчатую рубашку. – В этом весь Олег. Он азартен до безумия. Подворотня и бита – слишком просто и неинтересно. Тем более при таком раскладе могут оказаться свидетели, а здесь только камни и птицы.

– Камни и птицы, – машинально повторил за ней Вячеслав.

– Ты, случайно, не взял с собой выпить? – внезапно спросила она, застегивая на рубашке пуговицы. Помедлив, Вячеслав кивнул.

– Чисто в медицинских целях, – словно оправдываясь, сказал он и принялся рыться в своих вещах.

– Я смотрю, ты там полквартиры с собой прихватил, – усмехнулась Светлана, глядя на его громадный рюкзак.

– Лучше взять вещь, которая может не понадобиться, – пыхтя, объяснил Вячеслав, продолжая копаться в рюкзаке. – Чем не взять и жалеть, когда именно она и пригодилась бы.

– Железная логика, – пробормотала женщина, взяв протянутую фляжку в кожаном чехле. Отвинтив крышечку, она принюхалась.

– Самогон?

Вячеслав обидчиво поджал губы:

– Виски от самогона отличить не можешь, что ли?

Светлана негромко рассмеялась и сделала крошечный глоточек. Закашлялась, после чего завинтила крышку и вернула ему флягу.

– Ты же знаешь, я в полгода бокал вина выпиваю… Какой уж я тебе эксперт по алкоголю? Но сейчас мне это просто необходимо.

Она легла на спальный мешок, молча уставившись в никуда. Дождь не стихал, а, наоборот, набирал силу, с утроенной энергией барабаня по палатке. Где-то вдали хлестко пророкотал гром.

– Слава, – тихо позвала Светлана.

Он повернул к ней голову, сделав вопросительное лицо.

– А ведь там, на самом верху, гроб, – так же тихо промолвила она.

Брови Вячеслав выгнулись домиком.

– Как это? – опешил он. – Какой гроб, ты о чем?

Светлана молчала, будто подбирая нужные слова.

– Мы недавно с моими учениками проходили Белоснежку, – наконец сказала она. – Ты ведь помнишь эту сказку братьев Гримм?

Вячеслав нерешительно кивнул.

– Когда злая царевна отравила яблоком Белоснежку, та поперхнулась и умерла, – медленно проговорила Светлана. – И тогда гномы похоронили ее на горе, в стеклянном гробу. Ее оплакивали сова, голубка и ворон, и каждый день кто-то из гномов сторожил гроб. А потом пришел принц…

Вячеслав сглотнул подкатившийся к глотке комок.

– Там не стеклянный гроб, – сказал он, кусая губы. – Он ведь… гм, он из дерева.

– Это частности. А по сути – это гроб. Как говорится, зри в корень, – сказала Светлана, криво улыбнувшись.

– Это все какая-то лажа, – покачал головой Вячеслав. – К чему ты все это ведешь?

– Я просто рассуждаю, – с ледяным спокойствием отозвалась она. – Есть пещера, где за столом сидят шесть гномов. Есть мачеха-королевна с зеркалом. И есть гроб на самом пике утеса.

Светлана приподнялась на локте, в упор глядя на замершего Вячеслава.

– А гроб пуст, – хрипло проговорила она. – И Белоснежки с принцем нет. Ничего не наводит на размышления? И, кстати, седьмой гном тоже отсутствует.

Вячеслав вытер пот, маслянистыми каплями выступивший на лбу.

– То есть… – запинаясь, начал он. – Ты… гм, ты хочешь сказать, что мы участники какого-то сумасшедшего спектакля?!

Светлана вновь легла.

– Я не знаю, – тускло произнесла она. – Не знаю, Слава.

Расстегнув спальный мешок, она проскользнула внутрь.

– Я ни черта не выспалась, – сказала она. – Покемарю пару часов. Все равно мы зависли тут еще на сутки… Постережешь мой

сон?

– Могла бы не спрашивать. Конечно, поспи. Под дождь всегда хорошо спится.

Светлана глубоко вздохнула, прикрыв веки.

– Как только перестанет лить, двигаем назад, – сонно пробормотала она. – Главное – чтобы туман тоже ушел…

– Я люблю тебя, – сказал Вячеслав. Он взял в руки нож, который по возвращении выложила Светлана, и извлек его из ножен. – И порежу на ремни любого, кто криво на тебя посмотрит…

Он начал было говорить что-то еще, но, бросив взор на женщину, замолчал. Свернувшись калачиком, Светлана спала как ребенок, положив под щеку сложенные вместе ладони.

* * *

Она не соврала, когда сообщила Вячеславу, что почти не видит снов. Во всяком случае, сновидения очень редко посещали ее, особенно с тех пор, как она из юной девушки превратилась в половозрелую женщину.

Но сейчас, лежа в палатке на каменном утесе, темно-свинцовом от хлещущего стеной дождя, она увидела странный сон.

Она со своей группой учеников в театре, накануне Нового года. Дети возбужденно шумят и смеются, и она изредка одергивает особо расшалившихся.

«Светлана Алексеевна, а какой спектакль мы будем смотреть?» – распахнув голубые глаза, спрашивает кроха с огромными бантами.

«Белоснежку и семь гномов», – отвечает она с улыбкой.

Наконец раздаются пронзительные трели звонка. Один… Два… Три…

«Дети, проходим!» – торопится Светлана, стараясь одновременно уследить за всеми детьми. Двери зала призывно распахиваются, и грузная работница театра, держа веером программки, многозначительно ухмыляется. Зубы пожилой женщины кривые, темно-желтые, и Светлана брезгливо отворачивается. По какой-то странной причине она оказывается в зале первой, и дверь за ее спиной с грохотом захлопывается. Растерянные дети остаются снаружи. Она путается в плотных, пахнущих пылью и нафталином шторах, и, когда те, наконец, остаются за спиной, Светлана замирает на месте.

Она в той самой пещере, где они были сегодня со Славой.

За столом сидят гномы, и на этот раз они живые. Они с жадностью уплетают дымящееся мясо из своих деревянных мисок. Их пальцы и губы блестят от мясного соуса, растрепанные бороды тоже измазаны коричневатыми липкими кляксами. Разноцветные колпаки колышутся, словно флажки на ветру.

«Спасибо, Белоснежка, – с набитым ртом говорит один из них, в голубом наряде. – *Это самый вкусный ужин в моей жизни!»*

«Молодец, Белоснежка, – поддакивает второй, «желтый» гном. – *У тебя золотые руки и доброе сердце!»*

Светлана молча оглядывает свое тело, и у нее перехватывает дыхание. На ней длинное сине-желтое платье, как у Белоснежки из культового диснеевского мультфильма.

«Спасибо, Белоснежка, – вытирая сальные губы, произносит третий гном. Он облачен в оранжевый наряд. – *А теперь нам пора».*

«Пора, – тупо повторяет Светлана. – Это хорошо, но я не Бе…»

«Да, – не давая ей договорить, кивает четвертый гном, «зеленый». – *Мы идем добывать драгоценные камни».*

«И как только мы найдем еще один розовый алмаз, мы сделаем тебе бусы! – ликующим голосом подхватывает «розовый» гном. В его грязно-пепельной бороде застряли крошки хлеба. – *Для твоих бус не хватает еще одного розового алмаза!»*

«Послушайте…» – робко бормочет Светлана, но ее перебивает «синий». У него громадные мешки под глазами и сизый нос с бородавкой.

«Ты не должна никому открывать дверь, Белоснежка», – хрипло предупреждает он, с кряхтеньем вылезая из-за стола. Он плотоядно ухмыляется, поправляя устрашающего вида гвоздодер, который пристроил за поясом. Совершенно некстати Светлана обращает внимание, что со стального бойка инструмента на каменистый пол капает что-то темно-красное. Такие же багровые пятна на узловатых руках гнома, которые похожи на корни старого дерева.

Светлана оглядывается и видит, что и другие гномы перепачканы кровью. Они шумно вылезают из-за стола и, хитро переглядываясь, начинают ее обступать.

«Ты приведешь еще раз к нам такой вкусный ужин, Белоснежка? – вкрадчиво спрашивает «желтый». – *Я никогда не ел столь бесподобно вкусного жаркого!»*

«Зеленый» ставит перед ней миску с дымящимся мясом.

«Тебе тоже надо поесть, – шепчет он, вороша ложкой ломти, плавающие в густом соусе. – *Твой друг очень сочный… Пальчики оближешь…»*

В глазах у Светланы темнеет, глотка, как пересохший

колодец.

(Слава!)

Она трет глаза, пытаясь проснуться, но кошмар продолжается.

Она опускает голову и видит в миске лицо Вячеслава – поджаристую овальную корочку с растрескавшимися губами и аккуратно вырезанными отверстиями, где раньше были глаза и нос…

«Никому не открывай дверь, – шипит «синий». – *Ты знаешь, как заканчивается НАША сказка, Белоснежка. Ты подавишься яблоком и умрешь…»*

«Ты думала, мы куклы?» – хихикает «розовый». Он разевает рот, и Светлана с оторопью видит громадные клыки, с которых сочится слюна.

Она кричит, но все, что вырывается из ее рта, – едва различимый писк, не громче, чем у мыши.

В дверь начитает кто-то стучать – настойчиво и даже злобно.

«О! Весельчак пришел! – радостно восклицает «розовый». – *Опоздал, опоздал!»*

«Седьмой гном», – вспыхивает в мозгу Светланы, и внутри разливается озеро страха.

Скукоженная поджаристая корочка – все, что осталось от лица Вячеслава, – начинает похрустывать и шевелиться, из пустых глазниц, извиваясь, лезут черви.

«Ты убила меня, – раздается в голове печальный голос ее возлюбленного. – *Это из-за тебя меня разорвали на куски и запекли на углях…»*

Рассудок покидает Светлану. Она задыхается, сердце ухает кузнечным молотом, оно готово вот-вот пробить грудину и, выскочив, повиснуть пульсирующим мешочком на влажных от крови трубочках.

Дверь сотрясается от остервенелого стука, затем неожиданно грохот обрывается.

«Белоснежка?» – хихикают снаружи, и спину Светланы обжигает холодом. Она, бесспорно, знает этот голос.

«Откройте, братья. Я голоден. У вас так вкусно пахнет, у меня весь рот заполнился слюнями», – продолжает кривляться тот, что за дверью.

Гномы, суетясь и толкаясь, как дети, чуть ли наперегонки несутся к выходу.

«Не надо, – шепчет обескровленными губами Светлана. – Не открывайте ему… Он пришел за мной…»

Наконец дверь распахивается настежь, и внутрь проскальзывает горбатая черная тень. Перед ней уродец в

развевающемся плаще и колпаке, в его скрюченных руках огромная коса с залитым кровью лезвием.

«Где мой ужин?!» – хрипит чудовище…

…и Светлана в ужасе распахнула глаза.

– О господи, – прошептала она, приподнимаясь на дрожащих локтях. Глаза слезились, и она торопливо вытерла влагу, испуганно моргая.

В голове всколыхнулось, словно течением перевернуло на дне гнилые водоросли:

(Где мой ужин?!)

Она села, тяжело и отрывисто дыша. Клетчатая рубашка взмокла от пота и отвратительно липла к разгоряченной спине.

Светлана бросила взгляд на Вячеслава, который крепко спал, словно работяга, отпахавший две смены подряд без передышки.

«Пока мы дрыхли, с нами можно было делать все, что угодно», – подумала она, и от этого непреложного факта женщине стало не по себе.

– Эх ты, соня, – вздохнула она, вылезая из спальника.

Лоскутья жуткого сна медленно и неохотно выветривались из дальних закоулков сознания, и в какой-то момент Светлана подумала, что упустила из виду важную деталь.

Чрезвычайно важную.

Деталь, касающуюся этих гребанных кукол с их идиотскими колпаками, там, в пещере.

«Я просто еще раз все осмотрю. И тут же вернусь обратно», – решила она.

Страх незаметно отошел в тень, уступая место нервозному упрямству, пронизанному лишь одной безрассудной целью – перевернуть в той пещере все вверх дном, но найти в ней что-либо посущественнее, нежели каких-то уродливых кукол… Какие-нибудь улики или доказательства. Хоть *что-нибудь*.

Внутри палатки было уже сумрачно, и она, нащупав смартфон, включила экран. Замерцал голубоватый овал, быстро высветив фонарик, лежащий у входа. Нож Светлана нашла в изголовье палатки.

«А нужен ли он?» – вдруг подумала она. Чей-то внутренний голос ядовито нашептывал, что, если она все же встретится с бывшим супругом, эта стальная заточенная пластина вряд ли ее спасет. И тем не менее с ножом она будет себя чувствовать куда уверенней, нежели вообще без оружия.

«А как же Слава? – хихикнул кто-то чужой над ухом. – Вдруг Олег сейчас следит за вами? Ты уйдешь, а он провернет твоего парня в фарш, как обещал…»

– Слава, – позвала она, тронув возлюбленного за плечо. Тот что-то невнятно промычал. Светлана погладила его по лбу, провела пальцем по щеке, и Вячеслав открыл глаза.

– Я пройдусь немного. Через двадцать минут вернусь, – предупредила она.

– Куда? Зачем? – хрипловатым со сна голосом заговорил он. Зевнул, оглядываясь. – Дождь закончился?

– Да.

Светлана расстегнула «молнию» на входе, выглянув в прохладу вечера:

– Скоро окончательно стемнеет. Мы проспали почти весь день.

– Не мы, а ты, – поправил ее Вячеслав, снова зевнув. – Я уснул минут десять назад…

– Ладно, жди меня.

– Постой, ты куда?

– Просто пройдусь. Я взяла нож.

– Света!

Она быстро натянула кроссовки, зажгла фонарь и, вдыхая свежий воздух, пружинистым шагом направилась в сторону западного склона. Туда, где располагалась пещера.

– Ты думаешь, я боюсь тебя, урод? – процедила она, поглаживая рукоятку ножа. – Хрена с два! Хочешь со мной встречи – получишь ее!

Вскоре она остановилась у огромного валуна, висящего над входом. Светлане почудилось, что с того самого момента глыба сдвинулась еще больше, и теперь для того, чтобы проникнуть в пещеру, ей пришлось согнуться вдвое.

«Если он там, ты никогда не выйдешь наружу, – вновь зашевелился внутренний голос. – Не испытывай судьбу. Спрячьтесь на самом верху, где деревянный ящик. Оттуда легче защищаться, никто не залезет к вам незамеченным… А с первыми лучами солнца уматывайте. Не испытывай судьбу».

– Пошел к черту, – пропыхтела Светлана, высвечивая себе путь фонариком. Рассекающий густую тьму луч дрожал, как паутина, обдуваемая потоками воздуха.

(Ты думала, мы куклы?)

Вкрадчивый голос «розового» гнома из кошмара воткнулся в измученный мозг ржавой арматурой.

В лицо пахнуло прелой тряпкой, валявшейся у входа. Сдвинув рванье в сторону, Светлана пролезла внутрь.

«Светик… Светлячок…»

Она встрепенулась, широко распахнув глаза.

Голос покойного отца, казалось, прозвучал совсем рядом, в

шаге от нее.

– Все хорошо, – прошептала женщина, поднимаясь на ноги. – Я просто устала… Я не сошла с ума. Я только еще раз посмотрю и…

Она посветила перед собой, едва удержавшись от крика.

Обеденные приборы, аккуратно расставленные перед куклами, были сдвинуты в самый конец стола, миски высились столбиком, поставленные друг на друга. Самих гномов не было, лавки были пусты.

– Как… – только и смогла выговорить она, лихорадочно размахивая фонарем. Вычерчивая по стылым стенам неровные зигзаги, луч, слегка подрагивая, остановился на пластиковых контейнерах, которые были выстланы измятым тряпьем. Гномы мирно «спали» в своих кроватках, их колпаки лежали на скамье, каждый напротив своего хозяина. Светлана машинально отметила, что седьмая «постель» пустовала.

«Ну, что скажешь? – захихикал чей-то мерзкий голос, и ей стало дурно. – Это и есть та маленькая деталь, которую ты хотела уточнить?»

Кто уложил этих уродцев?! Кто убрал посуду?!!

«Кто съел мою кашу и разбил миску?!» – издевательски усмехнулся отвратительный голос.

Шаркая ватными ногами, Светлана приблизилась к другому концу стола и посветила на сгорбленную фигуру, склонившуюся над мерцающим осколком.

«Мачеха-царевна… Зеркало», – в вязком ступоре подумала Светлана.

Она протянула трясущуюся руку, приближая голову куклы к свету. На нее уставилось злобное «лицо» мачехи, обернутое засаленной марлей. Глядя на клочья седых волос, пробивающихся сквозь повязку, на мутно-желтые разводы, покрывающие марлю, Светлана нахмурилась. Что-то здесь было не так. Тревога, засевшая болезненной занозой еще с прошлого посещения этой пещеры, быстро вытеснял животный страх, который расползался по жилам густой патокой.

Зацепив ногтем разлохмаченный край обмотки, она принялась разбинтовывать куклу, слой за слоем. Тут же поплыла кисловато-затхлая вонь, усиливающаяся с каждой секундой.

«Не делай этого, Светлячок», – грустно произнес отец, и она вздрогнула, как от пощечины.

«Я должна, – подала она мысленный ответ, с трудом взяв себя в руки. – Я не знаю, почему ты со мной разговариваешь… но… просто позволь мне закончить дело…»

Обрывки заскорузлой марли с тихим шелестом опустились на

пол, и теперь она с суеверным ужасом смотрела на почернело-усохшее лицо мумии. Перекошенный рот с задранными как у разъяренной собаки губами разинут до предела, будто при жизни человеку раздвинули челюсть распоркой. Виднелись зубы, потемневшие и неровные, среди которых нижний жевательный тускло блестел золотом… Закостеневшая голова «царевны» была нанизана на палку, словно вишенка на зубочистку.

Нервы Светланы не выдержали, и она с криком выронила страшную куклу. От удара об бугристо-каменный пол голова отвалилась. Будто мячик, она отскочила в сторону, вяло колыхнулись седые космы.

Пятясь назад, она уперлась ногами в лавку, едва не упав.

– Твою налево, – хрипло вырвалось у нее.

«Мы живые», – шепнул кто-то рядом с ухом, и Светлана до крови прикусила губу. Пронизанный паникой взор уткнулся в аккуратный ряд «кроваток», в которых безмятежно спали гномы.

– Вы не живые, – прошелестела она. Она села на лавку, зажала коленями фонарь и, наклонившись над ближайшей фигуркой, принялась торопливо сдирать с него бинты. – Вы мертвые!..

Последний лоскут затрещал под ее пальцами, и на Светлану глянуло миниатюрное сморщенное лицо. Зубки белые, крошечные, как крупинки фарфора. Нос отсутствовал, вместо него зияла глубокая дыра, в глазницах мерцали прозрачные шарики из голубого стекла. Точно такого же цвета, как платье гнома.

«О боже… ребенок…»

Осознание ошеломляюще дикой правды резануло, словно бритвой.

– Черт, черт…

Руки машинально потянулись за следующим гномом.

«Пусть там ничего не будет, – мысленно взмолилась она. – Картон, пластмасса, что угодно!»

«Никакой пластмассы, – с усмешкой произнес чужой голос. – Их убили. Шесть детей и одна женщина. Вот так. Ты удовлетворила свое любопытство?»

После третьего гнома ее начало колотить, словно наркомана во время жесточайшей ломки, к горлу подкатила желчная тошнота. Дрожащими руками Светлана положила куклу на место и, выпрямившись, нетвердой походкой двинулась к выходу.

«Они все мертвы, – беззвучно шептали ее губы. – Они мертвы».

Словно в тумане, она, извиваясь по колючей щебенке, выползла наружу.

Солнце уже давно село, и мглистые сумерки накрыли утес тяжелым покрывалом.

– Я не останусь тут ни на секунду, – прошептала Светлана. – Я…

Она умолкла, со страхом вглядываясь в темнеющий впереди силуэт.

– Слава? – хрипло позвала она.

Сделав над собой неимоверное усилие, Светлана шагнула вперед. Затем еще шаг. С губ сорвался вздох облегчения – то, что показалось ей замершим мужчиной, оказалось высоким камнем.

«Я схожу с ума».

Она потрогала лоб, и у нее возникло ощущение, что она коснулась печки.

Может, она заболела?

«Не надо, Светлячок…»

У женщины возникло чувство, что кто-то с силой окунул ее голову в прорубь.

Снова отец.

«Впервые за все время папа дал о себе знать», – скользнула у нее мысль, и это напугало ее.

– В пещере трупы, – с трудом выговаривая слова, произнесла она. – Я… мы должны сообщить… позвонить в полицию…

«Вы разобьетесь».

– Просто нужно попробовать! – не сдержавшись, крикнула она, на мгновение испытав ярость к давно умершему отцу. – Почему ты та…

Закончить мысль Светлана не успела – этому помешал отдаленный крик, преисполненный болью и животным страхом.

Лицо женщины покрылось пепельной бледностью.

Кричал Слава.

Несколько ужасных секунд она стояла в полнейшей неподвижности, мысленно убеждая себя в том, что крик ей просто померещился. Немудрено после того, что ей пришлось увидеть в пещере!

Но истошный вопль Вячеслава снова разорвал сгущающиеся сумерки, и Светлана резко дернулась, как автомобиль, который завели путем замыкания стартера напрямую. Прохладные пальцы обхватили рукоять туристического ножа, и она, спотыкаясь на каждом шагу, поспешила на крик. Светлана не обратила внимания на смартфон, валявшийся у ее ног – он выпал из заднего кармана ее походных брюк, когда она вылезала из пещеры.

«Пусть все это окажется сном. Пусть все это окажется сном», – безостановочно вертелось в ее голове.

Крик повторился в третий раз, на этот раз короткий и едва различимый.

«Поднажми, дорогая, – ухмыльнулся уже знакомый отвратительный голос. – Ты можешь не успеть…»

Правая нога Светланы зацепилась за выступ, и она, взмахнув руками, растянулась на камнях. Колено обдало жгучим пламенем, но она тут же вскочила на ноги и, прихрамывая, возобновила движение. Спустя минуту тропа вывела ее на пологую площадку, где был разбит их скромный лагерь, и женщина остановилась, пытаясь унять дыхание.

Палатка была развалена, каркасные дуги согнуты, тент из полиэстера искромсан в клочья. Рюкзаки сиротливо притулились в стороне, словно ожидая, что их сию же минуту вскинут на плечи и унесут прочь из этого негостеприимного места.

Вячеслава нигде не было.

На негнущихся ногах Светлана приблизилась к истерзанным останкам палатки.

– Слава? – тихо проговорила она, со страхом глядя на темно-красные кляксы, которые сплошь и рядом влажнели на лохмотьях тента.

Кровь.

«Конечно, кровь, милочка! – визгливо засмеялся голос. – А ты что, надеялась, что твой парень разлил томатный сок?»

Она стояла, закусив губу и пытаясь уловить хоть какой-то звук, но до слуха женщины доносились лишь оголтелый стук собственного сердца и шелест ветра.

Посветив фонариком, Светлана заметила несколько алых капель на стылых камнях. Сделав несколько шагов, она убедилась, что следы ведут в сторону каменной насыпи.

Туда, где находился гроб.

Прошла три десятка метров, рука дрогнула – она едва не вступила ногой в расплывшуюся лужу крови. Очевидно, тот, кто волочил Вячеслава, остановился передохнуть и потом вновь продолжил путь.

«Слава уже наверняка мертв».

От этого предположения сердце Светланы будто стиснули ледяные пальцы. Стиснули так, что у нее перехватило дыхание, закрывая доступ кислорода к мозгу.

Наконец она приблизилась вплотную к насыпи. Заметив очередную лужицу крови, Светлана стиснула зубы.

«Светлячок… Не надо», – прошептал над ухом отец, и она едва не взвизгнула от неожиданности.

«Может, и правда, не надо? Славу скорее всего уже убили, –

пронеслось у нее в голове. – Я буду следующей, если полезу наверх…»

Пока она лихорадочно размышляла, до онемения в суставах сжимая нож, сверху неожиданно послышались какие-то звуки.

Светлана затаила дыхание, прислушиваясь. Спустя мгновение глаза ее округлились в изумлении.

«Это невозможно!»

Там, на самом пике Утеса Снов, играла музыка.

Она вновь перевела взор на застывающее озерцо крови. Оно уже начало затягиваться матовой пленочкой.

«Твой бывший муж сейчас наверняка режет твоего парня на куски, – вкрадчиво заговорил внутренний голос. – Готовит из него тефтель… И делает это под музыку… А ты стоишь и таращишься на кровь… На кровь своего любимого!»

– Заткнись, – хрипло прошептала Светлана и, мысленно помолившись, принялась взбираться наверх.

И с каждым шагом музыка становилась громче.

«Это ловушка, папа?» – отчаянно хватаясь за выступы, спросила она.

Отец хранил молчание.

«…И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду… – неожиданно услышала она мягкий и размеренный мужской голос. – *Белоснежка за это время подросла и становилась все красивей, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивее самой королевы…»*

Светлана прижалась к холодному камню, мысленно призывая сохранить остатки самообладания, которое покидало ее капля за каплей.

«Сказка, милая. Всего лишь сказка про Белоснежку».

Голос, звучащий в ее голове, напоминал шорох битых стекол в ведре.

«…Вы, госпожа королева, красивы собой… Все же Белоснежка в тысячу крат выше красой!» – как ни в чем не бывало продолжало доноситься сверху.

– Слава! – закричала она, прежде чем подумала, что этим воплем выдаст себя.

«…Тогда подозвала она одного из своих егерей и сказала:

«Отнеси ребенка в лес, я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень…»

– К черту, – прошептала Светлана, продолжив карабкаться.

Меньше чем через минуту она была на вершине. Медленно выпрямилась, устремив луч фонаря в сторону льющегося голоса. Пятно света замерло на скособоченной темной фигурке высотой

не более метра, которая стояла рядом с черным ящиком. На этот раз брезент с него был снят, как и крышка.

Облизнув пересохшие губы, Светлана сделала шаг вперед.

«…На ту пору как раз подбежал молодой олень, и заколол его егерь, вынул у него легкие и печень и принес их королеве в знак того, что приказание ее исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Белоснежки…» – продолжал повествование незнакомый голос.

– Слава? – хрипло позвала она. Рука, сжимающая фонарь, дрожала так, что луч вилял из стороны в сторону, словно она на большой скорости неслась по бездорожью.

Она уже видела, что перед ней седьмой гном. Небрежно замотанный в черное тряпье, с грязным, изжеванно-пыльным колпаком, болтающимся, как заскорузлый чулок, он был похож на старую ворону. Кукла была повернута к женщине спиной, и она приблизилась к ней еще на один шаг. Ноздри уловили тошнотворный запах разложения.

«…А в избушке той все было таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать… Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, у каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилочек и семь маленьких кубков. Стояли у стены семь маленьких кроваток, одна возле другой, и покрыты они были белоснежными покрывалами…»

Подойдя к гному вплотную, Светлана толкнула его ногой. Взметнулся грязный колпак, и кукла, не удержавшись, нелепо завалилась на бок. Блеснул экран телефона, который с помощью шнурка висел на «руке» карлика, и Светлана поняла, что именно из динамика гаджета доносилась сказка.

Опустившись на корточки, она, преодолевая страх, ледяным обручем сдавливающим грудную клетку, развернула гнома к себе «лицом». Перед глазами мелькнули рыхлые клочья гнилой плоти. На подбородке кое-где остались островки кожи, на которой щетинились темные волоски.

На деревяшку была насажена чья-то голова с небрежно вырезанным лицом.

Крик рвался наружу, как обезумевшая от плена птица из клетки, но легкие выдавили лишь сиплый хрип.

«…Тут сбежались и остальные и стали говорить:

«И в моей тоже кто-то лежал!» Глянул седьмой гном на свою постель, видит – лежит в ней Белоснежка и спит. Позвал он тогда остальных, прибежали они, стали кричать от удивления, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку…»

За спиной послышался шорох, но Светлана была настолько объята ужасом, что ее мозг не сразу распознал соответствующий сигнал, поданный органами слуха.

«Это не Слава».

Зажмурившись на мгновение, она вновь открыла глаза и с усилием стащила колпак с облезлой головы. Обнажился плешивый череп с отслаивающимися клочьями кожи.

«…И осталась она у них. Белоснежка содержала избушку в порядке, утром гномы уходили в горы искать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им еду. Целый день девочка оставалась одна, и потому добрые гномы ее предостерегали и говорили:

«Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь, смотри, никого не впускай в дом…»

Светлана с трудом поднялась на ноги, охнув от стрельнувшей боли в ушибленной коленке. Она не видела, как за валуном появились две крепкие руки, вцепившись в каменный выступ. Спустя мгновенье наружу выглянула голова. Посыпался щебень, человек тихо хихикнул, и наконец Светлана очнулась. Испуганно развернувшись, она широко раскрытыми глазами смотрела на нечто жуткое, притаившееся за валуном. В какое-то безумное мгновение ей показалось, что эта та самая мертвая женщина, чей труп почти сорок лет назад увидел на Эвересте ее отец. Лезет, чтобы забрать ее с собой в ущелье.

– Привет, – прошелестело в холодном воздухе, и она почувствовала, как по внутренним сторонам бедер потекли горячие струйки мочи.

На нее смотрел Олег. Помятое лицо неестественно бледное, будто восковая маска, забрызганная кровью, сквозь синюшные губы высунулся кончик языка.

– Зачем ты меня убила, Светик? – хрипло прошептал он, начиная медленно вылезать из-за глыбы. Показалось его тело, крепкое и мускулистое, при этом совершенно обнаженное. На плечах и накачанной груди блестели капли крови.

Светлана завороженно уставилась на мужчину.

«Это какое-то безумие».

Перед ней стояло существо с лицом ее бывшего мужа и телом Вячеслава.

– Не… не подходи, – пискнула она, дрожащей рукой выставляя перед собой нож.

Олег-Вячеслав усмехнулся.

– Видела бы ты себя со стороны, детка.

Он поднял руку, с тихим хрустом отдирая мертвое лицо. К разлохмаченно-блеклой коже пристало несколько светлых

полосок.

– Отличная вещь – двусторонний пластырь, – ухмыльнулся Вячеслав. Он скомкал лицо Олега и швырнул его с утеса, словно грязную тряпку.

Светлана шагнула назад. Она не сводила потрясенного взора с раздетого Вячеслава, отчасти ловя себя на мысли, что выглядит кроликом, на которого вот-вот кинется удав. Она хотела заорать, что Слава до смерти напугал ее. Она хотела влепить ему пощечину и бросить в лицо, что отныне они свободны друг от друга. Она хотела…

Ее взор сместился ниже, на руку Вячеслава, которой он сжимал гвоздодер, и весь ее пыл куда-то улетучился.

«…Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

«Здравствуй, добрая женщина, что же ты продаешь?»

«Хорошие товары, прекрасные товары, – ответила та, – шнурки разноцветные…» И достала королева один из шнурков, показала, и был он сплетен из пестрого шелка…»

«Он сам убил Олега», – кольнула мысль, и теперь пробудившийся инстинкт самосохранения звенел во все колокола, призывая ее к немедленному бегству.

– Я прямо кожей ощущаю, как продвигается твой мыслительный процесс, – хихикнул Вячеслав, с любопытством наблюдая за женщиной. – Как будто пара доходяг пытается товарный поезд толкать… Я надеюсь, теперь ты въехала, кто у нас тут в роли Белоснежки?

– Слава…

– Это ты, чудесная моя, – не дал ей договорить он. – А я – принц. Точнее, Королевич. Правда, без штанов, но уж какой есть. Я так намного лучше себя чувствую, поверь.

Многозначительно улыбнувшись, Вячеслав добавил, указывая на черный ящик:

– Я думаю, мы немного сократим сказку. Пропустим момент с яблоком, дорогая. Так что ложись в гроб. Извини, что не стеклянный. Согласись, что на этот долбаный утес притащить в одиночку гроб из стекла просто нереально. Пришлось довольствоваться деревянным. Полагаю, твое самолюбие не будет уязвлено?

– Ты сошел с ума, – наконец разлепила губы Светлана. – Стой, где стоишь.

– Кстати, тебе понравился седьмой гном? – поинтересовался Вячеслав, подмигивая ей. – Я сделал его из твоего бывшего мужа. Думаю, отлично получилось. Ну так что? Ляжешь сама или тебе помочь?

Он медленно надвигался прямо на нее, и Светлана

попятилась назад. Единственная тропа, по которой можно было залезть на вершину, была за спиной Вячеслава. И она отдавала себе отчет, что может разбиться об камни, если попытается слезть вниз другим путем. Тем более в сгущавшихся сумерках.

– Убери нож, детка, – промурлыкал Вячеслав, небрежно помахивая гвоздодером. – Иди ко мне. У тебя такая нежная кожа… Как снег. Волосы – черные, как эбеновое дерево…

Она сделала еще шаг назад и, обернувшись, увидела, что до обрыва остается не более двух метров. Или прыгать вниз, что равносильно серьезным травмам, если не летальному исходу. Или принять бой.

Она повернулась к Вячеславу, и в это же мгновение тот коброй метнулся к ней.

Светлана завизжала, взмахнув ножом. Лезвие скользнуло по его левому плечу, но Вячеслав лишь расхохотался. Короткий удар кулаком в голову, и она провалилась в зыбкую пустоту.

– …а губы – как кровь, – закончил он и злобно захихикал.

* * *

Голова вибрировала от стреляющей боли, которая, набухая, раскаленно-тягучим оловом плавила мозг и выжигала стенки черепа. В дремлющем сознании редкими вспышками мелькали черно-белые кадры – потертые, в изломах и царапинах, как старые фотографии. Вот она рожает Никиту… Он идет в сад… Готовится представление, посвященное Новому году… Никита волнуется – ведь он сам будет участвовать в спектакле! Играет музыка, к стенам прикленны поздравительные плакаты и десятки воздушных шаров… Увешанная блестящей мишурой высоченная елка переливается калейдоскопом праздничных огней. Светлана с улыбкой смотрит на сына. Тот стоит к ней спиной. Она зовет его по имени, и Никита хрипло смеется. Улыбка на ее губах меркнет, от нее остается лишь тень. А когда Никита разворачивается к ней лицом, она кричит не своим голосом.

Перед ней Вячеслав. Шестилетний ребенок с головой психопата, непропорционально громадной, которая слегка покачивается на тоненькой шейке ее сына, будто подсолнух на надломленном стебле. Лицо Вячеслава забрызгано каплями крови, рот растянут в яростной ухмылке, губы блестят от слюны.

«Белоснежка», – шепчет маньяк, и она захлебывается в отчаянном вопле.

– …Белоснежка…

Веки разлепились с неимоверным трудом, и Светлана почему-

то подумала о бабочке, случайно попавшей под ливень. Крылья летающего насекомого тяжелые от воды, и она больше не может летать. Красивое и изящное создание обречено.

«Он убьет меня».

Эта паническая мысль подействовала как холодный душ, и Светлана, застонав, окончательно открыла глаза. Тут же почувствовала колючий ветер, трепавший ее распущенные волосы. Только сейчас ей стало понятно, что она сидит на голых камнях, связанная и полностью раздетая. Спиной она упиралась во что-то твердое и плоское, напоминающее доску.

«Гроб», – шевельнулось в голове, и ее охватил суеверный ужас.

– Очень хорошо, – услышала она над собой знакомый до тошноты голос. Светлана заерзала, нежную кожу ягодиц неприятно царапали крошки щебня.

Вячеслав сел перед ней, сложив мускулистые ноги по-турецки. Он, как и она, все так же был обнажен, но судя по всему, не испытывал никаких неудобств, невзирая на ночной холод и пронизывающий ветер.

– Привет, Белоснежка, – кивнул он, дурашливо улыбаясь.

– Ты… – начала Светлана, лихорадочно соображая о выходе из сложившегося положения. – Ты все специально подстроил?

Снова утвердительный кивок.

– Я не сомневаюсь, ты оценила по достоинству все декорации, детка, – самодовольно заявил Вячеслав. – Более того, заметь, как я изящно подвел тебя к мысли о поездке именно *сюда*. Ты была совершенно убеждена, что идея отправиться на Утес Снов – твоя. Я закинул тебе наживку, и ты заглотила крючок, как глупый карась. Тебе и в голову не пришло, что каждый год я ставлю здесь спектакли. Не так часто, как того бы хотелось, но это уже четвертый.

Светлана ощутила, как пупырчатые щупальца страха медленно поползли по ее стремительно мерзнущему телу.

«Четвертый?.. Что это значит?!» – холодея, подумала она.

Пленница прикрыла глаза, стараясь не выдать захлестнувшую ее панику. Ее руки непроизвольно шевельнулись, словно осторожно пробуя, насколько крепко стянуты ее запястья. Судя по всему, это липкая лента.

«Он блефует, – мысленно произнесла Светлана. – Он знает, что о нем известно моим друзьям. Нас видели с рюкзаками… Он не станет так рисковать!»

«Он сумасшедший, – мягко возразил внутренний голос. – Не пытайся понять логику психа. Она непредсказуема».

– Я хочу пить, Слава, – хрипловатым голосом проговорила

она. – И мне холодно.

Вячеслав покачал головой.

– Во-первых, я не Слава, а Королевич. Мы же в сказке, ты разве не поняла?

– Поняла, – покорно сказала Светлана.

– А во-вторых, воды тебе не положено. Сказка близится к завершению, моя чудесная девочка. Отставим в сторону злую мачеху и это дурацкое яблоко, из-за которого ты должна насмерть подавиться. Тебя осталось только похоронить. А потом я тебя типа найду, и будет между нами любовь-морковь.

– Ты убил Олега! – непроизвольно вырвалось у нее.

Вячеслав закатил глаза. У него был вид учителя, который, ведя урок, был вынужден отвечать на глупые и неуместные вопросы чрезмерно любопытного ученика.

– Тебя это так сильно волнует, Белоснежка?

– Эсэмэс, – произнесла Светлана. – Это ты писал угрозы? Как только мы сошли с канатной дороги?

– Ты необыкновенно проницательна. Это было совсем не сложно. Левая сим-карта, отсутствие твоего внимания – и все дела. Признаюсь, я был поражен твоей выдержкой. Мне казалось, ты мне сразу все выложишь. Представляю, что происходило в твоей головке, когда тебе поступили эти сообщения. К слову, в Интернете я тоже общался с тобой от имени твоего бывшего супруга. Я просто создал копию страницы Олега, делов-то. А за три дня до поездки на Утес Снова я наведался к нему в гости в Каширу. Помнишь, меня не было целый день? Я говорил тебе, что у меня кое-какие заморочки с налоговой…

Светлана чуть заметно качнула головой.

Лицо Вячеслава неожиданно побагровело.

– Не тряси свой тупой башкой, гребаная стерва, – прошипел он, наклоняясь к оторопевшей Светлане вплотную. Он посветил ей в глаза фонарем, и она зажмурилась, не выдержав слепящего луча.

– Скажи «да» или «нет», Белоснежка, – сурово приказал Вячеслав. – Или я засуну в твою манду булыжник. Будем считать это свадебным подарком.

– Да, Сла… Королевич.

Черты лица психопата выровнялись, и на его губах заиграла обворожительная улыбка. Улыбка, от которой еще позавчера она млела, желая поскорее оказаться в объятиях ее обладателя.

– Ты задала вопрос, и я начал тебе отвечать. Так что теперь слушай внимательно, милая. Хорошо? – послышался голос Вячеслава.

– Хорошо, – послушно ответила женщина.

«Как скоро меня хватятся?» – неожиданно подумала она, с тоской вглядываясь в беспросветную тьму. Там, всего лишь в шести километрах отсюда, начинаются первые признаки цивилизации. Канатка. Наверняка там есть какая-нибудь тревожная кнопка… А утром, с 9 утра начало работы передвижных кабинок! Там *люди*.

А здесь – съехавший с катушек шизофреник, который помешался на сказке Братьев Гримм…

«Я обещала Никите забрать его от сестры через неделю, – вспомнила она. – Если я не буду выходить на связь, он сам начнет звонить… Но что это изменит?! Я даже толком не сообщила, куда отправляюсь!»

– …тело скинул в озеро… – непринужденно болтал тем временем Вячеслав. У него было такое умиротворенное выражение лица, как если бы он обсуждал с ней только что просмотренный фильм. – Твой Олег почти не сопротивлялся. Голову я отпилил ножовкой… Сделал надрезы на сосудах и венах, максимально ее обескровив, потом сунул в герметичный контейнер со спиртом. Поэтому мой рюкзак показался тебе таким тяжелым, хе-хе! Тебе даже не пришло в голову, что в путешествие мы отправились на машине, а не самолете, хотя по воздуху мы бы здорово сэкономили время. Но самолетом лететь было нельзя – сканер в аэропорту зафиксировал бы мой очаровательный сюрприз для тебя. А ведь эффектно получилось, правда? Ты спала со мной в палатке, не подозревая, что в полуметре от тебя покоится голова твоего бывшего мужа. С выпученными глазами и высунутым языком… Кстати, у меня с собой была бутылка с искусственной кровью. Не стану же я резать себя по-настоящему… Ну а пока ты лазила по моим укромным уголкам в пещере, я быстро снял лицо с твоего Олега, развалил палатку и двинулся на верхушку скалы. Остальное ты знаешь. Как тебе мои очаровательные гномики, кстати? Правда, произведение искусства?

Память Светланы незамедлительно, как отпечатанный лист из принтера, выдала четкую картинку – страшные куклы в виде крестов, верхние части которых увенчаны отрезанными головами.

– Признайся, ты ведь ковырялась в них? – допытывался Вячеслав. – Я вижу это по твоему лицу. Не лги своему Королевичу, Белоснежка. Помни про камень в своей влажной «киске».

– Они мертвые. Мертвые дети, – глухо произнесла Светлана.

Лицо «Королевича» приняло выражение незаслуженно обиженного человека.

– Они были уже мертвыми, моя радость. Материал для нашей

сказки я брал с деревенских кладбищ, преимущественно с неухоженных могил. Так что вряд ли родители этих бедняжек в курсе, что их детки принимают участие в нашей замечательной сказке… Наверное, они даже порадовались бы за своих малышей, что их головкам нашлось такое полезное и шедевральное применение…

С этими словами Вячеслав потянулся в сторону, придвинув к себе уродца в черном колпаке. Снова потянуло тяжелым смрадом разложения. Светлана старалась глядеть куда угодно, лишь не на кошмарного седьмого гнома, но эта укутанная тряпьем крестообразная коряга с тухлой головой ее бывшего мужа притягивала взор женщины как магнит. Даже в потемках она видела рыхлое мясо и обрывки мышц, болтающиеся гнилой бахромой. В пустые глазницы были втиснуты шарики из темного стекла. Они тускло мерцали в лунном свете, равнодушно глядя на Светлану своим мертвым взором.

– Посмотри, какой он красавец, – с неприкрытым восхищением проговорил Вячеслав. Глаза его загорелись, как у ребенка, наконец-то получившего в подарок долгожданную игрушку. – Он будет охранять тебя, Белоснежка!

– Охранять, – машинально повторила Светлана.

– Конечно, охранять, – с сияющим лицом подтвердил «Королевич». – Ты ведь помнишь сказку? Когда Белоснежка умерла, один из гномов сторожил ее покой…

Но Светлана уже едва слушала его. Она искоса смотрела на свои стройные ноги, которые так беззащитно белели в темноте. Странно, почему Вячеслав не связал их. А что, если…

Один резкий, внезапный удар по незащищенным яйцам этого отмороженного ублюдка, и у нее появится шанс. Слабый и призрачный, но все же… Эх, жаль руки связаны, да еще и на спиной!

Она подняла глаза, побледнев. Холодно улыбаясь, Вячеслав изучающе глядел на нее, чуть наклонив голову, и лоб Светланы покрылся испариной.

– О чем ты думаешь, роднуля? – полюбопытствовал он мурлыкающим голосом.

«У этого безумца невероятно развита интуиция», – со страхом подумала она. Женщине пришлось приложить невероятные усилия, чтобы заставить себя выдавить ответную улыбку.

– Твои губки красные, как кровь, – нараспев заговорил Вячеслав, не сводя с нее сверлящего взгляда. Светлане почудилось, что в нее уставились два ствола, от которых тянет гарью и кровью.

– Твои губки улыбаются, Белоснежка, – вкрадчиво продолжил

«Королевич». – Но в твоих красивых глазах – паника и смятение. Твой мозг перегружен мыслями, как старенький комп, зависающий от нескончаемый череды команд. Мне бы не хотелось портить нашу Сказку, моя чудесная принцесса. Не заставляй меня причинять тебе боль. Мы договорились?

– Послушай, Слава. Пожа…

Закончить ей не удалось – с молниеносной скоростью он перегнулся вперед и с размахом отвесил ей тяжелую оплеуху. Удар был такой силы, что голова Светланы мотнулась назад, как боксерская груша на пружине. Перед глазами ошеломленной женщины взорвался сноп обжигающих искр, губы и нос пронзила хлесткая боль, и рот мгновенно наполнился кровью.

– Я Королевич, а не какой-то блядский Слава. Ты меня с кем-то путаешь, Белоснежка, – нежно промолвил Вячеслав, отстраняясь назад. В его взгляде не было ни злобы, ни ярости, лишь холодное спокойствие. И это пугало Светлану больше всего.

– Ты… ты…

Безудержно кашляя и захлебываясь кровью, она не могла выговорить и слова.

– В следующий раз я ударю тебя молотком, – все так же мягко пообещал Вячеслав. Подняв седьмого гнома, он вытянул его вперед, едва не тыча изуродованной головой в лицо Светланы.

– Хочешь, я положу вас в гроб вместе? А сторожить поставлю Ворчуна. Или еще кого? У меня целых шесть штук в пещере, детка.

– Нет, пожалуйста… – всхлипнула она, глотая кровь, которая продолжала сочиться из разбитых губ и обеих ноздрей.

– Ну ладно, успокойся, – улыбнулся он. – Посмотри на меня, Белоснежка. Пожалуйста.

Светлана опасливо приподняла глаза. Если до этого у нее были какие-то мысли насчет сопротивления, но жесткая пощечина в прямом смысле выбила у нее почву из-под ног, раздавив волю, как подошва ботинка перезрелую сливу. Она тяжело дышала, то и дело сплевывая сгустки крови, попавшие в рот.

– Извини… Королевич, – булькающим голосом выговорила она.

Вячеслав удовлетворенно хлопнул в ладоши.

– Ты быстро учишься, девочка.

Он посветил фонарем себе в лицо снизу, приложив к подбородку. Застывшая ухмылка, бледная кожа, покрытая засохшими каплями фальшивой крови, темные тени на глазах делали его похожим на ожившего мертвеца, который минуту назад выполз из преисподней.

– Неужели ты меня совсем не узнаешь? – хрипло спросил он. – Ведь прошло не так много времени, Белоснежка.

Светлана моргнула, пытаясь унять со свистом вырывающееся дыхание.

«О боже… Неужели мы встречались раньше?!»

Вячеслав прижал указательный палец к губам и направил луч фонаря на нее:

– Тссс… Можешь ничего не говорить. Даже если скажешь, мол, я тебя узнала – не поверю. Твои глаза говорят сами за себя. Ты забыла меня напрочь и сейчас напрасно рыщешь по своим пыльным складам своей памяти, на которых у тебя хранятся знаковые события всей жизни… Поэтому расслабься и послушай одну занимательную историю.

С этими словами он поднялся на ноги и придвинул гнома к Светлане. Прелые лохмотья зловонной куклы коснулись ее покрытой мурашками кожи, и она вздрогнула.

– Вы будете вместе слушать, хорошо? – прибавил Вячеслав.

«Как будто у меня есть выбор», – угрюмо подумала она. Вонь от ободранной головы Олега сводила с ума, щипая глаза и заставляя желудок сворачиваться в тугой узел, и ей стоило громадного труда подавить тошноту.

– В одну из московских школ ходил один мальчик. Обычный, скромный мальчик, которых тысячи по стране, – начал Вячеслав. Он стоял в паре метрах от Светланы, и его мужское хозяйство, обрамленное курчавыми волосами, бесстыдно болталось прямо на уровне глаз пленницы, будто насмехаясь над ее неприглядным положением.

Она глубоко вздохнула. Если еще день назад она с наслаждением бы ощутила этот член внутри себя, то теперь ничто не принесло бы ей такого удовольствия, как взять в руки секатор и кастрировать урода с напрочь сорванным «чердаком». Кастрировать под самый корень, чтобы струя крови из дырки била тугим фонтаном.

– …нравилась одна девочка. Но вот незадача – он учился в первом классе. А она – в седьмом. Поэтому он стеснялся к ней даже подойти, не то что заговорить. Хотя в свои семь лет мальчик выглядел почти как подросток. Итак, близился Новый год, и первые классы вовсю готовились к представлениям. Тот класс, где учился мальчик, должен был ставить спектакль «Белоснежка и семь гномов». Этому пареньку дали роль Королевича. Хотя сначала ему предлагали быть гномом, он очень просил учительницу быть тем, кто спасет Белоснежку… Королевичем. Он хотел выглядеть красивым и мужественным на сцене. А втайне он мечтал, чтобы на этом спектакле присутствовала та самая

девушка из старших классов.

Вячеслав потер пробивающуюся щетину на скуле и возобновил повествование:

– На мальчике был надет блестящий зеленый камзол, высокие сапоги и шапка с пером, как у Робин Гуда. У него даже был игрушечный меч в ножнах, хотя в сказке никакого оружия у Королевича не было. Все представление мальчик, спрятавшись за занавесом, следил за зрителями. И в какой-то момент сердце паренька учащенно забилось – он увидел свою возлюбленную. Она сидела на втором ряду, прямо в центре зала… Правда, он был немного обескуражен, потому что девушка не выказывала особого интереса к спектаклю – она зевала, рассматривала ногти и перешучивалась с подругами. Похоже, ей было просто скучно, и, если бы не учителя, стоявшие у стенки, как надзиратели, она давно ушла бы по своим делам…

«Ничего. Это все потому, что она пока не видела *меня*», – успокаивал себя первоклассник.

Наконец наступил его выход. Мальчик, то есть Королевич, поговорил с гномами, и те разрешили забрать Белоснежку. Конечно, никакого гроба на представлении не было. И никакого яблока тоже. Королевич должен был просто поцеловать ее, как в сказке «Семь богатырей», а она после этого – спрыгнуть со сдвинутых стульев и обнять его… И вот он, самый напряженный момент. Мальчик, трясясь от волнения, наклонился над Белоснежкой, которую, к слову, играла нескладная девчонка с носом-картошкой. Но прежде чем губы Королевича коснулись щеки Белоснежки (целовать в губы ту, которую он не любит, мальчик постеснялся), она неожиданно открыла глаза и, клацнув зубами, тихо сказала:

«Гав».

Вячеслав умолк. Он стоял, с задумчивым видом глядя на раскинувшуюся вдали гряду гор, бескрайних и вечных, как само время.

– Этот чертов «гав» слышали только они оба – Королевич и Белоснежка. Как потом выяснилось, сучка с носом-картошкой просто пошутила. Но мальчик был так растерян и даже шокирован, что от неожиданности намочил свои нарядные королевские брюки. Они были телесно-бежевого цвета, и расплывающееся пятно мочи стало тут же видно всем. Всем, кто сидел в зале. Мальчик густо покраснел и закрыл его руками. Но было поздно.

Вячеслав повернул голову в сторону замершей Светланы.

– Зал грохнул от смеха, – тихо сказал он. – Но самая первая засмеялась девушка. Именно та, ради которой Королевич был

готов на все. Она смеялась, а он изо всех сил сдерживался, чтобы не разреветься. Потом он, спотыкаясь, убежал за кулисы. Спектакль про Белоснежку был окончен. И эту ночь мальчик не спал, скрипя зубами от бессилия и обиды.

Светлана боялась встречаться с ним взглядом. Сгорбившись и поджав колени, она опустила голову. Ее обнаженное тело сотрясала мелкая дрожь, только теперь ее трясло не от холода.

Неслышно ступая босыми ступнями, Вячеслав приблизился к ней вплотную.

– Прекрасное изобретение – Интернет, – ласково проворковал он. «Королевич» наклонился над головой Светланы, и она макушкой почувствовала его горячее дыхание.

– Особенно – социальные сети, – продолжил Вячеслав. – Найти тебя, солнышко, не составило особого труда. Я узнал твою фамилию и где ты живешь. Все остальное – дело техники и немного терпения. Ту самую мандавошку, что решила изобразить собачку и напугала меня в самый ответственный момент, я привел сюда самую первую. Пару лет назад. Потренировался, так сказать, «на кошечках». Представляешь, эта дурочка даже не узнала меня, когда я выцепил ее на сайте знакомств. Ведь я проучился в той школе всего полтора года, и она быстро обо мне забыла, когда я перевелся в другую. Но я *ничего* не забыл, и мы играли в Сказку почти целую неделю. Как ты понимаешь, эта тупая курица больше не гавкала. Она только плакала и визжала, при этом умоляя ее отпустить.

Неожиданно Светлана испытала невыносимую усталость. Эта усталость, словно заплесневелое одеяло, на мгновение перекрыло даже все остальное – колкий холод, змеящийся по венам страх… боль в онемевших запястьях, туго стянутых скотчем… жжение в ягодицах, в чью мягкую кожу нещадно впивалась острая крошка…

– Ты меня убьешь? – совершенно спокойно поинтересовалась она.

Вячеслав поджал губы. Казалось, вопрос женщины поставил его в тупик, и до этого мысль разделаться с ней как-то совершенно не приходила ему в голову.

– Все зависит от тебя, – наконец промолвил «Королевич». Он неторопливо поднял седьмого гнома, с ледяной улыбкой разглядывая рыхлое месиво вместо лица. Гнилостные выделения постепенно пропитывали черные тряпки, в которое был закутан жуткий герой сказки. Стекая по крестообразной подставке, мутная жижа капала на камни.

Вячеслав приблизил гнома к своему лицу и, к непередаваемому отвращению Светланы, глубоко вдохнул зловоние, которое густыми волнами источала голова.

Желчь хлынула в глотку, как под бешеным напором насоса, и ее вырвало. Отдающие кислятиной темно-желтые струйки поползли по ее груди, скапливась на аккуратно выбритом лобке.

– Я же говорил, что спектакли здесь происходят регулярно, – сказал Вячеслав, словно ничего не случилось. – Это – четвертое представление. Но не думай, что я какой-нибудь садист или зверь, Белоснежка. Никого из них Королевич не пытал. Живые тела ему неинтересны, ему нравятся мертвые. Он просто оставлял их в гробу, и девушки сами отправлялись на небеса. Когда наступала ночь, Королевич приходил к своей очередной Белоснежке. После бурной ночи любви Белоснежка бережно убиралась обратно в свой деревянный дом, то есть гроб, а усталый, но удовлетворенный Королевич отправлялся спать… Между прочим, если бы ты была внимательна, ты обратила бы внимание на царапины, которыми сплошь покрыт гроб изнутри – это следы от ногтей чудесных принцесс… Да, о чем я? Гм… Королевич… Белоснежка… точнее, несколько Белоснежек… Ах, ну да. Со временем их тела начинало раздувать от трупных газов, и Королевич делал надрезы, чтобы его очаровательные девочки не лопнули. После этого любовные ласки продолжались. Лишь когда почернелая плоть начинала расползаться от гниения, Королевич выкладывал их на плоский камень, и остатки принцесс дочиста склевывали птицы. Обглоданные кости он выбрасывал в ущелье – есть тут одно неподалеку…

Вячеслав присел перед ней на корточки.

– Тебя я тоже положу в гроб, родная, – с нежностью произнес он. – Наверное, ты там описаешься. А может, даже обделаешься. А я вдоволь посмеюсь. Как это сделала ты, когда я изо всех сил старался произвести на тебя впечатление… Там, на сцене в школе, двадцать один год назад… Но я не против, когда организм ведет себя естественно. Я люблю «сочных» Белоснежек. Особенно когда она пару суток пролежит на 40-градусной жаре. Это как выдержанное вино, детка. Ты не представляешь, как выглядит человеческое тело, помещенное в наглухо заколоченный гроб на пару суток… Я вижу, твои губы трясутся, ты отводишь взгляд. Я знаю, тебе противно, тебя выворачивает наизнанку от брезгливости и отвращения, но я не обижаюсь. Как говорил Михалков в бессмертной киноленте Рязанова: «Кто-то любит арбуз, а кто-то свиной хрящик…» Никто из нас не ангел… Ты мечтаешь покорить Эверест, а я хочу трахнуть твое мертвое тело.

Светлана почувствовала, как перед глазами медленно поплыли пурпурные круги. Все естество женщины пыталось убедить ее в том, что происходящее в настоящий момент не что иное, как дикий, затянувшийся кошмар, но истинная реальность,

словно стреляющий болью обнаженный нерв, была именно тем, от чего так отчаянно желал избавиться ее измученный рассудок.

– Сказка… сказка про Белоснежку хорошо заканчивается, – с трудом выдавила она. – Белоснежка не должна умереть.

Вячеслав хитро улыбнулся, будто только и ждал нечто подобное.

– Все правильно, моя черноволосая красавица. Сказки Братьев Гримм я безмерно уважаю, но почему бы не проявить чуток фантазии и креатива? Какая-то писюшка, играющая роль Белоснежки, пугает Королевича своим дурацким «гав». Что ж, я принял правила игры и решил пойти дальше. Вместо гномов я сам хороню своих принцесс в гробу, причем в деревянном, а не из стекла, как в оригинале. И вообще, понарошку умирать нельзя. Ну, засуну я тебе в глотку это несчастное яблоко, и ты склеишь ласты… Как я тебя оживлять буду?! Ученые пока не научились этому.

– Ты болен, – чуть слышно проговорила Светлана. – Тебе нужна помощь. Развяжи меня, и мы вернемся домой.

– Думаешь, я некрофил? – засмеялся «Королевич». – Хотя, в какой-то степени, наверное, да. Но в первую очередь я ценитель нестандартного искусства. И вообще… Что ты имеешь против мертвых женщин? Они хорошие. Милые, спокойные. Не ворчат и не пилят по мелочам. Они согласны на все. Они никогда не возмущаются, что я рано кончил. Они никогда не бухтят, что у меня дома скрипит кровать или от меня несет потом. Они не заставляют меня снимать носки во время траха. Ты, детка, прыскалась духами и трясла передо мной сиськами, а мне хотелось блевать. Когда я был на тебе сверху, я мысленно представлял себе, что нахожусь не на кровати, а на дне холодной могилы… и со мной не ты, потная дура с растрепанными волосами, а прохладное, восхитительно неподвижное тело… Чуть распухшее, в синюшных разводах… Плоть податлива, губы раздуты, наружу торчит почерневший язык. В естественных отверстиях копошатся черви, глаза провалились… Мне приходилось заставлять себя думать, что я ласкаю и целую мертвеца. Это если откровенно. Только так мой член наливался кровью, и я мог трахать тебя, мысленно проклиная все на свете… Когда мы расставались, я чуть ли не бегом несся домой, включал комп и мастурбировал на разложившиеся трупы молодых девок. У меня отличная подборка видео- и фотоматериалов, больше двадцати гигабайт… Утопленницы, сгоревшие, изнасилованные, размазанные в ДТП… Лишь тогда я по-настоящему получал удовольствие. Это самый сладкий оргазм, Белоснежка.

Внутренности Светланы сдавили мучительные спазмы, и она

хрипло выдохнула. Блевать больше было нечем.

Вячеслав подмигнул ей, словно невзначай проведя рукой по мошонке. Дремавший до этого член слегка напрягся, при этом приподнявшись, как шлагбаум, который в силу неисправности работал только до середины пути.

– Нас ждут потрясающие ночи, Белоснежка, – возбужденно облизнулся «Королевич». – Сейчас ты выглядишь намного аппетитней, чем пару дней назад. А завтра к вечеру… ммм…. Пальчики оближешь.

– Меня будут искать. Через четыре дня я должна выйти на работу, – дрогнувшим голосом сказала Светлана. – Нас видели на канатной дороге. Нас встречали мои друзья. Ты…

Вячеслав ухмыльнулся.

– Ты думаешь, мне впервые скрываться? Мне хватит с тобой и пары дней. А спустя неделю я буду в Германии. У твоего Королевича несколько паспортов, Белоснежка… а также несколько укромных норок, где можно переждать бурю. Собственно, никакой бури после твоего исчезновения и не будет. Все свои аккаунты, где мы с тобой нежно общались, я удалю. Так же, как и твои. Я без проблем взломаю все твои странички.

– Ты… – Светлана запнулась. – Твои роди…

– Мои родители умерли три года назад, оставив мне хорошее наследство, – перебил ее Вячеслав. – Ты знаешь о них только по моим рассказам. Но мы отвлеклись, и вот мой вопрос. Касательно того, как ты подохнешь. Ты – особенная, детка, потому что еще со школы нас связывают незримые узы. Поэтому для тебя я сделаю исключение. Ты все равно, так или иначе, будешь лежать в своем гробу. В этой связи я предлагаю тебе выбор – ты ложишься внутрь сама. Другой вариант – я продырявлю твой лобик гвоздодером и уложу тебя самостоятельно. В последнем случае все произойдет прямо сейчас, и ты больше не станешь испытывать никакого дискомфорта. Ты не будешь ощущать нехватку воздуха, не будешь чувствовать жажду. Не опорожнишь свой кишечник в тесном гробу, не расцарапаешь свое нежное и красивое тело о его занозистые стенки… Но если ты выберешь первое, ты проживешь еще пару-тройку часов – в гробу есть тонкие щели, и кислород кое-как все-таки будет поступать внутрь. Правда, это уже будет скорее агония, чем жизнь. Твое решение? Даю минуту на размышление.

Светлана моргнула.

«Нет. Нет, о господи…»

– Пятнадцать секунд прошло, – заметил Вячеслав. – Думай скорее, прелесть.

– Пожалуйста, выслушай меня, – тщательно выговаривая

слова, сказала она. И хотя Светлану колотило от всеобъемлющего ужаса, она старалась держаться из последних сил. – У меня есть сын. Я нужна ему, Сл… Королевич.

Психопат сокрушенно покачал головой.

– Глупышка, – произнес он. – У тебя нет сына. Ты разве не читала сказку? У Белоснежки вообще не было детей, милочка. Между прочим, осталось двадцать секунд. Тик-так, тик-так.

– Нет, я прошу тебя! – крикнула она. – Я отдам тебе все, что есть! Квартиру, машину!

Силы покинули Светлану, и ее глаза заполнились слезами. Все с тем же сочувственным выражением лица Вячеслав коснулся ее щеки, мазнул указательным пальцем блестящую дорожку, после чего слизнул соленое пятнышко.

– Мне ничего не нужно, кроме тебя, Белоснежка. Время на исходе. Пять, четрые, три…

«Нет, он не сможет!»

– …два, один… Все, алес.

Вздохнув, Вячеслав подхватил своими крепкими руками женщину за подмышки и рывком перекинул ее в гроб. Наружу вырвалось легкое облачко пыли. Светлана издала пронзительный крик, и Вячеслав поморщился, как от зубной боли:

– Сейчас я тебя закрою. Не пытайся лягаться ногами – в противном случае я тебе сломаю голеностоп, и последние часы твоей жизни покажутся тебе пыткой.

Наклонившись, он поднял массивную крышку и накрыл ею гроб. После этого Вячеслав уселся сверху и произнес:

– Завтра, точнее сегодня, возможно, будет пасмурно.

Глядя на бархатистое небо, усыпаное мерцающими звездами, он озабоченно потер лоб. Снизу раздавалась возня и глухие вопли. Наконец крики стали понемногу стихать, перейдя в едва слышный плач.

Вячеслав осторожно поднялся и, сделав пару шагов, поднял с каменистой поверхности сверток. Он развернул его, выудив наружу несколько длинных гвоздей, затем взялся за гвоздодер.

– А знаешь, Белоснежка… – заговорил он тихим размеренным голосом. – Я ведь тебя обманул.

Он высыпал все гвозди на пыльную поверхность крышки гроба, кроме одного, который вертел в пальцах. Улыбнулся, заметив на запыленных досках две сдвоенные яйцеобразные половинки – след от его ягодиц.

«Королевич» положил фонарь так, чтобы он освещал гроб, после чего приставил гвоздь к краю изголовья крышки и с силой ударил по нему молотком. Со второго удара гвоздь ушел в дерево полностью, и затихшая на некоторое время Светлана вновь

разразилась криками.

– Ну-ну, не надо, – ухмыльнулся Вячеслав, всаживая второй гвоздь. Звук получался короткий, отрывистый, будто резиновой дубинкой резко ударяли по высохшему стволу.

Дук!

– Знаешь, где я соврал?

– Слава, не надо!.. – взмолилась Светлана.

– Королевич, тупая идиотка. Сколько раз тебе нужно напоминать?! Итак… О чем я? Ах, ну да… Так вот, я не скармливал птицам своих Белоснежек. Точнее, им доставалось не все.

Дук! Дук!

Вячеслав работал с воодушевлением, чуть тронутые ржавчиной шляпки стальных жал утапливались в древесину полностью, не оставляя снаружи даже полмиллиметра стали. Крики, доносящиеся изнутри гроба, превратились в непрекращающийся истошный визг.

Дук!

– Я *сам* отгрызал у них по несколько кусочков. Сразу же после спаривания, – продолжил Вячеслав, улыбаясь. – Открою небольшой секрет… Самое вкусное мясо, то, что на ягодицах и бедрах, я ел сам. Остальное шло птицам и мелким зверькам. И через неделю от моей курочки оставался голый скелет. А еще я отрезал волосы. Там, в пещере, у меня есть тайник, где я храню сплетенные косы. Еще несколько спектаклей, и я смастерю из них целый канат… Он будет таким прочным, что по нему можно будет лазить!

Он засмеялся, вгоняя в крышку гроба очередной гвоздь.

Дук!

– Не плачь, солнышко, – сказал он, передвигаясь дальше, по мере вколачивания гвоздей. – Потерпи. Сейчас ты невкусная. Пресная, как мочалка с остатками мыла и прилипшими волосами. А вот через сутки ты хорошенько промаринуешься… И тогда я начну пировать. Я, кстати, вообще в детстве любил кусаться… Даже когда встречал тебя в школе, про себя думал: «Интересно, какие на вкус у нее груди?! А щеки?!» Я смущался, краснел, но все равно думал об этом…

Дук! Дук!

Светлана умолкла.

– Еще три штучки, – сообщил Вячеслав, примеряя новый гвоздь.

Дук!

– Белоснежка?

Ответом было молчание.

Дук!

Дук!

Отложив в сторону гвоздодер, мужчина опустился на колени и прислонился ухом к крышке.

– Я скоро приду, чудесная моя.

Вячеслав поцеловал гроб, нежно провел пальцами по грубо сколоченным доскам, затем придвинул ближе гнома.

– Тебе не будет скучно, – сказал он напоследок. – Твой верный друг будет надежно сторожить тебя, Белоснежка.

«Королевич» шмыгнул носом, и его лицо внезапно озарилось, словно он вспомнил о важной детали:

– Послушай, я могу снова включить сказку. Ты только скажи.

Тишина.

Он пожал плечами, бросив с легким раздражением:

– Как пожелаешь, принцесса.

Напевая себе под нос, Вячеслав накрыл гроб брезентом, бережно расправляя каждую складку, затем обложил его по периметру камнями. Все это время изнутри деревянного склепа не донеслось ни звука.

Закончив, Вячеслав послал в его сторону воздушный поцелуй и, подхватив фонарик, не спеша двинулся прочь.

* * *

Он уже давно ушел, но Светлана еще долго прислушивалась, до крови закусив и без того раздувшуюся губу – результат пощечины Вячеслава.

Ей удалось немного повернуть голову влево, и, прижавшись ртом к шершавым доскам, она, наконец, наткнулась на тоненькую щель. Светлана жадно всасывала пыльный воздух, а ее глаза вновь набухли влагой.

Она до сих пор не могла поверить, что все это происходит именно с ней. А она еще искренне полагала, что разбирается в людях! После восьми лет семейной жизни!

«Долбаный психолог», – подумала она обреченно.

Но кто бы мог подумать, что за маской добродушного красивого парня с голубыми глазами скрывается хитрая тварь, некрофил и садист, получающий удовольствие от сношения с мертвыми женщинами! Которые по своим параметрам соответствовали образу этой дурацкой Белоснежки!

«Дура, дура, дура…» – мысленно проклинала она себя.

Связанные руки оказались за спиной, придавленные ее собственным телом, из-за чего запястья полыхали жгучей болью. Казалось, кисти сунули в дымящиеся угли. Она попыталась повернуться на бок, но тут же уперлась плечом в наглухо приколоченную крышку. Попытка продвинуться дальше ни к чему не привела – Светлана лишь до крови ободрала кожу и, мысленно выругавшись, вернулась в исходное положение.

«У тебя нет сына. У Белоснежки вообще не было детей…»

Издевательские слова маньяка пугающим эхом прокатились по темным лабиринтам подсознания.

Что он нес, этот насквозь отмороженный «Королевич»?! Он ведь знает, что у нее есть сын!

Отчаянно колотившееся сердце слегка обдало холодом, и пленница до боли в челюстях стиснула зубы.

Нет, плакать бесполезно. Так она лишь приблизит свою смерть от обезвоживания. Светлана начала осторожно подтягивать к себе ноги, сгибая их в коленях, пока они не уперлись в крышку. Скривилась – в босые подошвы, плотно прижатые к неоструганным доскам, впились занозы.

«Терпи. Это все мелочи», – завозился внутренний голос.

И Светлана была абсолютно согласна с этим.

По сравнению с тем, какой конец ей уготован, пара деревянных щепок, застрявших в коже, – ерунда.

Глубоко вздохнув, она изо всех надавила коленями на крышку. Стянутые липкой лентой руки обдало новым жаром раздирающей боли, но она терпела и, хрипло дыша, продолжала давление. Где-то в глубине души у женщины теплилась надежда, что вот-вот раздастся спасительный скрип выдавливаемых гвоздей и спустя мгновение крышка отлетит в сторону.

Чуда не произошло. Она лишь тужилась, как при затянувшихся родах. Колени плавились от боли, в суставы будто впрыснули серной кислоты. На белом как мел лице выступил едкий пот, из прикушенной губы струилась кровь, но все было тщетно – крышка гроба даже не шелохнулась. Толстые гвозди сидели надежно в своих гнездах.

Она вытянула ноги, пытаясь унять судорожное дыхание. Провела сухим, как губка, языком по воспаленным губам. Теперь ее организм не просто хотел влаги, он испытывал самую настоящую жажду и настойчиво требовал воду.

«…через сутки ты хорошенько промаринуешься…»

– Сука, – проскрипела Светлана, вспомнив фразу Вячеслава.

Совершенно случайно в ее памяти проскользнули кадры тарантиновского «Убить Билла» – когда похороненная заживо Беатрикс, роль, которую так потрясающе сыграла Ума Турман, пробивает кулаком стенку гроба и через слой земли выбирается наружу…

«Мне это не светит, – мрачно подумала она, слегка пошевелив распухшими пальцами. – У той хоть руки были свободны…»

– Спокойно, – вслух проговорила Светлана, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно. – Наверняка еще вчера вечером дежурный машинист сказал своим начальникам, что на площадке видел странных людей с рюкзаками… Которые обратно не сели в кабину. И это наверняка вызвало подозрение…

«Ага, – насмешливо заговорил знакомый голос. – И что дальше? Он сообщит в полицию? В МЧС? А даже если и так, что из этого?»

– Заткнись, – прошипела Светлана. Сказывалась нехватка кислорода, с каждой минутой дышать становилось все труднее и труднее. Легкие раздувались, как кузнечные меха, воздух со свистом вырывался сквозь зубы, волна за волной накатывали приступы тошноты.

«…Слава ведь не тащил тебя за волосы, и ты не орала «Помогите! – продолжал язвительный голос. – Даже если кто-то заинтересуется, что это за туристы поперлись в безлюдные горы, как вас найдут? Тут на десятки километров одни скалы да ущелья!»

Туристы.

Меркнущее сознание цеплялось за любую соломинку.

Да, конечно. Туристы. Вероятно, кто-то еще захочет влезть на Утес Снов?

Группа молодых и сильных ребят вскарабкается на самую вершину и…

«…и твой «Королевич» убьет их, – закончил вместо нее мерзкий голос. – Убьет с такой же легкостью, как выпьет минералки или выплеснет сперму на картинку мертвой женщины. Раскрошит их черепа молотком, и все дела»

Жуткий голос продолжал нашептывать еще какую-то белиберду, но Светлана не слушала. Глотая слезы, она тихо плакала.

* * *

Из горячечно-липкого забытья ее вырвал приступ ошеломляющей боли в левом боку. Что-то острое, вроде тонкой спицы, пронзило плоть, царапнув ребро, и она пронзительно закричала, широко раскрыв глаза.

Снаружи раздался квакающий смех, после чего Вячеслав, кривляясь, засюсюкал:

– …Но ответили гномы:

«Мы не отдадим тебе гроб с Белоснежкой даже за все золото в мире!»

Тогда Королевич сказал:

«Так подарите мне его. Я жить не могу, не видя Белоснежки…»

Проткнутый бок неистово полыхал, по коже струйкой текла кровь, и Светлана не могла сдержать очередного стона. Впрочем, судя по всему, спицу уже убрали. Осталась лишь боль, раскаленными метастазами расползающаяся по телу.

«Эта мразь специально проверяет, умерла я или еще дышу», – догадалась Светлана. Следующая фраза извращенца подтвердила ее мысль:

– Я гляжу, ты еще жива, старушка… – сказал Вячеслав, и в его голосе проскользнули нотки уважения. – Повторюшка-Хрюшка, старая старушка… А старушке сорок лет, она ходит в туалет… Твои детки рассказывают подобные стишки в школе? У меня в саду рассказывали! Из тебя, Белоснежка, можно подковы делать!

«Выпусти меня», – едва не вырвалось у пленницы, но она осеклась. Лишние мольбы только раззадорят безумца и предоставят лишний повод для дальнейших истязаний.

– Пока что ты хорошо держишься, – добавил «Королевич» после небольшой паузы. – Наверное, твои несчастные легкие испытывают жжение, их словно заполнили битым стеклом, а голова раскалывается от головокружения и нехватки воздуха. Я приду через час, моя любимая. Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать.

Послышались удаляющиеся шаги.

– Господи, помоги, – прошелестела Светлана. – Господи…

Руки отекли и распухли настолько, что она перестала их чувствовать до самых локтей. Она отстраненно подумала, что еще немного, и начнется отмирание тканей. С другой стороны, что для нее некроз? Если она задохнется через несколько минут?!

Тяжело дыша, Светлана широко раскрывала рот в тщетной попытке ухватить хоть частицу кислорода. Женщина напоминала пойманную в сети гигантскую рыбу, которую вытащили умирать на горячих камнях, и судорожное дыхание с хрипло-свистящим свистом вырывалось из ее пересохшей глотки.

«Папа… Никита…»

Знакомые лица близких загорались и угасали, как тусклая лампа старого маяка, и каждый раз она мысленно умоляла, чтобы столь дорогие сердцу образы родных не погружались во тьму.

Ведь это так страшно – оказаться в темной бездне… совершенно одной…

Она снова окунулась в беспамятство. Грязная, измазанная кровью и рвотными массами грудь тяжело вздымалась, изо рта пленницы доносился сиплый клекот.

* * *

«Мама»

Она вздрогнула.

Неужели ей показалось… Никита?!

Светлана открыла глаза и тут же зажмурилась.

«Я сплю», – подумала она потрясенно.

Конечно, она еще спит. Иначе как объяснить, что вместо крышки гроба, отдающей прелостью и пылью, она видит темно-синее небо, на котором, бледнея, помаргивают сонные звезды.

Гроб был открыт.

Она села, с изумлением оглядываясь.

На востоке, между вершинами исполинских гор небо медленно окрашивалось бледно-розовым. Краски неторопливо насыщались алым, и вот, наконец, сверкнул лучик проснувшегося солнца.

Наступал рассвет.

Светлана выбралась наружу, глубоко вдыхая утренний воздух.

«Меня звал сын», – вспомнила она и нахмурилась.

Откуда здесь Никита? Ведь он с ее сестрой, за тысячу километров отсюда…

Мягко переставляя ноги, женщина подошла к обрыву, глядя на темнеющее вдали море.

Ее лоб прорезали морщины.

Что-то было здесь не так.

Светлана подняла перед собой руки, молча разглядывая ссадины на распухших запястьях. Кто ее освободил? Вячеслав?!

Она оглядела себя. Грязная с ног до головы, перепачканная пылью и потеками крови, на левом боку рана, покрытая засохшей корочкой, – дыра от спицы…

Собственно, она выглядела так, как и должна выглядеть после того, что с ней приключилось. Но…

«Щебень…»

Она посмотрела себе под ноги. Странно, она стояла босиком на колкой каменистой крошке, но абсолютно не ощущала этого. Как не чувствовала боль от ссадин на руках… и от раны между ребер…

«Что происходит?!»

Она вытерла шелушащие губы, поймав себя на мысли, что больше не испытывает жажды.

Это было более чем странным.

«Я не хочу пить. Мне не больно. Ноги не чувствуют камней…»

Ее пальцы судорожно прошлись по бедрам.

До слуха Светланы донесся тихий шелест ветра. Но ее кожа даже не ощутила его дуновения. Ее распущенные, свалявшиеся паклями волосы тоже были неподвижны.

Она была словно чужой в это раннее утро на Утесе Снов.

– Где я? – шепотом спросила она. – Что произошло?!

«Беги», – посоветовал внутренний голос. На этот раз он не ехидничал, а говорил с хмурой неохотой, словно впервые говорил искренне.

– Бежать, – вслух произнесла Светлана.

Действительно. Вячеслав может появиться с минуты на минуту. С острой спицей, чтобы проверить – жива ли она или отдала богу душу.

Она сделала маленький шаг к краю вершины, вытягивая шею. Вдали порхали птицы, плавно рассекая крыльями прозрачный воздух.

«Светлячок».

Ее тряхнуло, как в поезде, в котором кто-то сорвал стоп-кран.

– Папа?

Она медленно повернулась.

Отец, сгорбившись, стоял на самом краю обрыва. Седые волосы обрамляли высохшее лицо, в глубоко запавших глазах, окруженных темными кругами, застыла невыносимая скорбь.

«Я не смог, Светлячок… – прошептал он. – *Не смог тебя удержать, доченька…»*

– Я слышала Никиту, – с трудом выдавила из себя Светлана. Она сделала еще один шаг. – Он тоже здесь?

«Я должен кое-что сказать тебе, – сказал отец, будто даже не слыша ее. Из его старческих глаз закапали слезы. – *Не оглядывайся. Не оглядывайся, чтобы ты ни услышала».*

Он с теплотой посмотрел на нее.

«Я люблю вас».

Как только эти слова были произнесены, он повернулся и шагнул прямо в воздух. Сердце Светланы сжалось в тугой комок, дыхание перехватило. Ее отчаянный крик, вот-вот готовый сорваться с губ, замер, костью застряв в горле.

Силуэт отца бледнел прямо на глазах, быстро обесцвечиваясь и растворяясь, как туман. Буквально через несколько секунд по контурам его тела заскользила искрящаяся дымка, и он исчез.

«Не оглядывайся».

Эти слова сверкнули в мозгу ослепительной вспышкой.

– Я сплю? – громко спросила Светлана, все еще вглядываясь в слегка вибрирующий воздух.

За спиной что-то прошуршало.

«Это сон».

Она стояла, вытянув руки вдоль тела, и невидяще смотрела перед собой. В какое-то мгновение ей пришло в голову, что это Вячеслав и его появление не сулит ничего хорошего для нее. При самом лучшем раскладе она вновь окажется в гробу.

– Нежно, робко, несмело песню эту пою-у-у-у… – послышался голос, от которого у Светланы все оборвалось. – Слышишь, сердце запело… С песней тебе я сердце дарю…[3]

– Я схожу с ума, – едва ворочая языком, выдавила она.

Голова повернулась помимо собственной воли. Это произошло так просто и быстро, что она даже не успела подумать об отцовском предупреждении.

Краем глаза она увидела Вячеслава, который, пыхтя, свалил на камни громадный мешок. Развязав его, он начал один за другим вытаскивать наружу гномов.

– Песня эта одна лишь… Сердце тоже одно… – бубнил он, расставляя скособоченных уродцев вокруг гроба. Ветер трепал их

колпаки, как грязные тряпки. – Нежной, трепетной, верной… Любовью сердце полно…

«Сейчас он увидит… сейчас он заметит меня», – подумала Светлана.

Странно, но страха не было.

В груди ширилось и расплывалось нечто огромное, холодное, как если бы кто-то включил кран с водой и забыл его закрыть. Темное, ледяное озеро безысходности постепенно заполняло ее, как сосуд.

– Полетят золотые года… Ты счастливою станешь тогда… – продолжал Вячеслав. Когда с гномами было покончено, он сделал то, отчего перед глазами у Светланы потемнело.

Нагнувшись над гробом, он выволок наружу обмякшее тело… *ее самой.*

«Не смотри».

– …да, мой принц придет ко мне, – кряхтел «Королевич», доставая из мешка охотничий нож с мерцающим лезвием. – И расцветут цветы…

Он подложил плоский камень под голову «Светланы» и, держась за ее рассыпавшиеся волосы, принялся делать глубокие надрезы на коже ее лба. Выступила кровь, казавшаяся в первых лучах солнца вишневым сиропом.

– Нет, – пробормотала Светлана, неотрывно глядя, как психопат с деловитым спокойствием, будто кожуру с апельсина, снимал с «нее» скальп. Он действовал проворно и умело, словно делал это каждый божий день. Когда кожа с волосами была содрана, Вячеслав глубоко вздохнул, с влажным чавканьем прижав скальп к лицу. Пофыркал, словно пытаясь высосать остатки крови. Наконец он убрал слипшуюся паклю волос и, скрутив их, повесил на шею, словно шарф. По груди и плечам побежали алые ручейки. К этому времени его член уже стоял по стойке «смирно».

«Это происходит не со мной, – в глубоком ступоре думала Светлана. – Кто из нас настоящая?!!»

Между тем Вячеслав задрал голову к небу. На окровавленном лице белели страшно выпученные глаза, источая воплощенное безумие.

– Сразу солнца луч! – завизжал он, брызгая слюной. – Проглянет из-за туч!! И сбудутся все мечты!!! Йя-хааа!!!

Вячеслав вытер кровь с лица и груди, обильно смачивая ею эрегированный член. Закончив с этой процедурой, он перевернул неподвижное тело «Светланы» на живот и, хрипло рыча, вошел в нее, как стилет в тающее масло.

Пошатываясь, Светлана оглянулась. Ее расфокусированный

взгляд наконец сосредоточился на плоском камне с зазубренной кромкой.

– Я размозжу тебе череп, нелюдь.

Она наклонилась, но ее трясущиеся пальцы прошли сквозь камень. Она остолбенела. Светлана предприняла еще несколько попыток, но все было бесполезно – ее рука лишь беспрепятственно скользила по орудию возмездия. И каждый раз, когда она приближала пальцы, камень накрывала легкая тень. Это было единственным, что свидетельствовало о том, что она все-таки существует.

«Боже… боже, я тень…» – растерянно думала она, отстранившись назад.

(Я не смог удержать тебя…)

Слова отца были сродни удару крапивой по лицу.

«Я призрак! Привидение!»

Между тем Вячеслав содрогнулся в оргазме. Его чумазые ягодицы сжались, по телу пошла крупная дрожь, глаза закатились, и он громко закричал. Вынув обвислый пенис, он склонился над «Светланой», принявшись старательно вылизывать перепачканные грязью и засохшей кровью груди женщины.

«Нет! Оставь ее в покое! Оставь *меня* в покое!» – в бессильной ярости закричала Светлана. Она кричала, при этом с ужасом понимая, что ее истошные вопли раздаются только внутри ее самой.

Между тем Вячеслав откусил сосок с правой груди «Светланы», торопливо проглотив его, словно жевательный мармелад. Лишь после этого мужчина расслабленно выдохнул и уселся рядом с гробом, вытирая пот со лба.

«Я умерла, – осенило Светлану. – Я умерла… А он измывается над моим телом…»

Едва соображая, что делает, она начала приближаться к своей второй «я». На скальпированный череп взобралась ярко-зеленая ящерица. Замерев, она уставилась на приближающуюся Светлану. Крошечные глаза-бусинки блестели, как капельки застывшей смолы.

Вячеслав глубоко дышал, будто спринтер после стометровки. На перемазанном кровью лице застыло сладостное умиротворение. Широко раздвинув ноги, он рассеянно поглаживал обмякший член. Словно невзначай его взор переместился на замершую ящерку, которая продолжала внимательно смотреть на Светлану. Брови «Королевича» сдвинулись, и он медленно повернул голову в сторону застывшей подле него женщины.

Рот психопата разъехался в стороны, как незаживающая рана.

– Я что-то чувствую, – хрипло сказал он, оставив в покое вялый пенис. Вячеслав глубоко потянул носом, почти как собака, пытающаяся уловить источник незнакомого доселе запаха. Его ноздри раздувались, глаза вновь наливались кровью. – Чувствую.

Теперь он смотрел прямо на нее. В упор.

– Я знаю, что здесь что-то есть, – ухмыльнулся он. Подняв вверх руку, он погрозил обомлевшей Светлане указательным пальцем. – Что-то… Или кто-то?!

Пыхтя и хихикая, он встал на четвереньки и направился прямо к ней. Светлана попятилась назад, но обезумевший некрофил не отставал от нее ни на шаг.

– Я чувствую твой запах, – шептал он, торопливо переставляя конечности. – Я чувствую твой страх…

Он возбужденно облизнул губы, шумно дыша.

Светлана оглянулась – за спиной была пропасть.

«А вдруг я стала как отец? Один шаг в пустоту – и я исчезну?!»

Когда она посмотрела на Вячеслава, его окровавленное лицо было в нескольких сантиметров от нее.

– Ты думаешь, я не узнал тебя? – прищурился он. – Я вижу призраков, детка. Вижу. Вижу, вижу…

Он шагнул вперед, сливаясь с телом Светланы, и ее накрыла спасительная темнота.

* * *

– Никита?! – надтреснутым голосом проговорила она. Открыла и закрыла глаза. Затем снова подняла веки. – Сынок?

Тьма. Липкая, беспросветная тьма, она спеленала Светлану в уродливый кокон, как паук оплетает свою жертву паутиной.

Никакого неба.

Она все еще в гробу.

И она все еще жива.

* * *

– Да, да, да, чертова сука! – взвизгнул Вячеслав, содрогаясь от волны оргазма.

Когда все было закончено, он устало положил на стол мумифицированную голову «Мачехи». Оскаленный рот жемчужно белел от свежевыстреленного заряда спермы. Голова перекатилась на правый бок, обратившись черным закостеневшим

лицом к мужчине. В пустых глазницах, казалось, застыло негодование – мол, разве так обращаются с дамой?

– «И вошла она во дворец, и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла…» – наставительно произнес Вячеслав. Протянув руку, он щелкнул пальцем по сгнившему носу головы. – Помнишь, что с тобой стало, старая калоша? Так я напомню. «Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, и принесли их, держа щипцами, и поставили перед нею… И должна была злая мачеха ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала она мертвая наземь…»

Он рассмеялся, и этот отрывистый, лающий смех мрачным эхом прокатился по унылым стенам пещеры. Сидящие за столом гномы молча наблюдали за происходящим, их стеклянные глаза-шарики тускло блестели при трепещущем свете трех свечей.

– Ну, что уставился, Умник? Завидно? – полюбопытствовал «Королевич». – Жаль, что твой стручок давно усох, иначе ты бы тоже позабавился. Согласен, Соня?

Вячеслав вылез из-за стола.

– Пожалуй, пора наведаться к нашей Белоснежке, – произнес он, обводя гномов многозначительным взглядом. – Как считаете?

Обитатели пещеры продолжали хранить деликатное молчание, словно предоставляя «Королевичу» решать этот вопрос самому.

– Возражений нет, – улыбнулся Вячеслав и визгливо запел:

– Я так плясать всегда любил, но нынче вам признаюсь… Сегодня ноги я помыл, вот с ритма и сбиваюсь! Вот так не петь никак и в песне смысла нет! Но раз уж весело нам петь – споем еще куплет!

Продолжая хихикать, Вячеслав затушил две свечи, оставив последнюю гореть в одиночестве, после чего двинулся наружу. У выхода он взял потемневшую от времени стамеску.

На выходе из пещеры он случайно заметил смартфон Светланы, оброненный ею еще ночью.

– Самая бесполезная вещь на Утесе Снов, – фыркнул он, наступая пяткой на гаджет. Глянцевый экран хрустнул, расползаясь сетью мелких трещинок.

Через десять минут он был на пике утеса. Погладив крышку гроба, Вячеслав поискал глазами подходящий камень и заговорил:

– «Загляделась королева на снег, уколола иглою палец, и упало три капли крови на снег. А красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Если бы

родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

Вставив стамеску в щель между крышкой и, собственно, гробом, он с силой ударил по рукоятке камнем. Раздался сухой треск.

– …«была она бела, как снег, как кровь, румяна, и такая черноволосая, как черное дерево», – сказал он, продолжая двигаться по периметру гроба.

Когда крышка была снята, его обдало смесью застоявшегося пота, мочи и крови. Губы «Королевича» раздвинулись в плотоядной улыбке, и он склонился над обнаженным телом Светланы. Распухшие руки пленницы, перемотанные скотчем, налились багровой синевой, длинные волосы спутались в заскорузлый колтун. Она была совершенно неподвижна с белым как мел лицом.

– Вот теперь ты настоящая Белоснежка, – прыснул от смеха Вячеслав. Он сунул руку в гроб, зажав женщине ноздри. Она не шелохнулась. Затем он шлепнул ее по лицу. Потом еще раз. Вывернул ей ухо, так, что затрещал хрящик. Светлана не подавала ни единого признака жизни.

Вячеслав принялся осторожно ощупывать шею пленницы, пока его палец не остановился на сонной артерии. Подушечка пальца ощутила слабую пульсацию.

– Ты почти доходишь, детка, – самодовольно хихикнул он. – И сейчас похожа на непрожаренный бифштекс. Но я так хочу тебя, что не стану обращать внимание на эту мелочь и займусь тобой, даже несмотря на то, что ты не до конца промариновалась. Я начну тебя есть, пока в твоей соблазнительной груди все еще бьется сердце.

С этими словами он вытащил бессознательное тело Светланы и, хрипло выдохнув, закинул его на плечо.

– …Белоснежка там, за горами… у гномов семи за стенами… в тысячу крат еще выше красой! – воскликнул Вячеслав. Согнувшись под тяжестью пленницы, он начал осторожно спускаться вниз.

* * *

В пещеру он втаскивал Светлану за волосы.

Нежная кожа женщины мгновенно покрылась мелкими порезами и ссадинами, но с ее губ не сорвалось и звука.

– А ты все-таки тяжелая, Белоснежка, – прокряхтел Вячеслав. – Наверное, по ночам тайком от меня пельмени

хомячила?

Его чумазый лоб блестел от пота. Он смахнул мутные капли, шмыгнул носом, затем поднял Светлану и с грохотом бросил ее на стол.

– Вот и завтрак, – хмыкнул «Королевич». Отдышавшись, он направился во второе помещение, там, где с самого начала находилась кукла «мачеха». Отодвинув в сторону массивный валун, он сунул руку в образовавшееся отверстие и вытащил мачете в чехле из сплетенных кожаных шнуров.

– «Отведи ребенка в лес, – вполголоса произнес он, возвращаясь обратно. – Ты должен убить ее и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень…»

Вячеслав разрезал скотч, которым были стянуты руки Светланы.

– Думаю, это больше не понадобится.

Усевшись на лавку, психопат начал с любопытством разглядывать женщину. Слипшиеся от грязи и пота волосы практически полностью закрыли ее бледное лицо, и он заботливо убрал с него липкие пряди.

– Знаешь, а ведь я тебе еще кое в чем соврал, – признался Вячеслав. Вынув мачете из чехла, он с задумчивым видом провел широким лезвием по краю стола, срезая тоненькую стружку. – А ты и не догадалась.

Он потянулся вперед, склонившись над женщиной. С наслаждением втянул запах, который источало ее изможденное, покрытое грязью и ссадинами тело.

– Эти чудесные гномики… Я не выкапывал детей, – прошептал он, приближая свое лицо вплотную к ней. Ухватил зубами нижнюю губу, стиснул челюсти. В рот брызнула свежая кровь.

«Королевич» удовлетворенно кивнул и сел на место, облизываясь, словно кот, отведавший сметаны.

– Я забрал их из детского сада, Белоснежка, – сказал он, подвигая к себе глубокую миску. – Переоделся в Деда Мороза… Распылил газ, когда дети водили хоровод… Надел защитную маску. Пока все валялись в отключке, я выбрал мальчиков, семь штук, и одну воспитательницу – мне же нужен материал для мачехи? Охранника пришлось вырубить. Подогнал к входу свой минивэн, быстро погрузил ребятишек и укатил прочь. Здорово, правда? Ты наверняка читала об этом в прессе. У легавых не было ни одной зацепки… И до сих пор никто не знает, что случилось с воспитательницей и семью мальчиками средней группы детского сада № 1622. Правда, пока я сушил их головы на утесе, один любопытный орел стырил заготовку прямо с камня! Наверное,

отнес в свое гнездо… А до нашего путешествия оставалось три недели. Шесть гномов – это неправильно, в сказке их должно быть семь. Поэтому я принял решение использовать твоего бывшего мужа. Надеюсь, ты оценила?

Он озабоченно завертел головой, будто что-то выискивая.

– Я срежу с тебя волосы, – промолвил он. – А потом сцежу кровь из вены и сделаю коктейль, добавив туда виски… Что-то вроде «Кровавой Мэри», хе-хе… А затем… затем я отрежу шмат мяса от твоей ляжки. Это самое сочное и вкусное в теле. Вот только куда я дел флягу?

Он снова вылез из-за стола, и в этот момент Светлана открыла глаза. Ее онемевшие пальцы несколько раз сжались и разжались.

– Я буду тебя есть и трахать, трахать и есть, пока будет куда засовывать хер и будет что отщипывать с костей, – объявил Вячеслав. Фляга нашлась в рюкзаке. Он, как и рюкзак Светланы, вместе с ее одеждой, лежал рядом с кроватками гномов.

Держа флягу перед собой, «Королевич» вернулся к столу.

– А вы сегодня на диете, – произнес он, взглянув в сторону замерших гномов. – Будете смотреть и завидовать. «Все тук-тук-тук да тук-тук-тук… Машем мы своей киркой… Тук-тук-тук-тук, тук-тук-тук-тук… Нам это не впервой!» – пропел Вячеслав, отвинчивая крышку. Глотнув виски, он шумно выдохнул, затем уселся за стол.

Его лоб прорезали морщины. У него возникла смутная мысль, что кое-что изменилось, но он не мог понять, что именно, и это вызывало у него легкое беспокойство.

«Королевич» тупо уставился перед собой, пытаясь осмыслить, что же именно показалось ему странным.

Он вытер губы, хмурясь еще больше. Чего-то явно не хватало.

Кажется, он оставил нож на столе…

Понимание пришло запоздало, и когда Вячеслав поднял глаза на Светлану, отточенное лезвие испанского ножа уже летело ему в лицо.

Мачете вошло прямо в его приоткрытый рот, разрезая губы, язык и небо. Глаза «Королевича» выпучились, он судорожно закашлялся. Светлана вырвала нож, следом из распоротого рта некрофила выплеснулся фонтанчик крови.

Не давая ему опомниться, она, вскрикнув, нанесла второй удар. В какую-то долю секунды Вячеслав отклонился в сторону, и клинок, слегка царапнув по носу, вошел в правую глазницу.

«Королевич» замер. Глаз лопнул, прозрачным желе растекшись по лезвию.

– Шлюша, – оторопело прошепелявил он.

Из рассеченного рта хлынула кровь, обильно заливая его загорелую мускулистую грудь.

Яростно сверкнув глазами, Светлана выдернула мачете и, взвизгнув, замахнулась в третий раз.

Несмотря на серьезную рану, Вячеслав наконец пришел в себя и с невероятной ловкостью поймал лезвие ножа в воздухе, прежде чем окровавленное жало сделало бы в нем еще одну дырку. Стиснув клинок дрожащей от напряжения рукой, он сдерживал его буквально в десяти сантиметрах от своего лица, искаженного от ненависти и оглушительной боли. С рассеченных пальцев на его колени закапала кровь.

– Шука, – с трудом выговорил «Королевич». Плюясь кровью, он коротко взмахнул левой рукой. Светлана охнула – ей показалось, что в грудь с размаху ударило бревно. Мелькнув голыми ногами, она перекатилась через стол и, задев одного из гнома, повалилась вниз.

Вячеслав разжал пальцы и с недоверчивым видом коснулся изувеченной глазницы. Из багровой дыры, пузырясь, выползали остатки глаза, окрашенные кровью.

– Мой глаж, – сказал он, и в голосе сквозило удивление. – Шука, ты выбила мой глаж!

Шатаясь, Вячеслав начал обходить стол.

– Притворюшка… тетя Хрюшка… Белоснежка, – хрипло бормотал он. – Я ведь все равно…

Споткнувшись об рюкзак Светланы, он потерял равновесие и упал на четвереньки. Когда «Королевич» поднял голову, она была рядом. В руках женщины был зажат крестообразный каркас гнома – грязно-розовые тряпки, в которые было завернуто чучело, слетели во время падения.

– Жри свою сказку, – прошипела она, обрушивая куклу на голову садиста. От первого же удара мумифицированная черепушка гнома отскочила, закатившись под стол.

– Жри! Жри! Жри! – визжала Светлана, ослепленная яростью. Покачнувшись, Вячеслав повалился на бок, тщетно пытаясь защитить голову, но она не унималась. Деревянная основа куклы треснула, разлетевшись на щепки, и она, отбросив размочаленный крест в сторону, схватила другого гнома.

Наконец «Королевича» затих. Его волосы слиплись от крови, и он больше не двигался.

Светлана перевела лихорадочный взгляд на лавку.

«Один хороший удар, и все будет кончено. Интересно, смогу ли я поднять ее?»

Она уже было собиралась воплотить эту мысль в реальность, как неожиданно над ухом раздался шепот отца.

«Это будет убийством».

Светлана вновь посмотрела на распластавшегося мужчину.

– Он чуть не убил меня! – закричала она, с гневом глядя на уцелевших гномов. Они таращились на нее своими безжизненными стеклянными глазами, словно всем своим видом намекая, что не в ответе за действия «Королевича».

– Он собирался съесть меня! Заживо! – вновь выкрикнула она.

«Уходи», – едва слышно попросил отец.

Снаружи раздался оглушительный грохот, мгновенно сменившийся на монотонно-шелестящий гул.

«Дождь», – догадалась Светлана.

Только сейчас она поняла, что ее организм обезвожен, и схватка с Вячеславом забрала последние остатки сил. Спотыкаясь и сбивая пальцы ног, она заспешила наружу.

Светлана была уже у выхода, когда неожиданно услышала за спиной тихий смех. Она застыла, как если бы натолкнулась на невидимую стену, по спине, извиваясь, поползли морозные ручейки ужаса. Медленно-медленно повернула голову. От увиденного она покачнулась.

Вячеслав сидел, трогая рукой залитую кровью голову.

– «Горит алмажа волшебство, – зашепелявил он, подмигивая Светлане уцелевшим глазом. – Только труд большой добыть его… Хоть не жнаем шами для чего. Все тук-тук-тук и тук-тук…»

«Я должна была его убить», – мысленно проклинала себя она.

Вячеслав с трудом поднялся на ноги. Единственный глаз вращался, будто пытаясь определить, каким образом и с какой целью его хозяин здесь вообще очутился.

Как загипнотизированная, Светлана неотрывно смотрела на него, не в силах даже шевельнуться. На ее бескровном лице застыла печать благоговейного ужаса.

– Тук-тук, – хихикнул психопат, подбирая с пола мачете.

Неуклюже переставляя ноги, Вячеслав заковылял к ней. Однако тут же споткнулся об измочаленного гнома и снова рухнул на самодельные кроватки.

– Все тук-тук-тук, да тук-тук-тук, – едва ворочая окровавленным языком, проговорил он. Вновь схватился за мачете. – Жа днем проходит день… Тук-тук-тук-тук, тук-тук-тук-тук… Долой хандру и лень…

Оцепенение сползло, как старая, шелушащаяся змеиная кожа, и Светлана, вскрикнув, бросилась наружу.

– Хэй-хо, хэй-хо… мы идем домой, – сказал Вячеслав, тупо глядя перед собой. – Куда же ты, Белоснежка?!

Оказавшись снаружи, она замерла. На мгновение ей показалось, что она пробыла в пещере миллионы лет, и вышла

именно к началу Конца Света. Ледяной ливень обрушился на Утес снов сплошной лавиной, больно иссекая кожу, и без того покрытую многочисленными порезами. Стремительно чернеющее небо сотрясало от пушечных раскатов грома, кинжальными зигзагами сверкали молнии.

– Пуштилась бежать Белоснежка! И бежала по оштрым камням! Череж колючие жарошли!!! – зарычало где-то совсем рядом, и Светлана вздрогнула. Ее взгляд упал на смартфон, который сиротливо валялся в паре шагов у входа, поблескивая от капель дождя.

«Физика, Белоснежка, – многозначительно хихикнул знакомый голос, и ее передернуло. – Пока не поздно».

Какая, на хрен, физика?!

Она облизнула мокрые губы, ощущая восхитительный вкус прохладной воды.

Мобильник… физика…

«Молния», – коротко сообщил голос, и Светлана посмотрела на громадную глыбу, нависающую прямо перед входом. Точнее, на глубокий разлом посередине.

Она торопливо схватила гаджет, трясущимися пальцами провела по экрану. Тот нехотя «ожил», сквозь паутину трещин показывая ряд иконок. Эти ярлычки были словно из другой жизни, той, где тебя не запихивают живой в гроб, чтобы потом насиловать, скальпировать и отрезать по кусочку…

Над головой прокатился очередной раскат грома, от раскалывающегося грохота у Светланы заложило уши.

Она снова взглянула на экран. Уровень зарядки был критическим – 8 %.

Должно хватить.

Для того чтобы сунуть смартфон в трещину, понадобилось меньше минуты.

Может, ей и вправду повезет?

«Я не стану тебя убивать, чертов псих. Я просто закрою тебя внутри твоего логова»

Конечно, *если* все получится…

– Ты где, Белоснежка? – хрипло спросил Вячеслав, показавшись из пещеры. Он стоял на карачках, пошатываясь и тряся окровавленной головой, словно избитый пес. Избитый, с вытекшим глазом, но все еще опасный.

Вжавшись спиной в прохладный камень, Светлана затаила дыхание. Их разделяло не более двух метров.

– А яблоко было жделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной, – хрипло заговорил Вячеслав. Он выполз наружу, принюхиваясь, чем еще более стал напоминать

собаку. – Я жнаю… ты ждесь, Белоснежка…

Он зашелся надсадным кашлем, выплевывая сгустки крови.

Небо загремело, раскалываемое ослепляющим ланцетом молнии.

«Беги», – колыхнулось в мозгу женщины, и она принялась тихонько отступать в сторону. Шаг за шагом, медленно и очень осторожно.

Вячеслав резко повернул голову в ее сторону, ухмыльнувшись:

– Не бойся… не надо… Мы ведь любим друг друга!

Над головой что-то взорвалось, вспыхнула молния, осветив на мгновение его совершенно безумное, залитое кровью лицо.

Разряд был такой силы, что Светлана ощутила голыми подошвами, как содрогнулась скала. Сияющая ледяной синевой, молния с хирургической точностью пронзила втиснутый в щель смартфон. Словно предчувствуя землетрясение, утес завибрировал. Ноздри женщины уловили едва различимый запах горелого пластика. Она с трудом верила собственным глазам – разлом на свисающей глыбе увеличился вдвое, и теперь нижняя часть медленно, но неуклонно сползала вниз.

Вячеслав осознал надвигающуюся опасность слишком поздно. Взвыв, он попытался скрыться в пещере, но громадный валун с грохотом рухнул вниз. И тут же раздался душераздирающий крик.

Светлана повернулась. Сердце отстукивало, как метроном, отсчитывающий секунды, оно словно предупреждало, что беглянка сделала все, что было в ее силах.

«Не оглядывайся», – прошелестело в иссекаемом ливнем воздухе.

– Я должна, – проскрипела Светлана.

«Его придавило. Скорее всего насмерть», – предположил внутренний голос.

Она покачала головой.

Нужно убедиться, что все кончено.

Вячеслав вновь закричал. Животная ярость, изумление и рвущая в клочья боль – все это слилось воедино в леденящем вопле.

Светлана осторожно выглянула из-за выступа.

Отколовшийся от нависающего валуна камень лежал, верхним краем упираясь в скалу и почти полностью перегородив лаз в пещеру. Она сделала несколько шагов, обходя глыбу с другой стороны, и вздрогнула, увидев Вячеслава. Он стонал и корчился в судорогах, тщетно пытаясь вытащить расплющенную руку из-под камня.

Светлана сделала еще один шаг и присела на корточки.

«Королевич» поднял на нее свое окровавленное лицо.

– Швета… Помоги, – прохрипел он, протягивая к ней здоровую руку.

«Сиди на месте, – мысленно приказала она себе. – Одно лишнее движение, и он схватит тебя за волосы…»

– Швета…

– Я не знаю никакой Светы, – ровно произнесла она. – Тут нет женщины с таким именем. Здесь есть Белоснежка и Королевич. Здесь живут семь гномов и злая мачеха. Мы ведь в сказке, правда?

– Я умоляю… вше… что хочешь, – едва сдерживая рыдания, проскулил Вячеслав.

Его трясущиеся пальцы, которые еще пару дней назад ласкали тело Светланы, были в нескольких сантиметрах от ее лица.

– Белоснежка не захотела жить с Королевичем, – все так же тихо и спокойно промолвила она. – Потому что он оказался очень плохим человеком. Он даже не человек, а мерзкий упырь, который беспричинно убивал женщин и детей… Поэтому Белоснежка уйдет к себе домой. А Королевич останется здесь, придавленный камнем. Он умрет от жажды и невыносимой боли. У этой сказки будет очень грустный конец…

– Нет! – завизжал Вячеслав. От чрезмерного давления кровотечение из его пустой глазницы усилилось, лицо исказилось в нечеловеческой гримасе. – Нет, пошлушай…

– Что тебе хоть прищемило, Королевич? – осведомилась Светлана. – Руку, ногу? Или член?

– Ру… ку, – прохрипел он. – Я… я ее не чувствую…

– Как только стихнет дождь, я уйду, – сообщила Светлана. – Поэтому моли бога, чтобы я поскорее вышла к людям. Я расскажу о том, что здесь произошло. Может быть, тебя еще успеют спасти.

Вячеслав ошеломленно затряс головой.

– Ты не можешь меня оштавить! – выкрикнул он. Изо рта вылетели капли крови. – Это убийштво!

– Могу. Я не намерена вытаскивать отсюда спятившего ублюдка, который собирался есть меня заживо, – устало произнесла Светлана. Вдали снова загрохотал гром, но уже на порядок слабее. Ураган медленно и нехотя отступал на запад.

Вячеслав глубоко вздохнул, затем клацнул зубами:

– Ты… ничего не докажешь.

Она пожала плечами:

– А я и не буду ничего доказывать.

– Ты выбила мне глаж. И ражрежала рот, – неожиданно ухмыльнулся психопат. – Обрушила вход в пещеру… Это ты убийца. *Ты*, а не я.

Он убрал руку за камень, а когда поднял ее вновь, пальцы остервенело сжимали мачете.

– Шмотри, – вкрадчиво прошептал Вячеслав. – Шмотри внимательно, Белоснежка. Ему не терпится попробовать твоей крови.

Светлана ощутила, как в кожу впились миллионы тончайших иголочек.

– Ты думаешь, я не шмогу отрежать шебе руку? – хихикнул безумец. – Королевич на нешколько минут может штать оборотнем. Волком, точнее. Волком, который попал в капкан. Я прошто отрежу руку и вылежу наружу… Я приду к тебе, Белоснежка.

«Надо идти».

Светлана откинула со лба мокрые волосы.

Она прекрасно отдавала себе отчет, что находиться здесь больше нельзя.

Ни секунды.

Она отчетливо понимала, что на обратный путь потребуется несколько часов, а силы ее на исходе.

Она видела, что «Королевич» действительно был преисполнен решимости отсечь себе придавленную конечность.

И, судя по всему, этот долбанный шизоид намеревался приступить к работе прямо сейчас.

Она все это понимала, но по какой-то неизъяснимой причине не могла даже сдвинуться с места. Или не хотела, втайне от себя самой.

Светлана сидела в обволакивающем оцепенении, слушая, как рычит Вячеслав, кромсая мачете свою раздробленную руку. Изредка мелькала его всколоченная голова, но на Светлану он не смотрел.

Пока что.

«Тебе нравится за этим наблюдать? – с насмешкой произнес внутренний голос. – Правда, занимательно?»

– Закройся, – глухо сказала она.

«Ему нечем перетянуть рану, – безучастно подумала она. Без всяких эмоций. – Перевязочные материалы в рюкзаках, в пещере… Он потеряет много крови, пока сделает себе жгут. И лишится сознания».

«А если не лишится? И жгут его сейчас не заботит, дорогуша, – заметил голос. – Как только он освободится, он вылезет наружу, чтобы добраться до тебя»

Светлана закрыла лицо руками.

«Может, я снова в отключке?! И мне все это снится?!»

– Трудись… и напевай!!! – скрежетало из-под глыбы. В голосе

Вячеслава уже не оставалось ничего человеческого, он напоминал хрип разъяренного вепря. – Не можешь петь… тогда швисти!!! Пока не убран дом!!!

Послышался хруст ломаемой кости, который мгновенно заглушил надрывный вой сумасшедшего.

– Трудись и напевай!!! – проревел он. – И вешело вше вмеште мы… Порядок наведем!!!

Светлана убрала от лица ладони. Ее колотило, как в горячем ознобе.

В проеме между скалой и упавшей глыбой появилось лицо Вячеслава – перекошенная маска смерти, забрызганная кровавыми кляксами.

– Ты думала, я не шмогу это жделать? – прокаркал он, тыча разлохмаченной культей в сторону Светланы. В рыхлой каше из развороченной плоти белели осколки костей. – Ты плохо меня жнаешь, Белоснежка…

Она побледнела, видя, как тот, продолжая хихикать, начал протискиваться в расщелину. Из обрубка, который полчаса назад был нормальной рукой, дождем лилась кровь.

– Бери шкорей метлу… Для шора на полу!!! – утробным голосом рычал Вячеслав. Он просунул вторую руку, в которой был нож. Заляпанное кровью лезвие чиркнуло по каменистой поверхности, высекая крошечную искру. – Представь шебе, что пляшешь ты… С любимым принцем на балу!!!

Светлана поднялась на ноги. Колени предательски дрожали.

Вячеслав дышал тяжело, с хлюпающим присвистом. Ему удалось пролезть наружу совсем чуть-чуть – его широкие плечи намертво застряли в неподвижно-каменных тисках.

Шаг за шагом Светлана начала медленно отступать назад, не сводя с него глаз.

– Я вше равно доберушь до тебя, – прохрипел Вячеслав, зачем-то кивая разбитой головой. – Я шожру тебя… Шожру…

Он выл и корчился, дергаясь из стороны в сторону, как зверь, напоровшийся на колья в яме, но лишь сдирал в клочья кожу с плеч и спины. Сейчас мускулисто-раскачанное телосложение мужчины, которым он так гордился в *той* жизни, сыграло с ним злую шутку. Он безнадежно застрял.

– Это все потому, что у кого-то очень узкие двери, – разлепила губы Светлана, слабо улыбнувшись. Повернувшись, она побежала прочь. Побежала, не обращая внимания на острое крошево, в кровь режущее ее ступни. Она неслась, кожей спины ощущая взгляд, преисполненный безумием и испепеляющей ненависти. Пещера осталась далеко позади, но в мозгу все еще злобно резонировало:

«Сожру тебя. Сожру…»

Через несколько минут она была в лагере.

Вернее, в *том* месте, где совсем недавно был разбит лагерь.

Лагерь «влюбленных», которые, как она наивно полагала, отправились в захватывающее путешествие, чтобы проверить, а заодно закрепить свои чувства…

Но кроме искромсанной в клочья палатки и согнутых дуг каркаса, здесь больше ничего не было.

Светлана провела по изможденному лицу тыльной стороной ладони.

«Значит, больной ублюдок перетащил все вещи в пещеру…»

Из этого следовало, что обратный путь ей придется преодолеть абсолютно голой и босой.

С обреченным видом она подняла обрывки тента.

«Набедренная повязка», – промелькнула у нее мысль.

Да, это максимум, на что годилась эта рванина.

Кое-где на материи еще виднелись капли крови, но она даже не взглянула на них. Через некоторое время ей удалось смастерить некоторое подобие юбки.

Дождь постепенно редел и, наконец, прекратился вовсе. Сквозь светлеющие облака робко проглянуло солнце.

– Кто всех красивей во всей стране? – тихо промолвила Светлана. – Вы, госпожа королева, красивы собой… Но королева младая в тысячу крат еще выше красой…

С этими словами она заковыляла к тропе, ведущей вниз.

Ее подобрали спустя четыре часа, в паре сотне метров от канатной дороги. Кто-то из туристов, находящихся на смотровой площадке, любовался открывшимся пейзажем с помощью бинокля. Он-то и заприметил неподвижное тело беглянки.

* * *

– Ну как? – спросила она у сына.

– Без комментариев, – проговорил Никита, зачарованно глядя на горный хребет, высившийся за пластиковым стеклом.

– Осталось немного. Я не была тут восемь лет… – сказала Светлана, положив сыну руку на плечо. В глазах женщины проскользнула тень воспоминаний.

– Как ты, говоришь, называется скала? – поинтересовался молодой человек.

– Утес Снов, – машинально ответила она. – Когда я была

здесь в последний раз, взбираться на нее приходилось на своих двоих. А сейчас выстроили новую канатку… Цивилизация, что поделать.

Спустя минуту они были наверху.

Жмурясь, Светлана подняла голову.

Солнце скрылось за мглистой пеленой туч, и на площадку, выложенную белой плиткой, упали первые капли дождя.

– Постой здесь, – сказала Светлана. Ее охватила странная, неосознанная тревога, возникновение которой она не могла объяснить самой себе.

В *тот* день тоже шел дождь…

– Хорошо, – послушно ответил Никита. Высокий, со слегка сутулыми плечами и разлохмаченными ветром волосами, он выглядел растерянным и даже беззащитным.

Светлана сошла с площадки и торопливым шагом двинулась дальше, в сторону громадной насыпи.

Это было именно там.

Дождь усилился.

Ломая ногти и пачкая светлые брюки, она принялась карабкаться наверх. Дыхание сбилось, сипло вырываясь изо рта, висок прочертила струйка пота.

«Как будто это было вчера, – шевельнулось в мозгу. – Предзакатные фото… гроб… сказка из телефона… седьмой гном…»

С восточной стороны загромыхали первые раскаты грома.

Последняя преграда, и она наверху, отряхивая ладони от налипшей грязи. И застыла.

Обомлев, Светлана с непередаваемым ужасом смотрела на грязный гроб. Черная краска со временем облупилась и выцвела, доски рассохлись, покрывшись глубокими трещинами, но это был все *тот же* гроб. В глаза бросились многочисленные царапины, которыми были иссечены внутренние стенки деревянного склепа.

«Ногти… о господи…»

Громадная крышка была прислонена к гробу ребром. Рядом – сверток с гвоздями и огромный молоток.

Все было приготовлено.

(Давай, ложись, Белоснежка!)

– Нет, – забормотала Светлана, испуганно мотая головой. Ее начало трясти. – Нет, нет, все закончилось…

Спотыкаясь и падая, она заспешила назад.

Ей вдруг захотелось обо всем рассказать Никите.

Прямо сейчас.

Ведь он наконец-то взрослый, и ему можно поведать о том, что здесь произошло восемь лет назад!

Тревога, стремительно растущая где-то глубоко внутри, окончательно проснулась и теперь верещала, распуская свои когтистые, как у рептилии, лапы.

– Никита! – закричала она, перейдя на бег. Вот мелькнул край площадки… Вот она уже почти на месте… – Никита!!!

Новый раскат грома взорвал небо, которое ледяным скальпелем располосовала молния.

Светлана остолбенела.

Потерла глаза.

Нет.

Нет, ей все мерещится!

Вместо Никиты перед ней, слегка раскачиваясь под порывами ветра, стоял гном. Крестообразное пугало с засушенной человеческой головой на верхушке. Колпак и тряпки, закостеневшие от грязи, колыхались, как живые, глаза-шарики равнодушно таращились на оцепеневшую женщину.

Неожиданно шарики засветились голубоватым светом.

– Мама, – прошамкал уродец, и Светлану захлестнула багровая волна.

* * *

Крик застрял в пересохшей глотке рыболовным крючком. Она глупо хлопала глазами, усиленно стараясь понять, где находится.

Тьма.

Непроницаемо-обволакивающая тьма, бездонная, удушливая и тесная.

Как гроб.

«Я в гробу?!»

Она заелозила, чувствуя под собой что-то наподобие постели.

Значит, она на кровати?

Одновременно до Светланы внезапно дошло, что ее правая рука чем-то пристегнута. Слышалось тихое бряцанье стали, и этот звук вызвал у нее приступ лихорадочной паники.

«Я прикована?!»

– Помогите! – закричала она, яростно дергая рукой. – Кто-нибудь! На помощь!!

Распахнулась дверь, вспыхнул ярко-желтый свет.

Светлана умолкла. Испуганно моргая, она ошарашенно уставилась на грузного полицейского. У него было багровое лицо с дряблыми щеками и злые поросячьи глазки, втиснутые в рыхлую кожу, словно пуговицы в тесто.

– Че надо? – процедил он. – Че орешь, курва?! Ссать хочешь?

– Я… – Светлана запнулась. Ее взор сместился на правую руку, запястье которой было опоясано наручниками. Другое кольцо «браслетов» было пристегнуто к боковой стойке каталки, на которой лежала Светлана.

– Еще раз заорешь, скажу врачу тебе клизму сделать, – раздраженно пообещал полицейский.

– Подождите! – взмолилась она. – Почему меня приковали?! Вы нашли его?! Вячеслава…

– Спокойной ночи, – буркнул тот, не дав Светлане договорить. Старший сержант выключил свет и с грохотом запер дверь. Палата вновь погрузилась во тьму.

Лоб покрылся липкой испариной.

Почему на ней наручники?!

«Спокойно, – про себя заговорила она. – Судя по всему, я в больнице».

Только сейчас ее ноздри уловили витаемый в палате запах лекарств. Но едва ли это утешило ее.

Что случилось?!

Попытки раскопать в памяти предшествующие этому события не увенчались успехом. Последнее, что отпечаталось в памяти Светланы, – палящее солнце и нестерпимая жажда. Еще сорванный ноготь на большом пальце ноги – неудачное столкновение с камнем. Пекло и жажда… А еще ей постоянно казалось, что стоит ей оглянуться, и она увидит ползущего следом за ней Вячеслава. С ножом в зубах и кровоточащей культей вместо руки.

– Меня нашли, – сказала Светлана вслух, прилагая все усилия, чтобы голос ее звучал уверенно и решительно. – Все будет в порядке. Я просто оборонялась. Я никого не убила. Я сама жертва насилия! Я…

Она осеклась, понимая, что вот-вот сорвется на жалобный крик.

«Так-то оно так, – внезапно зашептал проснувшийся голос. – Тогда почему тебя приковали к кровати? Почему полицейский так грубо с тобой разговаривал? Как ты объяснишь это?»

– Потому что они еще не разобрались, – тихо произнесла она. – Потому что…

Потому что *что*?

(Ты убийца… ты убийца, а не я).

Глаза Светланы распахнулись, в глотке запершило.

Ей почудилось, что издевательский голос Вячеслава раздался в двух шагах отсюда, и стылый холод пробрал ее до самых костей.

– Что случилось? – дрогнувшим голосом спросила она, буквально слыша, как по уставшему телу толчками расходится

кровь.

«Мама», – шепнула темнота.

Светлана закрыла глаза.

«Я проснусь, и все это закончится, – с безмерной усталостью подумала она. – Меня освободят, как только я расскажу всю правду…»

«Мама!»

Она разлепила веки, со страхом вглядываясь в вязкую темноту.

«Я здесь».

– Никита? – пискнула женщина.

Коротко лязгнув наручниками, она тяжело повернулась на бок, глядя в сторону голоса сына.

Он сидел на подоконнике. Поджав ноги, он обхватил колени руками и с грустью смотрел на нее. Мягкий желтоватый свет выглянувшей из-за рваных туч луны засеребрил его непослушные кудри.

«Мне так жаль, мама».

– Что с тобой? – хрипло спросила Светлана. – Почему… почему ты здесь?

«У меня не получилось. И у нашего дедушки, то есть твоего папы, не получилось…»

Позабыв о стальных «браслетах», Светлана рванулась было к сыну, и лишь острая боль в запястье остановила ее. Она заскрипела зубами. С ненавистью посмотрев на оковы, женщина вновь перевела взгляд на сына.

«Мы старались», – с печалью в голосе сказал Никита.

– Подойди ко мне, сынок, – сдавленным голосом попросила она.

Мальчик тоскливо покачал головой.

«Не могу».

Светлану захлестнуло чувство иррациональности происходящего.

– Почему?! – едва не срываясь на крик, спросила она. – Где тетя Аня?!

«Твоя сестра?»

– Да!

«Она умерла, – прошелестел Никита. – Как и я».

Ей показалось, что она ослышалась.

– Тетя Аня жива. Что ты мелешь?! А ты…

«Я мертв, мама. Меня нет уже четыре года. Но ты никак не можешь с этим смириться».

Светлана начала задыхаться. Виски сдавило так, будто ее голову расплющивали прессом.

– Как это «умер»? – выдавила она. На глазах показались слезы, отчего силуэт Никиты начал расплываться. – Ты мой сын!

Мальчик вздохнул.

«Ты не должна была убивать этого дядю. Как и других. Они ничего тебе не сделали. Мне… очень жаль».

– Что ты несешь?! – процедила Светлана. Слова Никиты злили и пугали одновременно. – Опомнись!

«Мне очень жалко тебя. Но когда меня и других мальчиков похитили из детского сада, ты сошла с ума… Ты ждала меня каждый день… Ждешь и сейчас. А меня убили через неделю после того, как увезли… Меня и еще шесть мальчиков… А я так хотел быть Королевичем на том спектакле…»

Слезы уже ручьем лились из ее глаз.

– Ты жив… Никита! Никто никого не убивал!

«Ты никогда не слушаешь нас с дедушкой… Он пытался остановить тебя… ты всегда была упрямой, мамочка…»

Никита медленно поднялся на ноги.

– Не уходи… пожалуйста, – всхлипнула Светлана.

В мозгу, словно на быстрой перемотке, мелькали кадры поездки с Вячеславом.

Как они уставшие, взобрались наверх.

Как они «нашли» пещеру.

Его наивная, чуть растерянная улыбка, когда он увидел в ее руках нож.

Он не верил до самого конца.

Один точный удар в печень – и он упал на землю. Он полз, умоляя ее остановиться. Он что-то лепетал о чувствах…

Еще один удар в шею, и Слава захрипел, хватаясь за рассеченное горло.

Она вспомнила.

Вспомнила все.

И когда реальные события выстроились ровными рядами, словно шеренга солдат, она испытала невероятное ощущение… ощущение прыжка в воду с огромной высоты. Холодную и прозрачную воду. Она долго-долго выныривала наверх, со страхом разглядывая окружавшие ее лица… Семь мальчиков из детского сада, среди которых был ее любимый сын… Молодые мужчины, с которыми она знакомилась… и увозила на Утес Снов…

«Я люблю тебя, мама. Но я не могу тебе ничем помочь», – промолвил Никита.

«Я не хотела этого. Я пыталась лечиться».

«Я знаю», – мягко успокоил ее Никита.

«Я хочу к вам», – мысленно обратилась к сыну она.

«Ты уверена?»

«Да».

В глазах Никиты вспыхнули искорки надежды.

«Дедушка был бы рад», – без раздумий сказал он.

«А ты? Ты хочешь, чтобы я была с вами? Чтобы я обнимала тебя? Чтобы мы могли чувствовать друг друга?»

«Конечно, мамочка!»

«Мне так не хватает вас…»

«И все-таки подумай, – после паузы произнес мальчик. – Здесь все по-другому. Мне пора».

С этими словами он шагнул в окно и, превратившись в неясную тень, тут же растворился.

– Никита… Никиточка… – прошептала Светлана, вытирая слезы свободной рукой.

За окном шумел ветер. Луну вновь закрыли тучи, и палату накрыла угольная чернота.

«Славка… прости меня… Простите меня все. Пожалуйста».

– Я приду к вам. Обязательно, – сказала она, шмыгая носом.

У нее должно получиться.

Главное, чтобы не сработал инстинкт самосохранения.

Светлана перекатилась на другой бок, высвобождая влажную от пота простыню. Ее свободная рука ухватилась за край материи, комкая ее.

– Я люблю вас, – прошептала она. – Никита… Мой маленький Королевич… Ты так и не сыграл свою роль…

После этих слов она сунула измятый кусок простыни в рот.

Веки Светланы сонно прикрылись.

«Я должна была сделать это раньше…»

Рука старательно пропихивала простыню в глотку. Глубже и глубже.

Она пыталась представить себе Никиту.

В наряде Королевича… В камзоле и высоких сапогах… Королевич целует Белоснежку…

Теперь она видела Никиту с ранцем за спиной. Улыбающегося, с букетом хризантем для своей первой учительницы…

От нехватки кислорода в голове разбухал горячий шар, легкие судорожно сжимались и разжимались в последнем усилии захватить хоть частичку кислорода.

Меркнущее сознание успело нарисовать образ Никиты в пятнадцать лет… В двадцать…

«Интересно, каким бы он вырос…»

Образ сына рассыпался, как прах, и вокруг все померкло.

* * *

Пустынный коридор больницы, дремлющий до поры до времени, неожиданно наполнился гулкими торопливыми шагами.

У палаты, где лежала задержанная женщина, значившаяся по материалам проверки как Твардовская Светлана Алексеевна, остановились двое – молодой полицейский с сержантскими погонами и следователь, невысокий мужчина средних лет с аккуратной бородкой «испанкой».

– Где твой не в меру упитанный коллега? – недовольно спросил он, глядя на пустующую лавку напротив палаты. – Куда этот жирный мудак свинтил?

Полицейский пожал плечами:

– Я созванивался с ним полчаса назад, когда меня на пересменку отправили, Сан Саныч. Должен быть здесь.

Следователь приоткрыл дверь в палату. Стала видна каталка, притулившаяся справа от окна. Задержанная лежала, повернувшись лицом к стенке. Из коридора виднелись лишь ее спутанные черные волосы, густым водопадом рассыпавшиеся по подушке. Увидев, что рука женщины пристегнута наручниками к каталке, Сан Саныч удовлетворенно кивнул.

Хлопнула дверь туалета, и через мгновение по коридору, поправляя служебный китель, уже спешил дежуривший старший сержант.

– Пост без присмотра, – вместо приветствия покачал головой следователь. – Узнает твое начальство – скажешь премии «прощай».

И без того багровые щеки толстяка стали лиловыми.

– Сан Саныч, извините… я только по надобности, на минутку отлучился… Да что с ней будет-то? Она прикована. И у нее ноги все изрезаны, она если только ползком…

– Да ладно, – смягчился следователь. – Все мы люди.

С этими словами он уселся на лавку.

– Я могу идти? – заискивающе спросил полицейский, переступая ногами на месте.

– Валяй. Не забудь отметиться у Павлова. Передохнем пару минут, – заявил Сан Саныч, когда толстяк ушел. Развернув конфетку, он кинул ее рот, а смятый фантик сунул в карман куртки. – Будешь?

– Нет, спасибо… А зачем ее вообще сторожить? – поинтересовался молодой полицейский. – За что задержали эту Твардовскую?

– Я думал, среди вашей братии слухи куда быстрее расходятся, – усмехнулся Сан Саныч. – Ее третий год ищут.

Знакомилась с неженатыми мужиками и волокла их в горы. А там резала, как свиней. Трупы в пещерах прятала.

– Я видел ее фотографию, – вдруг сказал молодой сержант. – Не мог сначала поверить… Вроде совершенно нормальная… Красивая впридачу.

Следователь почесал подбородок, тронутый щетиной.

– Там долгая история… Может, слышал, лет пять назад в Воронеже из детского сада какой-то псих детей похитил?

Полицейский кивнул:

– Конечно, слышал… шумиха была на всю страну!

– Я как раз материалы вчера из архива взял. Дело перед Новым годом было, – начал Сан Саныч. – Ребятишки спектакль собирались проводить… Кажется, «Белоснежку», но суть не в этом. А тут Дед Мороз появился. Раньше на два часа, чем запланировано, и без Снегурки. Но мало кого это смутило. В итоге исчезли семь мальчиков и воспитательница…

Он ткнул пальцем в сторону палаты.

– Воспитательница и подозреваемая Твардовская – двоюродные сестры. Просто так получилось, что Твардовская пришла к сестре на праздник, посмотреть на выступление сына – мальчишка тоже должен был участвовать в спектакле… В итоге ее сын оказался среди похищенных пацанов. Маньяк якобы распылил какой-то усыпляющий газ, и Твардовская пришла в себя, когда тот уже уехал. Потом спустя год в одной из квартир нашли труп одного странного кренделя. Обычный холостяк, лет за сорок. Квартира запущена, кругом срач. Дома у него обнаружили полинявший маскарадный костюм Деда Мороза, а также фотографии связанных детей. Жутких картинок было очень много. Среди них нашлись изображения тех самых семерых мальчиков… Но дальнейшие поиски ни к чему не привели. Родни у умершего не оказалось, следствие зашло в тупик. Те самые мальчишки до сих пор считаются пропавшими без вести, как и сестра Твардовской… Теперь вряд ли кто скажет, был ли «жмур»[4] тем самым маньяком или нет. Вот такой расклад.

– Ничего себе, – изумленно проговорил сержант.

– А у этой девки крыша поехала, – продолжил Сан Саныч, указывая пальцем на приоткрытую палату. – От нее муж ушел – считал ее виновной в том, что произошло. Она в дурке больше года провалялась, потом вроде как очухалась. Я с психиатром разговаривал, который Твардовскую лечил. Он сказал, что в каждом мужике она маньяка видела. И, значит, когда сходилась с очередным из них, через какое-то время тащила его в горы. Зачем – непонятно… Как будто за гаражом нельзя по башке кирпичом дать… Этот, что нашли на днях, – четвертый. Жаль парня.

Здоровенный, как лось, одни мускулы, и все равно отпор не смог дать. Искромсала его так, что лица не осталось…

Следователь разгрыз остатки конфеты и поднялся с лавки.

– Если хочешь, можешь поприсутствовать. Задам ей пару вопросов и поеду в управление. А тебя сменят после обеда.

Он распахнул дверь настежь и направился к каталке. Сержант, помедлив, последовал за ним.

– Эй, подъем, – сказал Сан Саныч, толкнув в плечо задержанную.

Она не шелохнулась, и тогда следователь с силой оттащил ее от стены, повернув на спину.

– Твою мать, – процедил он, глядя на посиневшее лицо женщины. Глаза Светланы закатились, обнажая помутневшие белки, под носом темнела корочка засохшей крови. Из разинутого рта торчала скомканная простыня.

Сан Саныч пощупал пульс на руке умершей и мрачно взглянул на притихшего сержанта.

– Звони своему сменщику, этому жирдяю, – приказал следователь. – Похоже, одним рапортом он не отделается.

– Это она что, сама? Может, еще успеем откачать, врача позвать? – с надеждой спросил полицейский, доставая мобильник.

– Какой там, она холодная, как ледышка… Нет, теперь ей разве что труповозка нужна. Эх, геморроя теперь не оберешься…

* * *

«Никита».

Он обернулся.

В дрожащем мареве проклюнулся легкий проблеск.

К нему кто-то приближался.

Он улыбнулся, почувствовав знакомый аромат духов.

«Мама?»

Она раскрыла объятия, тепло улыбнувшись. Длинные черные волосы мамы щекотали ему нос.

«Я же обещала, – прошептала она, целуя сына. – *И теперь мы чувствуем друг друга».*

Обнявшись, они тихо засмеялись.

Иван Миронов
Квартира номер 24

1

Денис стоял перед квартирой номер двадцать четыре и не решался нажать на звонок.

Облупившаяся деревянная дверь, изогнутая алюминиевая табличка с номером, оплавленная кнопка дверного звонка, резиновый коврик: все, казалось, покрывал толстый слой пыли. Ни единого следа, кроме своих собственных, Денис не заметил. Ему пришла в голову мысль, что здесь не хватает прибитых крест-накрест досок, надписи «Господь, помоги нам» и начерченного мелом креста, каким помечали дома с умирающими чумными жильцами, как в «Интервью с вампиром».

В волнении он провел правой рукой по немытым волосам, превращая и без того неопрятную прическу в полный хаос. Затем вновь обвел глазами бетонный пол, окрашенные в серый цвет стены, черный коврик и грязно-коричневую дверь. Нет, все выглядело достаточно заурядно. Пыльно, но не более того. Никакой мистики.

«Слишком много голливудского хлама в голове», – решил он.

Денис достал из заднего кармана джинсов потрепанный, с протертыми до белого пластика кнопками, телефон. На экране высветилось время – 0.16. Он как раз успел ко времени, которое ему обозначил странный тип, предложивший подработку. Но желание подзаработать постепенно уступило место более простому инстинкту.

Денис хотел уйти из этого подъезда, от деревянной двери с табличкой «24».

Телефонный звонок раздался за полчаса до полуночи, когда Денис возвращался домой после успешно проведенной операции, которой он дал довольно романтичное название – «Огненный шквал». Что-то такое, напоминающее «Апокалипсис сегодня».

Первые три раза операция проходила по пятницам – эдакое завершение трудовой недели, но сегодня, в понедельник, он решил, что на четвертый раз можно поменять им же установленные правила. Сделать себе небольшой внеурочный подарок. И подарок оказался весьма удачным.

Денис шел, неспешно перебирая в голове детали операции.

Справа от него промелькнул подсвеченный холодно-голубым светом вестибюль станции метро «Юго-Западная». Это означало, что до дома оставалось каких-нибудь минут десять. Как всегда после операции, настроение было на высоте: приятно обдувал теплый легкий ветерок, звук проезжающих машин ласкал слух – все доставляло сейчас удовольствие. Дополняло сегодняшний вечер, как глазурь дополняет кремовый торт. Чувства необычайно обострились. Так он себя чувствовал после редкого секса: умиротворение, блаженство, возведенные в степень.

Звонок разрушил эту идиллию.

Номер не определился.

«Играем в шпионов?»

Денис улыбнулся и проговорил в трубку заговорщицким тоном:

– Юстас – Алексу!

– Простите?

Низкий мужской голос моментально убил игривое настроение Дениса.

– Я… а… хм, я слушаю.

– Насколько я понимаю, молодой человек, ваше имя – Денис? – произнес безжизненный голос.

«Черт, он словно станции метро объявляет. Тут уже не игра в Штирлица, а кое-что покруче – живые мертвяки». Денис представил себе мертвеца, судорожно передвигающего ногами и скалящего в пустоту не прикрытые губами зубы. Шутливая ассоциация, как ни странно, не только не вызвала у него улыбку, но и прошлась морозом по коже.

– Да.

– Простите, что беспокою вас в столь поздний час, но звонить меня вынуждает крайняя срочность, – отчетливо и неторопливо продекламировал голос. – Вы, судя по объявлению в Интернете, оказываете курьерские услуги.

Это прозвучало не как вопрос, а скорее как утверждение.

– Все верно.

Дениса беседа заинтриговала. По крайней мере, это могло привнести некоторое разнообразие в его скучное существование. Мимолетное чувство волнения прошло.

– Я хочу предложить вам работу. Детали мы сможем обсудить при личной встрече. Смею повториться, что мной движет неотложность вопроса, поэтому нам необходимо встретиться… – секундная пауза, – через час.

– Эй-эй-эй! Гражданин, не гоните лошадей. Я вам не мальчик на побегушках. – Поняв, что данный аргумент при его способе заработка не очень убедителен, Денис быстро продолжил: – Я

хочу сказать, что мы сможем обсудить все это завтра вечерком, если у вас будет желание, но на данный момент у меня есть более приоритетные задачи. – Он не заметил, как стал говорить с голосом в похожем ключе. – И самая первостепенная из них – деловая встреча с моим давним партнером – Морфеем. Посему прошу меня извинить.

Собеседник Дениса продолжил, словно его и не прерывали:

– Забыл сказать вам об оплате. К стоимости, которую вы обозначили, мы можем приписать еще один ноль, и таким образом, проведя несложные математические вычисления, мы получаем оплату, увеличенную в десять раз.

А вот это Денису понравилось гораздо больше.

– Денис, поверьте – это не розыгрыш. Я готов выплатить вам столько же после нашего разговора независимо от его результата. Если мы договоримся (а я в этом уверен), то эти деньги будут считаться вашими подъемными. В противном случае это будет считаться небольшой компенсацией за беспокойство. Как видите, в любом случае ваши интересы защищены.

Невидимый собеседник резюмировал:

– Итак, жду вас по адресу: Остоженка, дом шесть «а», квартира двадцать четыре, полпервого. Код подъезда – пятьдесят один. До встречи.

В трубке раздались гудки.

Сохранив информацию в телефоне, Денис задумался. С одной стороны, очень уж отдавало гнильцой такое щедрое предложение. Но с другой стороны, было безумно интересно узнать, что за всем этим кроется, хоть ехать ночью к человеку, произносящему слова, как автоответчик, было определенно рискованно.

В один момент Денис решил отказаться от этой затеи и позвонить незнакомцу, чтобы сообщить об этом. Уже потянувшись к телефону, он вспомнил, что номер не определился.

– Тогда дождусь его звонка, – задумчиво пробормотал он.

«Сходи, – раздался внутренний голос. – Ты же ничего не теряешь. Не понравится работа – возьмешь деньги и свалишь. Понравится – возьмешь деньги и заработаешь еще».

Голос не походил ни на его собственный, ни на воображаемые голоса, которые частенько давали ему советы. Но этот неизвестный воображаемый советчик имел неопровержимую логику – в любом случае Денис получал свои деньги. Оставалась, конечно, вероятность розыгрыша, что было бы не особо хорошим развитием событий, и вероятность того, что человек, предложивший ему работу, – убийца, маньяк или еще какой извращенец, что было бы совсем плохо.

«Нет, – подумал Денис, теперь уже узнавая свой голос. –

Скорее, этот делец хочет мне предложить не совсем легальную халтурку».

Денис не заметил, как развернулся и двинулся ко входу на станцию метро.

Двадцать минут по «красной» ветке, и он окажется на «Кропоткинской». Еще минут пять, и он у дома шесть «а». То есть он окажется там раньше на полчаса. Если разговор не затянется, то у него были все шансы успеть до закрытия метро сесть на поезд в обратном направлении.

Денис вошел в ярко освещенный вестибюль.

– Да черт с ним, все равно сегодня не уснуть, – проговорил он и, поняв, что произнес это вслух и достаточно громко, огляделся. Никто не обращал на него внимания.

Он стоял, прикрыв глаза, в углу плавно покачивающегося вагона и вновь думал о том, стоило ли ехать к странному человеку, который, скорее всего, предложит не менее странную работу.

В свои двадцать пять Денис походил на студента-второкурсника: черная потрепанная футболка на худом теле, потертые голубые джинсы и давно не мытые кеды выдавали в нем человека, который не только не обращает внимания на свой внешний вид, но и вообще редко видит свое отражение в зеркале. За спиной висел синий рюкзак, который, впрочем, очень удачно скрывал свой истинный цвет.

Четыре года назад Денис закончил свое обучение в институте, вылетев с третьего курса. Завалив сессию, он нисколько не огорчился. Родители равнодушно отчитывали его, а Денис, двадцатилетний парень, тем временем радовался, что теперь ничто не мешало ему уйти из родительского дома. Он больше не желал видеть эти тихо ненавидящие его лица. Через пару недель после отчисления он собрал самые необходимые вещи, поместившиеся в этом самом рюкзаке, взял свои сбережения, вышел из квартиры, поехал на вокзал и купил билет до Москвы. С тех пор он не видел своих родителей, и его это вполне устраивало. Судя по всему, его никто не искал, что тоже радовало. Он снял однокомнатную квартирку на «Юго-Западной», со скрипящими полами, ободранными обоями и старой трухлявой мебелью. И это тоже ему подходило.

Все эти четыре года Денис бесцельно перемещался с одной скучной работы на другую. Продавец, грузчик, менеджер по продажам, курьер – денег с трудом хватало на жизнь. Большую часть бюджета «съедала» квартира. Но Денис не жаловался. Во-первых, его все устраивало. Во-вторых, жаловаться было некому.

Единственный его друг (и, скорее, даже не друг, а приятель) Андрюха, живший за пару домов от Дениса, явно не был любителем выслушивать монологи о чужих проблемах.

Дни проходили, не сильно отличаясь друг от друга, – просто череда квадратиков на календаре. Зачеркнул все числа на этом листе? Сорви и заполняй следующий.

И тут на черно-белом экране его жизни появилась цветная рябь. Вполне возможно, ничего интересного, просто разряд статического электричества, но проверить все же следовало.

Двери раскрылись, Денис вышел на станцию «Кропоткинская» и замер. За спиной двери вагона захлопнулись, оборвав голос, объявляющий следующую станцию, на полуслове. Состав тронулся, грохот железных колес стал нарастать вместе со скоростью, а потом быстро сошел на нет, когда поезд исчез в тоннеле. Денис не обращал на это внимания. Все его внимание было приковано к самой станции.

Работая курьером, он часто бывал на этой станции. Успел запомнить шахматную доску коричневых и серых плиток на полу, огромное количество колонн и ярко освещенный белый потолок. В отличие от других станций «красной» ветки, эта отличалась легкостью. Здесь не было намеси архитектурных изысков, превращавших ее в вычурный склеп, низких сводов, навевающих мысли о бункерах советских времен, и мрачных цветов, давящих своей безысходностью.

Сейчас этой легкости не ощущалось. Здесь стало меньше света. Цвета потеряли свое наполнение, поблекли. Станция приобрела мрачность средневекового замка.

Никто не обращал на это никакого внимания.

«Да ну, бред. Все так и было. Станция как станция. Может, раньше лампы были мощнее?» – подумал он.

Выйдя на улицу, он был ошарашен еще больше – храма Христа Спасителя не оказалось на своем обычном месте. Денис почувствовал, как сердце гулко ухнуло в груди и остановилось.

«Этого не может быть. Это…»

Он почувствовал удар в плечо. Из-за спины появилась крупная женщина с каменным лицом. Она не обратила внимания на парня, которого только что толкнула, а просто изменила траекторию и обошла его, шагая по-солдатски четко и уверенно.

Денис снова посмотрел на другую сторону площади Пречистенские Ворота и выдохнул. Сердце застучало в бешеном ритме, как будто наверстывая пропущенные удары. Храм стоял там, где ему положено, но иллюминация полностью отсутствовала. Без ночного освещения, которое превращало Храм

и территорию вокруг в остров света и блеска, огромное здание казалось черной дырой.

Денис медленно шагал по четной стороне Остоженки, считая дома. Часы на мобильном телефоне показывали 0.07.

– Второй… четвертый… шестой… – бормотал он себе под нос, выискивая глазами синие таблички с номерами на зданиях.

– Эй, постойте, постойте, – остановился Денис.

На квадратной табличке желтого пятиэтажного дома с застекленными арками на первом этаже стояла цифра «8».

– А где шестой «а»? Черт бы побрал этих московских архитекторов: в двух домах заблудиться немудрено.

Денис развернулся и прошел пять метров в обратном направлении.

«Наверное, дом в глубине, во дворах», – подумал он, но тут же осекся. Табличка находилась в дальнем от Дениса углу здания, но написанное можно было легко разобрать: шестерка, и под ней – маленькая буква «а».

Дом номер шесть «а» оказался облезлым желтым строением, построенным, казалось, еще до рождества Христова. Куцые балкончики и грязные деревянные окна никак не сочетались с отреставрированными и ухоженными зданиями-соседями.

Денис обошел дом и очутился в маленьком дворе, к которому, впрочем, этот термин совершенно не подходил. За неопределенного цвета забором виднелись маленькие высохшие деревца. Их окружала столь же безжизненная серая трава. Ветер гонял по асфальтовой дорожке разный хлам: обертки, листовки, куски газет.

– Двадцать четвертая квартира, – вслух размышлял Денис. – Четырехэтажное здание. Два подъезда. Скорее всего, по три квартиры на площадке. Три на четыре равно двенадцать. Стало быть, двенадцать квартир в подъезде. И получается, что моя квартирка – самая последняя, на последнем этаже второго подъезда.

Довольный своим расчетом, Денис направился ко второму подъезду, чтобы проверить свою догадку.

Впрочем, логика подвела. Денис ввел код, с трудом открыл железную дверь и поднялся на первый этаж. Слабая лампочка, спрятанная в пыльном круглом плафоне, еле рассеивала темноту, окутавшую площадку. Квартир на этаже оказалось всего две: семнадцатая и восемнадцатая. Денис провел рукой по волосам, делая в голове новый расчет. Получалось, в первом подъезде шестнадцать квартир, по четыре на этаж. А во втором – восемь, по две на этаж.

– Маразм какой-то, – пробормотал он и двинулся вверх по лестнице, к квартире, где его ожидал загадочный работодатель.

2

Лана свернула на Остоженку в полвторого ночи. В голову будто напихали бутылочных осколков и время от времени встряхивали ее. Ноги гудели, словно она прошла не два-три километра, а все десять. И ужасно хотелось курить.

«Ну почему со мной происходит эта ерунда? Почему я все время вляпываюсь в дерьмо? Вернулась бы, взяла свои деньги у Ленки, поехала бы домой, купила пачку сигарет и бутылку вина. Взяла бы книжку и сидела бы, читала. Нет же, шарахаюсь ночью в одиночку по городу».

Как только она начинала думать о том, что до дома нужно идти еще не меньше двух часов, желание курить превращалось в невыносимую пытку, заставляющую Лану сжимать челюсть до скрипа в зубах. Она достала разряженный телефон и нажала на кнопку включения. Не надеялась, что вдруг произойдет чудо и тот заработает, но все же попробовала.

«Чертов кирпич! Почему ты сдох именно сейчас?»

Лане хотелось рвать и метать. Сейчас ее все раздражало. Она ненавидела весь мир за то, что она здесь, на Остоженке, так далеко от дома, без денег, без сигарет и без возможности позвонить. Ненавидела Ленку с ее проблемами, ненавидела Ленкиного Сережу с его тупыми дружками, которые смотрели не нее, как дворняги на суку во время течки.

Несмотря на отвратительное настроение, Лана еще раз порадовалась, что ушла с этой пьянки.

Началось все днем, часа в три.

Ленка, с которой Лана (собственно, последнюю звали Светланой, но представлялась она только второй частью, так как имя целиком она терпеть не могла) снимала квартиру, заявила:

– Мой Сереженька сегодня звал к себе. У него день рождения. Сказал, будет пара его друзей.

Лана, мысленно посмеявшись над тем, как Лена называет двухметровую с квадратными плечами махину – своего парня, сказала:

– Рада за тебя.

– Нет, ты не понимаешь. Мне там не хочется одной слушать их разговоры о том, сколько они выпили и как набедокурили.

– Ну, тогда не ходи.

– Ланка, ты задница.

Лана улыбнулась, хотя этого делать и не хотелось. Голова начинала побаливать, и мысль о том, что придется куда-то идти, совершенно не радовала.

– Ну вот, ты мечешься: ходить – не ходить, а я – задница. Несправедливо.

Лена рассмеялась.

– Несправедливо, зато правда. В общем, в восемь выходим.

«Ладно, схожу. Надо немного развеяться перед учебой», – подумала она.

Их дружба была довольно странным явлением. Девушки познакомились четыре года назад, на первом курсе. Они учились в одной группе, где с чьей-то легкой руки их назвали «Ланка и Ленка».

Ленка являла собой «хроническую блондинку», как ее про себя называла Лана. Касалось ли это ее высказываний и действий, цвета волос или смазливой внешности – все умещалось в рамки, отведенные белокурым созданиям международным фольклором. Лана даже вывела формулу своей подруги: общительна до трепачества, улыбчива до зубов и мила до ярко выраженного идиотизма. Естественно, этой формулой она не делилась ни с подругой-блондинкой, ни с кем-либо еще. Большую часть своих выводов она предпочитала оставлять невысказанными.

Каждому Иню положен свой Янь. И Лана играла эту роль на «отлично». Она была миловидной брюнеткой с большими карими глазами и мальчишески-озорным взглядом. Короткая прическа придавала ей образ оторвы, коей, собственно, она и являлась. Знакомые парни называли ее «своим парнем», и это ни капельки не смущало Лану. Время от времени, глядя, как подруга крутится перед зеркалом, собираясь на свидание с «Сереженькой», или устраивает слезные концерты на тему узколобости парней, Лана мысленно констатировала, что звание «своего парня» не так уж и плохо. Некоторые злопыхательницы за спиной называли ее лесбиянкой, но никогда не делали этого в лицо. Они ее побаивались, и это вполне устраивало Лану. Все это напоминало тявканье дворняг, боящихся подбежать ближе и укусить, и вызывало только улыбку.

Учеба Лане давалась достаточно легко: каким-то чудесным образом, изредка открывая учебник, девушка выхватывала самую суть, и раз вложенная в голову информация моментально оседала там. Когда она училась в школе, мама временами удивлялась этому таланту: «У тебя память не девичья, а профессорская». Экзамены не имели для нее того сакрального значения, которое им придавали ее одногруппники. Она приходила, извлекала из

головы необходимую информацию, передавала ее преподавателю и уходила. Никаких проблем. У белокурой подруги же все обстояло с точностью до наоборот – каждая сессия становилась серьезным испытанием, убивающим не только время, но и миллионы нервных клеток.

Базисом этой странной дружбы и ее же единственным оправданием было умение Ланы выслушивать свою подружку. Бросил ли парень, порвались ли чулки, получила ли «незачет» – Лена жаловалась Лане.

Лана же, будучи универсальной «жилеткой», ничего существенного не получала от этого союза. Ей просто нужен был кто-то рядом. С детства она слушала свою маму, которая постоянно плакала из-за того урода, которого в анкетах в графе «Отец» Лана обозначала прочерком. В школе она слушала свою одноклассницу Катю, толстую дурнушку в очках с толстой коричневой оправой и неимоверно толстыми линзами. Толщина и безысходность – два слова, которые четко определяли всю суть Кати. Но всем были безразличны проблемы толстухи. Всем, кроме «жилетки» Ланы, равнодушной к своему положению в классе. И вот теперь появилась блондинка Леночка, которая по причине своей юродивой бестолковости стала самым жизнерадостным собеседником Ланы.

Вечер у Сереженьки предсказуемо скатился к банальному «разводу». Какое-то тщедушное существо, видимо, воображавшее себя Аленом Делоном в лучшие годы, брызгало слюной и всячески пыталось подобраться к Лане поближе. И чем больше водки он поглощал, тем маслянистей становился взгляд, обращенный на нее. Он постоянно что-то томно шептал на ухо Лане, в то время как ее терпение плавно сходило на нет.

Последней каплей явилось предложение уединиться. Как будто она давала повод. Лана наклонилась к этому студенту-неудачнику и хрипловато-эротичным голосом спросила:

– Как тебя зовут?

Парень, мигом покрасневший, тихо сообщил:

– Юрик.

Лана медленно приблизилась к нему, едва не касаясь губами пушка на мочке уха. Этот червяк вызывал у нее стойкий рвотный рефлекс, но она все же не прекратила игру. Его нужно было поставить на место раз и навсегда. Когда она почувствовала, как студент задрожал от возбуждения в ожидании ее ответа, она гаркнула резко и четко:

– Иди в жопу, Юрик!

Все встрепенулись и повернули головы в направлении возгласа: Сереженька со вторым своим дружком с рюмками в

руках, Лена с зубочисткой в зубах. Немая сцена, ни дать ни взять. Юрик не мог вымолвить ни слова. Он покрылся пятнами и явно желал провалиться в тартарары. Он даже как будто стал еще более худым и тщедушным. Нижняя губа по-медвежьи обиженно выкатилась вниз.

Лана со спокойным выражением на слегка бледном лице встала и неторопливо пошла в прихожую. Тут же подбежала подружка. На лице блондинки застыла улыбка, которая вкупе с изумлением в глазах смотрелась неимоверно мило, но при этом вызывала у Ланы раздражение своей картонностью.

– Ланка, ну ты чего? Что случилось? Да ладно тебе, давай еще часик посидим и вместе на «таксишке» доберемся. Ну, давай?

Лана молча надела кроссовки, накинула свою ветровку.

– Нет, Лен, я пойду. Если хочешь, присоединяйся.

Улыбка на лице Лены сменилась упрямо натянутой тонкой нитью губ.

– Да ну! Чего так рано домой переться? Пошли бы сейчас в парк все вместе, прогулялись-проветрились. Лето же уже заканчивается. – И тихо прибавила, вновь улыбнувшись: – А круто ты его отшила.

– Я знаю. Ну, пока.

– Будь осторожней.

– И ты.

Спустившись на один лестничный пролет, Лана достала из кармана мятую пачку «Кент», вынула сигарету и закурила. Первая затяжка неприятно обожгла горло. Вторая показалась чуть мягче.

Несмотря на внешнее спокойствие, внутри у нее все бурлило. Изначально дерьмовый день совершенно скатился под гору. Складывалось ощущение, что кто-то решил годовой запас несчастий и проблем вывалить на ее голову в один день. Да так, чтобы каждая следующая проблема была гораздо хуже предыдущей.

«Надо же было быть такой дурой и припереться сюда. Мне же уже не пятнадцать лет. Этот придурок все настроение испортил».

Вспомнив выражение лица Юрика, Лана все же невольно рассмеялась. Этот «ловелас» после меткой фразы Ланы стал пятнистым, как ягуар, в мгновение ока.

«Нет, ягуар слишком благородно для него. Скорее, жираф».

Лана не удержалась и рассмеялась в полный голос. Образ жирафа с вытянутой физиономией Юрика не мог не насмешить.

«Теперь, дружок, твои друганы будут тебя целый год подкалывать. Смирись!»

Затянувшись горьким дымом, она подумала, что, наверное, ее

великолепная импровизация была чрезмерна. Этот несчастный «ботан», и без того осознающий свое ничтожество, совсем погрузится в свои комплексы. И нынешняя выходка совершенно не делала ей чести. Ведь она могла отшить его тихо, без привлечения внимания всей компании.

«Да пошел он, этот Юрик», – разозлилась она и бросила окурок в дверь. «Бычок», рассыпая искры, перелетел все десять ступенек пролета и попал точно в дверную ручку.

«Незачем было строить из себя мачо. Сам дурак».

В голове ухало чуть сильнее, чем днем, а это означало, что через полчаса ее ждала жуткая головная боль. Так бывало всегда, а сегодняшний день был просто создан для этого. Плохое самочувствие в плохой день – закон.

Лана вышла на улицу. Теплый ветерок ненавязчиво обдувал разгоряченное лицо, делая день чуть менее скверным. Лана улыбнулась, подбадривая себя.

– Прорвемся, подруга. По крайней мере, сегодня хуже уже не будет.

Но она ошиблась. Запас неприятностей на этот день еще не иссяк. Это она выяснила через пару километров, решив, что нужно садиться в метро и ехать домой.

Она полезла в карман за проездным билетом, но там его не оказалось. Так же, как и денег.

– Ох ты, блин, – расстроенно и зло пробормотала она, вспомнив, что не взяла свою сумочку из дома, а просто свалила все необходимое в большую сумку Лены. «В твоей все равно прибавления не будет заметно», – подколола она Лену, когда они, готовые выходить, обувались. Лена тогда улыбнулась, видимо, не поняв шутки.

А вот Лане сейчас совершенно не хотелось улыбаться. Хотелось заплакать.

– А вот и не вернусь, – решила она, представив кислую мину Юрика и шуточки, которые начнет отпускать Сереженька – именинник.

Очередное огорчение ожидало ее примерно через несколько минут, когда она достала телефон, сообразив, что можно вызвать такси и расплатиться дома. Мобильник не работал. Она раз за разом нажимала на кнопку включения, но экран так и не засветился.

– Да что же это такое!

Телефон, который она заряжала раз в неделю, решил вырубиться именно сейчас.

«В такой день не удивительно», – подумала Лана.

Ничего не оставалось, кроме как идти пешком. По ее расчетам, на это требовалось часа два с половиной – три.

«Хорошо, что хоть на улице тепло», – постаралась Лана немного раскрасить ситуацию, но это не помогло. Ложка меда в целой бочке дегтя была совершенно не заметна.

Прогулки по ночной Москве Лане нравились. Город, днем суетливый, как блохастый пес, к ночи успокаивался настолько, насколько вообще может успокоиться многомиллионный мегаполис. Темнота, разбавленная тысячами разнообразных огоньков, была удивительно уютной. Потихоньку из головы вылетали неприятности этого дня.

«Нет, наверное, уже вчерашнего», – подумала Лана и машинально достала телефон.

– Ах да, – проговорила она, глядя на темный экран, и убрала его обратно в карман.

Она совершенно потерялась во времени. Как назло, ей нигде не попадались уличные часы, которыми обычно был усеян буквально весь город. Лана не помнила, когда последний раз у нее возникала такая проблема – невозможность выяснить, который час. Обычно было наоборот. Куча экранов, мониторов, циферблатов беспрестанно сообщали, говорили, выкрикивали твое положение во времени, не давая возможности его забыть.

На Гоголевском бульваре, в сотне метров от начала Остоженки, она подошла к высокому мужчине в брюках и белоснежно-белой рубашке, который в ожидании нужного сигнала светофора сосредоточенно поддевал ботинком камешек, отколовшийся от бордюра.

– Вы не подскажете, сколько времени?

У нее мелькнула странная мысль, что в такой день этот человек обязательно начнет знакомиться с ней самым вульгарным способом, но мужчина лишь отдернул манжету, взглянул на часы и, изобразив на лице нейтрально-равнодушную улыбку, ответил:

– Час тридцать три.

Пешеходный светофор переключился на шагающего зеленого человечка, и мужчина степенно двинулся через дорогу.

– Спасибо, – негромко проговорила Лана вслед, но человек либо не слышал, либо делал вид. Ярко-белое пятно рубашки постепенно удалялось в сторону Волхонки.

– Зануда, – констатировала она.

Отметив, что вчерашний, невезучий, день закончился, Лана улыбнулась. Она и впрямь чувствовала себя лучше.

– Надо было у зануды «стрельнуть» сигарету.

Лана пересекла Пречистенку и вышла на Остоженку. Она автоматически продвигалась вперед, мысленно прокладывая путь

до дома и пытаясь посчитать время. Она не увидела, что перед ней прямо из стены старого желтого дома материализовался человек и задумчиво остановился посреди тротуара. Лана заметила странного прохожего, только когда налетела на него.

3

В конце концов Денис решился и нажал на кнопку звонка. В глубине квартиры раздался перезвон колокольчиков, и тут же поступил ответ, словно хозяин квартиры знал, что парень топчется возле двери.

– Прошу вас. Дверь открыта.

Денис поднес руку к дверной ручке и замер. Затем отдернул ее. Провел рукой по волосам и почувствовал, что вспотел. Спустя несколько секунд все же решился: потянул ручку вниз и толкнул дверь от себя.

Из прихожей пролился мягкий желтый свет, осветив небольшой участок погруженного в полутьму подъезда. Денис шагнул внутрь. В груди появилось странное ощущение, словно сквозь тело пропустили электрический ток. Безболезненно и даже немного приятно. В голове на миг помутилось. Когда Денис переступил порог, непонятное ощущение ушло. Он машинально закрыл дверь. Тихо щелкнул язычок замка, заходя в свой паз.

Квартира выглядела совершенно нежилой. Одноцветные серые стены и поблекший потолок навевали мысли о больнице. Возле двери на стене находилась пустая вешалка. Чуть дальше располагался темно-коричневый, почти черный, платяной шкаф – массивная, более подходящая для замка, чем для квартиры, громада. Рядом стояла тумбочка, под стать шкафу, с телефоном на ней. И все. Не было ничего, что могло бы хоть что-то сказать о хозяине квартиры. Абсолютная безликость. Как будто за двадцать минут до прихода Дениса в совершенно пустой квартире хозяин с бригадой грузчиков расставил немногочисленную мебель, дабы гостю не было слишком тоскливо. Денис поежился. Решение прийти сюда уже казалось ему абсолютно опрометчивым. Решение глупого курьера, который, поведясь на обещанные хрустящие купюры, приперся посреди ночи в здание, более похожее на склеп, чем на жилой дом, и собирается общаться с человеком, который говорит так, словно объявляет станции метро.

– Денис, не разувайтесь, у меня не прибрано.

Денис не мог с этим спорить. Вездесущая пыль покрывала все. Телефон, когда-то ярко-зеленый, стал серым. Все изгибы и

выпуклости дверок платяного шкафа были обведены осевшей на них пылью. Денис обернулся. На паркете в пыли остался четкий след от его левой ноги. Жуткая мысль, пришедшая пару минут назад в подъезде, вновь вернулась. Следы. На полу он не обнаружил никаких следов, кроме тех, что оставил сам…

– Ну что же вы?

«Надо бежать отсюда. Руки в ноги, и не останавливаться до канадской границы», – моментально решил Денис.

Здесь творилось что-то совершенно непонятное, и у него не было никакого желания выяснять, *что* именно. Он развернулся и ухватился за ручку. Денис понял, что дверь не откроется. Она никогда не открывалась в самый ответственный момент. Тысячи пересмотренных голливудских фильмов подтверждали этот основополагающий закон бытия.

Он дернул за ручку. Дверь распахнулась. В этот миг за спиной раздался голос:

– Закрой дверь.

Денис подчинился.

Голос, который должен был быть громким и звонким в пустой квартире, прозвучал глухо и моментально затух, не образовав никакого отзвука.

– Повернись.

Сам того не желая, Денис отпустил дверную ручку и повернулся. Сначала он увидел перед собой только белое пятно. Секунда, и пелена сошла с глаз.

Перед ним стоял довольно высокий мужчина. На нем был черный костюм, который идеально ложился на худощавую фигуру, как будто шился по заказу. Ярким пятном, поразившим Дениса, оказались длинные волосы. Он никогда не видел столь яркого и чистого белого цвета. Натуральные светлые волосы всегда отдавали некоей желтизной, крашеные вообще имели вид выстиранного в «белизне» белья, а у этого человека они были просто белыми, как новая простыня. Худое лицо не имело изъянов и растительности, будто перед Денисом стоял мальчик, еще не столкнувшийся с юношескими прыщами и пушком на верхней губе. На вид ему можно было дать лет двадцать – двадцать пять, но глубокий, проникающий и неимоверно утомленный взгляд больших глаз никак не соответствовал этому возрасту. Серые глаза выглядели древними.

– Давай не будем суетиться. Просто пройдем и поговорим.

Тонкие губы выбивали слова отчетливо, но совершенно безэмоционально. Выцветшие серые глаза неотрывно смотрели на Дениса.

Пару секунд человек продолжал пристально его изучать,

затем развернулся и двинулся в комнату. Денис посмотрел на пол: за странным хозяином квартиры тянулся хвост весьма заурядных следов. Точно такие же подошвы отпечатались по всей прихожей.

У Дениса возникла глупая мысль ущипнуть себя. Может, он сейчас проснется у себя в квартире, а все это окажется просто ночным кошмаром, навеянным каким-нибудь не самым лучшим образцом из его видеоколлекции. Но то, что делали герои второсортных фильмов ужасов, он посчитал неприемлемым. Все происходило на самом деле, и не стоило тешить себя мыслью, что все это сон. Он двинулся следом за человеком с белыми волосами и выцветшими глазами.

Комната была под стать коридору. На этот раз вся меблировка состояла из двух обшитых кожей черных кресел с маленькими изогнутыми ножками и журнального столика со стеклянной столешницей между ними. Войдя, Денис обернулся и увидел справа от себя огромную картину. На ней Ева протягивала яблоко Адаму; чуть в стороне, обвивая райское древо, на обнаженную пару пристально смотрел змей.

Человек присел в кресло, затем рукой указал на второе:

– Присаживайся.

Денис скинул рюкзак и неохотно последовал приглашению. Он ощущал себя безвольным кроликом перед глазами удава.

– Итак, позволь представиться… – произнес человек и замолк.

Повисла пауза. Денис не решался разрушить тишину, хотя обычно не упускал возможности уколоть собеседника какой-нибудь глупой шуткой. Человек с белыми волосами совершенно не походил на объект для шуток.

Несколько секунд спустя человек улыбнулся, словно ему в голову пришла интересная мысль.

– Меня зовут Анкудинов Константин Андреевич. Пожалуй, это все, что тебе необходимо знать обо мне.

Он продолжил:

– Твоя работа будет чрезвычайно проста. Собственно говоря, это будет работа, которой ты занимаешься постоянно. Все, что от тебя требуется, – это разносить письма. Раз в неделю, в тот же день и то же время, что и сегодня, ты будешь приезжать сюда. Я буду давать тебе несколько пакетов, на которых будет указан адрес, получатель, день и время получения. Никаких отчетов мне писать не надо, я всегда буду тут же узнавать о том, что ты посылку передал. – Человек подался вперед и пристально посмотрел в глаза Денису. – Или не передал. Оплата будет производиться во время наших встреч. Кстати, пока не забыл…

Человек достал дорогой на вид черный кожаный бумажник и

вынул оттуда несколько купюр.

– Давай сразу разберемся с авансом, ну, или с компенсацией, в зависимости от исхода нашей беседы, и перейдем к твоим вопросам.

Денис машинально взял протянутые деньги. Ему не нравилось то, что происходило. Тут был какой-то подвох. Ситуация напоминала сделку с дьяволом. И, судя по просмотренным фильмам, никогда сделка с дьяволом не приводила к добру. Разве что в легкомысленных комедиях. Но нынешняя ситуация нисколько не походила на комедию.

Тысячерублевые купюры упали на столик.

– Нет, извините, Константин… – он замялся.

– Андреевич, – подсказал человек, глядя на него своими древними глазами. Его взгляд словно проникал под кожу, под черепную коробку прямиком в мозг. Денис даже на миг почувствовал копошение в голове. Как будто чесалось что-то внутри, что невозможно почесать, но и игнорировать сложно.

– Да, точно, Константин Андреевич. Так вот, боюсь, у нас с вами бизнес не срастется. Спасибо за такое щедрое предложение, но…

– Не торопись с решением.

Продолжение речи застряло у Дениса в горле. Он беспокойно посмотрел на Константина Андреевича. Анкудинов прищурил глаза, словно у него на уме была какая-то хитрость, но из-за глаз, холодных и бесчувственных, мимика казалась пародией на эмоции.

Константин Андреевич наклонился, пытаясь что-то достать из-под стола. Денис заметил под стеклянной поверхностью стола черный портфель. Он готов был поклясться всей своей видеоколлекцией, что минуту назад там ничего не было.

«Сейчас достанет ствол и начнет палить почем зря. Надо же было вляпаться в такое дерьмо», – внутренне напрягся Денис, хотя ясно понимал, что такого не произойдет. Он же не в кино. И, кроме того, Анкудинов еще не изложил свои аргументы.

Константин Андреевич вместо ствола достал черный ноутбук.

Рука Дениса потянулась к волосам, но он заставил себя опустить ее.

Анкудинов выставил ноутбук на журнальный столик и включил. Поколдовав несколько секунд, он развернул компьютер монитором к Денису, а сам встал и прошел ему за спину. Денису это совершенно не понравилось. При приближении Константина Андреевича по его рукам побежали мурашки.

Экран несколько секунд оставался темным, а затем появилась картинка: безлюдный переулок и несколько припаркованных

вдоль дороги машин. Камера невидимого оператора сначала прошлась по ряду автомобилей, а затем остановилась на одном из них – огромном черном внедорожнике прямо напротив камеры.

Денис застыл в ужасе, поняв, что именно сейчас ему собираются показать. Он не представлял, как это возможно, но оператор, судя по расположению камеры, стоял в пяти метрах от внедорожника. Причем непосредственно на дороге.

На экране события начали развиваться. Слева в кадре появилась худая фигура. Поблизости не работал ни один фонарь, однако героя этого ролика было отчетливо видно: голубые джинсы и черная футболка. В руках у фигуры угадывался большой и, судя по всему, увесистый пакет.

«Этого не может быть, – в панике, к которой примешивалась большая доля страха, подумал Денис. – Он не мог там быть, я бы его увидел, он не мог там быть…»

Но ролик с Денисом в главной роли доказывал обратное.

Сердце Дениса глухими быстрыми ударами отдавалось в горле. Он почувствовал, как пот выступил на лбу. Лицо обдало жаром, словно он стоял возле пышущей на полную мощь печи.

Денис, тот, что на экране, скрылся за внедорожником. Через минуту он вновь появился в кадре и встал впереди внедорожника так, что был теперь отчетливо виден в профиль.

– Мой любимый эпизод, – произнес Константин Андреевич из-за спины.

Денис вздрогнул. В страхе, что его тайна кому-то известна, он и вовсе забыл, что Анкудинов стоит сзади.

– Много раз его пересматривал.

«Когда? Ведь это произошло пару часов назад», – мелькнула мысль.

Он смотрел на экран, ожидая продолжения. И оно последовало: молодой человек на экране воровато оглянулся, а затем… спустил до колен джинсы и достал свой…

Константин Андреевич расхохотался: наигранно, холодно и безжизненно. Этот жесткий смех, словно острая льдина, проник в голову Денису.

Тем временем человечек в ноутбуке, озираясь, облегчался на машину. Окончив, он вдруг дернулся, быстро натянул штаны и присел. Замер, сидя в метровом пространстве между машинами. Звук отсутствовал, но Денис знал, что сейчас по дороге, на которой стоял невидимый оператор, проедет автомобиль. В ту же секунду нижняя часть экрана превратилась в одно размытое пятно: легковая машина пролетела в каких-то сантиметрах от камеры.

«Его там не было», – осенила Дениса жуткая мысль. Он не

знал, как это возможно, но оператор там не стоял. Машина не могла спокойно проехать в такой близости от человека. Она бы вильнула или притормозила, но точно не проехала бы так, словно рядом никого нет. Это было невозможно, но все же было: оператор там не стоял, однако сама запись существовала.

Вновь стало видно Дениса: тот посидел еще несколько секунд, потом привстал и внимательно изучил территорию вокруг себя. При этом он не единожды мазнул взглядом по тому месту, где расположился невидимый оператор. Он всегда проверял территорию, прежде чем реализовывать задуманное. Он считал, что грамотная разведка перед проведением операции являлась залогом успеха. Денис – герой ролика снова нырнул за внедорожник и вновь появился. На этот раз он держал в руках темно-серую пластмассовую канистру. Отвинтил крышку и начал плескать жидкость на автомобиль. Капот, колеса, двери, крылья. Через две минуты дело было сделано.

Денис смотрел, не отрываясь. С одной стороны, он понимал, что этот ролик – очень сильный компромат в руках человека с белыми волосами. Но с другой – в данную минуту ему было глубоко плевать. Когда происходящее на экране приблизилось к самому главному, он забыл обо всем. Он завороженно смотрел на себя со стороны, испытывая новое ощущение: не адреналин, но незабываемое послевкусие адреналина.

Денис на экране убрал канистру обратно в пакет. Огляделся: никого. Посмотрел на дорожку, скрывающуюся за заброшенным одноэтажным домом. Она выведет его на параллельную улицу, такую же безлюдную в этот час. Мелькнула искра, еще раз, и в руках появился оранжевый язычок пламени. «Зиппо». Андрюха подарил Денису год назад. Денис не курил, но для его небольшого хобби эта зажигалка подходила как нельзя лучше. Она смотрелась серьезно. Придавала всему действу ощущение основательности и завершенности. Денис очень любил проверять, сможет ли «Зиппо» вспыхнуть десять раз подряд. Как в том фильме – «Четыре комнаты».

Денис поднес зажигалку к решетке радиатора, и вечерняя улица озарилась вспыхнувшим пламенем. «Дровишки дорогие получаются», – так подумал он несколько часов назад, стоя перед полыхающей машиной, и сейчас, в этой странной квартире, он вспомнил эту мысль. Оба Дениса одновременно улыбнулись. У героя короткометражного фильма, впрочем, улыбка достаточно быстро пропала – нужно было уходить. Он еще раз огляделся и пропал из кадра.

Камера некоторое время продолжала показывать полыхающую машину, а потом отключилась. Судя по всему,

красота огня не интересовала оператора. Его интересовал тот, кто этот огонь зажег.

Константин Андреевич обошел столик, захлопнул крышку ноутбука и сел в кресло.

– Итак, теперь мы спокойно можем обсудить твое желание, или нежелание, работать на меня. Давай взвесим все, так сказать, pro et contra, – человек положил на стол левую руку ладонью вверх. – На одной чаше весов ты. Работающий, зарабатывающий, распоряжающийся почти всем своим временем. Взглянем на другую чашу. – На стол легла правая рука. – Удивительно! Там тоже ты. Но посмотри на себя. Там ты жалкий мелкий уголовник.

Константин Андреевич сделал паузу. Дал Денису осознать и прочувствовать оба варианта.

Денис глубоко задумался. Как быстро все сошло к банальному шантажу. Вся вступительная часть была только для того, чтобы сказать: «Тебе придется делать то, что мне нужно. Вариантов нет». И ради кого? Ради человека, у которого не хватило запала закончить институт и не хватило мозгов найти более или менее нормальную работу. Зачем он нужен был этому Анкудинову?

Константин Андреевич прервал его размышления.

– В моем распоряжении записи всех твоих так называемых операций «Огненный шквал». – Он усмехнулся. – Хотя, по моему скромному убеждению, лучше бы подошло название «Цунами». В общем, перспективы в случае твоего отказа от сотрудничества со мной совершенно нерадужные. Однако же было бы грубостью с моей стороны принуждать тебя к каким-либо договоренностям без твоего на то согласия. Все должно происходить bene placito[5]. Добрая воля обеих сторон – залог плодотворного сотрудничества.

Денис молчал. Он хотел что-то сказать, но не смог. В горле пересохло. В один миг в его жизни все представилось совершенно в другом свете. Этот человек с белыми, как у Леголаса из «Властелина колец», волосами за несколько минут взял его за горло так элегантно и непринужденно, что Денис онемел. В голове билась одна мысль: «Загнал в угол, как крысу, загнал в угол, как крысу, загнал в угол…», мешая мыслить более рационально. А сейчас как раз и наступил момент, когда требовалась здравая, взвешенная мысль, способная изменить расстановку сил. Но, к сожалению, ничего более связного в голову так и не пришло.

– Денис, я не хочу тебя торопить, но…

Анкудинов пристально посмотрел на него. От этого взгляда по спине Дениса пробежал холодок. Он отвел взгляд – просто был не в силах смотреть на эти холодные древние глаза.

– Хорошо…

Анкудинов кивнул и поднял вверх длинный и тонкий, как у пианиста, указательный палец. Денис мельком отметил, что ноготь выглядел так, словно над ним совсем недавно поработала маникюрщица.

– Не просто «хорошо», а «хорошо, Константин Андреевич». Люблю, когда люди соблюдают правила приличия.

– Хорошо, Константин Андреевич.

– Вот и отлично, Денис. Я с самого начала знал, что ты – парень смышленый. Итак, давай разберемся с заданием на неделю.

Константин Андреевич снова полез в портфель и на этот раз достал небольшую пачку конвертов. Положив письма на стол, он аккуратно тем же указательным пальцем подвинул их к краю столика, где сидел Денис.

– Прошу, – произнес Анкудинов, сделав приглашающий жест ладонью.

Денис взял верхний конверт. Бумага показалась ему очень качественной – твердой, как картон, и в то же время приятной на ощупь, как бархат. Внутри, судя по толщине конверта, лежал один лист, не более. В левом верхнем углу ярко-белого конверта располагался логотип: красные плавающие буквы, словно под надписью бурлила лава. «AMS». Он о такой фирме никогда не слышал. Походило на какую-то пародию: «EMS», «UPS», а теперь вот и «AMS». В правом нижнем углу графы «Кому» и «Куда» были заполнены.

«Парфеновой Людмиле Николаевне», – прочитал про себя Денис. Далее следовал адрес. Чуть ниже были написаны дата и время. 01.09.2011 г. 10.34. Сегодня было двадцать девятое августа. Хотя, учитывая время, уже наступило тридцатое.

– А что это такое? – Денис показал пальцем на цифры.

– Ты невнимателен, Денис. В последующем настоятельно рекомендую тебе слушать меня получше.

Денис поежился. От Константина Андреевича исходила холодная величественность, словно он был прокуратором, бесстрастно выносящим смертный приговор жалкому червю.

– Это дата и время, когда ты должен принести письмо. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Письма разложены в хронологическом порядке.

Константин Андреевич посмотрел на часы, наигранно, словно его совершенно не интересовало, сколько сейчас времени.

– У меня еще очень много дел. Поэтому, если нет никаких вопросов, то я с тобой прощаюсь до следующего понедельника.

Не дав ему опомниться, Константин Андреевич встал.

– И помни, Денис, я узнаю о невыполненном поручении моментально. Будь аккуратен. Большие деньги подразумевают большую ответственность.

Денис прошел в прихожую. Константин Андреевич открыл входную дверь и протянул ладонь. Денис машинально, не отдавая себе отчета, отпрянул от руки. Он не хотел прикасаться к этому человеку. Но взглянув вниз, Денис увидел зажатые в руке тысячерублевки, которые он оставил на столике.

«Черт, продал душу дьяволу, а деньги взять забыл. Очень смешно».

Только вот смеяться-то и не хотелось. Денис взял купюры и пробормотал:

– До свидания.

Он вышел в подъезд. Дверь за спиной захлопнулась.

На выходе из дворов Дениса ожидало странное зрелище. Остоженка светилась. После темени двора дома номер шесть «а» улица, казалось, просто источала сияние. Денис моргнул. Нет, все вроде было как обычно. Улица как улица.

В этот момент Дениса кто-то толкнул.

4

Виктор Погодин последний раз затянулся горьким дымом и бросил окурок в форточку.

«Надеюсь, внизу не копошится какой-нибудь мудак, – подумал он. – Хотя от одного «бычка» хуже ему не станет». Он хрипло рассмеялся и тут же зашелся в удушающем кашле. На стекле остались крупные алые брызги. А вот это уже было не смешно. Не стоило ходить к «коновалам», чтобы понять, что осталось ему совсем немного.

– Не доставлю удовольствия этим сволочам – сдохну дома.

Скрипучий, булькающий голос, раздавшийся в пустой «однушке», испугал Виктора. Он закрыл форточку и прошел на кухню. Там насыпал сухой корм в железную миску на полу и, задохнувшись, сел на табурет.

– Господи, шага не сделаешь без одышки.

Ему было невыносимо слышать свой голос, похожий на карканье старого ворона, но в последние годы, кроме себя, ему не с кем было поговорить. Редкие исключения (в основном, кассирши в супермаркете в паре сотен метров от дома Виктора) только подтверждали правило – никому не было дела до умирающего старика с отвратительным характером.

Облезлая кошка медленно зашла в комнату, посмотрела на

хозяина и, жалобно мяукнув, двинулась к своей тарелке.

– Жри, Мурка, жри, старая дура. Когда сдохну, некому тебя покормить будет.

Кошка была того неопределенного цвета, который присущ старым животным: белые лапы и туловище стали светло-серыми, черные хвост и голова превратились в темно-серые. Она походила на выцветший половичок в прихожей Виктора. Да что там, она выглядела как звериное выражение своего хозяина – никому не нужное, доживающее свой век существо.

– Посмотрим, кто кого, – прохрипел Виктор, подумав, что Мурке тоже, как и ему, осталось недолго.

Глядя на то, как кошка поглощает корм, Погодин вспомнил, что сам он сегодня еще не ел. Старые настенные часы, имитирующие ручные, показывали пятнадцать минут четвертого. На завтрак он выпил чашку крепкого чая без сахара (два пакетика) и покурил (две сигареты, одна за другой). Видимо, пришла очередь обеда. Судя по часам.

Виктор открыл холодильник. В морозилке обнаружилась пачка пельменей, превратившаяся в монолит, а внизу – растительное масло и несколько яиц. Давно засохшая горчица в банке дополняла картину. Есть не хотелось, но нужно было себя заставить.

Виктор поставил кастрюлю на плиту и снова сел на табуретку. Так он сидел, уставившись в стену, до тех пор, пока вода не закипела. Он думал.

Перекусив, Виктор вышел в гостиную и открыл дверцу шкафа, стоящего напротив выхода на балкон. Чуть приподнявшись на цыпочках, он поковырялся в груде одежды и извлек увесистый бинокль с белыми буквами «Zeiss»[6] на синем флажке. Зачем было его прятать? Никто уже несколько лет не появлялся в его квартире. Может быть, просто привычка? Как говорится, береженого Бог бережет. Хотя насчет последнего у Виктора были большие сомнения. По крайней мере, его сына и жену Всевышний сохранить не соизволил. Одиннадцать лет назад двое подонков убили несчастную женщину. Из-за сережек. Из-за дешевых сережек, которые Виктор ей подарил за неделю до убийства. Вот так подарочек. Но, видимо, Богу показалось этого мало, и он забрал к себе еще и сорокалетнего сына Виктора – Славу. Сын умер от сердечного приступа, неся на плече гроб матери. Тело усопшей съехало прямо на него, и хлоп! Уже не один труп, а два. Наслаждайся, Витя, и благодари Всевышнего за дары его.

Следом за «цейссовским» биноклем Погодин достал штык-нож. Стрелковая энциклопедия сообщала, что это аксессуар от «АК-47». Виктор пару лет назад нашел его в лесу завернутым в

пакет. Возможно, нож уже попробовал крови до того, как попал к нему. Виктора это не интересовало.

Штык-нож оказался совершенно тупым. Им было довольно сложно проткнуть что-либо толще, чем лист картона. А заточка походила на сизифов труд. Но Виктору нравилось это оружие. Он не собирался менять его на нож, хотя это казалось гораздо проще. Виктор верил, что эта находка была знамением. Еще бы, ведь через две недели после того, как он нашел штык-нож, убийцы Катеньки вышли на свободу.

Обоих убийц выпустили через восемь лет. Виктор стал следить за ними. Приобрел бинокль, выяснил, где жили эти ублюдки. Последнее оказалось не таким уж сложным делом, так как адреса находились в материалах дела. Время от времени, приходя домой, уставший и задыхающийся, он, не разуваясь, проходил в гостиную, брал штык-нож и алмазный надфиль, садился на табуретке в кухне и принимался затачивать острие ножа. Сперва у него ничего не получалось, но со временем он приноровился, и в конце концов добился нужного результата. На лезвие он не обращал внимания. Он не собирался резать, он собирался колоть. Позже выяснилось, что после первого удара острие моментально затуплялось, но это не смущало Виктора. Он надеялся, что для того, чтобы убить, будет достаточно одного удара.

С первым из убийц он разобрался в парке.

На улице в тот день, чуть меньше года назад, стояла зябкая октябрьская погода. После ночного дождя сырость, казалось, проникала прямо внутрь.

В молодости Виктор любил такую погоду. Он время от времени выходил после дождя и прогуливался в одиночестве, наслаждаясь сырым свежим воздухом. Катя, его жена, всегда удивлялась этому. «Я не знаю, милый, ни одного человека, которому бы нравилась эта мерзость», – говорила она ласковым тоном, в котором он чувствовал нотки убежденности в своей правоте и снисходительности к тем, кто по собственной глупости не принимает ее точку зрения. Но с возрастом сырая погода стала нравиться ему все меньше и меньше. Артрит, первые признаки которого появились после пятидесяти, постепенно отбил желание совершать подобные прогулки.

В тот день, когда он совершил свое первое убийство, руки нещадно ломило, словно ладони были зажаты в тиски, а пластины постепенно сближались, перемалывая кости. Старые кожаные перчатки совершенно не помогали. Хотелось плюнуть на

все и пойти в относительно теплую квартиру, выпить пару-тройку рюмок водки и, немного согревшись, забыться сном без сновидений. Но идти на поводу своих желаний означало предать свою семью и память о ней.

Виктор начал слежку с вечера пятницы. Он проследил, как убийца вышел из дома, прошел несколько кварталов и свернул в старую панельную пятиэтажку. Он знал, что здесь обитали собутыльники этого ублюдка – такое же отродье, как и сам убийца. Но другие не волновали Виктора – не они воткнули нож в живот его Катеньки и не они сорвали дешевые сережки с еще живой женщины так, что разорвали мочки ушей надвое. Его интересовал Дмитрий Кондратенко 1977 года рождения, один из убийц его жены.

Всю ночь Виктор просидел на скамейке возле здания, где скрылся Кондратенко. Время от времени он прохаживался по двору, стараясь не спускать глаз с железной двери подъезда. Он знал, что этот ублюдок не покинет дом до утра. Так случалось всегда. Но все же не стоило полагаться лишь на это знание, потому что слишком многое стояло на кону.

Кондратенко, тощий как доберман, с крысиной мордой и маленькими мутными глазками, вышел из подъезда в полчетвертого утра, не обратив никакого внимания на сидящего на лавке старика. Грабитель и убийца улыбался пьяненькой улыбочкой – он был доволен жизнью. В этот момент он явно не думал о старухе, из-за которой провел восемь лет за решеткой. Но Виктор Погодин, бывший муж и отец, собирался об этом напомнить.

Воронцовский парк, безлюдный в этот предутренний час, как нельзя лучше подходил для акта возмездия. Виктор, узнав, что Кондратенко практически каждую пятницу ходит через парк, досконально изучил весь путь – все вплоть до количества фонарей и скамеек. Оставалось только дождаться удобного времени. И это время настало.

Полная луна на чистом от облаков небе хорошо освещала дорожки. Она походила на глаз великана, подсматривающего сверху за тем, что должно было произойти внизу. Она словно говорила: «Давай, старик, делай свое дело, а я тебе помогу. Никто ничего не узнает, кроме тебя и меня… и того парня, которого ты собираешься убить». Погодин шел следом за медленно плетущимся Кондратенко на расстоянии двадцати-тридцати метров. Худая сутулая фигура Кондратенко время от времени делала зигзаги к краям дорожки, а потом возвращалась на первоначальный курс, продолжая свое неуверенное движение вперед. Постепенно, по мере того как они углублялись в парк,

Виктор подобрался ближе. Теперь он двигался в десятке шагов позади и слышал, как Кондратенко несвязно бормочет что-то себе под нос. Когда кончился ряд скамеек и деревья, лишенные листвы, подступили ближе к дорожке, Виктор увидел декоративное озерцо, которое уже давно приметил. Метрах в десяти, прямо у берега, стояло недостроенное одноэтажное здание. Полуразрушенные кирпичные стены были покрыты десятками непонятных картинок, раскрашенных яркими цветами, и слов, слепленных из разнокалиберных, словно кривляющихся, букв. Кирпичи поменяли белый цвет на грязно-желтый. Кладка местами была разрушена – внизу, под стеной, землю покрывала цементная пыль и валялись осколки кирпичей. На другой стороне водоема стояли маленькие будочки недорогих закусочных, на счастье, закрытых в этот ранний час. Видны были лишь яркие перемигивания датчиков сигнализации на окнах.

Дорожка постепенно подступала к озеру. Виктор сдерживал себя, дожидаясь, когда Кондратенко максимально близко подойдет к воде. Ведь потом Погодину придется тащить мертвое тело к озеру, а в его возрасте эта задача была не из легких. Когда от Кондратенко до ближайшего бережка оставалось всего метров пять, Виктор, наконец, позвал его хриплым голосом:

– Дима!

– Ч-ч-чего? – пробормотал пьяный Кондратенко и медленно, плохо держась на ногах, обернулся.

Штык-нож проткнул кожаную куртку и вошел в плоть. Тихо и как-то буднично. Виктор отметил мысленно, что острие ножа нужно будет снова точить. Для второго убийцы. Но пока нужно было закончить с первым.

Кондратенко согнулся пополам. Он не кричал – он молча поднял непонимающий взгляд на человека, стоявшего перед ним. Нож странным наростом, слившимся в темноте с черной курткой Кондратенко, торчал из живота. Постояв несколько секунд в таком положении, Кондратенко с тихим вздохом рухнул на колени.

– Помнишь меня, Дима?

Виктор задыхался. Он все силы вложил в удар и не представлял, что будет делать, если первого удара окажется недостаточно и этот ублюдок встанет на ноги. Тогда, год назад, рак еще не превратил Виктора в постоянно задыхающуюся развалину, но в семьдесят три года не приходилось ожидать особой прыти.

Но Кондратенко не встал. Он покачивался, стоя на коленях, и в его моментально протрезвевших глазах светилось узнавание.

– Ты, ты… ты муж той…

Он остановился.

– Да, Дима, я муж той женщины, которую вы, суки, ты и твой сраный дружок Филимонов, погубили из-за куска железа.

Виктор с трудом присел около Кондратенко, ухватился за ручку ножа и рванул его на себя. Сперва лезвие не поддалось, а раненый Кондратенко негромко взвыл. Виктор не обратил на это внимания и дернул еще раз. Нож с еле слышным хлюпаньем вышел наружу. Кондратенко положил руки на рану, где растекалось темное пятно, едва различимое при лунном свете, и покорно смотрел на вновь вставшего Виктора.

Погодин хотел сказать умирающему, каково это – лишиться сразу всего за несколько дней, каково это – наблюдать, как мир трещит по швам, разваливаясь на части. Но, как назло, мысли не складывались в слова. Он стоял и молча смотрел на Кондратенко, стоящего на коленях.

Чувства удовлетворения не появилось. Остался только мерзкий осадок, словно он извалялся в грязи.

Кондратенко еще несколько секунд держал взгляд на Викторе, затем его глаза затянуло поволокой, он плавно завалился на бок и замер. Виктор, все еще держа окровавленный нож в руке, стоял над мертвым телом и думал, почему смерть этого ублюдка не приносила облегчения. Ведь получилось именно так, как он себе это тысячи раз представлял. Кондратенко успел понять, за что умирает. Он узнал человека, которому он со своим дружком испортил жизнь и который теперь возвращал должок. Но почему же не стало лучше?

«Потому что вопрос решен еще не полностью. Остался Филимонов», – подумал он, и стало немного легче. Виктор понимал, что после того, как он разберется со вторым, его быстро вычислят, выяснив связь между двумя бывшими заключенными, осужденными за одно и то же преступление на одинаковые сроки. Но это не имело значения. Совершенно никакого. Все, что было после, его не волновало.

Виктор тряхнул головой. В последнее время он частенько уходил в свои мысли, забывая об окружающем мире, а сейчас нужно было двигаться, если он не хотел оставить дело незавершенным. Виктор машинально вытер окровавленный нож о рукав своего пальто и убрал его во внутренний карман.

«Черт, зачем я это сделал?»

Голова плохо соображала, а сейчас как раз требовалась четкая работа мозга. Нужно было следовать первоначальному плану.

Виктор осмотрелся по сторонам и, никого не заметив, ухватился за ворот куртки мертвеца и потянул его в сторону

ближайшего бережка. Несмотря на то, что Кондратенко был худым и низкорослым, Виктору казалось, что он тащит стокилограммовую тушу. Пальцы болели и плохо сгибались, поэтому ворот то и дело выскальзывал из перчаток и тело съезжало на землю. Несмотря на холод, Виктор вспотел. Он задыхался, и, как обычно, следом появился кашель. Сухой, болезненный, раздирающий изнутри горло и грудь кашель. В тот день Виктор еще не придавал значения этой боли.

Он тихо бормотал:

– Давай, Димочка, еще немного, и я от тебя отстану. Ну что ж ты такой тяжелый, а? Давай, еще чуть-чуть.

Наконец он дотащил тело до озера и отпустил куртку Кондратенко. Боль от пальцев толчками расходилась по рукам. Виктор еле держался, чтобы не закричать. Он не представлял, как он продолжит начатое, но останавливаться было поздно.

Внезапно за деревьями, в двадцати метрах от озера, раздались голоса. Виктор машинально присел. Коленные суставы возмущенно хрустнули. Смысла в этом не было – даже если случайные свидетели с такого расстояния и не могли увидеть лежащее тело, то уж сидящего на корточках на пустом берегу под лунным светом старика наверняка бы заметили. Получалось, что из-за какой-то загулявшей парочки весь план и выеденного яйца не стоил.

Раздался шорох листьев и веток под ногами. Он приближался. Как и голоса. Виктор сидел, затаив дыхание, не в состоянии даже пошевелиться. Он чувствовал, что не сдвинется с места, даже если эти люди подойдут к нему вплотную. Голова крутила и крутила эту мысль по кругу: «Буду сидеть, даже если они подойдут, буду сидеть, буду сидеть».

Внезапно шорох прекратился. В установившейся тишине Виктор слышал, как в висках отдается стук сердца.

– Оль, по ходу, мы не туда идем, – раздался осторожный, даже немного вкрадчивый, мужской голос. Виктор почему-то представил себе эквилибриста, движущегося по канату в двадцати метрах от пола цирковой арены. Они с Катей и маленьким Славой видели такое в цирке на Цветном бульваре.

«Какая же чушь лезет в голову», – отчаянно подумал он.

– Ну я уже не знаю, – заныл, словно кошка под дверью, женский голос. – Это ты у нас все всегда знаешь: что делать, куда идти…

– Вон дорожка, милая. По ходу, наша.

Молчание.

– Ага, точно, вон и «Летние грезы», – заискивающе продолжил мужской голос.

И, о чудо, парочка стала удаляться, так и не появившись на дорожке возле озера.

Виктор дождался, когда голоса окончательно стихли, и встал. Ноги вибрировали, словно через них пустили не сильный, но чувствительный заряд электричества.

Он оставил труп возле воды и двинулся к недостроенному зданию. Существовал риск, что кто-нибудь появится и увидит мертвеца, но другого выхода не существовало – у Виктора просто-напросто уже не было сил маскировать тело. Он вошел в пустой дверной проем и оказался в полной темноте. Лунный свет освещал небольшой пятачок у входа, но дальше, в глубине, не было видно ни зги. Виктор постоял несколько секунд, привыкая к темноте. Затем, осторожно, выставив руки вперед и ощупывая ногой пол, двинулся вперед. Несколько шагов, и Виктор присел. Пошарив в темноте, он обнаружил то, что искал. Две недели назад, прохаживаясь около озера и изучая местность, он наткнулся на кое-что интересное. Возле стены лежал отколотый кусок бетонной плиты. Совсем небольшой – ничего особенного. Но заинтересовал Виктора не сам этот камень, а петля из арматуры, торчавшая с одного края. Когда он увидел железный прут, обоими концами спрятавшийся в плиту, похожий на подкову, он понял, что действительно собирался сделать то, о чем так долго думал. Он собирался лишить жизни двух людей (если им подходил этот термин), которых он считал недостойными этой самой жизни. Увидев кусок железа, частично спрятанный в кусок камня, он тут же представил себе в красках, как использует все это. Он очень надеялся, что найденная «подкова» будет на счастье. И теперь, спустя несколько минут после убийства Кондратенко, нащупав в темноте ребристый пруток, он еще раз подумал: «На счастье».

Ухватившись правой рукой за петлю, он просунул левую под камень и попытался поднять кусок бетона. Боль пронзила ладони. Виктор закусил нижнюю губу, чтобы не закричать.

«Когда же это все кончится?» – подумал он в отчаянии.

Поднять камень он был не в состоянии. Подумав секунду, Виктор схватился за петлю уже левой рукой, которая болела меньше, и поволок камень по земле. Он тянул и думал, что эта пытка никогда не прекратится, что это Бог насмехается над ним, делая его существование чуть тяжелей. И еще чуть тяжелей. И еще.

«Получится чудесная надгробная плита», – настойчиво повторял он про себя, пока тянул тяжелый камень к трупу Кондратенко. Эта мысль помогала отвлечься от непреодолимого желания остановиться и бросить начатое дело прямо сейчас и

здесь.

Наконец он оказался возле тела.

– Я принес тебе твою надгробную плиту, мертвый ты сучий сын, – задыхаясь, озвучил он свою мысль и хрипло рассмеялся.

Легкие тут же отозвались кашлем, оставившим горечь во рту. Он еще не добрался до той стадии, когда каждое напряжение глотки заканчивается невыносимым кашлем и кровавыми брызгами, но это уже было не за горами.

Прокашлявшись, Виктор расстегнул пару пуговиц и, оттянув рукой лацкан пальто, полез во внутренний карман. Холод моментально пробрался к груди, заставив Виктора поежиться. Поначалу он не нашел то, что искал.

«Черт, старый маразматик», – подумал было он, но тут же, просунув руку чуть дальше в глубокий карман, выдохнул. На месте.

Он извлек моток тонкой веревки, скрученный в тугую «восьмерку». Пальцы не слушались, но, в конце концов, он смог развязать узел. Повернувшись к трупу, Погодин сделал шаг, но тут обнаружил кое-что странное. Рядом с телом Кондратенко лежало что-то темное. Виктор, поморщившись, присел, бросил веревку на землю и взял непонятный предмет в руку. На ощупь вещь казалась твердой, но не настолько, чтобы оказаться камнем. Чуть развернувшись к свету, он, наконец, увидел, *что* держит в руках, и с омерзением отбросил. Черно-белая тушка мертвой и закостеневшей сороки упала на землю. Виктор машинально вытер руки о пальто.

Виктор водрузил на тело Кондратенко увесистый камень таким образом, чтобы арматура осталась сверху. Руки ломило нещадно. В голове вновь, словно мигающий свет светофора, мелькала мысль: «Когда же это закончится, когда это закончится, когда?..»

Он продел левую кисть трупа в петлю. Правая же не желала проходить в оставшееся пространство. Погодин никак не мог управиться замерзшими пальцами. В конце концов он медленно разогнулся и опустил тяжелый ботинок на кисть Кондратенко. Хруст костей резанул по ушам и словно прочистил голову Виктору.

«Матерь Божья, что я делаю?»

Ему показалось, что он погрузился в какой-то жуткий сон, где все происходит независимо от спящего и события развиваются так, как того хочет сам сон. И теперь, проснувшись, он понял, что кошмар не закончился. Виктор постарался представить себя со стороны. Картинка получилась впечатляющая: безумный старик, который всадил нож в человека, а теперь измывается над трупом

в попытке замести следы преступления; руки измазаны в крови жертвы, на левом рукаве пальто следы того же багрово-красного цвета – там, где сумасшедший старик вытер орудие.

Виктор сел рядом с телом и положил голову на ладони. По лицу пробежал холодок от перчаток. Он так и сидел, пытаясь совладать со своими эмоциями. Нельзя было терять время – в любой момент мог появиться какой-нибудь случайный прохожий, но сил не хватало даже на то, чтобы встать. Если бы сейчас его обнаружили рядом с трупом, он был бы даже рад, потому что ему не пришлось бы продолжать начатое.

Через пять минут он почувствовал себя немного лучше и, не вставая, потянулся к переломанной кисти трупа. На этот раз правая рука Кондратенко влезла в петлю. Виктор развернул ладони мертвеца таким образом, чтобы они не выскользнули из ловушки, и подергал. Получилось достаточно надежно. Однако Виктор все равно воспользовался веревкой. Он не хотел, чтобы из-за какой-нибудь досадной мелочи его план сорвался. Ведь в живых оставался еще один ублюдок, с которым предстояло разобраться.

Когда руки мертвеца были надежно привязаны к арматуре, Виктор просунул ладони под спину Кондратенко.

«А что, если здесь мелко? Почему я это не выяснил? – пришла в голову запоздалая мысль. И снова он выругал себя: – Старый глупый маразматик».

Сомневаться и делать пустые предположения было уже поздно. Все скатилось к банальному выбору: пан или пропал. И чем дольше он находился тут, тем больше становилась вероятность того, что кто-то может появиться и увидеть старика, пытающегося спрятать труп в озере.

Виктор с трудом столкнул тело в воду. Раздался тихий всплеск, и труп в считаные секунды исчез из виду.

– Пан, твою мать! – произнес Виктор и зашелся в кашле.

Когда приступ прошел, он оглядел берег: ничего подозрительного, что могло привлечь ненужное внимание, в глаза не бросилось. Погодин медленно поднялся и шаркающей походкой двинулся прочь от озера.

Дома он, наспех раздевшись, рухнул в кровать в надежде забыться. Но сон в то утро не пришел.

Виктор вернул на место бинокль, затем туда же положил штык-нож и все прикрыл одеждой. После этого он заглянул на кухню и посмотрел на часы. Воспоминания об убийстве годовой давности выкрали пятнадцать минут из его жизни. Виктора это не удивило. С момента смерти жены и сына он все чаще стал

уходить в себя, предпочитая иллюзорный мир воспоминаний вместо холодной и безнадежной реальности.

Через несколько дней, в субботу, он собирался навестить второго душегуба. Потребовалось несколько месяцев, чтобы подготовиться к этому. Сил становилось все меньше, и откладывать было уже нельзя. Поэтому в ближайшее время он намеревался завершить свою месть.

5

– Ты чего тут растележился?

– А под ноги смотреть?

Вопросы прозвучали одновременно: голос Ланы был наполнен раздражением, копившимся весь предыдущий день, а парень, с которым она столкнулась, показался ей удивленным и растерянным.

И тут же оба снова произнесли в унисон:

– А сама…

– А сам…

И замолчали. Парень, видимо, придя в себя и сориентировавшись, заявил:

– Ты первая.

Лана хотела высказаться, даже придумала в голове начало: «Встал тут, как столб, посередине мостовой, не обойти, не объехать», потом поняла, что ее раздражение при виде доброжелательного лица этого неряшливого парня с всклокоченными волосами куда-то исчезло.

– Дурак, – проговорила она и невольно улыбнулась.

– Ценное замечание, мадам. Я приму это к сведению.

– Вот-вот. А после того, как примешь – причешись.

И поняла, что перегнула палку. Но, казалось, парня это нисколько не смутило.

– Два ценных замечания я запомнить не смогу, – продолжил он паясничать, все шире улыбаясь и при этом покраснев, что благодаря хорошему освещению улицы было хорошо заметно.

– Ладно, проехали, – проговорила Лана. – У тебя есть сигарета?

Парень, который, как поняла Лана, своим поведением пытался скрыть смущение, ответил вопросом на вопрос:

– Вот так просто, да? Толкнула меня, а теперь и сигаретку стреляешь?

– Конечно, так оно и делается. Так есть?

– У меня нет…

– Жалко.

– …Но магазины должны еще работать. – Парень вытащил из кармана джинсов телефон, взглянул на мониторчик и растерянно протянул: – Черт! Времени-то уже…

– Вот-вот!

– Я же был там минут двадцать, – еле слышно пробормотал он себе под нос.

Лана продолжила:

– Если бы вся проблема заключалась только в том, что нужен магазин, я бы решила ее на раз.

– А в чем?

– А проблема в том, что у меня нет денег, которые, несомненно, попросят на кассе.

Парень кивнул:

– Да, кассиры – те еще сволочи. Корыстные. Но эта проблема решается еще проще – деньги есть у меня.

– Вот как?

Лана повнимательнее присмотрелась к парню. Неопрятный, с взъерошенными волосами, со смущенной улыбкой на худом лице. Он не был красавцем, и даже симпатичным, но мальчишески-озорная и в то же время неуверенная улыбка придавала его образу какую-то живость. Она подумала, что он не похож на всех тех парней, которые до этого встречались на ее пути. Этот ее неожиданный ночной собеседник просто болтал с ней, не думая при этом (а подобные вещи Лана замечала моментально), как затащить ее в постель. Лана понимала, что она красивая и что реакция, подобная реакции незадачливого Юрика, вполне естественна, но для разнообразия ей было приятно устроить немного бестолковую, но довольно забавную словесную дуэль.

– Именно. – Вновь довольная и в то же время смущенная улыбка.

Парень указал в том направлении, откуда пришла Лана, и продолжил:

– Можем попытать счастья возле «Кропотки».

– А с чего ты взял, что я пойду с тобой?

Парень в очередной раз густо покраснел, что показалось Лане очень милым.

– Потому что я еще не загладил вину перед тобой.

Лана ухмыльнулась:

– Объяснение так себе, но для начала сгодится.

– Но, – парень назидательно поднял указательный палец вверх, – у меня есть одно условие.

– Ты уж определись: то ли ты заглаживаешь вину, то ли ставишь условия, – рассмеялась Лана.

– И то, и то – мой выбор. Если куплю тебе пачку сигарет, прошу считать это первым свиданием.

– Ох как ты быстр. Прежде чем получить согласие на свидание, нужно заслужить расположение дамы, так что все по порядку – сперва одно, затем другое.

Они двинулись по Остоженке, и в этот момент она поняла, насколько двусмысленно прозвучала последняя фраза. Но тут же отмахнулась от этой мысли.

– Меня Денис, кстати, зовут, – прервал молчание парень.

– А я Лана, – в ответ представилась она и тут же предупредила возможную ошибку, – не Лена, а Лана.

– Я понял с первого раза.

– Заметано, – улыбнулась она.

Только сейчас она обратила внимание на то, что головная боль, донимавшая ее, отступила. Дискомфорт доставляло только сильное желание закурить.

Маленький магазинчик в десяти метрах от входа в подземку работал. Лана выбирала себе сигареты, а Денис украдкой поглядывал на новую знакомую: упрямо поджатые губы и большие глаза, которые казались еще больше из-за короткой прически, маленький аккуратный носик и чуть пухловатые щечки, – она была изумительна. Казалось, что в ней совместилась нежность и жесткость в идеальных пропорциях. Эдакая кошечка, которая в один миг может превратиться в львицу.

– Денис!

Он понял, что пялится на нее, и пробормотал что-то, кляня себя за то, что постоянно смущается.

– Доставай деньги, богатенький Буратино, и пойдем на улицу.

Он полез в карман за деньгами, которые ему дал Анкудинов. На миг он решил, что сейчас вытащит вместо банкнот пустые бумажки. Но тысячерублевки остались тысячерублевками.

Расплатившись, они вышли. В серебристого цвета урну полетела полиэтиленовая обертка, следом – фольга. Денис заметил, что руки Ланы еле заметно дрожат как будто от нетерпения.

– Давай постоим немножко, – предложила она.

Денис кивнул. Он смотрел, как Лана затянулась, картинно закрыла глаза и выдохнула. Потом она села на корточки и прислонилась к стене. Подняла взгляд на Дениса и чуть наклонила голову, приглашая его присесть рядом. Он секунду раздумывал, а потом присоединился к ней.

Минуту стояла уютная тишина, прерываемая только гулом

проезжающих по площади Пречистенские Ворота и по Гоголевскому бульвару автомобилей. Денис вспомнил, как чуть больше часа назад удивлялся тому, что храм, расположенный напротив станции метро, совершенно не освещался. Теперь же здание превратилось в остров света благодаря десяткам невидимых прожекторов. Белые пятна стен четко выделялись среди размытого желтого уличного освещения. Низ золотых куполов светился, словно под ними развели огонь, в то время как верхушки куполов с крестами на них были едва видны. Могущественное здание, казалось, собрало вокруг себя все остальное: дома, столбы, асфальт, электрические провода – словно улица создавалась как часть величественного ансамбля. Денис не любил это место, но нехотя залюбовался.

– Красиво! – прервала молчание Лана.

– Где?

– Храм красиво смотрится.

Денис почувствовал нечто, похожее на стыд, словно его застукали за чем-то неприличным.

– Бассейн смотрелся бы лучше, – буркнул он, немножко разозлившись на нее за то, что она прочитала его мысли.

– Что? – переспросила Лана.

– Я говорю, что бассейн смотрелся бы лучше, – повторил Денис, повернувшись к ней.

Лана непонимающе взглянула на него.

– А при чем тут?..

– Ну как же, в советские времена здесь стоял огромный открытый бассейн. А в девяностые решили вернуть это чудовище. Зачем оно здесь нужно? Святости ни на грош: грабят население, а боженькой прикрываются. Вот бы попы свои «Лэнд Крузеры» продали, а деньги нищим раздали. Просто взяли бы и раздали. Тогда бы получилось честно и справедливо.

Лана отправила окурок в урну и встала. Денис увидел, как она улыбнулась, и в очередной раз отметил про себя, что у Ланы очаровательная улыбка.

– Но ведь согласись, что красиво, – сказала она, глядя на него сверху вниз.

– И кому эта красота нужна? – распалялся Денис, задрав голову. – Мавзолей тоже красивый, а внутри всего-то один сморщенный трупик.

Глаза девушки озорно блеснули:

– Но ведь согласись, что красиво.

Денис посмотрел снизу вверх на Лану и не смог сдержать улыбку:

– Ладно, соглашусь, только не дави на психику.

– Как можно! – рассмеялась она.

Денис упер ладони в колени и поднялся.

– Ну, что… – он замялся, – …что будем делать?

Улыбка Ланы поблекла.

– Домой надо пробираться, хоть и непонятно, как это делать. Метро закрыто, до «Вернадского» пешком часа полтора топать…

– До «Вернадского»? – удивился Денис, – Так мне в том же направлении, на «Юго-Западную».

Он мысленно порадовался. Ему не хотелось заканчивать эту встречу.

– Клево! Тогда пойдем! – По голосу Ланы чувствовалось, что она не рада перспективе идти домой пешком.

– Зачем идти? – удивился он. – Я сейчас такси вызову, и поедем.

– Я смотрю, ты точно богатенький Буратино, деньги из карманов торчат, – с улыбкой произнесла Лана. – Поехали.

Денис достал телефон и понял, что у него нет ни одного телефонного номера такси. Но, как оказалось, телефон знала Лана. Он набрал номер и попросил машину.

– Куда едем? – спросила девушка-диспетчер высоким писклявым голосом, больше подходящим ребенку, чем взрослому человеку, имеющему право устраиваться на работу.

Денис ответил.

– Откуда вы едете? – спросила девушка, и у него возникло мимолетное желание отодвинуть телефон подальше от уха, чтобы не повредить себе уши.

Денис собирался ответить, когда Лана произнесла:

– Скажи, что мы будем стоять в начале Остоженки напротив ресторана «Ваниль».

У него в голове мелькнула мысль: «Я не хочу туда идти». Мелькнула и пропала. Он передал девушке с противным голосом место ожидания и выключил телефон.

– Ты ее слышала? – спросил Денис.

– По-моему, ее слышали в радиусе километра все.

Денис рассмеялся:

– У меня чуть барабанные перепонки не выскочили.

Лана поддержала:

– Говори спасибо, что все не закончилось кровоизлиянием в мозг.

Они перешли на Остоженку, и через пять минут к ним подъехал серебристый седан. Лана, не дожидаясь, пока Денис проявит джентльменство и откроет дверь, сделала это сама и забралась внутрь. Денис сначала хотел лезть за ней, но потом

подумал, что это будет выглядеть немного преждевременно, и сел рядом с водителем. Он не заметил, что на лице Ланы мелькнуло легкое разочарование.

Их путь лежал мимо дома номер шесть «а». Денис смотрел в лобовое окно, наслаждаясь ночным видом столицы, где темнота скрыла неприглядные стороны города, а свет фонарей, окон и вывесок обозначил выигрышные. Он бросил взгляд на дом номер шесть «а», и на миг ему показалось, что сквозь обветшалое здание он увидел что-то иное. Но наваждение тут же прошло, оставив после себя неприятный трепет в груди.

Лана смотрела в другую сторону и ничего удивительного не видела. Но внезапно на нее повеяло холодом, словно она неожиданно из лета перепрыгнула в позднюю осень. Во рту пересохло. Но уже через секунду холод пропал, словно его и не было. Она подумала, что кондиционер в машине слишком холодит воздух, и, прикрыв глаза, откинулась на неудобном заднем диване.

6

Свет, проникнув сквозь закрытые веки, разбудил Дениса. Он перевернулся на живот, чтобы солнце не било в глаза.

– Блин, долбаный фонарик, – промычал он заспанным голосом. Он давно уже собирался купить какие-нибудь дешевенькие занавески, но как-то не сложилось.

Денис лег спать в два часа ночи после двух литров выпитого пива и двух просмотренных один за другим фильмов: «Кошмары на улице Вязов» и «Семь». Первый оказался очень неудачным ремейком классики жанра, поэтому пришлось «заедать» его проверенным фильмом. Крюгер не в исполнении Ингланда не имел права на существование – Денис это знал, но все равно утолил свое любопытство, о чем сейчас и жалел. Десятки раз он разочаровывался: «Кинг-Конг», «Техасская резня», «Рассвет мертвецов», – но все же с завидным постоянством приобретал этот низкосортный ширпотреб. И именно новый Крюгер нес ответственность за головную боль Дениса.

«Слава тебе, Главный Начальник, что не надо никуда идти», – мысленно сбогохульничал он. Денег у него благодаря Константину Андреевичу было достаточно, поэтому…

– Твою в душу!

Денис вскочил как ошпаренный. Окинул взглядом комнату в поисках мобильника и, не обнаружив его, рванул в коридор. Телефон лежал на тумбочке, под зеркалом, там, куда он вчера его

бросил, придя домой.

09.14 – сообщили маленькие цифры вверху экрана. Денис рванул снова в комнату, схватил с разложенного дивана, служившего кроватью, мятую одежду и принялся поспешно одеваться. Футболка проблем не доставила, а вот джинсы никак не хотели налезать. Через несколько секунд ему все же удалось справиться с этой проблемой. Он схватил телефон и выскочил в коридор.

Натянув кеды, Денис схватил валявшийся у двери рюкзак и распахнул дверь. И тут же вскрикнул от неожиданности – перед ним стоял Анкудинов Константин Андреевич.

Анкудинов не двигался и смотрел ему в глаза холодным взглядом. Набухшие желваки отчетливо выделялись на худощавом лице, словно Константин Андреевич еле сдерживал ярость. Денис почувствовал, как этот взгляд проникает под кожу, ощупывает мысли. Разом высохшие глазницы заломило. Денис хотел моргнуть, но веки не двигались. Он словно прирос к полу, не в силах пошевелиться.

Но оцепенение тут же спало. Внезапная резкая боль в висках скрутила Дениса и бросила его на пол. Он закричал. Тысячи невидимых пальцев закопошились в черепной коробке, то сжимаясь, словно тиски, то немного ослабляя хватку. Уши заложило от давления, рвущего голову изнутри. Агония продолжалась несколько секунд, но для Дениса она растянулась на долгие часы. И когда голова готова была разорваться на сотни частей, боль стремительно пошла на убыль.

Он лежал на полу. В ушах стоял гул, словно у него над головой низко пролетел самолет. Внутренности ходили ходуном. Он раскрыл глаза и увидел удивительную картину – человек с белыми волосами таял. Сначала Анкудинов поблек, словно старая фотография, через секунду сквозь него уже можно было разобрать пошлую зеленую расцветку подъездной стены, а еще миг спустя от работодателя Дениса осталась только рябь в воздухе.

Боль в голове утихла. Денис расслабил мышцы лица, застывшие, словно маска, и несколько раз моргнул. Ничто не напоминало о боли в висках и о присутствии Константина Андреевича. Денис медленно встал. Покачал головой из стороны в сторону. Не больно.

Сверху донесся звук отпираемой двери – наверняка крик переполошил соседей. Объясняться с ними Денис не собирался – времени у него осталось в обрез. Он стал запирать дверь на ключ, когда внезапно вернулась боль. А с нею в голове возник отчетливый безжизненный голос: «Возьми письмо».

– Блин! – вырвалось у Дениса. Он же забыл дома конверт. На

следующий день после посещения квартиры двадцать четыре он доставал письма, чтобы изучить их, а вот положить обратно в рюкзак не удосужился.

Боль моментально отступила.

Денис повернул ключ в обратную сторону и зашел в квартиру. Пачка белых конвертов лежала на тумбочке. Он схватил письма и засунул их в рюкзак. Затем машинально повернулся к грязному зеркалу, висевшему на дверке старого коричневого шкафа. Так он делал всегда, когда возвращался домой, забыв что-нибудь.

То, что он увидел, ему не понравилось. Испуганные красные глаза, небритые щеки, торчащие во все стороны волосы – он походил на постоянного завсегдатая психиатрической лечебницы.

Денис провел рукой по волосам в попытке придать им более приемлемый вид, а затем вышел из квартиры и спустился вниз.

Осознание пришло на улице. Его затрясло крупной дрожью, словно через него пустили небольшой заряд тока, выкручивающий мышцы, но не причиняющий боль.

Происходило что-то совершенно неправильное. Он пытался трезво проанализировать то, что сейчас случилось, но мысли вновь и вновь возвращались к лицу этого человека, к его проницательным древним глазам.

Денис сел на скамейке возле подъезда. Двигаться дальше он не мог, ноги отказывались его держать.

«Этого не может быть. Такой хрени просто-напросто не существует. Не бывает».

Дениса знобило, словно на улице вместо теплого, почти летнего утра установился промозглый ноябрьский день.

Если это было всего лишь видение, то уж слишком реалистичное. Особенно боль. Ее Денис помнил совершенно отчетливо, несмотря на то, что сейчас о ней ничто не напоминало.

«Это все проклятые фильмы, – пришла спасительная мысль. – Точно! Нельзя столько смотреть ужасов. Так и сбрендить недолго».

Но он тут же вспомнил события трехдневной давности: появляющиеся в пыли следы, странный дом с нелогичным расположением квартир, видеокомпромат, снятый невидимым оператором, и сверху всего, как вишенка на торте, – Анкудинов Константин Андреевич, жуткий работодатель, любящий латинские фразочки и «добровольные» сделки.

«Если это все фантазия, то я, видимо, лежу в «дурке» в смирительной рубашке и жду своей дозы», – подумал он.

Денис закрыл глаза и постарался дышать глубоко и

медленно. Он пытался отогнать от себя панические мысли о том, что он попал в какой-то жуткий переплет и что теперь просто так из него не выбраться. Постепенно дрожь уменьшилась, а голова стала работать четче.

Он достал из кармана мобильник и не поверил своим глазам. 9.25. С момента его пробуждения прошло каких-то одиннадцать минут. Денис встал и быстрым шагом двинулся в сторону подземки. Нужно было отрабатывать свои деньги.

Стоя на платформе «Юго-Западной», Денис размышлял о том, что находится в конвертах, которые ему передал Анкудинов. Во вторник он разбирал письма, определяя, когда и куда ему нужно будет ехать. Все они оказались одинаковыми по толщине. По одному листу в каждом конверте. И на всех были указаны даты и время.

«Зачем он указывает время? Ведь человека может и не быть там, куда придет курьер». Но Денис где-то внутри уже понял, что все адресаты будут на месте в указанное время.

Поезд подъехал. Денис шагнул внутрь вагона и протиснулся в угол напротив выхода. Час пик прошел, но людей все равно было много.

«Может быть, эти люди в курсе, что им в определенное время принесут письмо?» – рассуждал Денис.

Как бы то ни было, но дело явно пахло какой-то незаконной деятельностью, и он на секунду уверился в том, что не нужно было соглашаться на предложение Анкудинова.

«Поджог машин – дело очень серьезное, но не случилось бы так, что сейчас я делаю вещи похуже». И тут же пришла мысль, что Анкудинов не предлагал ему выбор, а имитировал наличие выбора. Судя по тому, что Денис видел полчаса назад, человеку с белыми волосами совершенно незачем было разыгрывать сценки.

Электронные часы над рельсами показывали 10.12, когда Денис оказался под полукруглым сводом «Тимирязевской». Всю дорогу ему казалось, что состав еле-еле ползет и поминутно останавливается в полутемных тоннелях подземки.

Денис рванул вверх по эскалатору, переступая через ступеньку. В голове всплыл разговор, состоявшийся два дня назад. «Ни минутой раньше, ни минутой позже», – так, кажется, сказал Константин Андреевич. И первый же рейс оказался под угрозой срыва!

Теперь он не мог думать ни о чем, кроме того, что ему нужно успеть вовремя. Он стремительно вышел из вестибюля на улицу, огляделся, определяя нужное направление, и двинулся быстрым

шагом. Через десять минут он уже бежал.

Дом, который он искал, оказался девятиэтажной «свечкой». Облупившиеся белые стены напоминали лицо старой ведьмы, покрытое струпьями и гнойниками. Грязные, в большинстве своем деревянные окна подслеповато смотрели на мир покрытыми копотью стеклами. Двор являл собой несколько узких асфальтовых дорожек и грязные палисадники, где вместо кустиков и цветов разместились автомобили.

На домофоне Денис набрал номер квартиры, указанный на конверте. Прозвучал гудок. Второй. Третий. Ответа не последовало. В момент, когда Денис, внутренне содрогнувшись при мысли о невыполненном задании, понял, что ему никто не ответит, послышался шорох, и тихий женский голос с трудом проговорил:

– Я слушаю.

Денис выдохнул с облегчением.

– Здравствуйте! Я курьер, принес вам письмо. Откройте, пожалуйста, дверь.

– Письмо? – Голос прозвучал потерянно, словно женщина совершенно не понимала, о чем идет речь. Потом небольшая пауза, и медленно: – Конечно, проходите.

Раздался сигнал, и замок в двери звучно хрустнул, словно скорлупа грецкого ореха от удара молотком.

Дверь в квартиру, расположенную на третьем этаже, открыла маленькая женщина. Грязно-белый халат практически полностью скрывал хозяйку квартиры, превращая ее в незаметную тень. Конечности отличались безволием: движения были медленными и вялыми, словно под водой. Полузакрытые глаза говорили о большом количестве принятых лекарств. Больничный смрад, пахнувший Денису в лицо, укрепил его в этом подозрении.

– Людмила Николаевна?

Пауза, и затем тихо, как шелест листьев на ветру:

– Да, это я.

Денис протянул конверт:

– Это вам.

Ему казалось, что сейчас она, как это часто бывает в фильмах ужасов, перестанет притворяться человеком, сделает резкий выпад, схватит его и с диким нечеловеческим воплем вцепится зубами в горло.

Но, естественно, ничего подобного не произошло. Костлявая, похожая на сухие ветви рука медленно потянулась за письмом. Денису показалось, что вот-вот силы кончатся и рука повиснет, словно плеть, так и не достигнув своей цели, – настолько было безвольным это простое движение.

Как только женщина взялась за один край пакета, Денис тут же отпустил второй и отдернул руку. Его страшила даже сама мысль о том, что это скрюченное высохшее существо может коснуться его.

Женщина мутным взглядом осмотрела конверт и равнодушно произнесла себе под нос:

– Странно, обратного адреса нет. Кто бы это мог быть?

Вместо ответа Денис пробормотал под нос «До свидания», мысленно пожелав себе, чтобы это свидание никогда не произошло, и двинулся вниз.

Слабый, еле слышный голос заставил его остановиться на середине лестничного пролета:

– Молодой человек…

Он оглянулся. Женщина стояла в дверном проеме и смотрела на него. Взгляд слегка прояснился. Из глаз текли беззвучные слезы. Денис подумал, что никогда еще не видел в глазах человека такой безысходности без единого намека на надежду. Эта женщина знала, что ее ждет, не была готова к этому, но понимала, что это неминуемо. У него защекотало в горле.

Женщина собралась с мыслями:

– Спасибо вам…

Денис еле расслышал слова. Спиной вперед он медленно, шаг за шагом, спускался по лестнице.

Глаза женщины снова затуманились. Она так и стояла на месте, глядя сквозь Дениса.

Весь вечер Денис ходил взад-вперед по квартире, стараясь сосредоточиться на чем-нибудь. Но на просмотр фильма терпения не хватало, и игра по Сети определенно не шла. Он ждал звонка.

Он вспомнил, как в какой-то момент, сидя на переднем сиденье такси, понял, что не хочет ее отпускать. Выйдя из машины, он попросил ее написать номер сотового телефона – сердце при этом почему-то билось, как сумасшедшее. Но Лана с хитрой улыбкой покачала головой, и сердце замерло. Но тут же вновь застучало с новой силой, когда Лана попросила его вместо этого написать свой номер. Она сказала, что позвонит в четверг. Или что скорее всего позвонит. Или может быть. Денис точно не помнил, но чем дольше он ходил сейчас по квартире, тем больше начинал думать, что она обещала, а не предположила. И, естественно, он все сильнее расстраивался, хотя не хотел в этом признаться даже самому себе.

– Все бабы такие, – бормотал он, переходя из кухни в комнату. В руках он держал мобильник. – Покрутят хвостом и в кусты. А я, блин, должен тут ходить и ждать.

Через минуту он решительно положил сотовый на тумбочку

под зеркалом, посмотрел на него секунду и перевернул его экраном вниз.

– Все, хватит! Что ж мне теперь, весь вечер звонка ждать?

И, словно в подтверждение своих слов, взял пульт и уселся в старое, с просевшими пружинами и местами рваной обивкой, кресло.

Вставать и менять диск в DVD-проигрывателе не хотелось, поэтому Денис включил телевизор с пульта и принялся переключать каналы. Единственным удобоваримым зрелищем оказался старый фильм со Стивеном Сигалом в главной роли – «В осаде». Сначала бесконечные убийства и давно известные глупые шутки главного героя отвлекали его, но уже через пятнадцать минут он встал и пошел за телефоном.

– Твою мать! Ну разве так делают? – расстроенно воскликнул он.

Вопрос остался без ответа. Ни эсэмэсок, ни звонков.

После двух минут гипнотизирования телефона взглядом Денис в очередной раз набрался решимости и положил трубку на тумбочку. Рядом он заметил белые конверты, которые несколько дней назад ему передал человек с Остоженки.

«А человек ли?» – в который раз задался вопросом Денис.

Он взял письма и вернулся в кресло, затем нажатием на кнопку обеззвучил героя Сигала, который в это время сворачивал шею очередному врагу.

Денис сосредоточился на конвертах. Константин Андреевич отдал Денису четыре письма. Первое из них он утром передал той бедной женщине с затуманенными глазами, в которых не осталось ничего, кроме безысходности. При воспоминании о ней Денис вздрогнул. Осталось три письма. Одно необходимо было доставить по назначению третьего сентября, в субботу, и два – четвертого, в воскресенье. А в понедельник нужно будет ехать на Остоженку за новым заданием.

Одна мысль о посещении квартиры номер двадцать четыре вызывала у Дениса озноб. Но еще больше его пугала перспектива ослушаться Анкудинова.

Иррациональный страх был незнаком Денису. Обычно все укладывалось в рамки окружающей его реальности. Он боялся, что его может сбить машина, боялся теракта в метро, боялся гопников в темном переулке, но все эти страхи не выходили за пределы сознательного и не мешали спокойно спать по ночам. Каждый человек живет и прекрасно себя чувствует среди многочисленных фобий. Но чувство, которое вызывал у него Константин Андреевич (мысленно Денис продолжал называть своего работодателя по имени-отчеству), не укладывалось в

рамки ужасов современного мира. Скорее оно походило на средневековую суеверную боязнь непознанного.

Неприятные размышления прервал телефонный звонок. Денис, с трудом сдерживая желание рвануть за трубкой, встал с кресла.

– Я ждал, милая, теперь ты подожди. Все равно твой телефон определится.

Аппарат подмигивал подсветкой и, вибрируя, потихоньку съезжал к краю тумбочки. Денис схватил мобильник за мгновение до того, как последний упал.

– Внимательно!

В эту секунду он понял, что звонит вовсе не Лана, а Анкудинов. Денис сегодня сделал что-то не то, и Константин Андреевич собирался сообщить ему об этом и…наказать за ослушание.

– Привет, незнакомец!

Это была Лана.

– Я…я… – Денис прокашлялся и, собравшись с мыслями, продолжил: – Ну, во-первых, я уже знакомец. Во-вторых, могла бы позвонить и пораньше. Мы ведь, кажется, договаривались.

– Извини, Денис. Мы после института с Ленкой пошли гулять, только сейчас вернулись.

– Чем же тебе эта самая Ленка помешала?

– Если бы она узнала, что я с кем-то встречаюсь, она бы начала задавать тысячу и один вопрос, а мне очень не хотелось ее слушать. Прости.

– А мы встречаемся?

– Пока еще нет, но ведь моей подруге этого не объяснишь.

Денис буквально увидел Лану – на губах озорная улыбка, глаза чуть прищурены, отчего по краям образуются морщинки. Ну как на нее можно было обижаться? Однако он еще немного попытался строить из себя обиженного:

– А с тебя все как с гуся вода? Вот так просто, «прости» и баста?

– Конечно, я же девочка, мне можно.

– Вот так логика, – с улыбкой проговорил Денис.

Он сел в кресло.

– Если бы я тебя не видел, – продолжил он, – я бы подумал, что ты блондинка.

В трубке раздался смех.

– Кажется, твои шансы начинают стремительно падать.

– Все, все, все, – скороговоркой проговорил Денис. – Молчу.

– Правильно, молчи, – забавно протянула Лана. – И не будь занудой. Я за это на первом свидании разрешу себя поцеловать.

Денис немного покраснел. Хорошо, что Лана этого не видела. Он постарался придать голосу оттенок искушенности, что, впрочем, получилось весьма посредственно.

– А разве поцелуй не предполагался изначально?

– Будешь занудствовать – и под ручку не позволю повести, – парировала Лана.

– М-да, если ты права, то ты права. Тогда больше не обижаюсь.

– Вот и чудненько! Какие идеи?

Денис взъерошил волосы и прикусил губу. В клуб приглашать девушку он не хотел, а в ресторан – тем более. Ни денег, ни подходящей одежды для второго варианта он не имел. Оставался только третий.

– Может, в кино? А потом в какую-нибудь кафешку заскочим.

– Ай как банально, – укоряющее произнес голос в трубке, и тут же задорно продолжил: – Но мне нравится.

Денис мысленно выдохнул.

– Ну так что, когда, во сколько и где? – спросил он.

– Когда? – задумчиво проговорила Лана. – Может, в субботу?

«Два дня ждать», – огорченно подумал Денис, но решил не показывать этого:

– Отлично, давай в субботу. Где?

– Давай на «Вернадского», в центре зала, часиков в девять. Тут поблизости есть и кинотеатр, и кафе.

Денис снова встал с кресла и подошел к тумбочке, где лежали письма от Анкудинова. Взял в руку верхний конверт: 03.09.2011 г., время – 20.54.

– Черт, я забыл, у меня же еще дела в субботу! – он почувствовал, что это прозвучало как отговорка, и, мысленно посчитав время, поспешил добавить: – Давай лучше часов в одиннадцать.

– М-м-м, ночной сеанс? Шалунишка! Хорошо.

– Вот и отлично. Сейчас только твой номер сохраню.

Они попрощались, и Лана отключилась.

Денис посмотрел на адрес, написанный на конверте. К одиннадцати он точно успевал отвезти письмо, переодеться и приехать к месту встречи. А если заранее переодеться, что было разумней, то времени у него оказывалось гораздо больше. Вернув с помощью пульта дар речи герою Стивена Сигала, Денис уселся в кресло. На его губах играла легкая улыбка, о которой он не подозревал.

Филимонов Андрей, 1976 года рождения, жил на первом этаже древней трехэтажки, готовящейся под снос. Почти все его соседи по подъезду съехали, осталась только старушка на третьем этаже с противоположной стороны. Если Филимонов станет кричать, его никто не услышит. Кроме Виктора.

Филимонов отличался страстной любовью к футболу и пиву. Виктор не раз наблюдал в бинокль за тем, как друг убитого Кондратенко напивался в одиночестве, вскакивая при каждом голевом моменте и проливая на себя пиво, а после матча засыпал там же, в кресле. Поэтому Погодин с уверенностью мог сказать, в какой именно момент ему необходимо нагрянуть, – в начале второго тайма. К этому времени Филимонов будет уже достаточно пьян, чтобы неадекватно реагировать на опасность, но все же не настолько, чтобы не понять, что его убивают.

Никто ни разу не составил этому пьянчуге компанию. В отличие от своего подельника Кондратенко Филимонов предпочитал напиваться в одиночестве. Виктор иногда замечал, что чувствует жалость к Филимонову. Вся жизнь бывшего зэка крутилась в границах убогого мирка: работа на стройке, пиво и футбол. В свои тридцать восемь лет Филимонов не имел ничего. Пустое место. Такое же пустое, каким сейчас был Погодин. Чем-то они походили друг на друга. Но в отличие от Филимонова Виктор попал в эту западню не по собственной воле. Два ублюдка загнали его туда.

Чувство жалости довольно быстро проходило. Виктору стоило лишь вспомнить те жуткие похороны, после которых он лежал в пустой кровати и молился о том, чтобы самому не дожить до утра. Но на следующее утро он проснулся живым и… пустым. И виноваты были эти два ничтожных существа и Бог, который допустил все это.

Виктор занял свою обычную позицию – в подъезде точно такого же ветхого жилого дома, расположенного в пятидесяти метрах от жилища Филимонова. Здесь тоже практически не осталось жителей, что вполне устраивало Погодина. В этом подъезде он провел достаточно много времени, следя за Филимоновым, и ни разу мимо него никто не прошел. С площадки между вторым и третьим этажами прекрасно просматривалась вся обстановка в квартире: облезлый и покосившийся деревянный платяной шкаф, кресло и телевизор на маленьком столике, линолеум вместо ковра на полу и лампочка вместо люстры на потолке. Бежевые занавески никогда не сдвигались, что облегчало Виктору наблюдение.

Обычно за час до начала матча Филимонов начинал готовиться к игре. Он шел в магазинчик «Разливное пиво», брал

четыре полуторалитровых бутылки самой дешевой бурды и множество маленьких пакетиков с жареным арахисом. Пару раз Виктор «случайно» оказывался в этом же магазинчике в момент подготовки Филимонова к матчу. Он отворачивался к стеклянной полке, делал вид, что внимательно изучает изобилие вяленой и сушеной рыбы, и добавлял крупицы знания о нищем мире убийцы своей жены. Изучал ублюдка.

После магазина Филимонов приходил домой, вытаскивал столик с телевизором из угла на середину комнаты, разворачивал кресло, ставил пустую пепельницу на пол справа, выставлял в ряд «полторашки» слева, рядом с бутылками – ведро под мусор, а на ручку кресла, под левую руку, клал один пакетик с арахисом. Затем усаживался, включал телевизор и сидел, дожидаясь начала игры. При этом ни до пива, ни до скудной закуски он не дотрагивался и не выкуривал ни единой сигареты. Этот ритуал оставался неизменным все время, пока Виктор следил за Филимоновым.

В этот раз произошло иначе. Все походило на насмешку боженьки, допустившего смерть его семьи. Неизменная церемония была нарушена именно в тот день, когда Виктор решил завершить ее. До матча оставалось двадцать минут, однако Филимонов домой еще не вернулся. И чем дольше Погодин наблюдал за дверью подъезда, тем сильнее в нем укоренялся страх, что сегодня все сорвется. Сраный пьянчуга мог напиться где-то еще, мог в это время грабить какую-нибудь беспомощную старуху, мог быть в «обезьяннике», мог сдохнуть, в конце концов. У Всевышнего свое, особое, чувство юмора. Странное, как смерть на похоронах.

Когда до игры оставалось пятнадцать минут, возле подъезда появился худощавый молодой парень в серой рубашке и голубых джинсах: он поглядывал по сторонам, явно кого-то ожидая, время от времени нервно взъерошивая волосы рукой.

«Мудак какой-то, – раздраженно подумал Погодин. – Что ему нужно в этом подъезде? Здесь же никто не живет».

Кроме Филимонова. Если этот слюнтяй окажется каким-нибудь дружком-собутыльником убийцы, то весь план Виктора шел насмарку. Он в бессильной злобе сжал челюсти так, что заскрипели зубы.

– Уйди, говнюк, уйди, – в отчаянии проговорил он.

За десять минут до начала матча появился Филимонов. Держа в руках полный пакет, он шел быстрым шагом к подъезду своего дома. Виктор, увидев его расстроенное лицо, моментально прочитал его мысли, словно они были знакомы долгие годы: «Матч сейчас начнется, а у меня еще ничего не готово и

практически нет времени все сделать как надо». Погодин понимал, что для этого червяка были важны эти лишние минуты, и внутренне порадовался тому, что напоследок Филимонов лишится этого удовольствия.

«А я тебя огорчу еще больше, сраный бездушный урод», – подумал Виктор. Только бы этот парень в джинсах исчез куда-нибудь. Но шансов на это было мало.

Он смотрел в бинокль, сжимая его до боли в пальцах, и видел, как парень, стоявший возле подъезда, сделал шаг навстречу любителю футбола. Всевышний явно сейчас плотоядно посмеивался. Но ничего другого не оставалось, кроме как ждать и смотреть.

Ситуация, в конце концов, разрешилась достаточно быстро: молодой человек что-то спросил у Филимонова и, получив от последнего нетерпеливый, нервный кивок головы в ответ, передал письмо. Убийца посмотрел на конверт с удивлением, обратился к парню, затем махнул в нетерпении рукой и забежал в подъезд. Через двадцать секунд в квартире зажегся свет.

Виктор шумно выдохнул с облегчением. План не менялся.

Погодина отвлек скрип двери, раздавшийся на третьем этаже. Мысленно отметив третье отступление от обычного хода событий, он положил бинокль на подоконник и развернулся, стараясь прикрыть его спиной. Одновременно достал из-за уха сигарету одной рукой и зажигалку из кармана – другой.

Хмурый старичок, лет на десять старше Виктора, медленно прошаркал по лестничному маршу, ни разу не подняв взгляд на курильщика. Когда внизу хлопнула дверь подъезда, Виктор решил выйти на улицу. Ни к чему привлекать ненужное внимание. Кроме того, до второго тайма оставалось минимум пятьдесят минут. Он последний раз взглянул в бинокль: Филимонов усаживался в кресло, возле которого все уже было подготовлено. Ритуал он совершил, хоть и в спешке. Виктор взял в руки старенький черный «дипломат», стоявший на полу, и, положив на подоконник, открыл. Внутри одиноко лежал штык-нож без ножен. Виктор положил внутрь бинокль и захлопнул «дипломат».

На улице солнце заходило за крыши домов, заливая красным огнем окна квартир. Летнее тепло с каждым днем уступало место сентябрьской прохладе, но еще не сдавалось. Виктор, выйдя из подъезда, прищурился от яркого света. Сейчас его мысли были далеки от чудесного вечера. Он вынул изо рта тлеющую сигарету и выпустил дым. Затем двинулся вперед походкой человека, идущего без определенной цели. Проходя мимо дома Филимонова, он искоса взглянул в окно первого этажа. Виднелась только легкая тень на бежевой занавеске. Погодин прошел мимо в

направлении автобусной остановки, скрывавшейся за домом. Он хорошо изучил всю окружающую инфраструктуру. Ему было все равно, вычислит его милиция (он никак не мог начать называть милицию полицией) или нет, но он все равно подошел к вопросу ответственно. Не хотел, чтобы из-за какой-то промашки его план провалился. Постояв на остановке минуты три, он сел на первый подъехавший троллейбус. На следующей остановке Виктор покинул салон и сел на скамейку. Затем аккуратно положил «дипломат» на скамейку рядом с собой. Сигарета отработанным движением перекочевала из пачки в рот, мелькнул огонек зажигалки, и потекло ожидание.

Виктор позвонил. Затем еще раз. А через минуту нажал на звонок в третий раз. Филимонов не отвечал.

– Неужели спит? – пробормотал Погодин себе под нос.

Четвертый звонок, и снова тишина.

Виктор тихо выругался и закашлял. Такого поворота событий он не предусмотрел. Этот ублюдок просто-напросто заснул, не досмотрев матча. Такого с Филимоновым никогда еще не случалось, по крайней мере, в те дни, когда Погодин следил за ним. Опять Бог-убийца шутит свои невеселые шутки?

Оставался всего один шанс на удачное окончание дела. Виктор, держа штык-нож в правой руке, взялся за ручку серой металлической двери и слегка потянул на себя. Дверь оказалось незапертой. Погодин сначала выдохнул с облегчением – еще можно было закончить запланированное, но тут же замер, затаив дыхание.

«Что-то тут не так», – мелькнуло в голове. Раз все шло наперекосяк, то и здесь должен быть какой-то подвох. Он достал нож и прислушался. В квартире раздавался голос комментатора и отдаленный гул толпы.

«Это ловушка, это ловушка, матерь божья, этот гад стоит за дверью и ждет. Он раскусил меня».

Может быть, Филимонов заметил его в пивной. В конце концов, на суде у этого ублюдка было достаточно времени, чтобы запомнить его лицо. А теперь решил поиграть со старым дураком в кошки-мышки.

Когда раздался крик комментатора «Гол!», Виктор встряхнулся. Он стоял в подъезде с ножом в руке и не мог решиться ни на один из возможных вариантов: он боялся зайти, но и не мог покинуть дом, не выполнив своей черной работы. Однако времени на сомнения не оставалось. В конце концов, решившись, он потянул дверь на себя, одновременно выкинув руку с ножом вперед.

Лезвие вспороло пустоту. Виктор подался вперед, потом с

трудом поймал равновесие и остановился. В коридоре никого не было. Простейшее, казалось бы, действие, а сердце стучало, как бешеное, и тряслись руки.

Он стоял, пытаясь прийти в себя. Двигаться вперед сил не было. Виктор подумал, что если бы Филимонов сейчас проснулся и вышел в коридор, то он бы увидел полупарализованного старикана, не способного даже поднять нож. И когда Погодин уже подумал, что не сможет сойти с этого места, сердце сжалилось над ним и стало успокаиваться. Через несколько долгих секунд он смог связно мыслить и двигаться. Из комнаты, расположенной справа от входной двери, телевизор вещал голосом комментатора о только что забитом голе. Больше ничего. Виктор медленно, шаг за шагом, начал красться к дверному проему. Слева, под вешалкой, он обнаружил пластмассовый лоток, наполненный газетами. Сверху лежал неаккуратно разорванный белый конверт с красной надписью на латинице, из которого торчал край листа. Слабое зрение не позволило разглядеть отправителя, поэтому Виктор выкинул из головы письмо и сосредоточился на комнате, где…

Оглушающий лязг за спиной заставил его вскрикнуть. Резко обернувшись, он потерял равновесие и упал на спину. Тело пронзила резкая боль.

«Вот и все», – мысль не испугала, но принесла облегчение. И только одно терзало Виктора: он не успел отомстить за свою жену. Не хватило сил.

Виктор, распластавшись по узкому коридору, лежал и ждал, когда раздастся голос Филимонова:

– Что ты здесь делаешь, старая рухлядь?

А потом:

– А я тебя помню, старик. Ты муж той кошелки, что мы завалили. Из-за нее я отсидел восемь лет. Но теперь я хотя бы знаю, кто мне ответит за это.

Но сцена, родившаяся в голове Виктора, как ни странно, не разыгралась наяву: Филимонов так и не появился перед Погодиным.

Виктор открыл глаза, с трудом приподнял голову и посмотрел на входную дверь. Закрыта. Судя по всему, сквозняк, гулявший по подъезду, захлопнул ее. Виктор, не поднимаясь, повернул голову влево и посмотрел в гостиную, напротив которой он лежал. Филимонов спал в кресле – его голова склонилась набок.

Виктор с тихим стоном поднялся. В груди кололо. Он надеялся, что это не сердечный приступ. Конечно, умереть здесь, рядом со спящим и беспомощным убийцей его Катюши, было бы

достойной шуткой для Бога.

«Дай мне дожить до того момента, как я убью этого выродка. Дай мне дожить. Я не много прошу».

Держась за дверные косяки, Виктор медленно вошел в гостиную. Он молча приблизился к спящему пьянице, сжимая в правой руке нож. Возле кресла лежали две пустые полуторалитровые бутылки из-под пива вперемежку с пакетиками с надписью «Арахис». Еще две бутылки: одна полупустая, другая еще не открытая, стояли рядом. Справа от кресла разместилась пепельница, наполненная желто-оранжевыми окурками. Рука спящего свесилась прямо над кучкой «бычков».

Итак, ритуал Филимоновым был соблюден. С опозданием или нет, но весь реквизит этого грустного фарса оказался на сцене.

Виктор ударил ногой Филимонова по лодыжке.

– Вставай, дружок, а то все проспишь.

Голос прозвучал достаточно твердо, и это взбодрило Погодина.

– Давай, сукин ты сын, просыпайся.

Филимонов не шевельнулся. Виктор пнул его еще раз со всей силы мыском ботинка. Правая нога безвольно ударилась о левую. И вновь никакой реакции.

– Матерь божья!

Виктор все понял. Естественно, все знамения сегодняшнего дня не были совпадением. Сначала опоздание Филимонова, затем этот парень с конвертом, старик в подъезде, взявшийся неизвестно откуда. Все это были звенья одной цепочки. Все это было частью очередной Господней шутки.

На всякий случай Погодин пощупал сонную артерию. Никаких сомнений в том, что второй убийца его жены мертв, не оставалось.

Виктор замер, и несколько минут в комнате не происходило никакого движения, если не считать мелькания на экране. В его голове установилась странная пустота. Внезапно жизнь потеряла всякий, даже иллюзорный, смысл. Оба ублюдка были мертвы: один покоился на дне озера в Воронцовском парке, второй, бездыханный, сидел у себя в кресле. Дмитрия Кондратенко на тот свет проводил нож Погодина, Филимонов же, трусливая падаль, успел помереть до прихода Виктора. Умерли две бессмысленные по своей природе твари, о которых никто не вспомнит и никто не пожалеет. Виктор задумался, а кто придет на его похороны? За те годы, которые прошли с момента смерти Катюши и Славы, он растерял всех тех, с кем общался, когда его семья была полной. Он не хотел это делать, но он просто не мог и не желал никого видеть. Он хотел упиваться своим горем в одиночестве. Катя была

соединительным звеном между ним и другими, и, лишившись этого звена, Виктор просто исключил всех из своей жизни: друзей жены, друзей сына, своих немногочисленных знакомых. Сначала к нему приходили, сочувствовали, помогали. Потом это стало происходить реже. Затем сменилось несколькими вежливыми звонками в год. И, наконец, вовсе прекратилось. Он добился того, чего хотел – остался со своим горем вдвоем.

И теперь Виктору осталось только пойти домой и дожидаться, когда смерть заберет и его. К жене. К сыну. Домой.

Стоя над трупом Филимонова, Виктор вдруг подумал, что его старинный друг Сергеев Леша (точнее, Сергеев Алексей Петрович – какой, к черту Леша, в семьдесят пять-то лет) наверняка пришел бы на похороны к нему. Но стоял бы там в полном одиночестве.

Виктор горько усмехнулся своим мыслям. Медленно передвигая ноги, он двинулся по направлению к выходу. У него не проходило ощущение, что силы вот-вот окончательно его покинут и он упадет здесь, в этой вонючей квартире, и уже никуда не пойдет. В коридоре ему вновь бросился в глаза конверт, который Филимонову передал парнишка в серой рубашке. Виктор взял белый бумажный пакет в руки. Выяснить, кто отправитель, не представлялось возможным, так как сами графы «Откуда» и «От кого» отсутствовали. Адресатом значился Филимонов Андрей Андреевич. Ниже, под адресом доставки, стояло сегодняшнее число – 03.09.2011 г. Еще ниже располагались цифры: 20.54. Виктор несколько секунд беспомощно смотрел на два числа, разделенных точкой, прежде чем сообразил, что на конверте под датой указывалось время. Но что означало это время? Он пытался собраться с мыслями, но это у него плохо получалось. Он посмотрел на свои часы и попытался представить себе стрелки на без шести минут девять. Выходя из подъезда, Виктор проверил время: стрелки показывали восемь пятьдесят семь. А за три минуты до этого тщедушный наркоман передавал конверт Филимонову. Получалось, что отправитель знал конкретное время встречи курьера с получателем.

Эта мысль удивила его, но размышлять дальше сейчас было невозможно. Хотелось скорее уйти отсюда и, хоть его легкие и выдадут очередную порцию резкого удушающего кашля, закурить. Но только после того, как Виктор посмотрит, что находится в конверте.

Он достал вложенный в конверт лист. Последний оказался качественной толстой бумагой благородного желтого оттенка. В середине почти пустого листа расположилась короткая запись латиницей: «Ariu an termen me teuy da varn».

Сердце при виде надписи пустилось галопом. По спине

пробежали мурашки. От этой короткой строчки исходил холод. Такой однажды уже пробрал старика – в день, когда он увидел рядом два мертвых тела: своей жены и своего сына.

Жуткое чувство появилось и тут же пропало – словно его и не было.

«Абракадабра какая-то», – подумал Виктор.

Однако выбрасывать непонятное послание он не стал. Вернул лист обратно в конверт и положил странную корреспонденцию в задний карман брюк. У него будет достаточно времени, чтобы изучить последнее послание, полученное убийцей его супруги.

Приоткрыв входную дверь, он прислушался. В подъезде стояла тишина, хотя с бормотанием комментатора в комнате нельзя было сказать наверняка.

«Да что мне терять-то? – задался он вопросом, и тут же сам себе ответил: – Нечего».

Он открыл дверь, отведя руку со штык-ножом за спину. В подъезде было пусто. Возле двери стоял забытый им «дипломат».

– Лучше и не придумаешь, – саркастично усмехнулся он. – Маразматик.

Засунув нож в «дипломат», Виктор вышел из подъезда и двинулся к углу дома, когда услышал за спиной громкий стрекот. Обернувшись, он увидел, как с «козырька» над входной дверью взлетела сорока. Взмахнув белыми кончиками черных крыльев, птица стремительно стала набирать высоту, пока не превратилась в еле заметную точку на небосводе.

Пройдя два квартала, Виктор Погодин замедлил шаг и достал из мятой пачки сигарету. Кашель не заставил себя долго ждать, и через несколько секунд фильтр из бледно-оранжевого превратился в грязно-бордовый.

8

Окурок попал точно в урну. На фильтре остался бледно-красный след от помады. Лана сквозь дым лукаво поглядела на Дениса и произнесла:

– Больше никогда не позволю тебе выбирать фильм.

Они стояли на улице возле огромных двухстворчатых дверей. Ночной ветерок еще казался теплым, но уже явно намекал на приближающуюся осеннюю прохладу. Луна совершенно не походила на ту, которая обязана быть во время свиданий: вместо яркого белого пятна на небе стыдливо висела еле видная клякса.

Возле них перекидывалась фразами и смешками небольшая группа молодых людей, а чуть поодаль, на скамеечке, сидела пара

в возрасте: он курил, она копалась в сумочке. Немногим больше было и в кинозале. Судя по всему, ночные сеансы не пользовались популярностью. А быть может (и Лана склонялась к этому варианту), в отсутствии людей был виноват сам фильм.

Кинолента оказалась нудным психологическим триллером про женщину, убившую своего мужа и постепенно сходившую с ума в огромном доме. Концовка стала ясна Лане уже к середине. Однако Денис, судя по выражению его лица, наслаждался каждой минутой фильма. Хотя, скорее всего, дело было в ее присутствии. Он довольно часто косился на нее в темноте, наивно полагая, что делает это незаметно. Лану немного смешила застенчивость Дениса, спрятанная за неуклюжими попытками выглядеть опытней. Но все же ей нравились эти потуги самца человека завоевать симпатию самки. Пытаясь скрыть свою сущность, Денис раскрывал ее все больше и больше.

– Ты же сама сказала: «выбирай», я так и поступил, – Денис слегка опустил взгляд.

– Слава богу, ты меня не потащил на какой-нибудь фильм ужасов.

– Мне приходила такая мысль, – улыбнулся он. – Был на уме один фильмец, но тогда, боюсь, наше свидание окончилось бы раньше.

– Да уж, пришлось бы тебе доедать весь попкорн одному.

– Вот уж дудки, – проговорил Денис, а Лана рассмеялась.

Она с детства не слышала этой фразы, которая, вкупе с наигранным пафосно-возмущенным тоном Дениса, прозвучала настолько забавно, что она не могла удержаться.

Денис разглядывал ее с улыбкой на лице.

– Не смотри на меня так, а то дырку протрешь, – шутливо скомандовала Лана, и Денис тут же покраснел.

Она посмотрела ему в глаза и без обиняков сообщила:

– Ты мне нравишься, – и полностью насладилась смущением, которое заставило Дениса покраснеть еще сильнее.

– Хм, однако, ты прямолинейна, – снова попытка спрятать застенчивость.

– Так, Денис. Либо ты продолжаешь краснеть и молоть чепуху, либо ты меня быстро целуешь и молчишь.

«И раз, и два…» – Лана мысленно стала считать секунды в ожидании реакции. Любой реакции. На цифре «пять» наконец-то последовал ответ в форме поцелуя. Щеку девушки кольнул небритый подбородок. Лана обвила руками шею Дениса и прижалась к парню.

«Долго он соображал», – с нежностью подумала она.

Десять минут спустя они сидели в маленьком симпатичном кафе, будто сошедшем со страниц «Триумфальной арки» Ремарка, которую Лана недавно прочитала. Разноцветные полупрозрачные ткани, закрывающие потолок, уютные диванчики и расставленные тут и там кальяны создавали наивно-восточный колорит. «Шехеризада», – вспомнила Лана: «У Ремарка оно называлось «Шехеризада».

Легкая восточная музыка ненавязчиво лилась из стареньких черных динамиков, расположенных возле барной стойки. Большинство столиков оказались занятыми, и паре пришлось довольствоваться местом возле прохода. Лана заказала себе «мохито», а Денис цедил пиво. Он был одет в джинсы (не те, неопрятные, которые она наблюдала на нем в день их знакомства, а чистые и, судя по всему, первый раз надетые) и серую рубашку (в которой он явно чувствовал себя не в своей тарелке). На ногах плохо начищенные туфли. Лана безошибочно определила, что Денис нечасто выходил в свет и поэтому чувствовал себя как сварщик, наряженный в костюм «тройку», на балете в Большом театре. Сама же она надела светло-зеленое платье и жакет.

Некоторое время Денис молчал, потом произнес:

– Ты бывала здесь раньше? – он обвел взглядом помещение.

– Ага, – улыбнулась Лана, глядя в глаза Денису. – Мы с Ленкой время от времени заходим сюда. Здесь недорого, уютно и делают отличные коктейли. Хотя, судя по твоим предпочтениям, – она направила указательный палец на стеклянную кружку, наполненную пивом, – для тебя это не довод.

– Я консерватор и предпочитаю проверенные напитки.

– Ну-ну, отсталость называть консерватизмом – вот где настоящий консерватизм.

Лана сострила намеренно – ей почему-то нравилось наблюдать, как Денис потупляет взгляд и тщетно пытается найти достойный ответ. Но тот решил пойти по более короткому пути:

– Сама дура!

И улыбнулся. Именно той улыбкой, которая так понравилась ей три дня назад.

– Вы хам! – она театрально округлила глаза и тут же рассмеялась.

Посмеявшись, она достала сигарету и закурила.

– Ну и кто же ты такой, мой незнакомец?

Денис провел рукой по волосам, при этом превратив относительно аккуратную прическу в сеновал.

– Я недипломированный специалист широкого профиля.

Лана заметила, что Денис засмущался, не покраснел, но был близок к этому.

– И насколько же широк твой профиль?

– Очень широк: от грузчика до менеджера испробовал, по-моему, все. Сейчас подрабатываю курьером на вольных хлебах. Дело не очень выгодное, но иногда перепадает что-нибудь интересное. Кстати, в тот день, когда мы с тобой встретились, у меня как раз появилась одна довольно любопытная работенка.

– Ночью? – удивилась Лана.

– Ночью, – подтвердил Денис.

– Поэтому ты был такой щедрый на наличные?

Он кивнул, при этом немного помрачнел, словно вспомнил что-то неприятное.

Денис, видя, что напитки заканчиваются, заказал еще один коктейль и пиво и, когда девушка-официантка, одетая в простенькое, но элегантное восточное платье, отошла, начал рассказывать урезанный вариант своей встречи с Константином Андреевичем. Он рассказал о звонке, о странной работе, предложенной Анкудиновым, но не стал описывать странности, с которыми он столкнулся в квартире номер двадцать четыре, и не упомянул о записи, которая стала весомым доводом для принятия предложения загадочного нанимателя. Удивительно, но Денис, обычно довольно скрытный, еле сдерживался, чтобы не изложить полную версию произошедшего. Почему-то Лане хотелось доверять, но с другой стороны, не открывать же ей пикантные и, кроме того, уголовно наказуемые стороны его жизни! Да и вообще, с этой частью он, по крайней мере, временно, покончил.

Хотя желание поджигать, естественно, никуда не пропало. Пиромания. Денису очень нравился этот термин. Википедия сообщала, что это непреодолимая тяга к поджогам и наблюдению за огнем. Денис считал, что у него все немного по-другому: тяга к поджогам имела место быть, а вот смотреть, как горит пламя, он, наоборот, не любил. Как ни странно, он боялся огня, как и все нормальные люди. Пиромания. Звучало, как треск деревянных поленьев в костре.

Лана внимательно следила за рассказом Дениса. По крайней мере, выглядела она весьма заинтересованной. Больше всего он беспокоился, что в нужный момент не сможет поддержать разговор и будет выглядеть очень глупо. Эдакий Винсент Вега из «Чтива», которого от неловкой паузы может спасти лишь невинная шутка Миа Уоллес. Денис внутренне порадовался тому, что нашлась тема, которая толкала вперед их беседу.

Когда он закончил рассказ о полупьяном мужчине, которому он несколько часов назад передал конверт, Лана озорно подмигнула и отпустила губами трубочку от коктейля.

– И ты мне хочешь сказать, что у тебя не возникло мысли посмотреть, что в этих конвертах?

– Нет, конечно, этот мужик мне деньги заплатил не за то, чтобы я вскрывал письма, а за то, чтобы я их доставлял по назначению и вовремя.

Мысленно Денис констатировал, что слова, произнесенные им, как ни странно, соответствовали истине. Вскрывать конверты он не собирался, однако причиной этому была не профессиональная этика курьера, а нечто иное. Страх. Безотчетный страх перед Константином Андреевичем. Если Анкудинов мог просто так взять и узнать, что Денис опаздывает на выполнение своей работы, то ему ничего не стоило узнать и то, что он оказался слишком любопытным. А последствия не заставят себя ждать – Денис был в этом уверен.

Лицо Ланы приобрело еще более озорной вид.

– Знаешь что, мой незнакомец, мы сейчас делаем вот что…

Денис уже понимал, что хочет предложить Лана. Довольно странно все складывалось. Она явно доминировала в их отношениях. Она делала то, что хотела, и так, как хотела, не особо интересуясь мнением Дениса. Причем, с самого момента их знакомства. Получалось так, что завоевывать даму не было необходимости; наоборот, эта дама устроила блицкриг и моментально оккупировала территорию.

Денис почувствовал, что голова слегка кружится: то ли от выпитого, то ли от предвкушения.

– Я внимательно слушаю, – улыбнулся Денис и посмотрел в глаза Лане.

Она, судя по всему, тоже захмелевшая, сообщила:

– Мы сейчас пойдем к тебе и вскроем один конверт. Немножко.

Распаленный, он мысленно выругался. Его разыгравшееся воображение уже рисовало соблазнительные сцены со страстными поцелуями и с разбросанной по квартире одеждой, и предложение Ланы остудило его, словно холодный душ.

«И зачем я только затеял этот разговор про письма?» – огорченно подумал он.

– Посмотрим, что там, – продолжала она, крутя между большим и указательным пальцами правой руки трубочку, – и снова заклеим. Ты же понимаешь, Денис, что дело здесь явно не чисто и тебе просто необходимо выяснить, не нарушает ли этот Анкудинов закон. Черт! – воскликнула Лана, чуть не сбив в возбуждении бокал, и зашептала: – А вдруг там какая-нибудь сибирская язва? А ты автоматически становишься соучастником! Так что нам с тобой необходимо сейчас удостовериться, что все в

порядке.

Денис отхлебнул из кружки. Ему не нравился настрой Ланы. Делать то, что точно разозлит Константина Андреевича, было опасно.

– Нет, не пойдет. Что будет, если он узнает? Я полагаю, он может следить за мной.

– Бред! – фыркнула Лана. – Зачем ему давать неизвестному парню работу от силы на три-четыре выезда по адресам в неделю и при этом устанавливать круглосуточную слежку? Тебе не кажется, что это звучит, как… как второсортная детективная книжонка?

Он сделал чересчур большой глоток пива и закашлялся.

Лана продолжила:

– Ты, конечно, очень милый, но все же не стоит переоценивать свою важность.

Денис, еще не прокашлявшись, хрипловатым голосом произнес:

– Вот то ли ты комплимент сказала, то ли нахамила!

Лана засмеялась.

– Тут ты сам определяйся. Так когда идем?

У него отпала челюсть. Что тут можно было сказать? «Матриархат либерального толка», – так он это называл. И отказываться уже было неудобно, хоть Денис и не давал своего согласия.

– Нам еще не принесли напитки. Так что давай дождемся. Я на твои авантюры трезвым идти не собираюсь.

Неуютное ощущение сапера на минном поле, мешавшее Денису расслабиться в кинотеатре, наконец пропало. С ней ему было комфортно.

Лана высосала через трубочку остатки «мохито» и кивнула.

– Естественно.

Дверь в подъезде скрипнула, и пара молодых людей стала подниматься по ступенькам. Оба шли нетвердой походкой и останавливались почти на каждом этаже для продолжительных поцелуев. Наконец они добрались до четвертого, и он некоторое время безрезультатно копался в кармане джинсов. Он искал ключ настолько тщательно и, тем не менее, безрезультатно, что она не выдержала и рассмеялась. Через минуту он все же вытащил ключ и с третьей попытки отпер замок. Пропустив спутницу вперед себя, он вошел. Захлопнулась дверь, и подъезд погрузился в ночное безмолвие.

Чуть выше, на площадке между четвертым и пятым этажами, стоял человек. Высокий, худощавый, облаченный в черный

костюм, он не двигался. Длинные бело-снежные волосы, аккуратно зачесанные назад, не мешали разглядеть его лицо. Пронзительные глаза ярким пятном выделялись на идеально гладкой коже молчаливого посетителя. Холодный взгляд был направлен на дверь, в которую только что вошли молодые люди.

Минуту ничего не происходило, затем человек двинулся вниз. Шаг за шагом. Фигура перемещалась бесшумно. Ноги не доставали до лестницы, упираясь в невидимую поверхность. Сквозь призрачное тело, словно за легкой дымкой, проглядывали изрисованные стены подъезда и грязные ступеньки. Сойдя на лестничную клетку, незваный гость, ни секунды не поколебавшись, шагнул сквозь дверь.

9

Денис пропустил Лану вперед, и она вошла в квартиру. Не дожидаясь, пока он проявит такт и учтивость, она на ощупь попыталась найти выключатель. Тот оказался именно там, куда потянулась рука. Лампочка, свисавшая с потолка, залила коридор ярким холодным светом.

«Молодец!» – мысленно поздравила себя Лана.

Она продвинулась чуть дальше, освобождая место Денису.

Лана осмотрела коридор, пока Денис за ее спиной пытался разуться, пыхтя и чертыхаясь на обувь со шнурками, которые никак не желали развязываться. Возле двери на стене висело зеркало в почерневшей деревянной оправе, под которым стояла перекосившаяся тумбочка. С другой стороны Лана увидела пустую настенную вешалку, а под ней – полочку для обуви. Туда-то Денис и поставил свои ботинки, когда, наконец, справился со шнурками.

– Проще пареной репы, – довольно поговорил он.

Лана ловко сняла туфли и поставила их рядом с ботинками Дениса. Она обратила внимание, что чистота в коридоре имела особое свойство – она называла это «мужским следом». На линолеуме виднелись разводы грязи – не бросающиеся в глаза, но заметные, а по углам зеркала и на поверхности тумбочки попрятались полоски пыли. Чувствовалось, что Денис старательно приводил в порядок свое жилище, но явно этот процесс был для него редким и непривычным. И, тем не менее, Лане было приятно.

– Добро пожаловать! – торжественно воскликнул Денис, протянув руку в направлении гостиной.

Она прошла вперед, внутренне удивляясь тому, насколько трезвы ее мысли. Словно не она только что выпила несколько крепких коктейлей. Но в ногах чувствовалась хмельная смесь легкости и одновременно какой-то ватности.

В гостиной первым, на что обратила внимание Лана, оказался телевизор. На стене висела большая черная плазменная панель; внизу, на полу, разместились разнокалиберные динамики домашнего кинотеатра, по бокам стояли две высокие полки, практически полностью заполненные DVD-дисками. Вот здесь чувствовался настоящий порядок: педантичный, структурированный и слегка параноидальный. Лана вспомнила своего деда-нумизмата, без конца перебирающего, чистящего и перекладывающего из кармашка в кармашек монеты в альбоме.

Вспомнила стол, превращенный светом мощной лампочки в подобие операционного, красные глаза старика, высунутый от усердия язык и сгорбленную спину. Денис, конечно, не соответствовал такому образу, но в нем тоже чувствовался легкий душок коллекционерского фетишизма.

Все остальное в комнате: мебель, вещи, – словно являлось небольшим и не столь значительным приложением к телевизору. Фон, не имеющий ровно никакого значения.

– Ого! – воскликнула она удивленно. – Да у тебя тут целый алтарь.

Денис, вошедший в комнату следом, произнес:

– Ага, недавно прикупил. Крутейшая штука. «Фул эйч ди», «три-дэ», может читать с флешки. Шикарная вещь!

Лана посмотрела на его горящие глаза и смущенную улыбку и улыбнулась сама, подбадривая. Денис же, увидев, что его слушают, принялся быстро и немного сбивчиво вываливать на Лану информацию:

– Но я не люблю «флехи». Это как безалкогольное пиво или резиновая ба… женщина. А «дивиди» на таком формате показывает убого. И теперь приходится покупать все на «блю-рэе»…

Лана мало что понимала из этого, но не прерывала.

Дослушав Дениса, она подошла к столику, приютившемуся в углу комнаты, и взяла в руки лежавший там увесистый том. «Англо-русский словарь», – гласило заглавие.

– Увлекаешься языком?

Денис подошел и, приобняв ее, чуть развернул к себе. Ей в голову пришла забавная мысль, что он сейчас скажет какую-нибудь несусветную пошлость: «Да, детка, твоим языком» или подобную чушь. Она даже успела подумать, что это ее разочаровало бы, но Денис молча и очень аккуратно, словно она была сделана из хрусталя, притянул к себе и поцеловал. Сначала все происходило медленно и нежно, затем – все более страстно. Когда Лана поняла, что ситуация почти вышла из-под ее контроля, не без сожаления отстранилась и произнесла с легким придыханием:

– Сначала то, зачем мы сюда пришли.

Естественно, сюда она пришла, чтобы остаться на ночь, но отказаться от того, чтобы немного помучить Дениса, она не могла. Кроме того, такой стимул, как секс, явно мог сократить прения по поводу того, стоит ли открывать конверт.

– Ну ты и зараза! – сообщил Денис.

В каждой черточке его раскрасневшегося лица отражалось неутоленное желание. Лане даже стало немного жаль его, и она

мысленно отчитала себя за такой негуманный подход.

Она нежно прикоснулась губами к уголку рта Дениса и проговорила немного виноватым голосом:

– Я знаю. Мне мама то же самое всегда твердила. А еще говорила, что я первосортная с… стерва.

– Твоя мать – мудрая женщина, – сообщил Денис.

– Была мудрая, – поправила Лана.

При мысли о своей матери настроение немного испортилось. И зачем только она приплела ее сюда?

Денис смутился. На лице появилось выражение ребенка, который набедокурил и только сейчас понял всю тяжесть своего проступка.

– Извини.

Лана подняла взгляд:

– Да ладно тебе! Ты же не можешь знать того, о чем я тебе не говорила. Не парься. На самом деле ей не хватило мудрости, чтобы найти себе нормального мужика. Наверное, всех приличных разобрали. И осталась одна скотина.

– Пил?

Лана сразу не поняла, о чем спрашивает Денис. Потом сообразила.

– Кто? Папанька? Нет, он не пил. Он бил. Постоянно, методично. Я половину начальных классов пропустила по болезни. Только вот болезнь достаточно странная была. Синяки под глазами, ушибы и переломы. В травмпункте меня уже знали в лицо…неуклюжую девчонку, которая постоянно падала и ударялась. Они, конечно, все понимали, но… не лезли. Нет никого хуже, чем люди, которые изображают из себя самаритян, а на деле фарисеи фарисеями… суки.

Лана присела на корточки и облокотилась на стену. Денис сел рядом и скрестил ноги по-турецки. Она хотела что-нибудь почувствовать: горечь, злость, грусть, но пришло лишь раздражение. Она махнула рукой.

– В общем, что я тебе мозги полощу? Такая хрень сплошь и рядом происходит. Ничего особенного. А твои родители?

– А что мои? Родители как родители.

Денис резко отвел глаза. Лана внимательно посмотрела на него и решила не продолжать. Он ей все расскажет, просто сейчас не место и не время. Как ни странно, но осознание того, что у Дениса тоже все не так солнечно в семейных вопросах, чуть улучшило ей настроение. Общие проблемы не только сближали, но и улучшали настроение. Ей тут же стало немного не по себе от этого.

– Так, кажется, мы с тобой не в те дебри полезли. Еще

немного, и будем тут сидеть, как анонимные алкоголики, душу изливать.

Лана попыталась улыбнуться. Она почувствовала, что получилось не очень хорошо.

Денис кивнул и предложил:

– Согласен. Как насчет бутылочки вина?

– А как же твой консерватизм? – улыбнулась она, мысленно порадовавшись, что острые углы они обошли.

– Он в порядке, пиво тоже есть.

– Нет уж, спасибо, эту гадость пей сам.

– Тогда решено! – воскликнул Денис.

– Ты разбирайся с напитками, а я забегу в ванную.

Лана вспомнила кое-что еще.

– И чайник поставь! – крикнула она.

– А чайник зачем? – донесся голос из кухни.

– Ты задаешь слишком много вопросов!

– Понял, мэм! Будет сделано, мэм! – отрапортовал голос Дениса.

Лана зашла в маленькую ванную комнату, повернула кран, набрала в сложенные ковшиком ладони воды и брызнула себе в лицо. Живительный холод сначала обжег разгоряченную кожу, сменившись нежным покалыванием на щеках. Воспоминания об отце оставили внутри неприятный осадок. И ей не хотелось портить себе вечер из-за этого подонка. Она и так сегодня болтала гораздо больше, чем за всю эту неделю.

Внезапно она вздрогнула. По ее спине пробежал неприятный холодок. Она удивленно посмотрела на себя в зеркало. Испуганные глаза, чуть приоткрытый от неожиданности рот, и одинокая капелька пота на лице.

«Что это такое?» – подумала она, разглядывая себя в зеркале. К ней словно кто-то прикоснулся. Мерзкий и холодный, жутко холодный. Нет, она не ощущала самого прикосновения, но почувствовала то, что сопроводило бы такое прикосновение. Отвращение и страх.

Капелька пота медленно покатилась по легким складкам напряженного лба вниз, к переносице. Лана зачарованно смотрела на нее, как будто эта самая капелька была живая. «Я всего лишь капля соленого пота. Твоего пота. И я только одна, а значит, ничего страшного не произошло». Лана следила за ее перемещением, пока не почувствовала холодок от нее на переносице. Затем смахнула пот и, встретившись взглядом со своим отражением, усилием воли улыбнулась. Ей это не удалось. Губы дернулись, и только. Лана ощущала, что в ванной кто-то есть. И этот кто-то смотрел на нее. Звучало, как бред, – здесь

можно было рассмотреть все, практически не двигая глазами. Но все же ощущение, почти такое же мерзкое, как и при прикосновении, которого не было на самом деле, осталось.

– Прорвемся, подружка, – проговорила она, но почувствовала, что ее голосу не хватало уверенности.

Денис к тому моменту уже выставил на стол скромное угощение: бутылку красного вина, два пузатых бокала, тарелочки с нарезанным сыром, оливками, клубникой. Когда Лана вошла в комнату, он как раз пытался справиться с деревянной пробкой в бутылке. Наконец ему удалось ввинтить штопор в пробку, и через пару секунд дело было сделано.

– Ого! – с улыбкой воскликнула Лана.

После того как она вышла из ванной, неприятное ощущение развеялось. «Показалось», – решила она. Переизбыток коктейлей, ничего более.

Денис оглянулся.

– Да у тебя тут целый пир, – продолжила она. И, посмотрев на вино, добавила: – И с выбором напитка ты справился на пять.

Она подошла и легонько поцеловала его в губы. Захотелось поцеловать гораздо сильнее, но распаляться сейчас не стоило. Сначала нужно было утолить любопытство.

– Как чайник?

Денис кивнул в сторону газовой плиты:

– Сейчас закипит.

– Клево! Тогда неси письма.

Он встал, с сомнением посмотрел на нее и двинулся из кухни. Вода в металлическом чайнике уже начинала закипать, судя по легкому посвистыванию, доносящемуся изнутри сосуда. Лана оглядела кухню. Все чисто и аккуратно: никакой посуды в раковине, никаких пятен на столешнице, но все же явно не хватало женской руки. И складывалось впечатление, что если бы она пришла к Денису неожиданно, то увидела бы тут совершенно другую картину. Она присела на табуретку.

Денис все не шел, и Лана уже хотела позвать его, но тут он появился и сел напротив нее. Она заметила, что он пытался вести себя непринужденно, но глаза выдавали волнение. Лана и сама начинала нервничать. Как ни крути, а эта история с письмами попахивала какой-то «нелегальщиной» – не обязательно чем-то серьезным, но однозначно неприятным. И естественно, что при столкновении с подобными вещами человеку свойственно нервничать. Тут же вспомнилось то ощущение в ванной. Ощущение, что кто-то смотрит на нее.

Денис положил на стол два конверта. Рука сильно дрожала. Лана подняла на него взгляд. Волнение на его лице постепенно

перерастало в испуг. Он теперь даже казался совершенно трезвым.

«Да что же ты так волнуешься? – подумала Лана, – Никто же не узнает!» Однако сама чувствовала, как ей передается страх Дениса.

Вслух она не произнесла ни слова, а просто взяла в руку верхнее письмо. «AMS» – Лана никогда о такой компании не слышала. В нижнем правом углу значилось – Сергеевой Анне Викторовне, под адресом – 15.56. Второе письмо выглядело точно так же, но адресатом был записан Сажин Олег Сергеевич, а после указания дома вместо номера квартиры стояла пометка «Детская площадка». И чуть ниже – 19.21. Денис говорил, что на конвертах есть время доставки письма. Но как, откуда этот Анкудинов знал, где будет человек в момент передачи?

«Бред какой-то», – решила Лана. Или не бред, если предположить, что все эти люди: и отправитель Анкудинов, и получатели, указанные на конвертах, – находились в сговоре и с помощью Дениса обменивались какими-то документами, заранее зная время и место. Но вот только не ясно, зачем в этой схеме было нужно лишнее звено – курьер. Четыре письма в неделю – не так много, чтобы вовлекать в преступную деятельность человека со стороны. Одни вопросы, а ответ – в этих конвертах. По крайней мере, она на это надеялась.

– Мы так и будем тут сидеть? – раздался голос Дениса.

Лана и не заметила, что сидит, уставившись на надпись «AMS». Она улыбнулась и подняла взгляд. При виде лица Дениса улыбка моментально исчезла. Он побледнел. Челюсть ходила ходуном, а в глазах читался нарастающий ужас.

– Денис, ты в порядке?

– Я… я… да… нет… Что-то я себя хреново чувствую… Может, перенесем на потом наши игры в частных детективов?

Лана уже готова была согласиться с этим предложением, но внутренний голос тихо забормотал: «Давай вскроем… давай вскроем… никто же не узнает… никто не узнает». Черт возьми, не так часто случалось что-нибудь захватывающее, и отказываться от такого шанса она не собиралась.

– Мы быстренько, Денис, откроем и тут же закроем.

Лана решила не затягивать решение вопроса – ей не очень нравилось то, что происходит с Денисом, и чем раньше они откроют конверт, тем лучше. Она встала и повернулась к чайнику: пар валил прозрачно-белыми облачками из ободранного носика и из-под вибрирующей крышки. Письмо она аккуратно, чтобы не помять, держала в правой руке. Денис за спиной не издавал ни единого звука. Лана даже не слышала его дыхания,

хотя, скорее всего, этому мешал шумящий чайник. Она медленно, стараясь не обжечься, потянула руку к пару. Важно было не передержать конверт, иначе бумага размякнет, и любому маломальски соображающему получателю станет ясно, что письмо вскрывалось. Удивительно, но на секунду ей показалось, что рукам что-то мешает двигаться, словно все происходило под водой. Приложив усилие, Лана преодолела непонятное сопротивление и остановила конверт в пятнадцати сантиметрах над горлышком.

Лане пришла в голову интересная догадка: «Денис что-то мне недоговорил, именно из-за этого он и выглядит…» Затем истошный крик, от которого моментально заложило уши, прервал незаконченную мысль. Она резко развернулась на сто восемьдесят градусов. Письмо выпало из ослабшей руки и шлепнулось на пол.

Денис странным образом выгнул спину дугой. Он походил на танцора, выделывающего какое-то сложное па. Пальцы вцепились в виски. Лана не видела его лица, но она отчетливо разглядела ногти больших пальцев, впившиеся в кожу возле ушей. Из-под пальцев виднелись алые мазки крови. Из-за сведенных вместе локтей раздавался уже не крик, а вой. Выгнувшееся тело долгий миг оставалось недвижимым, а потом ноги словно лишились костей, и Денис камнем рухнул на пол. Руки разлетелись в стороны, и Лана, наконец, увидела его лицо. Маска агонии исказила черты до неузнаваемости: глаза вылезали из орбит, губы натянулись, обнажив зубы, жилы на шее напряглись, словно тросы. Создавалось впечатление, что неведомая сила натянула лицо назад. Ногти снова закопались в виски.

Ступор наконец спал, и Лана рванула к Денису. Она кричала. В голове у нее возник отчетливый образ: мать лежит на полу, вот так же закрыв лицо руками, из-под пальцев сочится кровь. Рядом валяется кухонный нож, раскрашенный в красный. Отец только что ушел из дома, оставив глубокую память о себе на щеке матери. Он больше не вернется. Потом будут заявление в милицию, бесплодные поиски. Но сейчас почти все хорошо, нужно только успокоить маму.

Лана рухнула на колени возле извивающегося Дениса и схватила его за руки:

– Что случилось?! Денис! Что случилось?! Ответь мне! Что случилось?! Что случилось?!

Не зная, как помочь, она трясла его за руки и без передышки выкрикивала:

– Ответь мне! Что случилось?! Ответь мне!

Конвульсии пропали так же неожиданно, как и появились. Секунду назад Денис бился в припадке на полу, и вот он уже

растянулся на спине: спокойный, расслабленный. Только пальцы все еще впивались в виски. Лана, всхлипывая, попробовала отцепить скрюченные пальцы от головы Дениса. Это удалось не сразу, но она все же смогла оттянуть напряженные кисти. Он лежал с закрытыми глазами, прерывисто дыша ртом. Из-под век появились две слезинки. Одна из них попала на полоску крови на щеке. Лана зачарованно смотрела, как капелька крови слегка обесцветилась, разбавленная слезой. Через несколько секунд она перевела взгляд. Чуть дальше правой скулы остался отчетливый полукруглый след от ногтя. Он был наполнен кровью, словно ров водой.

Денис открыл глаза. Отсутствующий взгляд, похожий на взгляд человека, разговаривающего по телефону, на миг остановился на лице сидящей рядом Ланы и тут же поднялся выше. Денис опять начал дрожать. Лане показалось, что он к чему-то прислушивается. А потом кивнул, словно соглашаясь с кем-то. Потом тихо пробормотал: «Нет, пожалуйста».

Лана резко развернулась и посмотрела в то место, куда направил взгляд Денис. На миг ей показалось движение, скорее даже намек на движение, но, моргнув, она увидела все ту же кухню: плита, холодильник. Здесь никого не было. Никого. Только она, ее испуганный компаньон и все.

Раздался слабый, испуганный голос, совершенно не похожий на голос Дениса:

– Он сказал, что это последнее предупреждение.

Лана повернула голову и спросила:

– Денис, что тут произошло?

Денис, словно не слыша Лану, продолжил:

– Он сказал, что в следующий раз ответственность будем нести мы вместе. И я… и ты.

– Кто он? Кто он?

Голос Ланы снова начинал срываться в крик.

– Константин Андреевич.

Денис закрыл глаза. Через несколько секунд он спал.

Лана некоторое время сидела, не двигаясь, пытаясь сообразить, что нужно делать. В голову ничего не приходило. Девушка встала, прошла в прихожую, взяла пачку сигарет и вернулась на кухню. Здесь она села у стены рядом с Денисом, прижала к себе ноги и закурила. Это единственное, на что сейчас ее хватало.

Виктор крался по прихожей, сжимая в руке штык-нож, а голос комментатора тем временем рассуждал о только что забитом голе. В пластмассовом лотке на пачке газет Погодин увидел надорванный конверт с красными буквами. Сейчас было не до письма, и он перевел взгляд на проход в гостиную.

Сзади раздался грохот, и Виктор резко развернулся. Он понимал, что непременно упадет, но ничего с этим поделать не мог.

Именно так и произошло – он потерял равновесие и рухнул на пол. Боли в спине не почувствовал. Он знал, что боль должна быть, что нельзя упасть и ничего не ощутить, но, тем не менее, ничего не изменилось.

Повернув голову влево, он увидел в гостиной руку, свесившуюся с кресла. Что-то было не так: неуловимо, но совершенно точно. Поднявшись, – это получилось на удивление легко) – Виктор понял, в чем причина: Филимонов был одет в черный костюм. Из-под рукава виднелась черная же сорочка. Погодин медленно, стараясь не издавать ни звука, двинулся по направлению к сидящему в кресле. Вот показалось плечо, еще шаг – и стала видна шея. Виктор замер. Ощущение неправильности происходящего, наконец, обрело форму: в кресле сидел не Филимонов. Длинные, белоснежно белые волосы, спадающие на плечи, и худощавое лицо незнакомца на миг показались старику знакомыми.

Погодин успел сделать еще только один шаг, когда незнакомец открыл глаза. Человек в черном костюме повернул голову и посмотрел в глаза отшатнувшемуся Виктору. Лицо, обращенное к нему, обладало чертами, которые в совокупности создавали ощущение неестественности. Идеально гладкая, молодая кожа контрастировала с уставшим взглядом очень старого человека. Словно глаза жили своей, более интенсивной, жизнью и успели выцвести, пока лицо даже не приобрело морщин.

Человек, сидящий в кресле, холодно посмотрел на него и произнес:

– Ты не жнец, старик. Тебе стоит это знать и помнить. Ты не жнец. Ты всего лишь серп в руках жнеца.

Голос человека пробирал до костей. Виктор попытался открыть рот, но тот не подчинялся. Разум бился в истерике: «Беги…беги…беги», но команды мозга не доходили до нервных окончаний, словно холод, который источало это существо, заморозил тело Виктора. А человек, оказавшийся здесь вместо пьяницы Филимонова, тем временем встал и вплотную подошел к Погодину. Виктор оказался на голову ниже этого существа, его

взгляд уперся в пуговицы черной сорочки, но каким-то чудом он все же видел неподвижное лицо незнакомца. Две руки крепко взяли Погодина за плечи. Виктор почувствовал, как холод пробирается по его венам, как немеет кожа и дубеют мышцы от этого прикосновения. Голос то ли сверху, то ли спереди произнес:

– А пока еще ты можешь, старик, проснись…

И резко встряхнул тщедушное тело, словно податливую резиновую куклу.

Виктор распахнул глаза, пытаясь сдержать рвущийся из груди крик. Скрюченные артритом руки вцепились в одеяло. Сердце буквально выпрыгивало из груди, заходясь в бешеном ритме.

«Кошмар, это всего лишь кошмар», – постарался убедить себя он, но один момент не позволял выкинуть чудовище из головы – белокурый незнакомец был знаком Виктору. Он его уже видел.

Холод, преследовавший его во сне, никуда не пропал, и через секунду Виктор понял, в чем причина, – он не закрыл балкон. Вчера вечером он вернулся домой, и сил хватило только на то, чтобы наспех раздеться и упасть в кровать. Он даже не укрылся одеялом. И теперь старые кости пробирало утренней прохладой.

Виктор подумал о том, чтобы встать и закрыть дверь на балкон, но вместо этого он неуклюже достал из-под себя одеяло и накрылся им. Затем вслепую, в темноте, протянул руку к тому месту, где должна была стоять табуретка. Нащупав зажигалку и пачку сигарет, он достал одну и закурил. Не убирая палец с клапана зажигалки, он подвел огонек к лежащим часам. Полчетвертого утра. Стрелки потеряли четкость, когда Виктор выдохнул из легких едкий дым, и пропали вовсе, когда погасло пламя зажигалки.

Через минуту начался кашель. Он находил волнами, подступая, затем слегка успокаиваясь, но только для того, чтобы вновь, с новой силой, накрыть несчастного курильщика. Горло рвало изнутри, в груди словно торчал раскаленный прут, руки и ноги выкручивало от судорог. И в момент, когда Виктор мысленно констатировал, что это последняя сигарета в его жизни, кашель начал стихать.

Отдышавшись, Виктор встал и на ощупь двинулся на кухню. Там он щелкнул выключателем, испугав лежавшую на полу Мурку, бросил «бычок» в раковину и поставил на плиту чайник.

Сон не шел из головы. У Виктора бывало так, что снится что-то знакомое, но знакомое не в реальной жизни, а в одном из предыдущих снов. Словно в его спящем сознании создавался маленький изолированный мирок, где появлялись свои постоянные жители, неизменные места и укоренившиеся традиции.

После смерти жены и сына он старался спрятаться от бессмысленного существования. Только месть не отпускала его окончательно, но сейчас и она ушла. Стало быть, осталось немного. Эта мысль не радовала, не пугала, а просто была. Всего лишь переход из одного дерьмового мира в другой. Возможно, там он встретится со своими родными, но, особенно если существуют ад и рай, шансы очень малы. Он уже прикрыл себе дорожку наверх, убив Кондратенко.

И раз его душу уже очернило убийство, то еще один небольшой грешок ничего не изменит.

Вода вскипела. Виктор налил себе кофе. Безвкусное пойло, но оно немного его разбудило. Сердце от полученного кофеина судорожно застучало, отдаваясь болью в груди.

«Это ненадолго», – подумал Виктор.

Он наклонился и достал с нижней полки моток тонкой веревки. Он уже даже не помнил, когда и зачем покупал ее, но сейчас она была как нельзя кстати. Погодин сел на табуретку и нашел край веревки. Затем завязал простой узел, который, однако, свободно двигался, а значит, подходил для задуманного. Виктор встал, кинул бечевку на то место, где только что сидел, и поднял двумя руками табуретку. Войдя в комнату, он расположил табурет в центре. Проделанная работа высосала из Виктора почти всю силу, но оставалось совсем немного, и стоило взять себя в руки. Снова взяв веревку, он аккуратно взобрался на табуретку. Хлипкая конструкция жалобно скрипнула.

– Потерпи, не ломайся, – пробормотал он.

Его качнуло, но, схватившись за люстру, он все же удержал равновесие.

Не к месту Виктор вспомнил, как он с женой, такой невыносимо живой, лет пятнадцать назад выбирал в магазине подходящую люстру. Продавец без умолку расписывал достоинства каждой люстры, к которой подходила Катя. Она же с мягкой улыбкой на губах кивала, внимательно слушая льющиеся бесконечным потоком сведения. Она была благодарным слушателем. И только Виктор, безучастно расположившийся в сторонке, знал, что жена уже выбрала нужную люстру, и бормотание продавца она продолжала слушать только из врожденной вежливости. Они потом вместе смеялись над расшаркиваниями молодого консультанта, старавшегося завалить покупателей бесполезной информацией.

Катя всегда знала, что ей нужно, и выбор она делала всегда быстро и безошибочно. В отличие от ее мужа. Точнее, вдовца. Виктора постоянно терзали ненужные сомнения. Но сейчас пришло время сделать выбор четко и быстро. Он смахнул одиноко

выкатившуюся слезу и поднял руки вверх. Опустив колпак, скрывающий провода, он добрался до крюка, на котором висела люстра. Осторожно продев веревку, он принялся завязывать узел. Кровь моментально отхлынула от поднятых вверх рук.

– Какого черта я делаю? – пробормотал он. – Старый пень.

Он опустил руки, слез с табуретки и принялся завязывать узел в более удобном положении. Справившись, он вновь влез на табурет и накинул петлю на крюк. Получилось достаточно крепко. Достаточно крепко для того, чтобы удержать некоторое время вес тщедушного старика.

Виктор просунул голову в петлю и левой рукой подтянул скользящий узел к затылку. Ему в голову пришла отвлеченная мысль, что можно было обойтись и без мыла: пот лил, казалось, со всех пор. Сердце судорожно билось в ребра, словно стремилось проломить грудную клетку и выскочить наружу. Табурет под ногами медленно покачивался на разболтанных ножках. Виктор представил себе, как трещит дерево, как он падает на пол и лежит, не в силах пошевелиться, а перед глазами, наверху, покачивается недостижимая петля. Выглядело иронично.

Стоя на качающемся табурете с петлей на шее, Виктор медленно обвел комнату взглядом. Здесь все напоминало о его прошлой жизни. За одиннадцать лет, прошедших после смерти Кати, он так и не удосужился избавиться от ее вещей. Он предпочел ежедневное самоистязание и постоянное напоминание о том, что он остался один. Вот на стене их старая фотография: цветная, но странного красноватого оттенка. Улыбающийся Слава, на фото ему около двадцати, стоял посередине, обняв одной рукой отца, второй – мать. Виктор и Катя смотрели в объектив и тоже улыбались. А почему бы и нет. У этих людей на фотокарточке еще оставалось самое главное – семья. Близкие люди, готовые всегда подставить плечо. Даже если плечо нужно подставить под гроб родного человека.

Он мысленно начал считать: «Пять…четыре…», а затем, дойдя до единицы, приготовился оттолкнуть ногой табуретку, когда в глаза бросилась одна вещь. Брюки. Они валялись на полу возле кровати. Из заднего кармана торчал краешек белого листа. Единственное, чем это могло быть, это…

«Конверт», – вспомнил Виктор.

Тут же в голове всплыло вчерашнее мимолетное решение разобраться с тем, что в этом послании было написано.

– Черт с ним, – прохрипел он. – Какое мне дело до переписки этого ублюдка?

Но внутри он все же засомневался. У него появилось странное ощущение, что текст письма имеет отношение к нему.

Хотя через несколько секунд ему уже будет все равно. Одно движение ногой, и Виктор сам уже не будет иметь отношения ни к чему. Так просто – всего лишь движение ногой.

Но это движение можно сделать и днем позже.

Виктор начал снимать веревку с шеи, и в этот миг табуретка покачнулась. Тело подалось вперед. То, что минуту назад казалось единственным возможным выбором, сейчас вызвало в нем страх. Он резко схватился за люстру и выровнял тело. Потом скинул петлю с шеи и медленно спустился. Ноги дрожали настолько сильно, что, казалось, он мог упасть в любую секунду.

Маленькая стрелка на старых часах, висящих на стене, замерла на цифре «пять».

Виктор выбрался на маленький балкончик. Из рассыпающейся плиты под ногами торчали прутья арматуры, сообщая, что выходить сюда – дело в крайней степени безответственное. Но чего бояться человеку, только что снявшему петлю с шеи?

Солнце еще не взошло, но на улице уже было светло. Редкие прохожие, несмотря на выходной день, уже куда-то спешили. Виктора всегда угнетала подобная суетливость: люди словно пытались побыстрее отжить свои жизни и спешно сдохнуть. Но сейчас ему казалось, что эта суета и есть жизнь. Целеустремленное перемещение из точки А в точку Б. И пусть цель – всего лишь самовнушение, но пока есть движение, человек счастлив. Или, по крайней мере, в состоянии вытерпеть окружающий мир. Хотя бы недолго.

Виктор закурил, оперся на поручень балкона и сосредоточился на своих дальнейших действиях. Его интересовали три вопроса: во-первых, что же написано в письме; во-вторых, кто тот парень, что принес конверт; и, наконец, в-третьих, кто же, черт возьми, тот белобрысый из сна? Виктор чувствовал, что третий вопрос имеет непосредственное отношение к первым двум.

Докурив сигарету до фильтра, Виктор щелчком выбросил окурок и зашел в квартиру. Зарождавшийся за окном день обещал быть тяжелым.

11

– Лана, просыпайся.

Она открыла глаза и увидела Дениса. Тот сидел возле кресла, в котором она проспала ночь, и слабо улыбнулся:

– Доброе утро!

Его лицо осунулось. Под покрасневшими глазами образовались бардовые тени. В зрачках застыло затравленное выражение. На секунду ей показалось, что все произошедшее ночью было сном. Невероятно реалистичным жутким сном. Но нет, глаза Дениса подтверждали реальность того, что она увидела ночью.

– Привет, Денис. Как ты?

Он сделал еще одну попытку улыбнуться:

– Хреново, но жить можно. Хотя есть и один положительный момент…

– Да? – Лана, не до конца проснувшись, немного не понимала, что говорит Денис.

– Угу! Ты все же осталась у меня на ночь! – На этот раз улыбка вышла чуть более естественной.

Лана потянулась. Затекшая шея отозвалась болью. В голове немного прояснилось.

– Жаль только, ночь эта прошла не совсем так, как хотелось.

– М-да, если ты права, то ты права.

Лана краем глаза заметила корочку запекшейся крови на виске Дениса. В памяти всплыло его искаженное болью лицо. Она вздрогнула.

– Денис, я, конечно, понимаю, что сейчас не совсем правильный момент, но все же я хочу услышать всю историю.

Он провел ладонью по растрепанным волосам и кивнул:

– Хорошо. Но сначала кофе.

– Честно говоря, я бы выпила чего-нибудь покрепче, но пока сойдет и кофе.

Денис ушел ставить чайник. Из кухни раздался его голос:

– Я очень удивился, увидев тебя дома. На самом деле, я думал, что больше тебя не увижу.

Лана промолчала. Не стоило объяснять Денису, что ей двигала не только и не столько привязанность к нему, сколько дикое, необузданное любопытство. Она не могла покинуть квартиру, просто забыв произошедшее. Это не про нее. И была еще одна маленькая причина остаться у Дениса дома – страх. Мысль о том, чтобы выйти в темный подъезд, а потом на темную улицу, ужасала ее. Ведь с ней мог пойти и тот невидимый человек. Константин Андреевич, так называл его Денис. Таинственный работодатель.

Лана встала и прошла на кухню, где Денис уже насыпал растворимый кофе по бокалам. Она посмотрела на пол, где вчера бросила письмо. Конверта там не оказалось. Видимо, Денис убрал его до того, как стал будить ее.

– Я сама удивляюсь, почему я здесь.

Двадцать минут спустя Денис с Ланой вышли из дома и не торопясь двинулись по улице. Мобильник показывал 9.33, а это означало, что время есть. Денис достал из рюкзака два белых конверта:

– Сергеева Анна Викторовна, – прочитал он фамилию на верхнем, – 15.56, Донская улица. Времени у нас достаточно.

– Ты намереваешься продолжать начатое?

Денис оторвал взгляд от письма и посмотрел на нее:

– А у меня есть выбор?

Она секунду помолчала и покачала головой.

Недосказанная часть истории Дениса заняла немного времени. Они неторопливо продвигались по тротуару мимо многоэтажных домов и скверików, магазинов и ресторанов, пока Денис рассказывал о странной квартире, об отсутствующих следах, о своей попытке уйти и, наконец, об условиях сделки с Константином Андреевичем.

Услышав о видеозаписи, Лана остановилась как вкопанная и обернулась. Она слегка приподняла в удивлении брови. Глаза расширились, и Денис мимоходом подумал, что еще немного, и Лана станет похожа на героиню японского мультфильма.

– Что ты сделал? – переспросила она.

Он про себя признал, что уничтожение дорогих машин – это не то хобби, которое покорит девушку.

– Ты же слышала, – излишне хмуро буркнул он.

Удивительно, но вместо разочарования на лице Ланы появилась широченная улыбка.

– Класс! – взвизгнула она.

Пришло время изумляться Денису.

– Что класс?

– Все класс! Я хочу вместе с тобой провернуть операцию… как ее там?

– «Огненный шквал».

– Вот. Именно. Название мы ей, конечно, поменяем! В общем, я хочу сделать это с тобой вместе.

Внезапно Денис разозлился. В последние несколько дней его жизнь превратилась в какой-то киношный сюжет, и, судя по всему, ему там была отведена не самая легкая роль. У него до сих пор болели виски после ночи, напоминая, что его жизнь сейчас полностью зависит от какого-то мистического ублюдка, хочет он этого или нет. А Лане все – как с гуся вода.

– Вот так просто, да? После такого компромата я даже «зайцем» уже не хочу ездить.

Улыбка Ланы потухла.

– Прости. Ситуация серьезная, а я глупости всякие говорю. Рассказывай дальше.

Денис двинулся вперед.

– Что тут еще рассказывать? – проговорил он язвительно, но тут же постарался сменить тон. – Естественно, предложение я принял. Слишком уж аргументы весомые. Но это ты знаешь.

– Произошло что-то еще, Денис. Я поняла это по твоим глазам ночью. Жаль, дура, не додумалась остановиться. Была еще одна встреча с Анкудиновым до нашего свидания?

Денис задумчиво посмотрел на Лану. Его злость куда-то ушла. Он не мог и не хотел на нее злиться. Она удивляла его. Лана легко и непринужденно пробралась к нему в мозг и засела там, устанавливая свои правила. Они были знакомы всего несколько дней, а он уже чувствовал себя подростком, который что-то недоговаривает, в то время как всевидящая мама слово за словом вытягивает нужную информацию.

– Да. Утром в тот день, когда мы с тобой созванивались. – Он сделал паузу. – В четверг.

И Денис поведал о том, как чуть не опоздал на свое первое задание. Вспоминая эти события, он внутренне содрогнулся. Перед глазами возник образ жуткого нанимателя, внешне спокойного, но разъяренного внутри. И голос. «Возьми письмо».

– А вчера он сообщил мне, что теперь и ты отвечаешь за мои проступки. Поэтому все, что я собираюсь делать, – это четко выполнять его инструкции. В конце концов, он платит мне неплохие деньги.

Денис горько улыбнулся. Смешного в ситуации не было ни на грамм. Он чувствовал себя марионеткой, управляемой умелым кукловодом, который не выносил, когда кукла проявляла свободомыслие.

Лана остановилась и посмотрела Денису в глаза.

– И до каких пор? Пока он не смилостивится и не отпустит тебя? Или пока ты не сдохнешь от периодических пыток? А? Долго ты выдержишь? День, месяц, год?

Она распалялась все больше и больше. Денис вытаращился на нее.

– Лана, ты…

– А что – Лана? Ты разве не понимаешь, что происходит? Ты разве не видишь, что какой-то потусторонний чудик тобой попользуется, как гондоном, а потом выбросит в унитаз?

Несколько секунд стояло неловкое молчание, затем Лана, уже спокойным тоном, сказала:

– Ладно, проехали.

Они некоторое время шагали молча. Легкий ветерок шевелил кроны тополей, рассаженных вдоль дороги. Какой-то нервный водитель клаксоном подгонял зазевавшийся на повороте «Форд». Картина, обычно навевающая приятные мысли, сейчас раздражала тем, что не соответствовала внутреннему состоянию. Подумав об этом, Лана мысленно отметила, что воспринимает всю ситуацию очень близко. Слишком близко при условии, что она познакомилась с Денисом совсем недавно.

Она задумалась. По всему получалось, что Анкудинов контролировал Дениса. Стало быть, любые действия, предпринятые им, вполне могли стать известны этому чудовищу. А демонстрация силы ночью выглядела более чем убедительно. У нее до сих пор при воспоминании агонии Дениса екало в груди. И… все больше и больше росло любопытство. Она понимала, что лезть на рожон опасно, но это осознание не останавливало. Она обязана была узнать, какой секрет скрывали эти письма и та таинственная квартира, про которую рассказал Денис. Но если сам Денис был под колпаком у этого Анкудинова и не мог действовать открыто, то она…

У нее родилась идея.

– Денис, а какой номер дома на Донской? Покажи письмо.

Он снова достал конверт, взглянул на него сам и показал Лане.

– Тридцать седьмой. А что?

Лана, внимательно посмотрев на адрес, выпалила первое, что пришло в голову:

– У меня на этой улице знакомая живет. Но не в тридцать седьмом.

Денис кивнул. Он, как и большая часть парней, не особо слушал ответы, которые его не интересовали. Вопрос задавался лишь потому, что в этом месте он должен был быть. Непроизвольное сравнение Дениса с «большинством» не понравилось Лане. Она не хотела, чтобы он был в группе «большинства».

Через четверть часа они подошли к дому, где жила Лана.

– Ну что, зайдешь? Правда, там, наверное, Ленка со своим парнем.

Она знала наверняка, что соседки нет дома, потому что та собиралась вечером в субботу остаться у Сереженьки, поэтому раньше воскресного полудня ее ждать и не стоило. Просто ей захотелось побыть одной. Переварить произошедшее ночью.

– Нет, пожалуй, не будем им мешать. Пойду домой. Уберусь немного… или кино какое-нибудь посмотрю.

– Ну давай! – Лана поцеловала Дениса в губы. Он ей

нравился. Он был несобранным и застенчивым, но он, в отличие от многих, был настоящим.

Денис улыбнулся.

– Даю.

И, развернувшись, неторопливо пошел в обратном направлении. Лана, стоя у двери подъезда, глядела ему вслед. Тот шел, немного сутулясь и засунув руки в карманы.

«Да уж, не предел мечтаний, но сойдет», – ласково подумала Лана, достала связку ключей из сумочки и, приложив чип к замку, открыла дверь в подъезд.

Денис двигался по направлению к дому, пытаясь разобраться в своих чувствах. С одной стороны, то, что с ним происходило, не пожелаешь и врагу. Его не покидало ощущение нереальности. Жизнь, размеренная и однообразная до зевоты, вдруг сделала резкий крен. Ему вспомнился фильм «Другие», где героиня Николь Кидман в один момент узнает, что она мертва и что мир, которым она и дети жили, их уже не касается. Похоже чувствовал себя и Денис. Словно он сорвался с горы и, будучи не в состоянии что-либо исправить, стремглав летел вниз. Только что под ногами находилась твердь камня, а теперь – простор пропасти. Неуправляемое падение вниз. И в настоящий момент он не видел ничего, что могло бы прервать или, на худой конец, замедлить это движение. И именно отсутствие вариантов выхода из ситуации было хуже всего. Может быть, со временем появится какое-то решение, но сейчас его не было. Только безнадега и страх.

С другой стороны, с ним происходило кое-что еще, чего раньше не случалось. Он влюбился. И самое приятное, что это чувство было взаимным. Или казалось таковым. Нет, конечно, раньше Денис влюблялся. И достаточно часто. И всегда безответно. Это были безнадежные увлечения неудачника. Позже Денис ограничивался редко перепадающим сексом с незнакомыми (и всегда нетрезвыми) девушками из ночных клубов. Но то, что приносило физическое удовлетворение, никогда не трогало его душу. Сейчас же его сердце начинало усиленно биться лишь при одном воспоминании о Лане.

Подойдя к дому, Денис увидел на скамейке старушку из соседнего подъезда. Все, даже ее ровесники, называли ее «Баба Клава». Денис про себя именовал ее «Балаклава», всегда вспоминая при этом гнусавого радиста из «Мистера Питкина в тылу врага». Баба Клава совершенно выжила из ума: она постоянно болтала сама с собой, часто срываясь на визг, от нее несло мочой и лекарствами, а выцветшие глаза светились безумием. Ходили слухи, что ее довел собственный сын,

позарившийся на двухкомнатную квартиру старушки. Денис не любил прислушиваться к различным россказням, но непроверенная и бессмысленная информация зачастую оседала в голове помимо его воли.

Баба Клава, сгорбившись, сидела на лавке и смотрела пустыми глазами на кусты в палисаднике. Дрожащие руки безостановочно перебирали грязный платок, больше похожий на тряпку. Когда Денис приблизился, она медленно перевела взгляд на него. В момент, когда старуха увидела его, произошла удивительная метаморфоза: глаза Балаклавы расширились, она издала странный, еле слышный скулеж и начала отодвигаться к дальнему краю скамейки, не мигая и не отводя взгляда от Дениса. Она походила на побитую собачонку, пятящуюся от злого хозяина. Старуха двигалась до тех пор, пока не кончилась скамейка, затем опрокинулась на асфальт. Больше она не шевелилась, а только смотрела во все глаза на Дениса.

Он ускорил шаг, ворвался в свой подъезд и захлопнул дверь. Затем оперся о стену. Глаза щипало от подступающих слез.

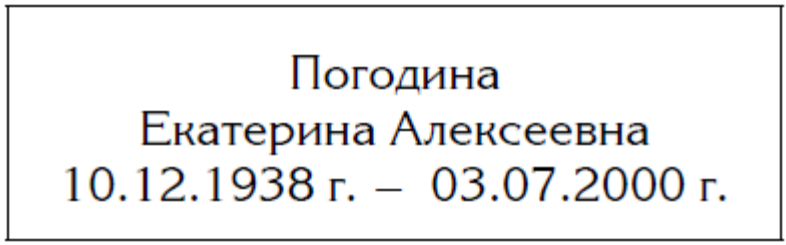
– Что происходит? – шептал он, закрыв глаза. – Что тут происходит? Иисус и все апостолы, мать вашу, в чем я виноват?

Ответа на свой вопрос он не получил.

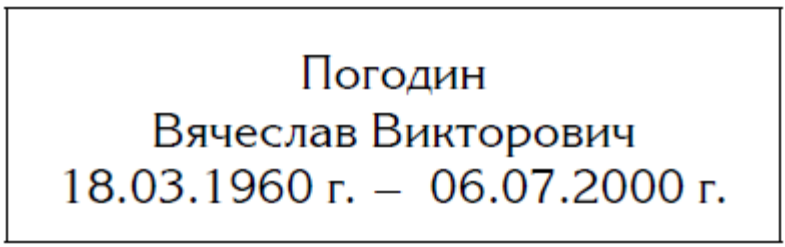
12

На Донском кладбище царил покой. Для воскресенья это было удивительно. Обычно по узким дорожкам медленно и как будто бесцельно перемещались люди. Они старались говорить тише, шепотом, но оттого их было слышно еще сильнее. И все это превращалась в неприятную, отвлекающую от мыслей какофонию. Сейчас же казалось, что администрация кладбища просто решила не открывать сегодня ворота. Изредка были видны люди, идущие поодиночке или парами. Но и они, видимо, чувствовали сложившуюся тишину и старались ее не нарушать разговорами.

Легкий ветерок шумел в кронах расположенных вдоль дорожек деревьев. Солнце, спрятавшееся за облаками, не пекло. Погода отлично подходила для общения со своими родными. Перед Виктором на земле разместились две скромные надгробные плиты. Надпись на первой гласила:



Вторая сообщала, что под ней находился



Катя и Слава.

Виктору говорили: «Бог дал, Бог взял». Бред. Богу никто не давал такого права. Разве Он – это маленький разыгравшийся мальчик, который в порыве благородства разрешил поиграть своей машинкой, а уже через минуту забирает ее обратно? Нет. Он создал этот мир, и его святая обязанность – следить, чтобы ублюдки, такие как Кондратенко и Филимонов, не появлялись на белый свет. Чтобы старики умирали тихо и мирно в своих постелях в окружении родных. Чтобы родители не переживали своих детей.

После утренних событий Виктор собирался пойти к Сергееву Леше. Старый товарищ был в силах помочь. По крайней мере, Виктор на это надеялся. Но выйдя в одиннадцать утра из дома, он понял, что не в состоянии заниматься расследованием. Сейчас ему хотелось посидеть в тишине, поговорить с семьей, успокоить мятущуюся душу.

Он присел на землю у подножия могил и прислонился к ограде.

– Привет, Катенька. Привет, сынок. Вот и я. Наверное, я уже вас не увижу. Меня к вам не пустят. Я тут натворил дел. Но иначе не мог… – Виктор беззвучно заплакал. – Да и что я бы сказал Ему? Он забрал вас у меня…

Он закашлялся. В разные стороны полетели мелкие капельки крови.

– Видишь, Катюш, я уже совсем развалился, – Виктор улыбнулся сквозь слезы. – Проклятое курево. Если бы ты сейчас

была рядом, то ругалась бы на чем свет стоит… Называла бы старым дураком… но ты не тут…

Он замолчал. Листья, еще большей частью зеленые, тихо перешептывались. Вдалеке раздался гудок клаксона, и вновь наступила тишина. Словно город решил напоследок не мешать умирающему старику посидеть в покое.

Минут десять он просто сидел, не зная, что сказать. Он и раньше не отличался особой разговорчивостью, за что Катя часто называла его «молчуном». Он не мог поделиться своими переживаниями, облечь их в слова. А после Катиной смерти, когда ему стало не с кем и не о чем говорить, Виктор и вовсе замкнулся.

В конце концов он встал и отряхнул брюки. Наклонившись, поправил принесенные цветы, развернулся и, ссутулившись, двинулся прочь. По пути он ни разу не обернулся. Немногочисленные слезы на глазах высохли, а губы вновь были крепко сжаты.

Оказавшись на улице, Виктор направился к «Шаболовской». По пути он все думал о своем сновидении. Обычно сны очень быстро стирались из памяти: сначала пропадали образы, превращаясь в пустые названия, а затем и слова забывались, и уже через несколько часов он совершенно ничего не мог вспомнить. Но не в этот раз. Он был не в состоянии выбросить из памяти этого человека: тяжелый взгляд бездушных глаз на молодом лице юноши, режущие глаз белые волосы и парализующий волю голос, произносящий «Ты не жнец. Ты всего лишь серп в руках жнеца». И еще кое-что он не мог забыть – ощущение узнавания.

Подходя к станции метро, он мельком бросил взгляд на поток выходящих из подземки людей. Ловко лавируя среди толпы, двигался парень в черной футболке с неразборчивым багрово-черным рисунком на груди. На плечах молодого человека висел рюкзак.

Виктор разом подобрался.

«Это же тот самый парень, который передал письмо Филимонову!» – тут же вспомнил он.

Таких совпадений не бывало. В двух разных частях Москвы встретить одного и того же человека было просто-напросто невозможно. Особенно с разницей меньше чем сутки.

«Может, просто похож? – предположил он, но тут же сам себе ответил: – Нет». Вчера этот парень был одет иначе, в серой рубашке, да и Виктор видел его только в бинокль, но это ничего не меняло – мимо него прошел тот самый курьер, передавший

странное письмо Филимонову.

Виктор развернулся и пошел против движения в обратном направлении, стараясь не выпускать из поля зрения парня. Со всех сторон на него сыпалось недовольное бормотание и ругань. Погодин выбрался на свободное пространство и направился к курьеру. На счастье, парень, отойдя на десяток метров от выхода из подземки, посмотрел на мобильный телефон и снизил скорость.

«У него встреча».

Виктор решил пока не приближаться к этому парню. Стоило узнать, куда тот пойдет. И, возможно, кому и что передаст.

Парень в черной футболке и с рюкзаком подошел к подъезду и принялся изучать объявления, расклеенные возле железной входной двери.

Виктор стоял поодаль, за детской площадкой. Курьер явно чего-то ждал. Или кого-то. Сердце Виктора забилось сильнее – сейчас он должен был получить ответ на один из своих вопросов. А, быть может, и не на один. Его охватило сильное чувство, что все это происходит не впервые. Он почти проникся уверенностью, что сейчас возле дома появится Филимонов с полным пакетом в руках. Живой, но уже обреченный.

Виктор настолько сильно погрузился в трясину дежавю, что почти увидел убийцу своей жены, шагающего по направлению подъезда. Погодин тряхнул головой. Нет, это не Филимонов, а мужчина лет сорока, одетый в белые брюки и цветастую рубашку, который прошел мимо подъезда в сторону небольшой парковки метрах в двадцати. И никаких призраков.

Виктор вытер разом вспотевший лоб и, облегченно вздохнув, повернулся в сторону курьера. И в последний миг успел заметить, как тот заходит в подъезд.

– Твою ж! – в сердцах выругался Виктор. Почему-то он не рассмотрел вариант, что парень войдет внутрь.

Дрожащей рукой он прикурил сигарету. Как теперь выяснить, в какую квартиру позвонит курьер? И передаст ли что-нибудь. Может, он пришел к своему другу. Или подружке. И вообще, вся эта слежка могла быть пустой тратой времени.

«Но ведь он не просто так появился. Таких случайностей не бывает».

«А почему бы и нет? – возник в голове голос, который никогда не следовал логике, отрицал ее. – Ведь человек, умерший на похоронах, – тоже случайность. А то, что он еще и сын умершей, так это и вовсе – всем совпадениям совпадение».

– Заткнись, – зло процедил он, даже не замечая, что говорит вслух, и сделал глубокую затяжку.

Он решил дожидаться возвращения парня. Пройдя на детскую площадку, Виктор присел на скамейку. Бросил окурок на песок и растоптал его. Следовать за парнем было практически невозможно – он моментально отстал бы. Не те годы. Оставалось встретить этого молокососа лицом к лицу. И задать ему несколько неудобных вопросов.

Погодин поднялся на ноги и уже было двинулся к дому с синей табличкой «37», когда заметил нечто интересное. На дорожке возле подъезда появилась девчонка лет двадцати. Короткие волосы, рваные джинсы и футболка – теперь вся молодежь выглядела как бродяги: грязные и неопрятные. Но это сейчас интересовало Виктора меньше всего. Девчонка остановилась напротив двери, за которой минуту назад исчез курьер, и, подняв голову, некоторое время изучала окна. Затем двинулась к соседнему подъезду. Зайдя за бетонную стену, разделяющую вход и мусоропровод, она остановилась. Самое любопытное состояло в том, что ее взгляд ни на секунду не отрывался от того места, куда вошел парень.

Виктор хрипло пробубнил себе под нос:

– Похоже, не я один тобой интересуюсь, мудак.

С того момента, как Погодин увидел курьера возле станции метро, мысль о самоубийстве ни разу не возникла в его голове. У него появилась цель. Вполне конкретная.

Домофона на двери не оказалось. Денис подождал пять минут, ожидая, что кто-нибудь выйдет или войдет. Затем, не дождавшись, дернул ручку. Дверь оказалась не заперта. Денис этому не удивился.

Он вошел в подъезд и тут же непроизвольно зажал рукой нос. Запах отходов, присущий домам с мусоропроводом, был невыносим. До времени, указанного на конверте, оставалось еще четыре минуты – вполне достаточно, чтобы подняться на шестой этаж, но Денис все же решил воспользоваться лифтом, надеясь, что на шестом этаже запах отходов не будет столь сильным.

Он нажал на прожженную насквозь белесую кнопку вызова лифта, но реакции не последовало.

– Чертов прогресс, – промычал он себе под нос и двинулся к лестничному маршу. Запах на лестнице не пропал, но стал немного терпимее.

В душе Дениса поднималось волнение. Он чувствовал себя, как рыба, попавшаяся на крючок: еще в своей родной среде, но с каждой секундой все ближе к враждебной поверхности. Константин Андреевич Анкудинов поймал его и не собирался отпускать. И с каждым новым выполненным заданием он все

больше и больше насаживался на блестящее смертоносное острие. Он поднимался этаж за этажом и чувствовал, что его ноги буквально наливаются тяжестью. Он боялся туда идти. Он понимал, что письмо, которое лежало в его рюкзаке, не принесет добра тому, кому оно адресовано. От Анкудинова не могло исходить добро. Но Денис уже поднялся на четвертый этаж и, несомненно, поднимется на пятый, а затем шестой. Крючок во рту не оставлял выбора.

Табличка с номером квартиры на деревянной двери отсутствовала. Денис достал из рюкзака письмо и нажал на кнопку звонка. Услышав в глубине ответный звон, еще раз взглянул на конверт. Сергеева Анна Викторовна.

Из-за двери раздался детский голос:

– Кто там?

Денис на секунду растерялся.

– Привет! Я курьер. Принес письмо для Анны Викторовны.

Дверь приоткрылась. Цепочка не позволила ей распахнуться до конца.

В проеме показалось задорное веснушчатое лицо девочки лет двенадцати. Из-под рыжих кудрей на Дениса глядели смешливые глаза.

– Анна Викторовна – это я.

Денис протянул письмо и замер. Внутренний голос взвыл: «Не отдавай письмо! Оно навредит ей! Оно ее убьет!»

Он хотел отдернуть руку и уже почти это сделал, но маленькая ручка ловко схватила конверт и затянула внутрь квартиры.

– Спасибо! – весело прощебетало ангельское создание и захлопнуло дверь.

Все произошло так неожиданно, что Денис не успел отреагировать. Он стоял и смотрел на кнопку звонка. Надо было забрать письмо!

Он потянул руку, чтобы позвонить, как вдруг вспомнил громкий безжизненный голос Анкудинова:

– Отныне ответственность за невыполнение моих простых правил я делю между тобой и твоей милой, но чрезмерно любопытной подругой.

Он на секунду почувствовал, что сейчас последует наказание, и даже зажмурился в ожидании, но ничего не произошло. Анкудинов, по крайней мере, пока, не появился.

Денис убрал дрожащую руку от звонка. Постоял несколько секунд, а затем медленно, шаг за шагом, начал спускаться по ступенькам.

Денис вышел из подъезда. Лана видела, как он двигался: медленно, сгорбившись.

«Каково ему сейчас?» – в очередной раз подумала она. Каково должно быть человеку, творящему своими руками зло, которое он не желает делать? Человеку, загнанному в угол? Человеку, которому не хватает смелости противостоять потустороннему ублюдку? Кто может его винить в этом? Лана знала, чем заканчивается непослушание. Ее собственный отец был очень показательным примером.

Денис, тяжело передвигая ноги, удалялся. Рядом с подъездом, возле которого стояла Лана, продефилировала эффектная белокурая женщина, звонко цокая каблуками. Мимолетом взглянув на Лану, она тут же отвернулась и прошла к стоянке. Через несколько секунд послышалось пиликанье сигнализации.

Лана подождала, когда Денис скроется за углом дома, и двинулась к подъезду, из которого он вышел. Рядом со скамейкой лежала мертвая сорока. Крылья сложены, лапки поджаты. Неудивительная картина для поздней осени, но сейчас, в конце августа, трупик птицы выглядел чужеродным.

Лана повернулась к двери подъезда. «Так, пятьдесят девятая» – девушка вызвала в памяти номер квартиры, который она увидела на конверте. Сейчас она увидит, что за сообщение передает этот злобный сукин сын с помощью Дениса. Она надеялась, что Анна Викторовна, имя с конверта, будет с ней разговаривать.

– Ей придется это сделать, – пробормотала она. – Я не знаю *как*, но я должна выяснить, что за хрень тут происходит!

Сердце в груди колотилось в бешеном ритме. Все чувства Ланы необычайно обострились. Она ощущала каждый звук: рокот трогающейся машины, лай собаки где-то за домом, детский плач у соседнего дома. От возбуждения ее немного подташнивало. Боже, как хорошо и в то же время как плохо она себя чувствовала!

«А что, если эта Анна Викторовна знает Анкудинова и расскажет ему, что я совала нос в их дела? Что, если они заодно?» – возникла запоздалая мысль.

Она мотнула головой. Нет. Умирающая женщина и пьяница, о которых говорил Денис, не могли быть частью какой-то криминальной схемы.

Но следом пришла другая мысль: что, если все-таки Анкудинов мог следить и за Ланой? Тогда…

Лана отвлеклась от своих мыслей, увидев, как дверь подъезда, в который входил Денис, открылась, и оттуда выскочила бойкая рыжеволосая девчушка. Не останавливаясь, она

повернула голову в сторону Ланы – блеснули в улыбке ровные зубки, и стремглав побежала по ступенькам вниз. На тропинке возле детской площадки стояла женщина, одетая в джинсы и блузку. Она развела в стороны руки и с улыбкой смотрела на бегущую к ней девочку.

– Мама! – закричала рыжеволосая.

Женщина в ответ крикнула:

– Аня!

Странно, но Лане показалось, что радости в голосе матери не было. Скорее испуг. Страх. Но девочка этого, видимо, не заметила. Она проскакала мимо скамеек, стоящих возле подъезда, и выбежала на асфальтовую дорожку.

– Аня! – крик потонул в резком визге, внезапно заглушившем все остальные звуки. Раздался глухой удар, и девочка, словно тряпичная кукла, поднялась в воздух и через миг исчезла из поля зрения Ланы.

Женщина замолчала. Ее руки остались поднятыми, будто она все еще ждала, что дочь подбежит и обнимет ее. На лице не осталось никаких эмоций. Словно их смыли. Затем она медленно, неуверенно двинулась к дорожке.

Лана на одеревеневших ногах сбежала по ступенькам и успела заметить, как женщина упала на колени рядом с бесформенной кучей на асфальте и завыла. Лане никогда не приходилось слышать настолько дикий, животный вой. Он казался совершенно неуместным среди высотных домов и машин. При виде девочки, лежащей в неестественной позе, в горле Ланы появилась тошнотворная горечь. Вокруг все кружилось. Она сжала зубы и подошла ближе.

В пяти метрах от лежащего тела стоял огромный внедорожник. За стеклом Лана разглядела ту самую белокурую женщину, которая прошла мимо нее две минуты назад. Только теперь с ее ухоженного лица сошел весь лоск. Она не шевелилась, просто сидела, вцепившись в руль. На лице застыло немного глуповатое выражение: слегка приоткрытый рот и стеклянные глаза, смотрящие в пустоту. Она, видимо, совершенно не осознавала, что только что произошло. Рядом с «кенгурятником» машины лежали две детских сандалии веселого розового цвета.

К месту аварии стали подходить люди. Какой-то мужчина в джинсах и клетчатой рубашке пытался увести женщину от лежащей на асфальте девочки. У него это не получалось. Женщина совершенно не реагировала. Она просто стояла на коленях и что-то шептала.

Чувство нереальности охватило Лану. Все было не на самом деле. Такие вещи случаются только в слезливых сериалах и в

фильмах, которые так любит Денис. Сейчас люди разойдутся по своим делам, так как ничего серьезного не произошло. Простое недоразумение. Ведь не может же счастливая мать просто так, без причин, потерять своего ребенка. Так не должно быть. Так не бывает.

Лана почувствовала слезы на щеках и вытерла их ладонью. Мужчина в клетчатой рубашке наконец-то бросил попытки оттащить женщину. Вместо этого он приблизился к рыжей головке и приложил пальцы к шее девочки. Через минуту убрал руку и отошел от места трагедии. Он опустил голову и старательно избегал обращенных на него взглядов. Лана поняла. Рыжеволосая девочка, которая только что умела так озорно улыбаться, была мертва.

«Не просто девочка. Ее зовут Аня. Аня мертва».

Кто-то положил Лане на плечо руку, и она чуть не закричала.

– Здравствуйте, – произнес за спиной неприятный булькающий голос. – Меня зовут Виктор. Мне с вами нужно кое-что обсудить.

13

Виктор взял бумажный стаканчик и осторожно отпил горячий кофе. Помои, конечно, но гораздо лучше того, что он пил дома. Он и девчонка, следившая за курьером, расположились перед киоском, на котором висела неаккуратно сделанная надпись «Горячие сосиски». Слева от них жила своей активной жизнью станция «Шаболовская»: ко входу, словно вода в воронке, стекались людские потоки; справа, из-за угла здания-куба, выходили тонкой струйкой и тут же хаотично растекались те, кто шел со станции.

На небе сгущались тучи: местами легкие, почти прозрачные, местами – тяжелые, цвета гематомы. Теплая погода сменялась липкой духотой. Виктор, прислушавшись к своему организму, превратившемуся к старости в отличную метеостанцию, решил, что дождь будет сильным. Кости еще не болели, но уже намекали на то, что скоро теплая осень сменится промозглой, и вот тогда-то придет боль с прописной буквы «Б».

«Я не собираюсь так надолго здесь задерживаться», – то ли с тоской, то ли с облегчением подумал он. И, вспомнив так и не снятую с крюка веревку, которая ждала его дома, Виктор невольно вздрогнул. Несмотря на теплую погоду, по рукам пробежали мурашки, как от озноба.

Лана до сих пор выглядела испуганной. Она держала свой

стакан обеими руками, словно пытаясь согреться, но пальцы все равно дрожали. Бумажный стакан трясся, готовый упасть в любую секунду.

– Ты знакома с ним? – наконец заговорил Виктор.

Она поставила свой стакан на стол и посмотрела на него.

– С… с кем?

Виктор терпеливо произнес:

– С парнем, за которым ты следила. Тот, что зашел в подъезд за пять минут до… – Он секунду помолчал, подбирая нужное слово, – аварии.

– Да… да, это Денис… Но он не виноват, – быстро залепетала она. – Он не виноват…

– Охотно верю, – спокойно произнес Виктор. – Меня… нас сейчас больше волнует не вопрос, кто виноват, а вопрос, что происходит. Откуда ты знаешь этого парня?

– Дениса?

Погодин очень старался держать в узде поднимающееся раздражение. Сейчас его характер мог все только испортить.

– Да, Дениса. Пусть будет Денис. Так откуда ты его знаешь?

– Мы с ним… – Девчонка на секунду задумалась, а потом продолжила, уже более уверенно: – Мы с ним познакомились на этой неделе, в центре. Столкнулись на Остоженке. Он как раз шел со встречи с этим уродом, Константином Андреевичем.

Виктор подался вперед.

– Кто такой этот Константин Андреевич? И почему ты его так назвала?

– Этот гад нанял Дениса разносить его письма. Точнее, фактически заставил это делать.

– Заставил? – переспросил он.

– Да, сначала предложил денег, а потом просто начал шантажировать.

– А было чем шантажировать?

Лана взглянула на него, слегка сузив глаза.

– Это не имеет значения.

Виктор сделал глоток кофе. Девчонка явно приходила в себя. Даже руки почти перестали дрожать.

– Конечно, не имеет, – произнес он. – Это ваши с ним дела, и они меня не касаются… до тех пор, пока не коснутся. Ты видела этого… Константина Андреевича?

– Нет, знаю его только со слов Дениса. Мужчина, одетый в черное, с длинными белыми волосами.

Погодин замер. В голове мелькнул уже почти стершийся из памяти сон: «Ты не жнец. Ты всего лишь серп в руках жнеца».

Он судорожно втянул в легкие воздух, краем глаза заметив,

как напряглась девчонка. Все-таки этот ублюдок из сна тоже имел отношение к смерти Филимонова. Вокруг творилась какая-то чертовщина, и Виктор, судя по всему, попал в самое пекло.

Он, раздумывая, потер колючий подбородок. Затем полез в карман, достал письмо, взятое в квартире Филимонова, и положил его между двумя бумажными стаканчиками.

– *Это* разносит твой… твой Денис?

Глаза девчонки расширились. Она смотрела на белый конверт, слегка приоткрыв рот. Затем медленно, словно ей было тяжело это делать, подняла взгляд. В расширившихся глазах Виктор увидел немой вопрос.

– Это? – нетерпеливо переспросил он, хотя уже знал ответ на свой вопрос.

Он думал, что Лана намеренно тянет время. Ему же казалось, что нужно спешить, нужно как можно быстрее узнать, что происходит и кто этот белобрысый ублюдок, приходивший к нему во сне.

Лана дернула в кивке головой, словно кукла.

– Откуда у вас письмо?

– Я забрал его у человека, который убил мою жену. Филимонов Андрей. Письмо ему было не нужно.

Лана сглотнула.

– Когда вы… когда вы забрали конверт, этот Филимонов был?..

– Мертв, как камень. И, как ни жаль, я тут ни при чем.

Девчонка кивнула. В ее взгляде появилось новое выражение, изрядно удивившее Виктора.

– Что в письме? – Дрожь в голосе осталась, но она походила скорее на возбуждение, чем на страх. Разговор о мертвом получателе этого отправления, видимо, ее больше не волновал.

Теперь, когда Лана пришла в себя и в ее глазах запрыгало явное нетерпеливое любопытство, Виктор немного расслабился, словно девчонка забрала часть его спешки и волнения себе. Он неторопливо закурил, затем подвинул конверт указательным пальцем по исцарапанной поверхности столика.

– Посмотри сама.

Девчонка схватила письмо и после почти незаметного замешательства достала листок. Внимательно изучила его, бесшумно шевеля губами, затем подняла непонимающий взгляд на Виктора.

– Что это за хрень?

– Дамы не должны так выражаться, – проговорил Виктор.

– Да мне плевать, как они должны выражаться! – раздраженно воскликнула Лана. – Что тут написано?

Погодин, слегка обескураженный таким напором, ответил не менее раздраженно:

– Не знаю! Если бы я знал, половина вопросов, думаю, отпала бы.

– Простите, – уже спокойнее проговорила Лана. – Нервы ни к черту. Ночью плохо спала. Нам надо найти выход в Интернет и посмотреть перевод этого текста.

«Нам, – про себя повторил Виктор. Юная особа оказалась гораздо разумней и крепче, чем ему показалось сначала. – Что ж, вдвоем будет легче».

– В Интернете ты с мальчиками знакомься, а у меня свои способы.

– Хорошо, будь по-вашему.

Лана улыбнулась. Виктор поймал себя на том, что этой улыбке хочется ответить. Это его немного разозлило. Он бросил «бычок» в свой стакан и буркнул:

– Тогда двинулись.

Улыбка пропала с лица Ланы. Она кивнула.

Когда они подошли ко входу в метро, пошел дождь.

– Иду, иду! – раздался голос за деревянной дверью. – Вы думаете, что я еще умею бегать сломя голову? Напрасно вы так думаете…

Скрип ключа, поворачиваемого в замке.

– …Годы, когда я был бодр и шустр, давно ушли.

Дверь открылась, и Лана увидела невысокого старичка с лицом, похожим на сморщенное яблоко. Левый глаз затянула катаракта, правый же добродушно щурился. Редкие седые волосы топорщились во все стороны. В руках человек, которого Виктор по пути называл «ходячей энциклопедией», держал чашку.

Открыв дверь и посмотрев на гостей, старичок продолжил свой монолог:

– Даже не знаю, кому сейчас отдать предпочтение: то ли прекрасной молодой даме, преобразившей мою унылую халупу, то ли старому пердуну, который за последние года три ни разу не соизволил зайти к другу. Разрешите мою дилемму, друзья, и разрешите ее мудро! – напыщенно закончила свою речь «ходячая энциклопедия».

– Лучше пропусти нас, и мы послушаем твое бормотание внутри, – мрачно произнес Виктор, но Лана краем глаза заметила, что он все же не смог сдержать легкую улыбку.

– А! Я так и знал. Ты просто понял, что спор разрешится не в твою пользу! – Хозяин квартиры задорно подмигнул Лане здоровым глазом. Затем поставил на маленькую тумбочку чашку

и посторонился, пропуская гостей. Закрыв дверь, старичок повернулся к Виктору и обнял его:

– Ну привет, Витя!

– Привет, Леша!

Оба чуть отстранились и несколько секунд смотрели друг на друга. Лане сдавило горло: перед ней стояли самые старые друзья, каких она только видела. Правда, на мгновение их старость отступила, и ей уже несложно было представить себе обоих молодыми и крепкими. Сколькими радостями они делились? Сколько бед они помогли друг другу преодолеть?

Наконец хозяин квартиры повернулся к Лане, нежно взял ее за руку и дотронулся губами до костяшек среднего и безымянного пальцев.

– Как ваше имя?

– Лана.

– А я – Алексей Петрович! Весьма польщен присутствием столь прекрасного создания в моей уродливой обители!

Лана почувствовала, что краснеет.

– Леша, прекращай сыпать комплиментами, ты опоздал лет эдак на сорок, – произнес Виктор и закашлялся в кулак.

– На десять, всего на десять, старый ты циник! – добродушно ответил хозяин квартиры и продолжил: – Судя по вашему виду, там, на улице, разверзлись хляби небесные. На сорок дней и сорок ночей, я надеюсь, воды не хватит.

Виктор посмотрел на Лану с выражением одновременно извиняющимся, раздраженным и немного растроганным. Как будто он стеснялся болтливого друга и неумело пытался скрыть радость от встречи с ним.

Алексей Петрович улыбнулся, глядя на хмурого Виктора, и проговорил:

– Сбрасывайте обувь и скорее проходите в залу, а я тем временем вскипячу воду и заварю вам крепкий чай. Думаю, вы не будете против.

Лана помотала головой, подтверждая, что она совершенно не против. Ей показалось, что учтивый букинист вырвал из ее головы мысль о чашке горячего чая и озвучил ее. Виктор чуть приподнял краешки губ, что, судя по его скверному характеру, заменяло широкую добродушную улыбку.

Алексей Петрович ушел на кухню, а Лана и Виктор, разувшись, прошли в гостиную.

Семидесятилетний Алексей Петрович был заядлым букинистом: гостиная («зала», как ее старомодно и смешно называл хозяин квартиры) являла собой склад пыльных книг, хаотично разложенных по всем углам. Книжный шкаф оказался не

только забит книгами, но еще и обложен ими со всех сторон. Толстые тома и тонкие брошюры лежали на полу, на подоконнике, на столике, на пуфике. Казалось, что разобраться в этом беспорядке не сможет никто. Однако, по заверениям Виктора, юркий старичок всегда безошибочно находил необходимые книги с поразительной скоростью.

Виктор показал Лане на диван, приглашая ее присесть, а сам принялся расчищать стул от лежащих на нем книг.

Алексей Петрович вернулся через пять минут, неся перед собой поднос с двумя чашками на блюдцах, двумя ложечками и сахарницей. Подойдя к на удивление свободной от книг тумбочке, стоявшей возле дивана, он поставил поднос. Затем дрожащими руками аккуратно принялся передавать чашки гостям.

Словно продолжая какую-то свою мысль, он сказал:

– Знаете, Лана, каким щеголем был этот хмурый тип? За ним бегали все девчонки с нашего курса!

Лана, подхватив блюдце с чашкой из рук Алексея Петровича, с удивлением посмотрела на Виктора. Она представить себе не могла, что этот желчный старик когда-то мог жить полной жизнью и радоваться этому.

– И, как следствие, обегали *меня* стороной. А этот юноша, – Алексей Петрович кивнул на Виктора, – всегда этим пользовался.

– Ты до самой смерти будешь мне это припоминать? – спросил Виктор, принял свой напиток и тут же сделал большой глоток горячего чая.

– Пока дышу! – рассмеялся полуслепой старик, глядя на друга, затем вновь повернулся к Лане: – Конечно, все обиды уже поросли плесенью по прошествии лет. Но как я на него обижался тогда! И так было, пока на пятом курсе он не встретил свою Катеньку.

Голос Алексея Петровича приобрел задумчивый оттенок.

– Как Витя любил Катьку! Такого я никогда не видел. Они были созданы друг для друга.

Лана снова взглянула на Виктора. Тот опустил глаза в пол. Плечи заметно напряглись.

Хозяин квартиры грустно произнес:

– Я слишком хорошо тебя знаю и слишком стар, чтобы извиняться. Вижу, тебе до сих пор больно.

Виктор молча кивнул.

Алексей Петрович обвел взглядом гостей и, наконец, сказал:

– Я вас могу развлекать болтовней, пока мое сердце не остановится, но, полагаю, вы пришли не для того, чтобы выслушивать бредни старого библиофила. И, признаться, я

сгораю от нетерпения узнать, что же могло объединить в одну команду сварливого старика и прекрасную даму столь юного возраста, если они, конечно, не дед с внучкой, а я точно знаю, что это не…

Алексей Петрович осекся и тут же пробормотал, смущенно улыбаясь:

– Прошу вас, не мешкая, начинайте свой рассказ.

В воздухе повисла пауза. Затем Виктор повернулся к Лане:

– Давай, рассказывай.

По пути сюда Лана ожидала от Виктора расспросов, но старик упорно молчал и лишь время от времени хмуро поглядывал на нее. «Неприятный старик», – решила тогда Лана и бросила попытки разговорить его.

Но теперь этот «неприятный старик» с интересом и нетерпением в глазах ждал ее рассказа. Она окинула взглядом комнату, затем повернулась к сосредоточенному лицу Алексея Петровича и начала:

– Ночью, с понедельника на вторник, я оказалась на Остоженке.

14

На улице шел настоящий ливень. Небо затянуло тяжелыми тучами, солнце трусливо спряталось. Сквозь сплошную пелену дождя уже в двадцати шагах ничего не было видно. Машины медленно крались по мокрому асфальту, поблескивая в нем светом фар.

Денис стоял под навесом остановки. По стеклянной крыше остервенело били струи дождя, и ему казалось, что вот-вот стекло лопнет и на него обрушатся потоки воды. Словно Анкудинов решил подогнать его этими нескончаемыми ударами воды: «Выполняй свою работу, курьер!» Денис перемещался короткими перебежками, но все равно, как ни старался, к этому моменту уже промок до нитки.

– Долбаный всемирный потоп! Не хватает только Ноя со всякими тварями! – раздраженно воскликнул он.

Старушка, сидящая на скамейке, не спеша подняла глаза и посмотрела на него спокойным и равнодушным взглядом. Затем, не говоря ни слова, продолжила отсутствующе смотреть на дорогу. Она сидела терпеливая, как Будда, не обращая внимания на дождь.

Мобильник Дениса показывал 19.12. До встречи оставалось еще девять минут. Где-то там, во дворах, на детской площадке,

его ждал Сажин Олег Сергеевич. Денис мысленно окрестил его «СОС» – по инициалам. Спасите наши души. Только Денис был уверен, что он не несет спасение в своем рюкзаке.

– Какого черта он там будет делать в такую погоду? – пробубнил он себе под нос, мельком оглянувшись на старушку. Та сидела, прижимая рукой набитый пакет, и все так же невозмутимо созерцала бурлящий от воды асфальт.

Денис прикрыл голову рюкзаком и побежал. Ноги давно промокли, и Денис уже не замечал воду, проникающую в кеды при каждом шаге. Перед глазами вновь возникло лицо рыжеволосой девчушки.

«Что с ней сделало это письмо? – в очередной раз возник у него вопрос. И вновь ответ остался прежним. – Убило. Эта хрень убила девочку. Или убьет».

Он перебежал через дорогу. Мысли, словно вода на асфальте, бурля, неслись в его голове: «Во что я ввязался? Боженька! Ты же где-то должен быть там, наверху. Так выполняй свои обязанности! Спаси эту девочку! Ты же не должен допускать, чтобы творилось такое! Ты ни хера не должен так поступать! Исправь все, ты же видишь, я сраный безвольный слабак. Сам я ничего здесь не смогу поделать».

Он уже не замечал дождя. Он погрузился в воспоминания. Когда-то он уже обращался с похожей просьбой к Богу. То была горячая и отчаянная молитва. Но его не услышали, или не захотели услышать, и все осталось на своих местах. Мертвые остались мертвы, проклятые – прокляты.

Денис поскользнулся и полетел на асфальт, выставив перед собой руки. Резкая боль обожгла ладони. Футболка и джинсы моментально промокли, пропуская сквозь себя мокрый холод. У Дениса появилось сильное желание остаться здесь, лежать и не вставать, и тогда, может быть, не случится очередной беды. Он закрыл глаза и прижался лбом к асфальту.

– Вставай! – раздался безжизненный голос над Денисом.

– Нет, – прошептал Денис, не поворачивая головы и не открывая глаза. – Пожалуйста, оставь меня. Я не хочу этого делать!

– Это тяжело лишь сначала! Поверь мне. И, кроме того, у тебя нет выбора. Поэтому, друг мой, вставай, иначе мы перейдем к санкциям.

– Пожалуйста, – прошептал Денис и почувствовал, как в висках начала нарастать боль. Сначала еле ощутимая, она очень быстро усиливалась, угрожая через несколько секунд превратиться в агонию. Он почти ощущал щелчки разрядов электричества – все громче и все ближе.

– Хорошо! – в отчаянии закричал Денис. – Хорошо!

Боль не уходила.

– Я же сказал, хорошо!

Потом он понял, что от него хотят.

– Хорошо, Константин Андреевич!

Боль пропала моментально. Денис упер саднящие ладони в асфальт и поднялся. Под промокшей насквозь одеждой по груди и ногам текли струйки воды. Холод проникал все глубже, заставляя его дрожать. Денису хотелось умереть. Впервые с того момента, как от него отвернулись родители, он желал сдохнуть.

Он двинулся вперед. Сначала медленно, практически волоча за собой ноги, потом все более уверенно. Если не хватило сил отказаться, то тянуть не имело смысла. Чем быстрее все закончится, тем лучше.

За деревьями мелькнула ярко-оранжевая шляпка детского «гриба». Где-то там его ждал «СОС», спасти которого Денис был не в состоянии. Подходя ближе, он смог разглядеть за пеленой дождя целую систему горок, мостиков, турников и лесенок. Мокрое железо поблескивало в свете фонарей. Позади качелей угадывалась скамейка и силуэт сидящего на ней человека. Ливень не позволял разглядеть ни возраста, ни пола, но Денис знал, что это – Сажин Олег Сергеевич. Ему вспомнился эпизод из «Назад в будущее»: к Мартину Макфлаю сквозь завесу дождя идет почтальон и передает конверт. Но в фильме письмо несло радостную весть. Сейчас же курьер означал смерть.

Обойдя горки, он приблизился к фигуре на скамейке. Человек поднял голову.

Даже в темноте можно было понять, что Сажин Олег Сергеевич доживает свои последние дни. «Или часы», – мысленно поправил себя Денис. Голова этого странного человека казалась неправдоподобно большой по сравнению с маленькими костистыми плечами. Сквозь кожу истощенного лица проступали кости и виднелись синие прожилки вен. Губы, сухие, словно пергамент, беспрестанно дрожали. Глаза, неестественно большие, обрамленные синими кругами, нащупали взгляд Дениса, и сутулые плечи чуть расправились, ладони легли на колени.

– Здравствуйте, молодой человек! Мне кажется, вы выбрали не самое лучшее время для прогулок.

Хриплый голос резанул слух.

Денис присел рядом, поморщившись от прикосновения сырой одежды к коже. Сам Сажин, казалось, нисколько не беспокоился по поводу дождя. Он был одет в футболку, которая была на несколько размеров больше и облепила тощую фигуру множеством складок. На ногах – старые, растянутые трико и

резиновые тапки на босых, похожих на веточки, ногах.

– Вы правы, – пробормотал он в ответ, не отводя глаз. – Вас зовут Олег Сергеевич, верно?

Брови собеседника Дениса поднялись вверх, сделав большие глаза просто огромными. При этом удивления в них не читалось. Будто этот человек по привычке изобразил нужную реакцию, не подкрепленную настоящими эмоциями. Денис решил про себя, что удивляться Сажин уже разучился.

– Да. У вас ко мне есть какое-то дело? Боюсь, я вам ничем помочь не смогу. Мои часы того и гляди остановятся.

Удивительно, но человек, сидящий под струями холодного осеннего дождя, склонил голову и засопел. Денис, морщась от омерзения, наклонился к лицу собеседника.

– Олег Сергеевич, – позвал он.

Сажин, похожий на заключенного из фашистского концлагеря, медленно открыл глаза.

– Простите, молодой человек, в последние месяцы я не очень хорошо себя контролирую. Так по какому делу вы пришли?

– Олег Сергеевич, у меня для вас письмо.

– Письмо? Кто же решил меня вспомнить?

Денис протянул конверт, стараясь прикрыть его от хлещущей с неба воды. Человек минуту изучал написанное, потом проговорил дрожащим голосом:

– Я ждал его.

Денис вытаращил глаза. Человек посмотрел на курьера и невесело хмыкнул. Потом его взгляд вернулся к конверту.

– Черт возьми, детская площадка.

– Что? – спросил Денис.

– Я говорю, написано «детская площадка», но откуда это может знать человек, пославший письмо?

Денис автоматически ответил на вопрос:

– Думаю, он знает все.

Снова вскинутые брови, тотчас увеличившие глаза до предела. И вновь – полное отсутствие удивления.

– Вот так, да? – Собеседник Дениса начал снова клевать носом, но тут же встрепенулся. – Я вам, молодой человек, скажу одну вещь: я уже видел такой конверт. И не раз. И, полагаю, где-то в глубине души я его ждал.

Тонкими костлявыми пальцами, похожими на когти, странный человек стал пытаться вскрыть письмо. Намокшая бумага легко рвалась, но для Сажина, чувствовалось, задача оказалась не из легких.

«Откуда он может знать о письмах? – подумал Денис. И тут же в голове возникла другая мысль: – Почему Анкудинов еще не

напомнил о себе?»

По мере того, как Сажин доставал письмо, Денис все глубже и глубже вжимал голову в плечи. Когда скрюченные пальцы вынули желтый лист, Денис зажмурил глаза. Только через несколько секунд он сообразил, что боль не пришла. Голос в голове так и не зазвучал.

Собеседник Дениса медленно развернул лист.

– То же самое, – пробормотал человек.

– Что… что там написано?

Сажин встрепенулся:

– Да, да, конечно, смотрите.

Денис взял протянутый лист бумаги. Пальцы плохо слушались, и он чуть не уронил письмо. В глаза бросилась строчка, расположенная в центре листа среди темных пятен от воды. Буквы прыгали на трясущемся листе, не желая складываться в слова. Усилием воли Денис заставил руки немного успокоиться и, наконец, смог разобрать текст.

«Ariu an termen me teuy da varn», – гласило письмо.

Он зачарованно смотрел на строчку. От непонятных слов исходил холод морга, пробирающий до костей. Такой холод он ощущал когда-то, посещая могилу своего младшего брата Лешки. Раз в год до своего отъезда в Москву Денис приходил на кладбище, стоял и молча смотрел на высеченное на камне лицо брата. Он всегда делал это один – поддержать его было некому. Зачем он раз за разом приходил туда, он и сам не мог сказать. Приближаясь к оградке, Денис всегда начинал дрожать, суставы и мышцы словно превращались в хрупкий лед. Даже горячее летнее солнце не могло побороть этот холод. В голове рождалась одна-единственная мысль – скорее бежать из этого стылого царства смерти. Но он каждый раз возвращался.

Костлявая рука прикоснулась к плечу Дениса, грубо выдернув его из воспоминаний. Ему пришлось крепко сжать челюсть, чтобы не закричать. Он повернулся, испуганно посмотрел на собеседника и поспешно встал.

– Простите, мне пора идти, я и так уже задержался, – забормотал Денис и двинулся прочь.

– Молодой человек, – произнес за спиной слабый голос. – Молодой человек!

Денис оглянулся.

– Да?

– Я же не договорил.

Денис непонимающе спросил:

– Чего не договорили?

– Я не рассказал, где видел такие же письма.

Денис медленно вернулся к скамейке. В кедах хлюпала дождевая вода, но он не замечал этого. Он внимательно смотрел в лицо человеку, жизненный путь которого близился к завершению. Он ждал откровения.

Скрюченный мужчина несколько секунд молча вглядывался в глаза Денису, словно не зная, с чего начать. Но затем все же открыл рот:

– Надеюсь, это как-то поможет вам, молодой человек, потому что вижу, что вы еще в более затруднительном положении, чем я. Для меня, по крайней мере, все заканчивается. Свое письмо я получил.

Он немного помолчал.

– Я последние восемь лет работал в морге… пошел туда сразу после института… Что-то не так?

Денис пытался в голове произвести несложную арифметику.

– Да…

Он не знал, как продолжить.

Человек сделал жалкую попытку рассмеяться. В результате из глаз потекли слезы. Он вытер их рукавом.

– Знаю, о чем ваш невысказанный вопрос. Я моложе, чем вы думаете. Мне тридцать один год.

Денис не удивился, хоть человек и выглядел вдвое старше того возраста, который обозначил.

– Одногруппники меня назвали Моргович. Работа, конечно, не ахти, но спокойная. Клиентура образцовая. – Сажин хмыкнул. – Извините, профессиональный юмор.

Он моргнул. Затем пару секунд помолчал, глядя в пустоту, слабым движением тонкой руки смахнул воду со лба и продолжил:

– М-да. И, главное, есть время подумать в тишине и спокойствии. Люди постоянно суетятся, не подозревая, как смешна и вульгарна их возня в глазах Господа Бога.

– Простите, я не верю в Бога…

– Вы просто еще не так близко к Нему. Лично я уже верю, да что там, почти стучусь в дверь Его дома. У меня было время, чтобы отрицать Его существование, злиться на Него, проклинать Его, отворачиваться от Него. Но я дошел до одной простой истины: нет смысла обижаться на Него. Господь Бог делает то, что умеет делать. Плохо ли, хорошо, но Он справляется. И если мне выпала подобная участь… что ж, я постараюсь быть на высоте. Свои пять стадий принятия смерти я уже прошел.

Денис непонимающе посмотрел на Сажина.

– Ну как же? Отрицание, гнев, торг, депрессия и, в конце концов, принятие. Я в нескольких метрах от финиша. И я вижу,

что вам, молодой человек, тоже предстоит пройти нелегкий путь, и, надеюсь, вы сделаете это с честью.

– Письмо… – напомнил Денис, чувствовавший себя, словно лягушка на столе для препарирования, под внезапно прояснившимся взглядом Сажина.

– Да, да, письмо… – после секундного молчания произнес Олег Сергеевич. – Так вот, изредка среди вещей усопших находились конверты. Выглядели они по-разному, но была одна общая особенность – отсутствие данных об отправителе. В первый раз я не обратил на письмо внимания, во второй – отметил странное совпадение, на третий – нарушил негласный закон и залез внутрь конверта. Там я обнаружил похожую бумажку с той же надписью. В остальных (тех, что попадались мне после этого) текст повторялся. И пришлось потратить очень много времени, чтобы выяснить, что он означает. Однако мне это удалось.

– Что?! – почти закричал Денис. – Что там написано?

Мужчина, похожий на старика, задумчиво посмотрел на него и, после секундной паузы, произнес:

– Это вымирающий бретонский язык. А фраза переводится как…

15

– «Пришло время идти на суд».

За окном раздался оглушающий треск грома, придавший словам полуслепого старика еще более зловещий смысл.

Алексей Петрович обвел взглядом сидящих напротив гостей. На его лице читалось наивное торжество, словно он только что предсказал важное событие, и оно тут же незамедлительно сбылось.

Немногим раньше, пока Виктор и Лана рассказывали свои истории, хозяин квартиры ни разу их не перебил. Он только похаживал по комнате, задумчиво и, как показалось Виктору, печально поглядывая на них своим единственным зрячим глазом.

Потом, когда Виктор, принявший эстафету рассказчика от Ланы, остановился, наступила тишина. Девчонка сидела с непроницаемым лицом, но он знал, что она сейчас перебирает в голове его рассказ о смерти семьи и убийстве алкаша-уголовника. Он чувствовал это, глядя на ее крепко, до белизны, сжатые руки.

Виктору пришла в голову мысль, точнее даже образ мысли, туманный, но со знакомыми очертаниями. Что-то понятное и недвусмысленное и, в то же время, неуловимое. И когда в тишине прозвучала эта фраза, «Пришло время идти на суд», он подумал,

что ответ стал еще ближе. Настолько близко, что его совсем было невозможно разглядеть.

Алексей Петрович держал небольшую потрепанную книжечку, чудом возникшую у него в руках. «Верования народов Европы», – прищурившись, прочитал Виктор название.

– Какой, к черту, суд? – хмуро спросил Виктор.

– Так переводится фраза, которая написана *там*, – кивнул букинист на письмо, лежащее на тумбочке, рядом с двумя пустыми чашками из-под чая.

Алексей Петрович прошелся по комнате, постукивая книгой по ладони. Затем вернулся и взглянул на гостей.

– Как вы, Лана, говорите? Анкудинов? Не слишком оригинально.

– *Что* не оригинально? – спросила она.

Виктор размышлял над содержимым письма. «Пришло время идти на суд». На какой суд звали Филимонова? На Божий? Но белобрысый демон никак не подходил на роль Бога. Он, скорее, был похож на Лукавого.

«Нет, Бог, который убил мою семью, достаточно жестокий, чтобы дьявол выглядел малолетним шалуном. От него можно ожидать любой подлости». Вот только белобрысый не играл ни Бога, ни Дьявола. У него была другая роль.

Наконец-то Виктор увидел то, что не мог разглядеть.

– Фамилия вашего отправителя, – ответил Алексей Петрович. – А точнее, почтальона. Настоящее имя его чуть короче – Анку. А проще говоря…

– Смерть, – произнес Виктор и чуть не улыбнулся от облегчения. Лана оглянулась на него. В ее глазах читалось непонимание.

– Мой добрый друг совершенно прав, – продолжил Алексей Петрович, слегка приподняв седую бровь и удивленно взглянув на Виктора. – Это Смерть.

Погодин кивнул, ответив своему другу мрачной ухмылкой. Мысль, что белобрысый – это Смерть, придя, тут же стала для него истиной. Иначе и быть не могло.

– Вот только эта самая Смерть – не старуха с косой, как мы привыкли представлять себе, а мужчина.

Алексей Петрович положил книгу на подлокотник дивана так, чтобы и Лана и Виктор могли все увидеть. С черно-белой картинки на Погодина глядел его ночной посетитель. По телу Виктора пробежал озноб. На нарисованной дороге, убегающей вдаль, стоял высокий тощий мертвец. На лице виднелись тщательно прописанные язвы и нарывы, превратившиеся в сухую корку. Длинные белые волосы почти полностью закрывали узкие

плечи. Отсутствие цветов не помешало художнику создать блеск в глазах мертвеца: спокойный и холодный. Сквозь лохмотья, оставшиеся от одежды, виднелись белые кости. Рука, опущенная вниз, держала серп.

«Ты не жнец. Ты всего лишь серп в руках жнеца», – вновь в голове Виктора мелькнули слова, услышанные им ночью от белобрысого.

Погодин тряхнул головой и снова взглянул на картинку. За высоким мертвецом стояла пара лошадиных скелетов, запряженных в прогнившую телегу. К бортам крепились две керосиновые лампы, дающие слабый свет и способные осветить разве что небольшой пятачок вокруг себя. Мрачную картину завершали темное безлунное небо и стена леса с обеих сторон дороги.

Виктор услышал вдох и тихий, мигом осипший, голос Ланы:

– Что это за хрень? Мы же не в какой-нибудь сраной сказке…

Алексей Петрович присел на диван рядом с Ланой и взял ее ладони в свои.

– Боюсь, мадемуазель, что ваш Анкудинов отнюдь не сказка, – произнес букинист. Виктор почувствовал, как его друг выделяет слова, как бы ставя вежливую речь в противовес грубости Ланы.

«Все такой же дон-кихот. Прет на ветряные мельницы, как и всегда», – подумал Виктор. Несмотря на всю ситуацию, он слегка улыбнулся. Все же он скучал по своему наивному болтливому другу все эти годы.

Алексей Петрович продолжал наигранно-строгим голосом, который, впрочем, моментально превратился в его обычный, доброжелательный:

– Вас я, конечно, вижу впервые, но у меня нет оснований не доверять моему доброму другу. Поэтому рекомендую вам принять Анку как данность. Отрицание проблемы не есть выход из нее.

Виктор машинально потянулся за сигаретой. Затем поднял голову и, взглянув на друга, убрал пачку обратно в карман.

Букинист улыбнулся:

– Думаю, когда мои гости якшаются с самой Смертью, я могу сделать некоторые поблажки. Кури, Вить, на здоровье.

Погодин кивнул и закурил сигарету. Лана достала свою пачку и присоединилась к нему.

«Дура», – подумал он машинально, глядя, как ловко девчонка управляется с сигаретой.

Алексей Петрович исчез и через несколько секунд вернулся с бело-голубым блюдцем в руках.

– Пепельниц не держу, так что не обессудьте.

Букинист несколько секунд смотрел на гостей. Сквозь сизый

дым правый, зрячий, глаз выглядел таким же слепым, как и левый.

– Анкудинов, друзья мои, – наконец начал он, вновь меряя шагами маленькую «залу», – это герой сказаний и легенд Бретани. Первые упоминания о нем датируются четырнадцатым веком. Бретонцы верили, что перед смертью к ним приходит Анку, дабы забрать их с собой. Но забирает не сразу, сначала – уведомляет. Человек, повстречавший высокого мертвеца с телегой, запряженной двумя тощими лошадьми, знает, что его час вот-вот пробьет, и начинает готовиться: улаживает свои дела, исправляет свои ошибки. Правда, сказания гласят, что очень часто Анку не дает времени обреченным. Например, детям.

Погодин взглянул на бледную девчонку. Та испуганно посмотрела ему в глаза, но не промолвила ни слова. Но Виктору ничего и не надо было говорить – у него самого перед глазами непроизвольно появилась та сцена с мертвой девочкой и воющей матерью.

– Да, друзья мои, именно детям, которые не успели наделать в своей жизни ошибок и долгов. А еще Анку не дает шанса все исправить закоренелым, нераскаявшимся, преступникам: насильникам, убийцам…

Букинист смотрел прямо в глаза Виктору. Погодин не мог понять чувства, притаившегося в единственном зрячем глазе друга. То ли осуждение, то ли сочувствие. Он кивнул.

– Я уже понял, что время между получением уведомления и походом на тот свет у меня будет коротким. Оно и хорошо. Долгие проводы – лишние слезы.

Алексей Петрович отвел взгляд и продолжил:

– Иногда, непосредственно перед смертью, появляются разные знамения: стук молотка (бретонцы считают, что это забивают гвозди в будущий гроб умирающего), скрип несмазанных колес, сороки…

– Сороки? – Виктор подался вперед, не вынимая сигарету из уголка рта.

– Да, эта птица считается у бретонцев проводником на тот свет. Ты переспрашиваешь просто так, для эффекта, либо в вашей истории появились новые детали?

Виктор покачал головой:

– Нет, никаких новых деталей.

Он поймал на себе внимательный взгляд Ланы, но проигнорировал.

– Никаких. Сороки так сороки.

Девчонка, в конце концов, перестала пялиться на Виктора.

Он затушил сигарету об блюдце и задал вопрос, который

возник в голове несколько минут назад:

– Леш, ты сказал, что этот белобрысый – почтальон. Без сумки, без бляшки, – он хрипло, невесело усмехнулся, стараясь не раздражать горло, – но все же почтальон. А кто же тогда отправитель?

И снова он почувствовал взгляд Ланы.

«Пусть глядит сколько душе угодно», – решил он, никак не реагируя.

Ответ на свой вопрос он знал. Этот отправитель всегда стоял в сторонке, отдавая распоряжения своему верному почтальону. В его тени меркли самые кровожадные душегубцы. Ведь он…

– Бог, – проговорил Алексей Петрович внезапно осипшим голосом. – Всевышний, Вседержитель, Создатель. Называйте, как хотите. Ваш Анкудинов – Божий посланник.

– Чтоб меня, – раздался сдавленный голос девчонки. – Во что мы вляпались?

– Вы, друзья мои, пока что никуда не вляпались, как вы, Лана, только что изволили выразиться. А вот ваш знакомый по имени Денис обеими ногами стоит в огромной куче нечистот. А вы, насколько я вижу, стремительно двигаетесь к той же куче, и остановить вас, полагаю, я не смогу.

Одноглазый букинист вновь исчез и через несколько минут появился с точно таким же стулом, на котором сидел Погодин, поставил его напротив гостей и присел.

– Прошу меня извинить, ноги в последнее время побаливают. Что ж, старость – болезнь неизлечимая, как писал Сенека.

Он протянул руку к Виктору.

– Дай, Вить, сигаретку.

Рука Алексея Петровича дрожала. Погодин удивленно приподнял бровь.

– А чему ты удивляешься, старый пердун? Не каждый день узнаешь о существовании Бога. Я прочитал сотни, тысячи книг о Нем. Все, кому не лень, с уверенностью говорят о том, *что* из себя представляет Господь. Как будто они знают. Но единственное, что я вывел для себя – это то, что Бога нет. Библия, Коран, Тора – я считал все это инструкциями для скудных умом. И тут приходите вы, и все мое мировоззрение летит в тартарары.

Букинист несколько раз щелкнул пальцами, показывая свое нетерпение.

Что-то в речи Алексея Петровича показалось Виктору неправильным. Фальшивым. Погодин протянул зажигалку и провернул колесико. Маленький огонек весело затрепетал над большим пальцем. Букинист прикурил от зажигалки и тут же закашлялся.

Виктор положил ладонь на плечо друга.

– Полегче, Леш, к этой гадости нужно еще привыкнуть.

Алексей Петрович слабо улыбнулся.

– Это точно. Помнишь, как ты постоянно стремился приобщить меня к этому гадкому времяпрепровождению?

Виктор кивнул. Его друг, похоже, приходил в себя, что несказанно его обрадовало: видеть всегда уравновешенного букиниста растерянным и испуганным было непривычно, неприятно.

– Конечно, помню. А ты, маменькин сынок, сопротивлялся!

Старик не убирал руку с плеча Алексея Петровича.

– Моя мама уже давно крутит самокрутки рядом с Богом, который, оказывается, есть. Ты собираешься меня называть маменькиным сынком до скончания века, древний ты мамонт?

Виктор улыбнулся. На некоторое время он забыл о себе, стараясь привести старого друга в чувство.

– Нет, всего лишь до ста двадцати лет…

Раздался наигранный кашель. Виктор и Алексей Петрович синхронно повернулись в сторону Ланы. Лицо девушки все еще оставалось бледным, но уверенность в глазах и крепко сжатые губы говорили о том, что хрупкая на вид девчонка уже готова действовать. Виктор снова мысленно порадовался, что его неожиданная напарница – крепкий орешек.

– Я не хочу прерывать вашу милую перебранку, но у нас есть несколько дел, которые нужно сделать. И хотя проблемы эти – мои и Дениса, но, думаю, вы не откажете в помощи даме?

16

Звонок разбудил Дениса около восьми. С трудом открыв глаза, он непонимающе огляделся. Некоторое время он не мог сообразить, где находится и какой сейчас день. В голове мелькали рваные всполохи воспоминаний и образов: рыжеволосая девочка с задорной улыбкой, симпатичная девушка с короткой, мальчишеской, прической, полумертвый человек на детской площадке.

И слова: «Пришло время идти на суд».

Вот теперь все встало на свои места. Он вспомнил вчерашний разговор под дождем. Вспомнил, как сначала шел, а потом бежал, от этой проклятой площадки, как сидел в углу вагона метро, судорожно перечисляя названия оставшихся станций. Вспомнил парня лет пятнадцати с вытянутым лицом и пустыми глазами, который стоял в переходе подземки и монотонным голосом

просил милостыню, а при виде Дениса заорал и побежал, забыв пакет с мелочью у стены. Вспомнил, как не мог дрожащими руками открыть дверь в квартиру, как упал в кровать, не раздевшись, в насквозь сырой одежде.

Пока он копошился, пытаясь достать мобильник из джинсов, звонки прекратились. Денис несколько секунд тупо пялился на надпись: «У вас 1 пропущ. вызов». Когда подсветка экрана погасла, он, наконец, разблокировал телефон и увидел, что звонила Лана.

– Что же в такую рань… – попытался произнести он, но тут же зашелся кашлем, от которого, казалось, горло разодрало в клочья. Когда приступ прошел, Денис поднялся с постели и приблизился к зеркалу.

– Твою мать! – прошептал он. Опухшее лицо горело. Провалившиеся глаза болезненно блестели. Разводы грязи, начинаясь у подбородка, уходили по шее вниз, к груди.

Градусника в квартире Денис не имел, да тот и не требовался. То, что у него высокая температура, ему сообщил двойник в зеркале. Вспомнилось недавно пересмотренное «Противостояние» Кинга.

– Сейчас покашляю три раза и сдохну в соплях и мокроте, – проговорил он и поморщился от боли в горле.

А мысленно, боясь произнести вслух, добавил:

«Но прежде Анкудинов выдаст письмецо и на меня».

Денис вспомнил вчерашнюю мысль, родившуюся под проливным дождем: «Анку меня не слышал, пока я сидел с его клиентом». Это что-то означало, но что именно, Денис понять не мог. Он пытался сосредоточиться на этой мысли, но пока был не в состоянии.

Денис собрался вернуться в постель, но, увидев скомканную, грязную простыню, передумал. Вместо этого он, сняв с себя все еще сырую одежду, комом бросил ее в коридоре, взял одеяло, которое чудом осталось сухим, и забрался в кресло. Озноб шаг за шагом проникал в каждую частичку его тела, кожа стала чересчур чувствительной, глаза слезились.

Денис вынул из-под одеяла мобильник, зажатый в руке и, найдя нужный номер, нажал на «вызов». Но тут же сбросил. Он был не готов сейчас разговаривать с кем-либо. Слишком многое предстояло обдумать. Ведь неделю назад он стал пособником в убийствах. Или даже исполнителем. Но ни в одном Уголовном кодексе не нашлось бы статьи для него. Ни один суд не смог бы вынести обвинительный приговор. Теперь он сам стал судом. Божьим. Орудием того самого Бога, который однажды не удержал Дениса от греха.

Чуть согревшись, Денис забылся некрепким, беспокойным сном. Он оказался на кладбище. Узкие тропинки, похожие на миниатюрные улицы, пробегали среди оград: покосившихся, куцых заборчиков и крепких, явно дорогостоящих, изгородей. Трава, вытоптанная на дорожках, цвела буйным цветом на могилах. Ее сочный цвет выглядел чересчур ярким в сочетании со странно блеклым окружающим миром. Даже солнце, стоявшее высоко в бледно-голубом небе, казалось выцветшим, словно старая простыня.

Денис стоял между двух могил, поросших вьюном так, что было невозможно прочитать фамилии усопших. Он глядел на дорожку, убегающую вглубь кладбища. Он знал, куда идти. Ноги шаг за шагом двигались вперед, независимо от желания своего хозяина. Эта подлая сторона сновидения ни капли не удивила Дениса: раз по какой-то причине он должен был увидеть могилу брата, значит, так и должно было произойти.

В полнейшей тишине Денис двигался вперед, уверенно лавируя в изгибах кладбищенских тропок. Вот мимо промелькнула рыжая от ржавчины оградка, за которой торчали две одинаковые надгробные плиты. Между ними стоял грязный, наполненный дождевой водой граненый стакан. А вот еще одна могила, столь же заброшенная и заросшая, но на этот раз место могильного камня занимала невысокая пирамидка с пятиконечной звездой на верхушке.

Дойдя до могилы брата, Денис заметил одну странность. На этот раз он не дрожал. Напротив, внутри растеклось уютное тепло, будто он только что выпил чашку какао после того, как намерзся на улице. Или будто внезапно исчез болезненный озноб. Впрочем, это была совсем и не странность. Во сне все необычное превращалось в обыденное.

Денис открыл калитку. Небольшое, полуметровое, гранитное надгробие, на удивление, было чисто от вьюна, словно каждый день сюда приходил заботливый родственник и очищал могилу от сорной травы. Денис взглянул на надпись и не удивился, когда не смог разглядеть буквы и цифры. Ему и раньше снилось, как он приходил сюда, и всякий раз он видел размытые пятна вместо символов. Но на этот раз все же кое-что изменилось: знаки на плите стали чуть более четкими, они почти угадывались. Да и странное ощущение тепла никуда не пропало.

Он сел на сухую землю, перекрестив ноги по-турецки.

– Привет, братец, – проговорил он, прислушиваясь к своей речи. – Какого черта ты мне опять снишься, а?

В голосе – ни единого намека на болезнь и жар, но слова все же казались пустыми и безжизненными. Словно они не

выполняли никакой функции, а просто звучали, потому что так надо. Для порядка.

– Думаешь, мне хочется тебя видеть? Сидеть на этом долбаном кладбище? У меня и так проблем выше крыши! – Какие именно проблемы, Денис вспомнить не смог, но он точно знал, что в его жизни происходят неприятные изменения. – Слышишь, братан? Выше крыши!

Он говорил, пытаясь показать горечь, злость и раздражение, но проклятый голос все превращал в бесчувственный набор слов. Словно язык не понимал, как важно его хозяину передать свои эмоции.

Внезапно Денис почувствовал прикосновение к своему плечу. Но вместо страха пришло спокойствие. Злость моментально испарилась, словно что-то ненужное, лишнее.

– Я знаю, Денис, – раздался негромкий детский голос. Очень мягкий, без присущих ребенку высоких нот. Денису пришло в голову, что так мог говорить маленький Иисус, проповедуя слово Божие. – Я все знаю.

Денис не стал оборачиваться. Он знал этот голос, хотя при жизни Леша почти всегда говорил противным, тянущимся, как жвачка, голоском, вызывающим зубовный скрежет у старшего брата.

– Это ты, – еле слышно выдохнул он.

За спиной воцарилось молчание. Денис боролся с желанием оглянуться. Он был твердо уверен, что, если обернется, сон моментально закончится. Ему не хотелось сейчас отпускать установившееся внутри чувство уюта. Чувство дома.

– Помнишь папин «видик»? – спросил младший брат.

Денис кивнул. Конечно, он помнил. Каждый раз, когда он вспоминал про магнитофон, его разбирала злость, обида и, стоило это признать, ревность. Каждый раз, но не сейчас.

Их отец однажды принес домой видеомагнитофон. Он гордо произнес: «Настоящий, японский» и принялся подключать аппарат к телевизору. Маленький Лешка мешался под ногами, а отец весело шутил с ним. Двенадцатилетний Денис, видя, что папа не может подлезть к задней панели телевизора, подошел и предложил свою помощь. «Не лезь», – услышал он в ответ и обиженно спрятался в своей комнате.

Старший брат с трепетом относился к новинке, тем более, что, как оказалось, «видик» папе одолжил на время коллега по работе, уехавший на месяц за границу. Когда мальчик оставался дома один, он брал без разрешения с папиной полки видеокассеты и, затаив дыхание, смотрел фильмы: «Робокоп», «Гремлины», «Рэмбо» – все подряд. Когда же с ним оставался и

младший брат, начинались ссоры. Леша требовал включать ему мультфильмы, угрожая, что нажалуется родителям, – старший брат злился, но ничего поделать не мог.

Однажды, после очередной перепалки, Денис все же не выдержал:

– Иди и рассказывай! Достал уже, – он выдернул шнур, соединявший телевизор и «видик», из гнезда. – Мультики ты смотреть не будешь!

И ушел в магазин за хлебом. Когда он вернулся, видеомагнитофон лежал на полу. Темно-зеленый пластиковый мониторчик на лицевой стороне аппарата треснул, кнопка включения валялась рядом. Денис в тот момент пришел в ужас. Через годы он уже перестанет понимать, что в этом событии было такого ужасного, но тогда мальчику, которому месяц назад стукнуло двенадцать, ситуация показалась совершенно безвыходной.

Он бросился к разбитому устройству. Дрожащими руками попытался вставить выпавшую кнопку в пазы, но ничего не выходило. Он бросил кусочек пластмассы и принялся вправлять треснувшее стеклышко. Но тонкая полоска трещины никуда не делась. Тогда он вновь схватил кнопку. Когда через десять минут домой вернулись родители, двенадцатилетний Денис так и сидел на полу рядом с видеомагнитофоном.

Отец и мать не стали разбираться, кто виноват. Так уж сложилось в семье, что Денис нес ответственность за все. Разбитые тарелки, испачканные обои, беспорядок в комнате детей – никто не спрашивал, что произошло. Денис получал дозу молчаливого презрения, спрятанного за спокойствием, и затем некоторое время родители игнорировали его существование, полагая, видимо, что это научит его быть более ответственным. Отец никогда не порол Дениса, но молчание было во много раз хуже телесного наказания. Мальчик чувствовал себя чужим, брошенным. И за это люто ненавидел младшего брата – баловня.

– Помню, – спокойно проговорил Денис. – Из-за тебя они со мной неделю не разговаривали. Не то чтобы я много потерял без их внимания, но все же…

Леша (а может быть, это был вовсе не Леша, а лишь воображение Дениса) выдержал паузу, словно ожидая продолжения, а затем произнес тем же самым, не по годам умудренным, голосом:

– Возможно, все было немного иначе, чем ты себе представляешь. Может быть, твой младший брат сделал это не специально. Может, он просто хотел посмотреть то, что смотрел ты. Ведь, возможно, младший брат очень любил тебя и во всем

хотел быть на тебя похожим. И нужны ему были не мультфильмы, а старший брат рядом. Может быть, он просто не умел выразить свои чувства. Ведь он всего-навсего ребенок.

– Вранье! – воскликнул Денис.

В душе его творилось нечто невообразимое. Целый каскад чувств: злость, боль, отчаянье, тоска – держали его за горло крепкой хваткой. Он уже не понимал, сон это или явь. Кладбище, невидимый четырехлетний мальчик, знакомый, и в то же время незнакомый, голос – все как будто стало реальным, осязаемым. Даже цвета приняли свой естественный вид.

– Вранье! – еще раз прокричал он.

Где-то вдалеке закаркал потревоженный ворон. Денис вскочил и резко обернулся, чтобы сказать это еще один, третий, раз в лицо Леши, но окружающий мир вдруг поблек, став мутным пятном, и Денис проснулся.

Он чувствовал себя лучше. Не намного, но все же у него появились силы встать и приготовить себе скромный завтрак – яичницу и кофе. Почуяв запах жарящихся яиц, Денис понял, насколько голоден. Он набросился на завтрак и уничтожил его в считаные секунды. Горячая пища еще чуть-чуть оживила его. Треск в голове снизился до тихого, хоть и раздражающего, туканья. Горло после кружки горячего черного кофе на время перестало беспокоить его.

Теперь, когда его голова соображала гораздо лучше, он вернулся к мысли о том, что Анкудинов вчера не прервал разговор Дениса с Сажиным Олегом Сергеевичем. О том, что, по всей видимости, Анкудинов не мог его видеть и слышать. И даже если это окажется всего лишь совпадением, выбора у Дениса не оставалось. Нужно было использовать полученное знание.

В его голове возникла одна мысль. Еще смутная и бесцельная, но это было уже лучше, чем ничего. С чего-то ведь нужно было начинать.

Бросив грязную сковородку в раковину, он вернулся в комнату. Там он поднял сотовый телефон и, посмотрев на экран, обнаружил надпись: «У вас 5 пропущ. вызовов». Вверху экрана светился перечеркнутый мегафон. Он даже не помнил, что выключил звук у телефона. Видимо, больной организм на время отстранил от руководства мозг и стал принимать решения самостоятельно. И Денис был рад, что отключил звук. Звонок мог прервать его сон, где он впервые после стольких лет услышал голос своего младшего брата.

Денис разблокировал телефон и посмотрел на экран. Все звонки были от Ланы.

Услышав встревоженное «Алло» в трубке, он облегченно

вздохнул. Он был не один.

– Привет, незнакомка! – прохрипел он своим новым, простуженным голосом.

– Ты где был? Почему не отвечал? – быстро и четко спросила она.

«Словно отчитывает ребенка», – подумал он и улыбнулся. Беспокойство Ланы приятно грело ему душу.

– Звук был выключен на «трубе». А я спал… и видел сны.

– Гамлет ты недоделаный, – пробормотала она и рассмеялась. Денис почувствовал в ее голосе неподдельное облегчение.

– Какой есть.

– Что с твоим голосом?

– Издержки производства, – проговорил он и прокашлялся. – Проторчал вчера под дождем. Послушай, Лан, нам нужно с тобой…

– Встретиться? – закончила девушка за него и, не дожидаясь ответа, утвердительно повторила: – Встретиться.

– Ты за этим и звонила? – спросил он.

– Да, за этим и звонила.

Денис рассказал, где и когда они должны будут увидеться. Лана выслушала и проговорила:

– Отлично.

17

И вновь «Кропоткинская». Светлая, но в то же время парадоксально мрачная, словно древние казематы. Денис осматривался по сторонам, вглядываясь в лица немногих проходящих мимо. Обычные люди: хмурые, веселые, недовольные, озабоченные, но на всех них ощущался отпечаток какой-то потусторонности. Будто они относились не к этой действительности, не принадлежали ей. Или, наоборот, Денис ей не принадлежал.

«Я теперь в реальности Анку», – мелькнула мысль, от которой побежали мурашки по спине и рукам.

Имя Анку вызвало в памяти вчерашний разговор с Сажиным. Хотя скорее это был монолог. Олег Сергеевич рассказывал совершенно сумасшедшие вещи, которые почему-то Денису не казались таковыми. Про то, что Анкудинов – это вовсе не Анкудинов, а какой-то герой из старых сказок, и зовут его Анку. Про то, что письма, которые разносит Денис – смертельные, ведь получивший его обязательно должен был умереть. Он слушал Сажина и думал, что это очень странно – сидеть рядом с

человеком, который знает, что неминуемо умрет, и даже получил оповещение об этом. Денис думал о нереальности и неправильности всего происходящего, вдруг свалившегося на него. И о том, что никто не сообщил ему: «Однажды с тобой произойдет мистическая хрень, в которую никто не верит, потому что чудес не бывает», и не научил его, как эту самую мистическую хрень принять.

Весь день после ночного разговора и странного сна про Лешу он пролежал в постели. Сначала попытался что-нибудь посмотреть из своей обширной коллекции, но головная боль моментально вернулась, сдавливая виски. Денис нажал на красную кнопку, а когда экран погас, положил пульт на край кровати. Сил что-либо делать у него не осталось, поэтому он просто лег на бок и закрыл глаза. Образы в голове тут же продолжили свой парад: Анкудинов, Леша, Лана, Анкудинов, Леша, Лана…

Он провалился в неглубокий сон и проспал до двух часов дня. Проснувшись, двинулся в аптеку в паре кварталов от его дома. В голове шумело, горло вновь раздирало, нос не дышал.

«Развалина какая-то», – мысленно ругнулся Денис.

Рассчитываясь в аптеке, он достал из кармана тысячную купюру, одну из тех, что дал ему Анкудинов.

«Получил деньги от самой Смерти. Я на особом счету у этого урода. Знать бы почему. Стоит сегодня задать ему этот вопросец».

Но мысль спрашивать Анку о чем-либо тут же показалась ему неподходящей. И все же это нужно было сделать. В его ситуации любая информация могла подсказать, где находится выход.

«Если этот выход есть».

Денис задрожал, но не от лихорадки, а от мысли, что его привычный мир неумолимо рассыпается, и то, что находится под ним, гораздо хуже, чем он может себе представить.

– Молодой человек, вообще-то здесь еще есть люди, – раздался неприятный старушечий голос из-за спины. – Если каждый будет засыпать на ходу, то некоторые не доживут до своей очереди.

Быстро забрав сдачу и лекарства, Денис ретировался. Дома, заглотнув несколько таблеток, он снова включил телевизор. На этот раз голова милосердно хранила бесчувственность. И даже шутки постаревших Сильвестра Сталлоне и Джейсона Стэтхэма в «Неудержимых» не раздражали его.

Теперь же, ощущая, что действие таблеток заканчивается, и предчувствуя жуткую головную боль, Денис шел по переходу

метро. Навстречу, против движения, двигался огромный мужик с квадратной челюстью, расталкивая людей. На каменном лице застыло упрямое, бычье выражение. Таких Денис обычно называл «бэтээрами». Погруженный в свои мысли, он заметил угрозу слишком поздно. «БТР», словно не замечая, толкнул плечом задумавшегося парня – удар оказался настолько сильным, что, если бы не стена перехода, Денис бы рухнул на пол.

«Тебе бы, сука, я передал письмецо с удовольствием, – со злостью и обидой подумал он, но тут же осекся. – О чем я думаю?! Я уже размышляю, как этот долбаный маньяк Анкудинов».

Денис двинулся к выходу, потирая ушибленное плечо.

«Все-таки я еще не совсем в реальности Анку».

Он усмехнулся, сам удивившись тому, что еще может это сделать.

Неосвещенный храм вновь поразил его. Очертания, слабо проступающие в темноте, навевали мысли о зловещем замке из «Дома Ашеров». Денис живо себе представил опутанное паутиной помещение, почерневшие и перекосившиеся иконы на стенах, оплывшие, покрытые слоем пыли свечи, полчища летучих мышей под сводом и гулкое эхо безжизненного склепа. Изредка проезжающие машины добавляли зловещие штрихи, показывая, насколько мертво слепое пятно храма Христа Спасителя.

«Это все проделки Анку, мать его», – Денис попытался себя успокоить, впрочем, безуспешно. В висках появился неприятный стук, первый вестник головной боли.

Он перебежал пешеходный переход на запрещающий сигнал светофора и, обогнув маленький сквер, где в окружении лавок с важным видом стоял памятник Энгельсу, оказался на Остоженке. Ему на миг показалось, что время, словно пленка видеокассеты, отмоталось ровно на неделю назад, и он снова идет на встречу с незнакомцем, предложившим выгодное дельце. И что можно прямо сейчас развернуться и, наплевав на куш, поскорее убраться от этого зловещего места. И тогда не будет того кошмара, в котором он прожил последние дни, не будет той рыжеволосой девочки, которая получила свое уведомление о смерти, не будет ощущения безысходности, не будет…

– Ланы, – проговорил Денис.

Встреча с ней – это единственное, о чем он не жалел. Да, его жизнь в кратчайшие сроки превратилась в урбанистический ад почтальона, а о перспективах и подумать было страшно, но на другой чаше весов оказалась она, взбалмошная, самоуверенная, не терпящая неповиновения, но в то же время терпеливая и открытая девушка. Только после знакомства с Ланой он понял,

насколько сильно ему не хватало человека, который может выслушать, поддержать, а не обвинить, не ткнуть, как котенка в наделанную лужу.

Задумавшись, Денис вновь пропустил дом номер шесть «а». Вернувшись на несколько десятков шагов назад, он вошел во двор. За неделю здесь ничего не изменилось: мертвые растения, мусор и ощущение, что здесь будет уместна табличка «Окончание жизненного пути» или еще более пафосное «Врата в пустошь».

На этот раз, уже осознавая сверхъестественную сущность всего происходящего, Денис в каждой детали видел потусторонние знаки: и чересчур глухой звук его шагов в подъезде, и странная блеклость, «пыльность», стен и дверей, и необъяснимое, словно магнитное, притяжение алюминиевой таблички «24».

Поднявшись на четвертый этаж, Денис взглянул на дверь, расположенную напротив двадцать четвертой. У Дениса возникла мысль позвонить в эту дверь и спросить, знают ли они, кто их сосед. Он представил, что это будет маленькая старушка – божий одуванчик. Она посмотрит непонимающе на неожиданного посетителя и ответит, шамкая беззубым ртом:

– Што вы, молодой шеловек! Шдешь уже лет эдак дешать никто не шивет.

Посмотрит на него мутным подозрительным взглядом, словно опасаясь, что Денис окажется каким-нибудь полоумным убийцей старушек, и поспешит захлопнуть дверь.

Денис развернулся к квартире Анку. Голова кружилась, больное горло сжалось, с трудом пропуская воздух, а сердце ухало так, словно он поднялся не на четвертый, а на четырнадцатый этаж. Он всей душой хотел развернуться и выбежать отсюда, но рука, не подчиняясь хозяину, потянулась к звонку. Он вздрогнул, когда раздался приглушенный перезвон, словно колокольчики отбивали заупокойную.

– Проходи, Денис, – раздался голос Константина Андреевича Анкудинова.

Денис открыл дверь и шагнул вперед. Через тело прошла волна безболезненного напряжения.

– Я рад, что ты вернулся.

И вновь достаточно громкий голос Анку показался Денису каким-то пустым, картонным. Вместо того, чтобы разойтись по квартире эхом, он стух практически сразу, как прозвучал.

– Постоянный партнер в наше время – это такая редкость, – поделился невидимый Денису Анкудинов.

Денис хотел ответить, хотя и не очень представлял, что именно, но горло словно стянуло кожаным ремнем. Сердце все

так же трепыхалось в груди, сбивая дыхание, руки вибрировали, но ноги, против его желания, шли по квартире, покрытой пылью и вереницами следов.

Анку сидел в кресле: спина прямая, кисти покоились на деревянных ручках, белоснежные волосы ниспадали на плечи черного костюма, древние глаза безучастно смотрели на посетителя.

– Я понимаю, что тебе сейчас далеко не до моих саркастических ремарок, но все же мне, в силу профессии и возраста, простительны некоторые вольности. Надо же как-то разбавить тот мрачный образ, что создали для меня смертные.

«Он знает про мой разговор на детской площадке», – затрепыхалась в голове паническая мысль. Он боялся думать о том, какая кара его может ожидать за это. И только ли его? Денис вновь вспомнил слова Константина Андреевича: «Отныне ответственность за невыполнение моих простых правил я делю между тобой и твоей милой, но чрезмерно любопытной подругой».

Он взглянул в холодные глаза Анкудинова и тут же отвел взгляд. Это простое движение походило на стопроцентное признание своей вины, но он ничего не мог с собой поделать.

Константин Андреевич улыбнулся. Губы приподнялись, но взгляд остался по-прежнему колючим.

– Ты, кажется, волнуешься. Это хорошо. Ты – человек, и тебе свойственны фобии. Пока.

«Пока? Что это значит – пока?» – подумал Денис.

Анкудинов слегка встряхнул головой и продолжил:

– Однако же вернемся к нашим делам. Надо признать, что справился ты довольно сносно. Лучше, чем я ожидал.

Денис обреченно кивнул. Как еще он мог ответить на подобную похвалу. Однако тут же почувствовал облегчение – Анкудинов увел разговор в сторону, и это могло означать, что он все же ничего не знает о разговоре под дождем. А фраза про смертных просто попала на благодатную почву страха Дениса. Совпадение, ни больше ни меньше.

«Или игра в кошки-мышки», – подумал Денис, и облегчение вновь сменилось тревогой.

В руках Константина Андреевича, как по мановению волшебной палочки, возник уже знакомый Денису портфель. Щелкнули замки. Металлический звук вышел каким-то неубедительным и пустым, словно уголек, неспособный разжечь костер.

Анкудинов извлек на свет бумажник.

– Мы можем долго вести нашу милую и непринужденную

беседу, но, как говорят англичане, business before pleasure[7]. Язык ты знаешь – думаю, поймешь.

Денис кивнул, еще раз подумав о том, что означало сказанное Анкудиновым «пока».

Достав солидную пачку тысячных купюр, Константин Андреевич принялся отсчитывать банкноты, но затем замер на секунду и, отделив от общей массы, протянул примерно треть Денису.

– Полагаю, для закрепления наших с тобой деловых отношений можно позволить себе потратить чуть больше.

Денис не дотронулся до протянутых денег.

– Я не возьму, – еле слышно проговорил он, непроизвольно поморщившись от резкой боли в висках.

Анкудинов изобразил на лице удивление, за которым показалось скрытое раздражение.

– Ты не… что?

– Я не возьму, – чуть более уверенно повторил Денис.

В нем зародилось новое чувство, сильно его удивившее. Надежда. Слабая, практически несуществующая, но все же надежда. Он внезапно осознал, что за маской мудрости и злого сарказма Анкудинова пряталась какая-то слабость, червоточина. «Ахиллесова пята», как в «Трое» с Брэдом Питтом. Оставалось только выяснить, в чем же заключается эта слабость. И пусть сейчас он понятия не имел, как бороться со Смертью, но все же опыт специалиста по голливудским блокбастерам говорил – шанс на победу всегда есть, иначе фильм будет бессмыслен.

– Не возьмешь.

Лицо Анку вдруг стало меняться. Метаморфозы происходили так быстро и закончились так внезапно, что походили больше на легкую галлюцинацию. Но Денис не мог позволить себе такой роскоши, как самообман. Его вера в происходящий бред окрепла и не подвергалась сомнению.

Гладкая кожа Константина Андреевича тут и там стала вздуваться и снова опадать, словно закипающее молоко. Сквозь щеки просвечивались скулы и челюсть, затем они вновь исчезали. Зрачки мерно сужались и расширялись, а цвет лица принимал пепельный оттенок, чтобы практически моментально вернуться к обычной бледности. Долю секунды Денис мог видеть вместо носа Анкудинова лишь носовую кость, словно голова превратилась в череп. Но так же внезапно, как и начались, метаморфозы закончились, и перед Денисом вновь стоял Анкудинов Константин Андреевич в своем жутком, но относительно нормальном обличье. Он вновь вернул контроль над своими эмоциями.

– Очень хорошо! – произнес ровным голосом Анкудинов. – Если ты намереваешься работать на чистом энтузиазме, я могу только поприветствовать это.

И тут же его лицо непроизвольно перекосилось, при этом кожа поплыла, как воск свечи. Миг – и вновь каменное лицо вместо жуткой маски.

– Прежде чем мы перейдем к заданию на эту неделю, я хочу тебе кое-что показать. И объяснить.

Анку встал и подошел к двери.

«Приплыл, – обреченно подумал Денис. – Теперь он мне устроит воспитательную работу». Но при этом в душе все так же тихо и еле заметно теплилась надежда. Шанс выбраться из передряги был. Осталось только нащупать его… и дожить до того, как этот шанс представится.

– Что показать? – спросил он.

– О! Это маленький сюрприз. Прошу!

Константин Андреевич указал на узкую дверь по правую сторону коридора.

– Это что, туалет? – слабо удивился Денис.

Анку взялся за ручку.

– Нет, это просто дверь. Если тебе интересно, дверь туалета прекрасно выполняет точно ту же функцию, что и златые врата. Она пропускает живую тварь туда, куда тварь хочет попасть. Или не хочет.

Анкудинов рассмеялся: жестко и безжизненно.

– Поэтому, если у тебя нет особых возражений… – он сделал паузу и вопросительно посмотрел на Дениса, словно действительно ожидал возражения.

– Нет, дверь в «толчок» чудесно подходит, – проговорил Денис и сглотнул. В горле словно кто-то прошелся наждачной бумагой. Он почувствовал, что очень скоро узнает, почему его нанял на работу Анкудинов. И его пугало то, что ему предстояло узнать.

Константин Андреевич опустил ручку и потянул на себя дверь. Денис приготовился увидеть в уборной все, что угодно, но того, что предстало перед его глазами, он явно не ожидал. Он десятки раз видел подобное в кино, но реальность теперь удивляла гораздо сильнее. Туалета за дверью просто не существовало.

18

Хлопнула дверь, и в полупустой аудитории появился

преподаватель. Сгорбленный седовласый старик напоминал маленького злобного орка, выискивающего повод достать из-за пояса свой двусторонний топор. Его челюсть судорожно двигалась, словно он беспрестанно что-то жевал. Мутно-водянистые глаза, походящие на болотную топь, смотрели на студентов с неопределенным выражением: то ли с презрением, то ли с безразличием. Серые шерстяные брюки и столь же серый потрепанный свитер наводили на мысль, что теплое сентябрьское утро за окном аудитории – ошибка. Скорее, там должен быть конец октября – серый и холодный, как и выражение лица преподавателя Храмова Юрия Николаевича.

Хрюн, как его называли студенты, незамысловато сократившие фамилию, имя и отчество, причмокнул беззубым ртом и произнес, противно чавкая словами:

– Я смотрю, не так много… студентов… хотят сдать мой предмет… Напрасно, напрасно…

Он прошел к трибуне и под тихое хихиканье школяров принялся раскладывать свои конспекты. Делал он это настолько медленно и скрупулезно, что казалось, будто занятие не начнется никогда. В конце концов, добившись успеха, Юрий Николаевич поднял голову, несколько секунд мутными глазами изучал пришедших на лекцию студентов, и произнес:

– Сегодня мы продолжим тему, которую начали разбирать… – он принялся шуршать своими записями, – в прошлую пятницу.

Лана, расположившись на задней скамейке аудитории, отрешенно смотрела на копошащегося старика. Ночью она плохо спала. Вчерашний разговор постоянно лез в голову, прогоняя сон. Но даже когда она засыпала, ее преследовал смутный образ скелета с картинки, которую показал им вчера Алексей Петрович. И она открывала глаза и смотрела в потолок, пытаясь что-то вспомнить. Что-то связанное с просьбой старого, слепого на один глаз букиниста. И только после трех она провалилась в благословенное забытье без сновидений.

Сейчас, сидя в аудитории и глядя уставшими глазами на чавкающего словами Хрюна, она снова мысленно возвращалась во вчерашний вечер.

Слова, произнесенные вчера Алексеем Петровичем, поначалу показались ей глупой шуткой. Такого не могло быть. Она верила, что события всегда имеют определенную логику, и если что-то происходило, то происходило не просто так, а по какой-то причине. И то, что она сначала встретила Виктора, который (о чудо!) связан с тем, что происходит с Денисом, и который (снова чудо!) привел ее к человеку, имеющему ответы на вопросы, не

могло быть простой случайностью. Это была закономерность, переход от одного звена цепи ко второму. И обязательно должны быть переходы к третьему и последующим звеньям. Закономерность, а не случайность. А букинист попытался опровергнуть эту веру, заявляя, что в цепи может и не быть следующего звена.

– Милая Лана, честно говоря, у меня нет ни единой мысли, как мы можем разрешить эту ситуацию.

Она непонимающе посмотрела на Алексея Петровича. Тот спокойно выдержал взгляд. В его единственном зрячем глазу Лана увидела сочувствие. Именно это убедило ее больше, чем слова.

– Вот хрень, – с горечью выплюнула она.

Повернувшись к Виктору, она увидела, как старик поджал губы и потянулся к горящей сигарете, лежащей на краю блюдца, словно пытаясь спрятаться от ее взгляда за сигаретным дымом.

– Я думала, вы те самые «боги из машины», которые спустятся с небес и все-все-все исправят, – как-то немного по-детски наивно произнесла она.

Ей хотелось плакать, но она сжала челюсть и зажмурила глаза. Этот способ всегда помогал ей. Она не любила показывать людям свою ранимость и уязвимость, потому что знала: чужая слабость для большинства людей – это прекрасный повод показать свое превосходство. Алексей Петрович и Виктор ей нравились, но… привычка – вторая натура.

Ее способ помог и на этот раз.

Алексей Петрович продолжил мягким, почти ласковым голосом:

– Дело в том, что все эти легенды и баллады намекают, а зачастую и говорят открытым текстом, что избежать смерти нельзя. Есть несколько сказаний, где человек пытается остановить Анку, но у него ничего не выходит. Да и суть вашей проблемы…

– Нашей, – раздался голос Виктора.

Лана пристально посмотрела на молчавшего до этого Погодина. Тот хмуро наблюдал за своим другом, нервно покачивая пальцами дымящуюся сигарету.

– Да, – ответил букинист, горько улыбнувшись. – Действительно, какого дьявола? Все равно уже в долг живем, так почему бы не покуражиться как следует?

– Горжусь тобой, – хрипло проговорил Виктор и улыбнулся.

Лана про себя отметила, что улыбка преобразила его. Он стал меньше походить на сварливого и сволочного старика, и чуть больше – на человека, с которым хотелось иметь дело.

Алексей Петрович несколько секунд задумчиво понаблюдал

за тем, как Виктор размазывает окурок по блюдцу и тут же достает следующую сигарету. Букинист повернулся к Лане:

– Суть, как только что вполне справедливо поправил меня этот невежа, *нашей* проблемы – вовсе не в том, что вашему знакомому грозит смерть. Боюсь, ему светит кое-что похуже.

– Похуже? – переспросила Лана.

Разве могло быть что-то еще хуже?

– Да. Если принять как данность, что мой старый мозг еще в состоянии анализировать, то высок шанс, что я прав…

– Леш, когда прекратишь заниматься словоблудием, переходи к *сути*, – отозвался сварливо Виктор.

– Простите меня. Старость и одиночество накладывают…

– Алексей Петрович! – в сердцах воскликнула Лана.

Букинист моргнул.

– М-да. Полагаю, вашего Дениса готовят либо в помощники, либо в преемники.

Произнеся это, букинист вновь с важным видом оглядел гостей, словно говоря: «Смотрите и удивляйтесь, как я расправляюсь с задачами, решение которых неподвластно обычному среднестатистическому разуму!»

Лана в отчаянии сжала кулаки.

– Кто? – спросила она, прекрасно зная ответ. – Кто готовит?

Алексей Петрович провел ладонью по верхней губе, словно вытирал капельки невидимого пота.

– Анку, естественно. Герой нашей сегодняшней беседы.

Виктор подался вперед, не удосужившись вынуть сигарету изо рта, и спросил, выпуская дым и слегка коверкая слова сжатыми зубами:

– А на кой черт этой сволочи помощник или… преемник?

Алексей Петрович перевел взгляд на Виктора. Чувствовалось, что букинисту очень неуютно от того, что с двух сторон на него наседают с вопросами.

– Может, он устал за тысячелетия работы без перспективы карьерного роста, а может, очередь на тот свет в разы увеличилась… да бог его знает, что еще!

– Бог-то точно должен быть в курсе, – зло проговорил Виктор и тут же зашелся в яростном удушливом кашле.

Он полез в карман, достал мятый платок и прикрыл им рот. Лана заметила на куске ткани несколько красных пятен.

Алексей Петрович тоже наблюдал за этой картиной. На лице его отразилась такая неприкрытая боль, что Лане, несмотря на все ее переживания, захотелось его утешить.

Кашель прекратился. Виктор вытер рот платком и быстро спрятал его в карман. Взглянул на своего друга, и, чуть

приподняв плечи, развел в стороны ладони, словно говоря: «А что ты хотел? Ты же сам, кажется, говорил, что старость – неизлечимая болезнь».

– Насколько все плохо? – проговорил Алексей Петрович ровным, спокойным голосом.

– В нашем возрасте *очень* плохо уже не бывает, – проговорил Виктор. – Не волнуйся, до смерти доживем. Да и белобрысый этот, Анку, нам еще пропуска не выдал.

Алексей Петрович согласно кивнул, но в глазах, вперемешку с беспокойством за друга, Лана разглядела и какое-то сомнение, словно букинист хотел что-то добавить, но не стал.

– В общем, по какой-то причине, – продолжил, наконец, он, – прозаической или таинственно-мистической, Анкудинов предпочел найти себе ученика.

Лана задала вопрос, который ей всегда казался глупым и бессмысленным. Когда в книге или в фильме главный герой доходил до этого вопроса, она мысленно отвечала: «Потому что так надо по сюжету, дурень». Вот и теперь такой ответ непроизвольно пришел ей в голову. Потому что так надо по сюжету.

– Но почему именно Денис? Почему он?

Алексей Петрович посмотрел на Лану, как будто слегка оживившись.

– Вот! Вот он – наш единственный шанс если не помочь юноше, то хотя бы попытаться это сделать. Полагаю, в его личности и кроется разгадка. Что-то, – букинист в волнении постучал пальцами по колену, но тут же взял под контроль свои руки и голос, – есть в нем такое, что нужно Анку. Может быть, вы, Лана, заметили какие-то особенности или касались в своих разговорах каких-то необычных тем?

Она задумалась на минуту. Алексей Петрович и Виктор смотрели на нее: первый – нервно перебирая пальцами, второй – терпеливо и неподвижно, словно психолог на сеансе.

Она покачала головой:

– Не могу вспомнить. У меня, вообще, голова сейчас очень туго соображает. Уж извините.

Она улыбнулась, с трудом сдерживая слезы.

Букинист кивнул.

– Понимаю. Мадемуазель… – Он сделал паузу. – Лана, я не буду вас обнадеживать понапрасну. Наши шансы меньше, чем у того, кто ищет иголку в стоге сена. Но все же стоит воспользоваться этими мизерными шансами. Мы имеем дело со сверхъестественной сущностью, а посему имеем полное право рассчитывать на чудо. Верно?

Лана яростно кивнула, не поднимая глаз.

– Поэтому, прошу вас, вспомните или выясните, чем же так интересен Смерти ваш избранник.

Алексей Петрович внезапно нахмурился и невнятно, словно чавкая, проговорил:

– Неужели мой предмет настолько скучен?

Лана в недоумении подняла взгляд на полуслепого старика, но вместо последнего перед ней стоял Храмов Юрий Николаевич.

– Милочка, спать надо дома ночью, а днем нужно учиться, – прочавкал Хрюн, вперив в нее свои выпученные бесцветные глаза, в которых читалось раздражение и, как ни странно, все та же безучастность.

Лана, еле сдерживая желание скривиться (изо рта преподавателя пахло гнилыми зубами и дерьмом), выпрямилась и положила пальцы на ручку.

– Извините, Юрий Николаевич!

Храмов скорчил пренебрежительную мину и пробормотал:

– Мне не извинения ваши нужны, а знания.

Он еще раз бросил на нее раздраженно-безучастный взгляд и двинулся в направлении трибуны.

«Черт, как я умудрилась заснуть у Хрюна на паре?» – отрешенно и равнодушно подумала Лана.

Весь институт знал, что этот разваливающийся на глазах дед обладал памятью, которой позавидовал бы и карточный шулер. Каждый, кто представал перед ним в неприглядном свете, тут же заносился в его мысленный черный список. Но сейчас перспектива оказаться в числе «неуспевающих» совершенно не беспокоила Лану. С этим она как-нибудь разберется. Сейчас ее волновало кое-что другое. Там, у букиниста дома, она сказала, что не может вспомнить ничего необычного, но она соврала. Денис говорил что-то, что показалось ей странным. И оставалось всего лишь вспомнить, что именно.

«Всего лишь», – невесело хмыкнула Лана, подвинула к себе тетрадь и попыталась сосредоточиться на лекции. Но бормотание Хрюна никак не складывалось в голове девушки в осмысленную речь. Ее мысли постоянно возвращались к Денису.

19

Вместо санузла квартиры номер двадцать четыре дома номер шесть «а» по улице Остоженка стоял лес. Толстые, в два-три обхвата, стволы дубов создавали непроницаемую стену справа и слева от узенькой, едва заметной тропинки, уходящей вдаль. На деревьях Денис не заметил ни единого листочка. Земля была абсолютно пуста: ни травинки, ни сучка. Небо, практически неразличимое во тьме, походило на пепелище. Пение птиц, треск насекомых, скрип ветвей на ветру – ничего этого не было. Только абсолютная тишина. Денису пришла в голову жуткая картинка: чистый, словно вылизанный, зал морга и мертвецы, молча стоящие возле своих каталок, все еще накрытые простынями. Его передернуло. Он не хотел заходить в этот безжизненный лес. Боялся, что, переступив порог и покинув мир с привычным набором вещей, он будет обречен на бесконечные, заведомо неудачные попытки вернуться назад. Обречен на вечность в этом царстве мертвых растений, безучастного неба и тишины.

– Прошу, мой брезгливый друг, – пригласил Анку.

Денис оглянулся. В глазах Константина Андреевича он увидел холодную, выверенную, насмешку, но под ней было явно что-то еще. Что-то более человечное.

– Иди.

Анкудинов протянул длинную костлявую руку, слегка сжал плечо Дениса и подтолкнул его в сторону проема.

Денис сделал шаг, ожидая безболезненного разряда, но ничего не произошло. Он переместился из московской квартиры в мертвый лес так, словно это было привычным делом. Константин Андреевич шагнул следом.

– Погода просто замечательная! – воскликнул Анку с деланым воодушевлением.

Его голос раздавался так глухо и плоско, словно они все еще оставались в комнате. Денис поднял глаза на совершенно неподвижные ветви дубов. Не похоже было, что здесь можно употреблять слово «погода». Окружающее больше походило на декорации. Не возникало даже ощущения свежего воздуха – Денис не почувствовал ни единого запаха, вообще ничего. В голове вновь возникла мысль о морге.

Странно, но боль в голове прошла. Оставалось легкое головокружение, но Денис полагал, что путешествие между мирами вполне подходит в качестве причины для этого.

– Нам туда, – сообщил Анкудинов, указывая пальцем вдоль

тропинки.

Денис двинулся вперед, не дожидаясь очередного толчка Анку. Сегодня он выяснил, что когда к тебе прикасается Смерть, остается ощущение промозглости. И это открытие его совершенно не радовало.

– Люди, – прервал молчание Анкудинов, – очень боятся за свою шкуру. Так сильно боятся, что готовы обменять на нее любую ценность: дом, деньги, жизни детей. Конечно, существуют и те, кто отдает, не глядя, свою жизнь, но это скорее от недостатка ума. Любой герой полоумен по своей природе. Не правда ли, забавно, когда люди восхваляют глупцов и мечтают сами стать глупцами?

Денис ничего забавного ни в словах идущего за спиной существа, ни в окружающей обстановке не видел, поэтому промолчал. Разговор, видимо, выруливал к излишнему любопытству Дениса.

Анку продолжил:

– А потом, когда приходит их время идти на суд…

Денис вздрогнул.

– …они плачут, бьются в истерике и проклинают Боженьку за то, что он им отмерил так мало. Эти заблудшие овцы не знают одного – их проклятия не по адресу. Не Бог, не провидение, не судьба и даже не несчастная кукушка отмеряют ваше время.

– Это делаете вы? – спросил Денис, глядя вперед.

Складывалось ощущение, что они не сдвинулись ни на шаг: лес не поредел и не стал гуще, тропинка не расширилась и не сузилась, а раковая опухоль неба, казалось, замерла.

– Бинго! – Вновь безжизненный смех. – Смышленый парень. Мне, знаешь ли, делегировали полномочия по управлению вашим стадом. Или, точнее сказать, по его прореживанию. Вот я и выписываю билетики в один конец. В общем, по людской терминологии, я…

Два слова: одно из уст человека в черном костюме и одно – из уст Дениса, прозвучали одновременно. Денису в тот момент показалось, что прозвучало одно и то же слово.

– …Смерть, – закончил Анкудинов.

– …Анку, – пробормотал Денис.

Несколько секунд Константин Андреевич хранил молчание, мерно шагая по бесконечной тропинке среди бездушных деревьев и под безликим небом, затем произнес:

– Поражен твоей осведомленностью.

И вновь замолк.

«Он ничего не знает», – мысленно выдохнул Денис.

Его перспективы выглядели хуже некуда, но сейчас он хотел

порадоваться маленькой, хоть и эфемерной, победе. Он подумал, что в таких случаях стоит жить настоящей минутой. Мысли о предстоящем кошмаре лишь вгоняли в ступор.

– И, думаю, я отлично справляюсь со своими функциями. Как ты считаешь?

Денис вспомнил лицо в веснушках и лучезарную улыбку рыжеволосой девочки, смешливый голосок, произносящий: «Анна Викторовна – это я», и вновь с трудом сдержал злость.

– Я считаю, что херово.

Последовало секундное молчание. Денису показалось, что его выпад обескуражил Анкудинова. Это одновременно радовало и пугало.

– Надо признать, я крайне озадачен твоим сегодняшним поведением. Ты дерзок и груб. А моя озадаченность легко может перерасти в разочарование. И тогда наше общее с тобой дело скоропостижно и очень печально завершится. Поэтому стоит придерживаться старой человеческой мудрости – сначала думай, потом открывай рот.

Денису показалось, что вдали что-то изменилось, но в темноте точно определить, что именно, было невозможно.

– Наверное, ты вспомнил нашу маленькую рыжеволосую хохотушку?

Слова, которые должны были звучать мягко и задорно, вылетали острыми, словно лезвие бритвы.

– Да, – произнес Денис и тут же, сам того не ожидая, продолжил: – Если вы управляете жизнями, то почему нельзя сделать это по-другому? Воры, убийцы, насильники… Да на свете ходит так много всякого дерьма, недостойного жизни, а вы забираете ее у маленькой, ни в чем не повинной девчонки.

– Одна ни в чем не повинна, второй всего лишь украл, третий убил, но обязательно раскается. Никогда человечество не будет справедливым, потому что создано оно по образу и подобию того, кто никогда не знал слово «справедливость». Двойные стандарты, знаешь ли, придуманы не вами.

Тут Денис мысленно согласился. Он вспомнил своих родителей. Как постоянно он оставался виноватым. Как плакал в своей комнате от обиды. Как потом вымещал злобу на младшем брате и как за это его опять наказывали предки. Замкнутый круг.

Анку продолжал:

– Я же справедлив. Я не делаю никому поблажек, и у меня нет любимчиков. Для жнеца все колосья одинаково хороши, и он не выбирает – он просто выполняет свою работу.

– Тогда почему же я?.. – начал, было, Денис, но Анкудинов перебил его:

– Посмотри!

И он длинным пальцем указал вперед.

Денис поднял голову.

Мертвый лес внезапно кончился, уступая место столь же безжизненному озеру. Серо-черная водная гладь раскинулась вправо и влево, слабо мерцая в темноте. Поверхность воды медленно шевелилась, то вздымаясь, то вновь опадая, словно гладкая лысая кожа огромной омерзительной рептилии. Жирное хлюпанье становилось все громче и неприятнее по мере приближения.

– Цель нашей прогулки там.

Анку указал на противоположную сторону озера, где Денис увидел целый ковер огней, уходящих вдаль, до горизонта. Они напоминали фотографии утопающего в неоне ночного города с высоты птичьего полета, но в отличие от неподвижного снимка, свет впереди двигался. В голове парня возникла картинка: высокая трава, колыхающаяся на легком ветру, плавное движение зеленого ковра вперед и назад, вперед и назад.

– Что там? – спросил Денис.

– Наберись терпения, мой друг. Через несколько минут ты все узнаешь. А теперь иди.

Денис посмотрел на озеро. Крутой, метровой высоты, склон то наполовину пропадал под густыми волнами, то вновь появлялся, лоснясь на свету от далеких огней.

– Куда идти? Тут же нет моста. Я не Христос, я утону.

Константин Андреевич рассмеялся. Он отвернулся от Дениса и теперь глядел в направлении свечения.

– Согласен, ты ни капли не похож на Христа. Тот был менее благоразумен. Потому я и забрал его так рано. Он не очень хорошо понимал, что его идеи не приживутся, а станут лишь средством достижения совершенно иных целей.

Денис поглядел влево. Как он мог не заметить мост?

«Это все его проделки», – подумал он и исподтишка взглянул на Анкудинова, который все так же стоял, не обращая внимания на Дениса.

Бревно, столь же толстое, что и дубы в мертвом лесу, уходило вдаль от берега, к огням. Денис и представить себе не мог, откуда взялось дерево такой длины, но, в конце концов, удивляться чему-либо сейчас уже было неуместно. В мире Анку могло произойти все, что угодно.

– Залезай.

Денис даже не смог по-хорошему ухватиться за верх. На срезе не было ни единого выступа, на который можно было бы поставить ногу. Денис попытался подтянуться, но пальцы

соскользнули, и он вновь оказался на земле.

Анкудинов молча наблюдал за попытками Дениса, затем подошел и ухватил его за лямку рюкзака.

– Что?.. – начал было Денис, но тут же замолчал.

Он почувствовал, как ноги оторвались от земли. Секунда, вторая, и он уже стоял на дереве.

– Пожалуйста, – произнес Анкудинов, как будто Денис его поблагодарил, затем показал рукой следовать за ним.

«Зачем ему нужен мост, если он может вот так просто подняться в воздух?» – машинально спросил себя Денис.

Анку словно услышал вопрос:

– Не хотел превратить наш неспешный promenade в суетливую беготню. Куда приятней прогуливаться, знакомясь с окрестностями и развлекаясь непринужденной беседой.

Поначалу Денис опасался упасть в жуткие воды. Он видел и, главное, ощущал, как маслянистые волны бились о нижний край бревна, словно облизывая мост. Но пройдя несколько десятков шагов, он почувствовал себя более уверенно и сосредоточил внимание на медленно приближающемся свете.

Анкудинов молчал весь путь через озеро. Денис, стараясь не смотреть вниз, на воду, изучал ковер огня впереди. Поначалу свет казался сплошным, но чем ближе подступал противоположный берег озера, тем Денис явственней видел, что огненная поверхность состоит из тысяч, миллионов разрозненных огоньков. Маленькие язычки пламени легко колыхались, поддаваясь дуновению ветерка, которого он не ощущал.

Когда до конца бревна оставалось несколько десятков метров, он понял, что перед ним.

– Это свечи? – задал он вопрос Константину Андреевичу, хотя и сам знал, что зрение его не обманывает.

– Да, – на удивление мягко, без жесткости в голосе, ответил Анку и молча продолжил движение к огромному, бесконечному полю белых свечей.

Денис оглянулся и посмотрел на темное пятно леса позади. Он почувствовал, что чего-то не хватает, какого-то привычного элемента. Когда он посмотрел обратно, на свечи, понял. Если смотреть на свет, а потом отключить его, то некоторое время человек остается слеп, а в глазах мелькают яркие всполохи. Этого не происходило. И огоньки совершенно не резали глаза, словно кто-то просто-напросто слегка притушил свет.

Они дошли до края бревна. Анку, не сбавляя шаг, спустился по воздуху, словно по ступенькам.

«Вот как это выглядит», – подумал Денис в невольном восхищении.

Одно дело видеть подобное в фильме, а другое – наблюдать своими глазами. У Дениса даже возникла сумасшедшая идея повторить трюк, но в итоге он остановился у края, сел на бревно, свесив ноги, а затем, ухватившись ладонями за жесткую, каменную, кору, аккуратно спустился. Диаметр бревна нисколько не изменился, несмотря на примерно двухсотметровую длину.

«Надеюсь, что я выпил лишнего, и все это – просто белая горячка», – подумал Денис, прекрасно зная, что все происходит наяву.

Он поднял взгляд и замер. Перед ним раскинулась картина, жуткая до такой степени, что ослабевшие ноги еле держали, и в то же время прекрасная, словно кто-то собрал все красоты мира и принес сюда. Денису в голову пришло слово «концентрат». Концентрат прекрасного. Миллиарды свечей, каждая толщиной с Денисово запястье, стройными рядами уходили вдаль. Ни капельки воска, ни оплывших краев, даже фитиль, видимый за огоньком, был белым. В этом идеальном строю ничто не выбивалось из общей картины. Единственная разница заключалась в длине свечей. Некоторые возвышались на полуметровую высоту, а некоторые – не более, чем на несколько сантиметров. Прямо от бревна шла до горизонта широкая, метра два, дорожка.

Внезапно Денис увидел удивительную вещь. Недалеко от него свеча, от которой остался практически один лишь фитиль, потухла. Мгновение, и на ее месте уже стояла новая. Он догнал сбавившего шаг Анкудинова.

– Константин Андреевич! – окликнул его Денис.

Анку, не оборачиваясь, продолжил неспешно шагать по дорожке среди свечей.

– Спрашивай, – в конце концов произнес он.

Денис старался говорить уверенно, но то, что он услышал, ему самому показалось испуганным лепетом:

– Что… что это за место? Зачем мы здесь?

Но, несмотря на предложение задавать вопросы, *сам* вопрос Анкудинов проигнорировал.

– Подойди сюда, Денис.

Анку присел на одно колено у края дорожки. Несколько ближайших огоньков колыхнулись чуть сильнее, но не потухли. Курьер подошел и встал около Анкудинова.

Константин Андреевич поднял на него свои древние глаза.

– Присядь, отдохни. Нам еще предстоит обратный путь.

Денис послушно сел рядом, потом понял, что находится слишком близко от Анку, и неуклюже попытался отодвинуться. Это не осталось незамеченным для Анкудинова. Он усмехнулся.

– Не бойся! Твое время еще не настало. И, возможно, никогда не настанет.

Денис поглядел в глаза собеседнику, пытаясь обнаружить в них насмешку. Но нет, этот монстр в человеческом обличье с паршивым чувством юмора вовсе не шутил. На удивление, страх перед происходящим у Дениса если не пропал, то, по крайней мере, притупился.

Анкудинов потянулся к свечам. Денису на миг показалось, что вместо пальцев он видит белые кости. Но наваждение моментально пропало.

– Познакомься, Денис, – начал Анкудинов, аккуратно подняв одну короткую свечу, похожую на маленький пенек. – Это Джеральд Стивенсон, в прошлом успешный американский адвокат. В настоящий момент – успешный адвокат на пенсии. Сейчас он сидит в своем милом домике на берегу океана. Ежемесячное обследование он прошел, показав неплохой результат. Акции приносят стабильный доход. Он отдыхает на шезлонге, не вспоминая тех малолеток, которых он время от времени растлевает. Он считает, что принесенная им польза в полном объеме компенсирует «небольшой» вред, причиняемый им. Каждое утро он купается в огромном бассейне, не думая о смерти.

Он прищелкнул пальцами, издав еле слышный звук, который, тем не менее, проник прямо под кожу Денису, заставил его непроизвольно задрожать.

– Но зато я о нем думаю.

Константин Андреевич резко дунул на свечу. Огонь моментально погас, в руке остался аккуратный огарок с чисто-белым фитилем. Анку перевернул ладонь. Свеча полетела вниз, но, не долетев нескольких сантиметров до земли, растаяла в воздухе.

– Обширный инсульт. Voilà!

А на месте, откуда Анку взял жизнь Стивенсона, появилась новая, полноценная свеча.

– Это справедливо, Денис? В твоем понимании?

Денис открыл было рот, но Анкудинов не дал ему ответить, схватив другую свечу, столь же короткую, что и первая.

– А вот еще один экземплярчик. Прошу любить и жаловать! Альтан, трехлетний малыш в милой турецкой семье. Он очень послушный мальчик. В свои три года он всегда стремится помогать своим родителям и никогда не дает повода для разочарования. Но вот беда, папа отвлекся на секунду, и…

Свеча потухла.

– Теперь ситуация не кажется правильной?

Денис ошалело смотрел на то, как Анку играет жизнями. Краем глаза он заметил, что пустое место вновь было занято. А Анкудинов пристально глядел на него. В глазах мелькала насмешка, не предвещавшая ничего хорошего.

Денис подумал, что его ситуация уже не может быть хуже, но внезапно случилось то, что заставило его передумать.

Анку произнес, все так же насмешливо сверля Дениса взглядом:

– Смерть справедлива, мой друг. Она – самый беспристрастный и неподкупный судья. На, попробуй сам.

И Анку протянул Денису еще один идеально ровный и очень короткий огарок.

20

После разговора с другом-букинистом и девчонкой Виктор Погодин поехал домой. Сказал, что нужно покормить кошку. Лана, на вид расстроенная и уставшая, к тому времени уже ушла.

Букинист кивнул. Он не стал отговаривать. Виктор прекрасно знал эту черту своего старого друга – Леша никогда не навязывал своего мнения и не переубеждал. Он сразу исходил из того, что каждый человек имеет право на точку зрения. И точно так же Алексей Петрович оберегал свой взгляд на мир, не позволяя чужим суждениям влиять на его собственные внутренние выводы. Иногда это походило на принципиальность, зачастую – на упрямство. И тем страннее Виктору казалась та легкость, с которой Леша принял их историю о письмах.

– Хорошо, Вить. Если Лана что-то узнает, я обязательно тебе перезвоню. Дай мне номер своего мобильного.

Виктор усмехнулся.

– Единственный телефон, который у меня был за последние лет двадцать, стоит у меня дома.

– Тогда скажи мне его, старорежимный ты чудак. Боюсь, за то время, что ты игнорировал мое существование, я успел его подзабыть.

Виктор, чувствуя себя неловко после слов Алексея Петровича, торопливо продиктовал номер своего домашнего телефона. Обувшись, он обернулся к другу и только сейчас заметил, что тот еле сдерживает слезы.

– Ты что, Леш? Такой рухляди, как мы, уже нет повода расстраиваться.

У Виктора мелькнула неуместная мысль, что под побелевшим зрачком слепого глаза слезы будут смотреться странно. А точнее,

жутко. Как Анку на картинке из «Верований народов Европы».

Букинист все же сдержался. Он прошептал дрожащим голосом:

– Я просто рад, что еще раз тебя увидел. Очень рад.

Погодин почувствовал, как ком подступил к горлу. Он ответил, нарочито грубо:

– Перестань, Леш. – И повторил, еще более грубо, почти зло: – Перестань! Мы еще с тобой не получали писем от этого белобрысого говнюка.

Он вышел за дверь. Спустившись на этаж, остановился. Он должен был сказать что-то другое. Не отмахиваться от друга, поддержать его. Хотя бы на минуту стать человеком, а не сварливым бесчувственным чурбаном. Но что сказано, то сказано, – тут ничего не поделаешь. А с осадком внутри можно мириться. Виктор привык к неприятным ощущениям.

Войдя в полупустой вагон метро, Виктор хмуро отмахнулся от молодого парня, который хотел уступить ему место, и взялся за поручень. Кашель донимал его с удвоенной силой, но он сдерживался, понимая, что если начнет, то будет трудно остановиться. И пассажиров метро явно не порадует старый умирающий мешок с костями, разбрызгивающий вокруг себя кровь. Последние месяцы приходилось контролировать себя во время вылазок в общественные места. Благо, эти вылазки становились все реже и реже.

Когда желание кашлять стало невыносимым, Виктор покинул вагон на ближайшей станции и отошел как можно дальше от пассажиров, ожидающих поезда. Приступ кашля оказался настолько сильным, что у Виктора промелькнула мысль: «Видимо, это все». В глазах мелькали черно-красные всполохи, голова шла кругом. Погодин ощущал себя матросом на палубе во время шторма: вокруг все крутилось и вертелось в бешеной пляске. Легкие горели, словно в них напихали стекловаты. Этот жар пробежал по шее, лицу и захватил затылок.

Прошло несколько невыносимых секунд, не более минуты, и огонь стал затухать. Кашель поутих, а еще минуту спустя прекратился вовсе, словно его и не было. И только горящее лицо, саднящие внутренности да кровь на платке намекали, что благословенное бесчувствие – всего лишь отсрочка неизбежного.

С трудом перемещая ослабевшие ноги, Виктор подошел к краю платформы.

«Интересно, а что, если сейчас броситься под поезд, до того, как этот Анку отдаст мне письмецо? Испорчу я ему статистику?»

Подъехал поезд, и Виктор, отвлеченно играясь этой мыслью,

зашел в вагон.

Мурка встретила его тихим, как будто подскуливающим, мяуканьем. Старая кошка принялась тереться о ноги хозяина.

– Ну что, Мурка, ждешь? – спросил Виктор.

Кошка, словно соглашаясь, издала звук, похожий в одно и то же время и на мурлыканье и на скрип несмазанных петель.

В квартире стоял запах, который раньше Виктор почти никогда не замечал. Смесь мочи, витаминов и чего-то приторно сладкого. Запах старости и одиночества. Быть может, он долго отсутствовал сегодня и уже забыл, как пахнет его «однушка». А может, сегодняшний день, стоящий того, чтобы его прожить, обострил ощущение безысходности и пустоты. Всего каких-то пару часов назад он сидел с людьми, с которыми его что-то объединяло, даже если это что-то – смерть. Он говорил и не был единственным слушателем своих же слов. Он слушал голоса, и это был не только его собственный голос.

Внезапно Виктору стало страшно. Ему не стоило приходить сюда. Здесь он никому не нужный, напрасно занимающий место мешок с костями. Незаметное пятно, которое можно стереть, а можно и оставить – никакой разницы. Этот безотчетный страх оказался чем-то новым. Когда один день не отличался от другого, чувства притуплялись, и медленное умирание проходило практически незаметно. Просто каждый день он становился чуть ближе к смерти. На один маленький и совершенно незаметный шажок. Никакого трагизма и откровений.

В гостиной до сих пор висела привязанная к люстре веревка, которую он так и не удосужился снять. Петля словно говорила ему: «Если что, я здесь. Можешь прийти ко мне в любой момент, и мы решим твою маленькую проблемку. Не бывает нерешаемых вопросов».

– Да иди ты в задницу, – испуганно произнес Виктор, не понимая, к кому обращается: то ли к веревке, то ли к смерти.

Он достал из холодильника маленький брикет творога, хотел разделить его на две части, но потом просто вывалил весь творог из пакета Мурке в миску.

– Приятного аппетита, – проговорил он.

Странно, но с момента приступа в метро кашель его не донимал. Маленькая конфетка в куче фекалий, как говорила его Катюша. Излишне вежливо, но очень метко. Виктор вспомнил, что тогда, на кладбище в день похорон, сидя на траве под жарким июльским полуденным солнцепеком и глядя на своих мертвых жену и сына, он крутил в голове, словно граммофон заезженную пластинку, одну и ту же мысль: «В этом дерьме нет конфет». Он

не хотел об этом думать, но мозг, контуженный шоком, не слушался. Потому что в этом дерьме действительно не было ничего сладкого. Ни единой конфеты.

Виктор резко остановился и уставился в пустоту. Кладбище! Как же он мог забыть! Вот же старый маразматик! Белобрысый ублюдок, который показался ему знакомым во сне, был там в тот день. Виктор, тогда еще на одиннадцать лет моложе, только-только осознавший, что в его куче сладостей все конфеты закончились, сидел на траве. Вокруг бегали люди, раздавались возгласы и плач, а он сидел и думал о дерьме. Метрах в двадцати от того места, где сидел Погодин, расположился высокий, худощавый человек с длинными белокурыми волосами, одетый в черный костюм. Он единственный не суетился: просто стоял и наблюдал за драмой, разыгравшейся перед ним. Виктор не мог разглядеть лица незнакомца с такого расстояния, но цвет волос этого человека и его чужеродность бросались в глаза. Погодин отвернулся, посмотрел на то место, где возле гроба его жены лежало тело его сына, а через минуту человека с белыми волосами уже не было.

Долгие годы этот эпизод не всплывал в памяти. Теперь же картинка в голове казалась отчетливой, словно все произошло пять минут назад. Возможно, воспоминания были ложными, просто фантазией, навеянной рассказом букиниста, но Виктор так не думал. Нет. Одиннадцать лет назад он совершенно точно видел человека, убившего его сына.

«Бретонцы верят, что перед смертью к ним приходит Анку, дабы предупредить их о скорой кончине», – вспомнил Виктор слова Алексея Петровича. И тут же в памяти всплыли и его собственные: «Мы еще с тобой не получали писем от этого белобрысого говнюка».

– Вот так штука, – проговорил Виктор. Никто и не собирался передавать ему письмо. «Белобрысый говнюк» его уже уведомил. Причем уведомил одиннадцать лет назад. Без письма и прочих ритуалов, но уведомил.

Это открытие не вызвало в нем никаких особых чувств. Он и до этого момента понимал, что все это время, с момента смерти своих родных, он просто-напросто медленно умирал. День за днем, год за годом. Он вспомнил еще кое-что из сказанного Алексеем Петровичем и горько рассмеялся.

– Смотри-ка. Оказывается, я на хорошем счету у Бога. Он дал мне одиннадцать лет на улаживание своих дел, – прохрипел он, обращаясь к петле, свисавшей с потолка.

«И судя по всему, я все уладил», – уже мысленно добавил он.

Страх ушел. Петля уже не пугала его. Ему казалось, что он не

умрет, а, наоборот, только начнет жить. Но не в этой опостылевшей «однушке», а где-то еще. Неизвестно, будет ли там лучше, но точно будет по-другому. Место страха заняло спокойствие, скорее похожее на умиротворение, чем на апатию, преследовавшую его одиннадцать лет. Спокойствие. Он не хотел сейчас никого ненавидеть, ни на кого злиться. Непривычное, но приятное чувство. Такое, словно бы он вдруг переместился в годы своей молодости, когда рядом была его Катя, а впереди – спокойная и счастливая жизнь.

Он уселся в старое промятое кресло, купленное лет сорок назад, – в тот год, когда они получили эту квартиру. Катя несколько раз заводила разговор о том, что нужно поменять старую мебель, но как бы невзначай, не всерьез. Она тяжело расставалась со старыми вещами. Как и Виктор, который за прошедшие в одиночестве одиннадцать лет ничего не поменял в своей квартире. Очень часто он, сидя в тишине, в этом самом кресле, вспоминал приятные моменты своей жизни и понимал, как много он потерял со смертью Катюши. Сейчас же воспоминания не омрачались чувством потери. Он сидел умиротворенный, спокойный. В памяти всплывали разные эпизоды его жизни с Катей, словно цветные и черно-белые фотографии, разбросанные по полу. Вот они с Катей в Анапе в своей первой поездке на юг; вот осенний парк, по которому они частенько прогуливались: тишину нарушает лишь тихий хруст сухих листьев под ногами; вот лицо Кати, выглядывающее из окна третьего этажа роддома; вот зимние вечера дома всей семьей. Вот счастье, которое у него было.

– Катюша!

Виктор остановился, прислушиваясь к отзвуку своего собственного голоса. Затем закрыл глаза и продолжил тихо и медленно. Он хотел сейчас говорить вслух. Почувствовать вкус слов на языке.

– Я уже совсем близко. По крайней мере, я на это надеюсь. После того, как ты покинула меня, я не очень-то лестно отзывался о Нем. Да и с праведностью у меня плохо получалось. Теперь я понимаю, что винить тут некого. Ни Бога, ни черта. Это лотерея. Если тебе выпал счастливый билетик, радуйся ему, потому что следующий может стать несчастливым.

Он почувствовал слезы на глазах, как днем, на кладбище. Но теперь слезы приносили облегчение.

– Вы со Славкой оказались моим счастливым билетом. Но, потеряв вас, я забыл о том, что нужно ценить то, что у тебя было, а не убиваться о том, что ты потерял. Вместо того, чтобы вспоминать каждую минуту, проведенную с тобой и благодарить

судьбу за это, я погряз в мыслях о мести. Какой же я дурак! Старый сварливый дурак.

Раздался резкий телефонный звонок, вернув Виктора в реальность. Он медленно, тяжело поднялся, и в этот момент кашель вернулся. Внутренности невыносимо жгло. Ему хотелось кричать, но кашель не позволял это сделать. Ноги подогнулись, и Виктор упал. На грязном, протертом линолеуме он заметил пятна крови, рядом с прижатой к полу щекой. Красные разводы не сильно выделялись на коричневом цвете. Никакого трагизма. Всего лишь кровь. Слишком густая, слишком темная.

Виктор перевернулся на спину и вытянулся. В свой смертный час он остался один. Даже телефон, молчавший столько лет и сейчас внезапно подавший признаки жизни, перестал звонить. Виктор не удивлялся, ведь такому сварливому и мерзкому старикану, как он, умирать полагалось в стылом одиночестве. И, как ни странно, его это устраивало. Боль в груди куда-то ушла вместе с кашлем. Сердце, легкие – сейчас казалось, что этих органов просто нет. И – о, счастье! Желание курить тоже исчезло, наконец освободив Виктора из своей провонявшей табаком клетки.

Веревка, висевшая на крюке рядом с люстрой, возвышалась над ним, смеша своей беспомощностью.

Он почувствовал движение возле плеча. Собрав оставшиеся силы, повернул голову вбок. Мурка подошла и начала тереться носом о щеку хозяина. Затем просто легла рядом так, что усы щекотали его шею. Виктор не был против – теперь ему не нужно было смотреть на петлю над головой.

Глядя на Мурку, он стал ждать, когда все закончится. Ждать пришлось недолго.

21

Рука Дениса, взявшая свечу, не дрожала. Он наблюдал за этим словно со стороны, как будто смотрел очередной фильм ужасов из своей коллекции. Вот его пальцы дотронулись до идеально белого огарка, затем аккуратно, почти нежно, обвились вокруг него. Ощущение нереальности только усилилось, когда он понял, что не испытывает страха. Любопытство, изумление, но не страх.

Рука, не подвластная Денису, поднесла огонек к его лицу. Он почувствовал тепло на щеках, но это не придало происходящему правдоподобности.

– Кто тут у нас? – раздался в стороне голос.

Денис не взглянул на Анку, все его внимание поглотило то, что прятал за собой огарок свечи.

Он закрыл глаза.

– Это Петрова Анастасия Валерьевна. – Он не сразу понял, что это произносит он сам. – Тысяча девятьсот тридцать пятого года рождения. Маленькой девочкой пережила блокаду Ленинграда. Родила пятерых детей: три девочки и два мальчика. Все умерли, не дожив и до десяти лет. Похоронила двух мужей.

Это было невозможно, но каким-то образом Денис знал все об этой несчастной женщине: каждый нераскрытый секрет, каждую несбывшуюся мечту, каждую мысль. Он мог сейчас открыть любую страницу жизни Анастасии Валерьевны и сказать, что произошло в тот или иной день ее существования. Он будто бы сидел дома перед телевизором, жуя попкорн и потягивая пивко, и щелкал пультом, выхватывая тот или иной фрагмент фильма. Перемотка – и он видит маленькую испуганную девчушку, лежащую рядом с матерью в канаве, там, где ее застала бомбежка. Денис может услышать ее панические мысли: «Прекратите! Перестаньте!» Еще перемотка – и теперь перед Денисом небольшая квартирка, где за столом сидят немногочисленные гости, пьют и закусывают, время от времени весело поднимая бокалы за молодоженов. Это свадьба Анастасии Валерьевны. Она счастлива. Перемотка – и вновь та же квартирка, и вновь сидят люди и пьют, но теперь уже совсем не радостно. Это поминки. Анастасия Валерьевна, сорокалетняя женщина, привыкшая к похоронам, с пустыми, обреченными глазами сидит за столом.

– Захватывает дух?

Не просто захватывало. Дениса переполняло ощущение всемогущества. Он понял, что в его руках не просто жизнь, в его руках любая жизнь. Это осознание переполняло его, смывая страх и сомнения, грозило взорвать его голову.

– Эйфория пройдет. В конце концов, в мире миллиарды таких – несчастных, счастливых, виноватых, невиновных. И эта старушка – лишь одна из многих. Дуй. Выполняй свою работу.

Теперь все стало на свои места. Анкудинов дал ему работу. Свою.

«Моя работа». Слова вызвали в душе Дениса смесь обреченности и гордости. Он дунул.

Свеча погасла настолько буднично, что он удивился. Прислушался к своим ощущениям. «Я только что убил человека, – подумал он, но эти слова показались пустой формальностью. И тут же возникла новая мысль, – Я выполнил *свою* работу».

Его мозг, еще до того, как погасшая свеча исчезла, стер

мысли о Петровой Анастасии Валерьевне. Словно бы и не было на свете этого человека со своими страхами, желаниями и воспоминаниями. Осталось лишь имя, пустой набор букв. Одна из многих, как только что заявил Анку.

– Жизнь для нее была мучением. Короткие проблески счастья и годы горя. – Анку усмехнулся. – Так что считай, что ты оказал услугу этой неудачливой старушке.

Денис резко, судорожно вздохнул. Он вновь ощущал себя хозяином в своем теле, но уже не помнил, в чем заключалось горе «неудачливой старушки», и не собирался спрашивать. Вместо этого он задал другой вопрос:

– Здесь… все?

Он хотел перефразировать, но Анку понял.

– Здесь все ныне живущие. И здесь же были свечи всех, кого больше нет. Кроме одной свечи.

Последние слова Анкудинов произнес тихо и зло. Денис хотел спросить, о ком он говорит, но решил воздержаться, когда увидел мрачный взгляд Константина Андреевича. Он не хотел сейчас вновь вызывать ярость Анку, не хотел видеть эти жуткие метаморфозы на лице Смерти. С него было достаточно на сегодня.

– Думаю, нам пора, Денис. Я понимаю, что можно вечно смотреть на то, как горит огонь. – Анку сделал круг рукой, как бы пытаясь объять поле свечей. – Но у тебя еще дела. Кроме того, вечность у тебя будет.

Он ухмыльнулся и добавил:

– Прошу меня простить. Не удержался от театральной ремарки.

Но сквозь злой юмор Денис ощутил ту самую слабинку, слишком человеческую для Смерти, слишком знакомую.

«Кроме одной свечи», – мысленно повторил он слова Анкудинова.

Они шли через лес обратно в квартиру двадцать четыре. Анку не проронил ни звука, видимо, давая Денису возможность переварить все увиденное и услышанное. Константин Андреевич двигался впереди Дениса широкими шагами, не оглядываясь. Белые волосы ярким пятном выделялись на фоне темного леса. Глядя на эти волосы, Денис, наконец, понял, *что* именно он услышал в словах Смерти. Понимание пришло резким и до боли знакомым словом «обида». Денис встал как вкопанный. Вокруг в темноте молча возвышались стволы деревьев-мертвецов. Небо, словно крышка гроба, прикрывало их. Слышны были лишь тяжелые шаги Анку, но и этот звук пропал через пару секунд. Константин Андреевич обернулся.

– Какие-то проблемы? Или возникло желание обсудить ситуацию?

Денис покачал головой, возможно, чуть поспешно.

– Нет, все в порядке. Насколько это возможно.

Анкудинов подошел ближе и пристально посмотрел на Дениса.

«Пытаешься читать мои мысли? Но, кажется, ты не такой всемогущий, каким хочешь показаться. Не такой крутой».

Денис еле сдержал ухмылку, неожиданно готовую родиться у него на губах.

Константин Андреевич несколько секунд стоял, не шевелясь, потом кивнул и произнес:

– Поначалу тебе будет казаться, что твоя работа противоречит твоим человеческим мыслям и принципам. Но это все временно. Ко всему-то подлец-человек привыкает.

Денис молчал, ожидая продолжения.

Анку рассмеялся.

– Это не я сказал. Это Достоевский.

И продолжил:

– Постепенно всякие условности, которым учит Библия и прочий хлам, забудутся. Ты увидишь, как человечество будет менять одни принципы на другие и всегда считать свои более правильными и нужными. Но, – Анку поднял длинный указательный палец, – любая мораль конечна, а ты – нет. Ты *над* моралью. Ты бессмертен. И ты, Денис, уже на пути к бессмертию. Безумцы уже могут почувствовать, что ты не такой, как все.

Денис вздрогнул, вспомнив Балаклаву и паренька в метро. Анку, казалось, поймал это движение взглядом, и его тонкие губы разошлись в улыбке.

– И, меняя абсолютно все принципы и правила игры, люди не смогут поменять лишь одно правило – что в конце ты все равно придешь за каждым из них.

Переход обратно в квартиру показался Денису столь же незаметным по ощущениям, что и выход в лес из туалета. Просто смена декораций – от одной к другой.

Анкудинов, войдя в комнату, в которой неделю назад Денис вступил с ним в вынужденную сделку, указал ладонью на кресло.

– Полагаю, на сегодня достаточно разговоров.

Он дождался, пока Денис сел. Затем опустился в кресло сам и вновь провернул фокус с появляющимся ниоткуда портфелем. Выудив на свет несколько белых конвертов, Анку бросил их на стол. На первый взгляд небрежно, но конверты разложились аккуратным веером так, что можно было прочитать фамилии

получателей на каждом из них.

«Опять фокусы», – решил про себя Денис.

На верхнем конверте краснел логотип «AMS». Почта Анку.

Анкудинов словно прочитал мысли собеседника:

– «ANKOU MAILSERVICE». Мой маленький бренд. Кажется, так сейчас это называется. Товарный знак. Не зарегистрированный, но тем не менее известный в довольно широких кругах покинувших этот бренный мир. Естественно, мои услуги не нуждаются во всяческих маркетинговых ходах, но все же иногда хочется…

Денис не хотел слушать этот бред. Он мечтал исчезнуть из этой квартиры как можно быстрее.

– Послушайте, Константин Андреевич…

Анкудинов тут же обрубил незаданный вопрос:

– Да, опять я заговорился. Прошу меня извинить.

Он холодно посмотрел на Дениса, словно запоминая оплошность, которую допустил нетерпеливый собеседник. С этого момента он стал вести себя так, будто хотел скорее избавиться от гостя.

– Итак, задача та же – разносишь корреспонденцию точно ко времени, указанному на конвертах, – резко и отчетливо проговорил он. – Чем меньше недочетов в твоей работе, тем более гладко будут строиться наши партнерские отношения. Встреча через неделю здесь. А теперь забирай письма и будь благоразумен.

Денис собрал конверты со стола и поспешно двинулся по направлению к выходу. По пути он бросил взгляд на картину, которую уже видел на первой встрече. Ева с нежной улыбкой на губах протягивала яблоко Адаму. Взгляды первых на свете людей отличались условностью, присущей картинам на библейскую тему: Адам и Ева смотрели друг на друга и в то же время как будто в сторону. Грязно-синий змей следил за тем, как разрешится ситуация с плодом, навечно застыв с раскрытой пастью.

Денис отвел глаза от картины и прошел в коридор.

– И еще кое-что, – произнес за спиной Анку.

Уже протягивая руку к входной двери, Денис замер. Обернулся.

Фигура Анкудинова в узком коридоре казалась выше. Древние глаза смотрели на него испытывающее, словно Анку ждал, что нервы Дениса сдадут и тот забьется в истерике. Но Денис был спокоен, повторяя в голове слово «обида», словно оно могло как-то ему помочь. Он лишь, не выдержав взгляда Смерти, опустил глаза.

Константин Андреевич будто бы только этого и дожидался.

– Тебе следует помнить…

Денис, не поднимая глаз, изучал черные туфли на ногах Анкудинова. Краем сознания он отметил, что долгое путешествие по мертвому лесу нисколько не уменьшило блеск на носах. Словно бы в том стерильном мирке совсем не было пыли и грязи.

– …что, хотя я человек довольно уравновешенный…

Денис обратил внимание на насквозь лживое утверждение (по его мнению, Анку не отличался ни уравновешенностью, ни человечностью), но предпочел промолчать, и, в свете того, что затем произнес Анку, решение оказалось верным.

– …иногда я перестаю себя сдерживать. Особенно, когда молодые люди вроде тебя перестают проявлять учтивость к старшим. А уж я намного тебя старше, можешь поверить.

Денис поднял голову.

Анку широко улыбнулся, но при этом Денис все же заметил, что уголки губ зло подергиваются.

– Я не очень люблю демонстрировать силу…

Вновь ложь.

– …но если это требуется для исполнения договоренностей, я колебаться не буду. И, напомню еще раз, твою даму сердца тоже не минет чаша моего справедливого гнева.

Денис почувствовал, что в пафосной речи Анкудинова вновь появились издевательские нотки, сменившие злость. Константин Андреевич явно пришел в себя, показывая Денису, кто хозяин положения.

– Благородство, как и всякая мораль, для меня пустой звук. Так что не обессудь.

Через пять минут, двигаясь ко входу на станцию метро «Кропоткинская», где он должен был встретиться с Ланой, Денис на ходу снял с плеча рюкзак, посмотрел секунду на письма в левой руке и засунул всю стопку в кармашек. Затем достал ручку и маленький потрепанный блокнотик на пружинке и сделал в нем короткую запись, не опуская глаз на бумагу и не сбавляя хода.

22

Лана перестала считать выкуренные сигареты к трем часам ночи. Она злилась, она беспокоилась, она паниковала. Она набирала номер Дениса бесчисленное количество раз, но в ответ слышала только «Номер абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Раз за разом не находила себе места: то

пыталась остановиться и расслабиться, то начинала ходить по пятачку перед входом на «Кропоткинскую», нервно затягиваясь сигаретным дымом.

Ночь уже намекала на то, что осень вступала в свои права. Воздух наполнился прохладой, пока еще не промозглой, но уже неприятной. Ветер, гоняющий бумажки по полукруглой площадке перед станцией, заставлял ежиться. Воскресный дождь, под который она с Виктором попала при их знакомстве, смыл летнее тепло и освободил дорогу для набирающего силы холода.

Небольшой торговый ряд, возле которого она с Денисом сидела и болтала неделю назад (хотя ей казалось, что с тех пор прошел месяц-другой), смотрел на нее темными окнами. Единственное светлое пятно – круглосуточный магазинчик, где Денис покупал сигареты. Этот свет разбавлял немного жутковатую обстановку практически безлюдной площадки возле метро. По крайней мере, он казался сейчас Лане неким островком цивилизации, хоть эта самая «цивилизация» и состояла из продавцов да подвыпивших и желающих выпить еще ночных гуляк.

С другой же стороны площади все выглядело совершенно по-другому: там, за огромным перекрестком, возвышался храм Христа Спасителя, ярко освещенный со всех сторон. Лане даже казалось, что сияние десятков фонарей на той стороне дороги делали еще более темной эту сторону.

Глядя на храм, Лана вспомнила разговор недельной давности. Той ночью не было этой мрачности. Может быть, потому, что тогда она только познакомилась с Денисом и все выглядело довольно забавно. А может быть, потому, что она еще не знала, кто такой Анку. А, скорее всего, и то, и другое. Они болтали, а, точнее сказать, перебрасывались словами, пустыми, ничего не значащими, но в то же время непринужденными и уютными.

«Бассейн смотрелся бы лучше», – сказал тогда Денис про храм. Причем довольно резко, словно его это задевало за живое. Так же резко, как и в ту жуткую ночь, с субботы на воскресенье. Тогда, за несколько минут до того, как они (нет, она!) решили поиграть с Анку, еще не зная, чем это закончится, Денис говорил не про храм. Она спросила его о его родителях. Лана помнила, что отметила его ответ, но тогда решила не торопить события.

– Родители как родители, – повторила она его слова.

– Чти отца своего и мать свою, – еле слышно пробормотал щуплый мужичок, сидевший на расстеленной газете у колонны около лестницы в подземку. Он был одет в рваные штаны от воинской формы и красную клетчатую рубашку с оборванными

рукавами. В темноте, слегка разбавленной неоновыми огоньками, босые ноги сливались с грязной газетой, и казалось, что бродяга будто бы рос из бумажных листов. Шею человека прикрывал толстый шерстяной шарф.

Лана окинула его взглядом и отошла, с трудом сдержав сильное желание сказать что-нибудь резкое. Ее мысли вновь вернулись к словам, сказанным Денисом. Родители как родители. Вот оно! То, что мелькало на задворках памяти весь день. Денис хранил какой-то секрет, из-за которого он увильнул от ответа на вопрос и отвел глаза. Но, с другой стороны, это могла быть вполне банальная невеселая история жизни, одна из миллионов.

«Но ведь Анку из-за чего-то выбрал именно его», – подумала она и тут же мысленно ответила себе, что причина могла быть совершенно в другом.

– Что же делать? – в отчаянии, вконец запутавшись, проговорил она.

Заметив, что говорит вслух, осмотрелась. Рядом никого не оказалось, лишь бродяга и еще метрах в двадцати – двое пьяных мужчин, расположившихся возле фонарного столба. Эта парочка, распивающая что-то из пластиковых стаканчиков, походила на героев пошлой комедии, построенной на противопоставлениях: один – высокий, толстый и лысый, с обвисшим, как у бульдога, лицом, второй же мелкий и худой, с кучерявыми волосами и крысиной, словно натянутой на череп, мордочкой. Разглядывая пьяниц, Лана слегка улыбнулась.

Ей пришла в голову мысль, которая немного улучшила ей настроение. Как бы ни была плоха ее догадка, что секрет интереса Анку к Денису в его родителях, все же это уже было хоть что-то. Хоть какое-то направление.

Вспомнив, что уже минут десять не звонила Денису, она схватила телефон и нажала на «вызов». Три секунды молчания, и гудок пошел.

«Слава богу», – подумала она.

Внезапно у нее за спиной раздалась мелодия. Обернувшись, она увидела улыбающееся лицо Дениса. Мобильный телефон в его руке жужжал и светился. Лана не смогла удержаться и, несмотря на плохое настроение и крутящиеся в голове мрачные мысли, улыбнулась в ответ. Она так и стояла со звонящим телефоном у уха, забыв про него.

Она окинула Дениса взглядом: неопрятная синяя футболка, мятые джинсы, потрепанные кеды – одним словом, неряха. Но вот за эту самую улыбку, добрую и открытую, она готова была простить тысячу маленьких недостатков. Она влюбилась в эту улыбку с первой их встречи на Остоженке. И теперь очень боялась

ее потерять.

Она пригляделась, и уголки ее губ медленно опустились. Дело было даже не в том, что Денис выглядел больным: бледным и осунувшимся. Дело было в его глазах. Тот же цвет зрачков, те же морщинки, но глаза стали отстраненными, как будто их хозяин не участвовал во встрече, а отрешенно наблюдал из-за стекла, не особо вникая в смысл увиденного. И еще складывалось впечатление, что в глазах появилось какое-то знание, важное, но не приносящее радости. Улыбка не касалась этих новых глаз.

Денис, не говоря ни слова, сделал шаг навстречу и внезапно приложил указательный палец к губам Ланы. Одновременно он помотал головой, словно говоря: «Ни слова!» Она хотела ответить на этот жест (хотя и не очень представляла, что именно), но Денис вновь, более настойчиво, мотнул головой. Лана не переносила, когда ее затыкали, и заводилась в подобных случаях с пол-оборота, но она сдержала вспыхнувшие против воли эмоции и кивнула: «Хорошо, играем по твоим правилам».

Денис еще секунду поглядел на нее (Лане показалось, что его взгляд стал чуть более знакомым, родным), а затем обнял. Нежно и в то же время как-то более уверенно, крепко. Так они постояли несколько секунд, а затем его руки стали медленно спускаться ей на поясницу и еще ниже – к ягодицам.

Лана хотела было, несмотря на молчаливую просьбу, сказать ему, что он выбрал совершенно неподходящее время для приставаний, но сдержалась – она почувствовала, как рука Дениса проникла в задний карман ее джинсов и что-то положила туда.

– Я по тебе очень скучал, незнакомка, – прошептал он ей на ухо и, чуть отстранившись, поцеловал ее в губы. Сначала коротко, почти неощутимо, а затем страстно, так, как об этом мечтала Лана. Она закрыла глаза, на несколько секунд выбросив из головы дурные мысли.

К реальности ее вернул истошный крик «Покайтесь!», который тут же перешел в быстрое, без пауз, бормотание: «Покайтесьпокайтесьпокайтесьпокайтесьпокайтесь».

Лана обернулась, краем глаза заметив, что Денис сделал то же самое.

Бродяга, который несколько минут назад сидел возле входа в подземку, теперь крутился около собутыльников. На полусогнутых ногах, которые, казалось, вот-вот должны подогнуться, он стоял в паре метров от них и бормотал о покаянии. Газета, его подстилка, была зажата в кулаке левой руки.

Собутыльникам явно не понравилось, что сумасшедший бродяга прервал их мероприятие.

– Пошел на хер, убогий! – громко проревел толстый, колыхая огромным, словно надутым, пузом. Его худосочный товарищ, напомнивший Лане шакала Табаки, поддакнул тонким, срывающимся, как у подростка, голосочком:

– Ага, иди в жопу отсюда. Не видишь, люди отдыхают?

И осклабился, отчего сходство с шакалом стало еще больше.

Сумасшедший принялся бегать вокруг этой парочки, сотрясая свободным кулачком. Шарф развевался от движения. Он сильно кренился из стороны в сторону, но все же удивительным образом удерживал равновесие.

– Лишь через покаяние придет исцеление. Веруйте в Христа, веруйте в Его милосердие, и да простятся вам грехи ваши.

Он продолжал кружить вокруг пьяниц и бормотал: «покайтесьпокайтесьпокайтесь» до тех пор, пока у пузатого не кончилось терпение.

– Задрал уже, мудак слабоумный!

И толстяк взмахнул кулаком, словно собирался всерьез ударить бродягу. Сумасшедший завыл, как побитая собачонка, и рванул в направлении Дениса и Ланы, продолжая мотаться, словно чертик, только что выскочивший из табакерки. Ссутуленный, с головой, по нос спрятанной за шарфом, он походил на маленького карлика, прислужника какой-нибудь злой ведьмы из сказки. Газету он все так же сжимал в руке.

Лана взяла Дениса ладонью за локоть и слегка подтолкнула его к стене магазина, так как видела, что полоумный бродяга бежит прямо на них, не глядя вперед. Когда до них оставалось каких-то метров пять, сумасшедший вскинул голову и заверещал так истошно, что Лану пробрала дрожь. Она вспомнила крик женщины, на глазах которой сбили собственную дочь: «Аня!» Вопль сумасшедшего был наполнен непередаваемым ужасом. И причиной страха была явно не пьяная парочка.

Бродяга развернулся и вновь побежал в направлении пьяниц, но затем резко свернул в сторону, за угол павильонов. Там была лестница, которая вела к переходу через дорогу. Лана не видела, что происходило, но услышала крик толстяка:

– Ты же сейчас под колеса попадешь, дебил!

Судя по всему, бродяга благополучно преодолел пешеходный переход, и через несколько секунд вопль затих.

Тощий пьяница, Табаки, взглянул на Лану с Денисом и неуверенно, словно стесняясь, но достаточно громко, чтобы его услышали на таком расстоянии, произнес:

– Вот так вот.

Затем чуть тише повторил:

– Вот так вот.

Толстяк ткнул друга в бок и принялся разливать свое пойло в пластиковые стаканчики.

Лана обернулась к Денису, хотела сказать ему, что нужно идти отсюда, но когда увидела его глаза, произнесла:

– Что это было?

В глазах Дениса вновь появилось выражение затравленного зверя, как тогда, в субботу, у него в гостях, когда она просила его открыть письмо.

«Всего два дня назад, всего ничего», – подумала она. Ранки на висках Дениса, результат их небольшой авантюры, даже не успели зажить.

Сейчас Лана чувствовала: он знает, почему бродяга так себя вел. Она боялась узнать причину, боялась до дрожи, но не спросить не могла.

– Денис, скажи мне, пожалуйста, что тут произошло?

Денис вновь приложил палец к ее губам.

– Все – потом, – только и сказал он.

23

Они шли по ночной Москве, практически не разговаривая. Он попивал из бутылки пиво, она – «колу». Курить Лана уже не хотела. Выкуренные на «Кропоткинской» сигареты сейчас вызывали легкую тошноту.

Ей не терпелось поделиться с Денисом информацией, которую на нее вывалил букинист, и она очень хотела узнать, что произошло возле «Кропоткинской», но Денис недвусмысленно дал понять, что поднимать эти темы нельзя.

«Это снова Анкудинов. Он контролирует его и видит нас сейчас», – решила она.

И получалось, что рассказать Денису о том, кто на самом деле этот Анкудинов, было невозможно.

«Интересно, что же он мне положил в карман?»

Он что-то написал ей, не иначе. Что-то, что поможет им. Какой-то план.

«Или он передал тебе твое письмецо с уведомлением, – раздался в голове тихий и неприятный голосок. – Просто не нашел слов, чтобы это сказать, ведь он такой стеснительный».

Нет, это походило на бред. Хотя в ситуации, когда происходит всякая чертовщина, реальность не очень сильно отличалась от бреда. И время от времени у нее возникала мысль несмотря ни на что выхватить из кармана джинсов то, что Денис туда вложил, и покончить со своими сомнениями.

Когда ей надоело заполнять тишину ничего не значащими фразами, Лана попросила Дениса обнять ее. Он положил руку ей на плечо, а она обхватила его за талию.

Начинать разговор было тяжело, но необходимо. И через несколько минут, на подходе к Воробьевым горам, она решилась. Без всяких предисловий она начала:

– Однажды…

Она сделала паузу, собираясь с мыслями:

– Однажды (мне тогда только исполнилось десять) мой папанька вместо того, чтобы просто избить, решил взяться за нож.

Денис повернулся к ней. В его глазах читалось непонимание.

Она замолчала, а затем продолжила быстро, стараясь поскорее выплюнуть это из себя так, чтобы не задевать больные струны:

– Этот больной урод постоянно пытался показать свою значимость. Мать рассказывала, что он с самого их знакомства устраивал ей сцены, как подросток, и не терпел никаких возражений. Ревновал ее к каждому столбу. Она закрывала на это глаза, считала это проявлением любви. Дура. А когда он, уже после свадьбы, начал распускать руки, мать постоянно повторяла одну и ту же мантру: «Бьет, значит, любит». Она мне потом десятки раз рассказывала, *что* было до моего рождения: и про папочку, который о ней заботился, и о криворукой мамочке, которая почему-то всегда все делала неправильно, так, как не нравится папочке. Плакалась на свою судьбу и тут же оправдывала каждый удар своего мужа. Родилась я. По ее словам, тогда все стало чуть лучше. Все немного устаканилось до тех пор, пока я не пошла в детский сад. Но затем понеслось по новой. И постепенно стало доставаться и мне.

– А твоя мама?.. – начал было Денис, но Лана прервала:

– Моя мама, – произнося это, она язвительно скривила губы, – может быть, и имела что-то против, но вякать поперек – не смела. Так оно и бывает. Начинается с мелочей, а потом растет понемногу, причем так незаметно, что кажется – так всегда было и должно быть. Поэтому мать молчала даже тогда, когда отец поучал меня. Короче, однажды у этого урода произошел очередной приступ ревности, хотя за пятнадцать лет он превратил ее в загнанную лошадь, на которую никто бы не взглянул, даже если бы она была холостой. Что там у них произошло – не знаю. Они просто, как обычно, начали орать. Точнее орал он, а она скулила, оправдывалась. Наверное, надеялась вызвать жалость. Как будто она не поняла за столько лет, что для таких ублюдков покорность – это как красная тряпка для быка.

Лана сделала глоток «колы» из банки, несколько секунд помолчала. Она все больше и больше распалялась, наливаясь злобой, и в то же время ей становилось легче. Как будто она резко вытащила занозу из пальца – боль стала сильней, но рана вот-вот начнет заживать.

– Я слышала, как закричала мать. Но осталась в комнате. Просто до ужаса боялась выйти. Сидела у себя дома, а чувствовала, будто нахожусь в лесу, полном голодных волков. Я смогла выйти только минут через десять после того, как хлопнула дверь. Я понимала, что он ушел, но пришлось набраться смелости, чтобы выйти. Мать лежала в коридоре. Кровь… кровь как будто была повсюду. Может быть, половину добавила моя фантазия, не знаю, но мне тогда показалось, будто кто-то взял и расплескал там целое ведро красной краски. Бред, конечно.

Лана попыталась улыбнуться, но ответной улыбки от Дениса не дождалась. Тот, вперив в нее взгляд, ждал продолжения. Он держал за горлышко полупустую пивную бутылку, но, казалось, совершенно про нее забыл.

– Мать была жива. Он полоснул ее по щеке… – Лана провела ребром ладони по левой щеке, потом тихо пробормотала: «На себе не показывают» и вернулась к рассказу: – Рядом валялся кухонный нож. Ножи в доме всегда были остро наточены. Этот урод заботился о них куда больше, чем о своей семье. Порез оказался достаточно глубоким, чтобы оставить шрам на всю жизнь. Потом я спрятала нож от матери. А ей сказала, что испугалась и выбросила его…

– Зачем ты его спрятала? – прервал рассказ Денис.

– Я ждала возвращения отца. Я полгода носила нож с собой. В портфеле, в сумочке, за пазухой. Я знала, что если этот ублюдок появится, то я ему всажу этот кусок железа в глотку. Странновато для десятилетней девочки, да?

– Нисколько, – проговорил Денис каким-то странным, сдавленным, голосом.

– Он так и не появился. Теперь мне все равно, но в тот момент я очень хотела, чтобы он вернулся. С тех пор наши отношения с матерью кончились. Я приходила домой, уходила из дома, ела то, что она готовила. Она периодически ныла по своему муженьку, я выслушивала. Иногда возникало желание пожалеть ее, но это быстро проходило.

– Когда она умерла?

– Умерла? Нет, она жива.

– Но ты же сказала, что она… была.

– Ну да. Для меня – была.

Она замолчала, не зная, что еще сказать. Повисла пауза.

Наконец Денис произнес все тем же странным, словно что-то мешалось во рту, голосом:

– Ты действительно смогла бы это сделать?

– Что именно?

– Убить отца.

Лана посмотрела на него, но тут же отвела глаза.

– Откуда же я сейчас могу это знать? Может быть, точно так же спряталась бы в своей комнате и ничего бы не сделала.

И тихо добавила:

– Смогла бы. Тогда смогла бы.

– И смогла бы жить с этим?

Лана промолчала.

Несколько минут они шли молча. Лана вновь почувствовала, что дрожит, но не совсем понимала, от чего: то ли от ночной прохлады, то ли от воспоминаний о том дне, когда она поняла, что желает смерти своему отцу.

Денис, в два глотка допив пиво, бросил пустую бутылку в урну и заговорил, не поднимая головы:

– Помнишь, ты меня спросила про моих родителей? Ну, тогда, когда мы пытались открыть… – он замолчал.

– Угу, – произнесла Лана, стараясь, чтобы голос не выдал волнение.

Денис намеревался поделиться чем-то сокровенным, чем-то, что он долгое время хранил в себе, и спугнуть его откровение было бы непростительной глупостью. И еще ей показалось, что Денис замолчал не из-за того, что не нашел слов. Он заставил себя замолчать, прежде чем слово «письмо», а быть может, и «письмо Анкудинова», сорвалось с его губ. Он не хотел произносить ни слова про Константина Андреевича, ведь тот предупредил, что Лана тоже несет ответственность за его действия. Денис защищал ее.

– Мои родители – нормальные. Их уважают, их ставят в пример. Не алкаши и не какие-нибудь злыдни, терроризирующие семью. – Он мельком глянул на Лану и вновь уставился на свою обувь. – Нет. Образцовые соседи, законопослушные граждане. У них лишь один недостаток – они не любят своего сына. У меня был младший брат Леша. Вот он-то и получал все внимание – и за себя и за меня.

Лана мысленно отметила, что Денис говорил о брате в прошедшем времени. «История будет печальной», – мысленно констатировала она.

– Представь, каково это, когда есть два ребенка, один получает все, а второй – хрен с маслом. У Леши появлялось все, о чем он просил: игрушки, сладости. Внимание и поддержка, в

конце концов. А для меня всегда находили убедительные и педагогически обоснованные нравоучения. А я старался, рвал жопу, чтобы заслужить похвалу от отца.

Они остановились возле светофора, ожидая разрешающего сигнала. Лана, чуть повернув голову, украдкой посмотрела на Дениса. Красный свет светофора падал на кожу, придавая лицу зловещий вид. На секунду Лана представила, что это отблески адского пламени, в котором отбывают свой бессрочный срок грешники. Ей стало не по себе от этой картины, и она с облегчением выдохнула, когда красный свет погас, уступив место зеленому.

– Пойдем, – проговорила она, и Денис двинулся вперед, даже не посмотрев на светофор.

В который раз Лана удивилась, насколько быстро люди подчиняются ее воле. Но почему-то этот дар больше походил на проклятие. Ей так хотелось сбросить с себя сейчас весь этот груз и просто стать слабой. Чтобы за нее разобрались с этой бесовщиной: с Анку, с письмами, с жертвами. Но чуда не происходило, а это значило, что разгребать дерьмо в этих авгиевых конюшнях придется именно ей.

«Господи, помоги мне», – мысленно произнесла она короткую молитву, а Денис тем временем продолжил:

– Леша был на восемь лет меня младше. Он был засранец, но, наверное, все младшие братья засранцы. Так получалось, что я всегда оказывался крайним. И за это я ненавидел его. Очень сильно ненавидел. Однажды он уронил «видик». Отцу его одолжил какой-то знакомец. Естественно, я оказался виноватым, потому что родители застали меня, когда я пытался его отремонтировать. В общем… в общем, выходит, что я пытался сделать как лучше, а получалось, как всегда. И таких случаев было предостаточно. Такое ощущение, что родителям и в голову не приходило, что мой брательник может быть в чем-то виноват. Прямо святая корова.

Денис невесело хмыкнул и замолчал.

Еще несколько минут они провели в тишине. Вдали Лана увидела девятиэтажную «свечку», в которой она с подругой снимала квартиру.

Она прервала молчание:

– И что произошло?

Ответ ее ужаснул. Она ждала чего угодно, но только не этих трех простых слов.

– Я убил его, – тяжело проговорил Денис. Слова прозвучали глухо, словно его рот был забит ватой.

Лана остановилась и посмотрела в глаза Денису. Она всего

ожидала, что эти три слова каким-то чудом окажутся ошибкой или шуткой. Крайне глупой и неуместной шуткой.

Денис не посмотрел на нее. Потом повторил отчетливее, зло и в то же время как-то беспомощно:

– Я убил его.

Он двинулся вперед, и она поспешила за ним.

– Как-то родители пошли в гости, а мне сказали присматривать за Лешей. Естественно, я этого не делал. Я сидел у себя в комнате. Вдруг Леша закричал. Я прибежал на кухню. Он стоял возле окна, а занавеска в нескольких сантиметрах от него пылала. Видимо, он баловался спичками, а серная головка отлетела и попала на занавеску. Или еще какая хрень произошла, не знаю. Я потом много чего передумал. Времени было достаточно.

Он хмыкнул.

– И вот он стоял и смотрел на огонь, не шевелясь. Я помню свою первую мысль: «Оставь его. Беги». И я… я…

– Побежал?

Денис кивнул.

– Я выскочил в подъезд. Босой, в трусах и в майке. Тут же очухался и решил вернуться, но сраная дверь… она захлопнулась.

Лана представила картину себе так ярко, что мороз пошел по коже. Она увидела полуголого мальчика, который пытается открыть захлопнувшуюся дверь. Раз за разом дергает, не понимая, почему же ручка не поддается, а из квартиры доносится крик.

– Он стал кричать все громче и громче, и тогда я побежал. Я не хотел слышать его. На первом этаже я столкнулся с соседкой. Она выглядывала из-за двери – видимо, услышала Лешин крик. А быть может, и мой. Она-то и вызвала пожарных.

Денис стал говорить тише и быстрее, и Лане пришлось напрячь слух, чтобы услышать его.

– Я ведь намеренно это сделал. Я желал его смерти. Я много раз, после очередной взбучки от родаков, мысленно желал, чтобы он умер. Лежал в кровати и представлял, как родители будут меня любить после его смерти. Как они поймут, что напрасно не любили такого чудесного паренька. Как у них не останется других вариантов, и я, в конце концов, стану любимым сыном. Я ненавидел брательника, а получилось, что не того ненавидел. Его вины здесь не было. Он еще ничего не понимал, он же маленький… был.

Последнее слово упало, словно камень в глубокий колодец. Денис пнул валявшуюся на асфальте пластиковую бутылку и замолчал.

Лана, пораженная, не произнесла ни слова. Она была готова к

тому, что история Дениса не имеет хеппи-энда, но все еще надеялась на какое-то чудо. Теперь же мысль о чуде тихо и скоропостижно скончалась.

– Оказалось, что я очень круто «накололся». Расположения родителей я так и не получил. Думаю, им в голову не раз приходила мысль, что сгореть должен был я, а не Леша. Нет, не думаю – уверен. Лично меня эта мысль посещает постоянно.

Денис остановился и, наконец, поднял глаза. Поймав взгляд Ланы, он проговорил:

– Ты единственная, кому я рассказал это. Я когда-то себе поклялся, что этот эпизодец останется между мной и братом. И даже если ты после этого решишь не тратить на меня время, я рад, что это сделал. По крайней мере, я теперь смогу с этим жить… даже если осталось недолго.

Лана сказала, изобразив злость, которой не чувствовала:

– Не говори ерунду, дорогой. Времени у меня достаточно.

И добавила:

– У тебя тоже.

И поняла, что сделала все правильно. Увидев облегчение в глазах Дениса, она поспешила сменить тему разговора.

– Пришли. Если хочешь, можешь остаться у меня.

– А как же твоя соседка?

Лана улыбнулась.

– Да к черту соседку, потерпит.

Денис покачал головой:

– Пожалуй, все же откажусь. Денек сегодня тот еще. Надо отдохнуть, а то после вчерашнего дождя меня все еще колотит. Закинусь таблеточкой и посплю.

Он слабо улыбнулся слегка подрагивающими губами и тут же сделал странное движение – постучал себя ладонью по заднице. Лана поняла смысл жеста и сделала то же самое по карману, в котором лежала записка от Дениса. Она помнила. Денис не просто так отказывался зайти к ней. Он давал ей возможность прочитать то, что написал в записке, ведь вместе с ним к ней в дом зашел бы и Анку.

Она поцеловала его в губы, быстро, но нежно. Ее порадовало, что из глаз Дениса пропала та отстраненность, что напугала ее два часа назад.

– Ну тогда беги. А то уже поздно… или, наоборот, рано.

Денис взглянул на часы:

– Уж если ты права…

– …то я права.

«Комсом. – кольц., 1 вагон в стор. Курск. сегодня, 10.32, не опазд. Ко мне не подходи, но в вагон заходи за мной». Лана с трудом понимала корявый почерк Дениса: буквы прыгали и разбегались в разные стороны, словно он писал на ходу, но все же расшифровала послание.

Комсомольская – кольцевая, первый вагон в сторону станции Курской. Не опаздывай.

Лана поспала всего два часа, с шести до восьми, но чувствовала себя вполне бодро. От вчерашней безысходности не осталось и следа. Начинало что-то происходить, а это значило, что еще не все потеряно. О возможном трагическом исходе старалась не думать – не время.

Она тихо оделась и прошмыгнула на кухню, стараясь не разбудить свою подругу, которая, судя по всему, вовсе не собиралась ехать в институт. Аккуратно прикрыв дверь, щелкнула выключателем электрочайника. Заглянула в холодильник, но тут же закрыла дверцу. Есть совершенно не хотелось. Все внутренности гудели, словно потревоженный пчелиный улей, кровь билась в висках, во рту пересохло. Когда закипел чайник, дверь приоткрылась, и показалось слегка припухшее после сна лицо Лены. На ее щеке виднелся красный отпечаток от волос. Подруга выглядела настолько привычно домашней, своей, что Лане на мгновение показалось, что вся прошедшая неделя – не что иное, как сон. Местами приятный, по большей части страшный и, несомненно, весьма реалистичный сон. Но нет, в руке она держала ту самую записку от Дениса, которую он ей передал несколько часов назад.

– Закинешь мне тоже пакетик чая? – попросила Лена.

– Угу, – кивнула Лана, но дверь уже захлопнулась.

Через пару минут они сидели друг напротив друга и пили чай. Лана выставила на стол все, что смогла найти из сладостей: несколько засохших пряников и шоколадку. Сама она не прикоснулась к еде.

– Лана, я, конечно, понимаю, что ты имеешь право на личную жизнь, но все же стоит сообщать подруге, как ты, где ты и, самое главное, с кем ты, – девушка хихикнула, но тут же добавила, уже серьезно: – Я беспокоюсь.

– Так позвонила бы.

Лана сделала глоток обжигающего чая. Она любила чай именно таким: горячим и крепким.

– Сотню раз собиралась. Но думала: «А вдруг ты сейчас с ним, а я помешаю в самый ответственный момент». И не стала.

– Самый ответственный момент? – Лана, сама того не ожидая, улыбнулась. Ей было приятно, что подруга о ней беспокоилась. –

Ты, наверное, думаешь, что когда я не дома, то трахаюсь напропалую.

– Фу, какие гадости ты говоришь! – вспыхнула Лена. – Ну почему же сразу так? Может, свидание какое романтическое? Ну, или там, прогулки под луной?

– А я и говорю «трахаюсь напропалую», – рассмеялась Лана.

– Ну, в общем, да, – в ответ расхохоталась подруга, а потом спросила. – У тебя все в порядке? Есть какие-то проблемы?

– Все отлично, Ленусик, – снисходительно сказала Лана, тем не менее, растроганная заботой. Она в последние дни вообще стала чересчур сентиментальной.

Она встала.

– Твою мать, Света! – воскликнула Лена. – Из тебя калеными щипцами не вытянешь ничего. Ну что ты за человек?

Обращение «Света» подруга использовала в те моменты, когда выходила из себя. По причине ее поразительной жизнерадостности это происходило очень редко и было поэтому более заметно. Лена явно пыталась побыть в роли слушательницы – на месте, которое всегда прочно занимала Лана.

– Я сейчас убегаю, но как только у меня будет время, мы с тобой обязательно поговорим. И я обещаю, история будет весьма интересной.

– Я очень на это надеюсь. Люблю интересные истории.

Лана сполоснула чашку в раковине и открыла кухонную дверь.

– Будь осторожна, – услышала она.

Уже в прихожей, обуваясь, Лана пробормотала себе под нос:

– Конечно, буду. Вариантов-то больше нет.

Она успела спуститься на два этажа, когда услышала голос подруги, раздавшийся сверху:

– Ты, кажется, забыла свою бумажку. Или можно выкинуть?

Лана остановилась. Какая бумажка? И зачем она ей?

Но тут же все стало на свои места. Записка от Дениса! Она положила ее на стол и, пока болтала с подругой, совершенно забыла про нее.

– Нет, нельзя. Я иду.

Поднимаясь, она пыталась вспомнить, что именно там написано, но уставший мозг не мог выдать правильный ответ: вагон был то ли первый, то ли последний, а время – то ли 10.30, то ли 10.35.

Лена улыбалась.

– Прости, не смогла не посмотреть. У тебя мальчик с фантазией? Квестами увлекается?

Лана, вспомнив разговор у Алексея Петровича, невесело

хмыкнула:

– Еще как увлекается! Как видишь, в «Двенадцать записок» играем.

И взяла листок.

Денис увидел Лану, которая непринужденно двигалась из центра зала, от эскалаторов, по направлению к тому месту, где он стоял. Она виртуозно лавировала между потоками снующих туда-сюда пассажиров. Утренний час пик прошел, но на станции все равно оставалось людно. Словно почувствовав взгляд Дениса, Лана повернула голову и, найдя его в толпе, улыбнулась короткой нервной улыбкой, а затем моментально отвела глаза.

«Молодец», – подумал он. Она на лету ловила правила игры.

Часы над тоннелем показывали 10.30. С шумом подъехал состав. Машинист, которого Денис отчетливо видел, лысоватый толстяк с пышными усами, что-то сосредоточенно изучал, посекундно поднимая глаза к зеркалу, установленному на перроне.

«Нет, рано. Не тот», – Денис терпеливо ждал, время от времени украдкой поглядывая на вставшую неподалеку Лану.

Сине-зеленый состав тронулся и исчез в тоннеле. 10.31.

Он понимал, что задуманное – это опасная авантюра, которая могла стать последней не только для него, но и для Ланы. Но ведь ни он, ни она не получали писем. А на него, помимо всего прочего, Анку имел свои планы, что давало ему неплохие шансы пережить сегодняшнее утро. Но все равно он был не до конца уверен, что сможет это сделать. Сможет рискнуть. Он ловил себя на мысли, что готов отказаться от своей задумки в любой момент. И что тогда?

На табло секунды, сменяя одна другую, медленно ползли вперед. Денису казалось, что еще чуть-чуть, и время совсем остановится, словно Анкудинов управлял не только жизнями, но и временем. Наконец табло показало «10.32». Еще несколько бесконечных секунд, и в противоположном от него тоннеле появился свет, а следом и сам поезд.

Состав подъехал. Народ принялся сбиваться в плотные кучки возле автоматических дверей в ожидании, когда они откроются.

Нужно было действовать быстро. Денис шагнул к дверке машиниста и легко постучал в окно.

«Он не откроет. Наверняка это ему запрещено инструкцией». И что тогда?

На понимание Константина Андреевича рассчитывать не приходилось.

Но машинист поезда, нестарый еще, крепко сбитый мужик,

хоть и сделал удивленные глаза, все же открыл дверцу.

– Да? – доброжелательным тоном спросил тот.

– Вам письмо, – тихо проговорил Денис и протянул конверт, который сжимал в руке. С одной стороны, ему было невыносимо отвратительно то, что он делал. С другой, в нем вновь невольно расцвело то чувство всемогущества, чувство бога. Он опять распоряжался жизнью и смертью. Управлял. Но у этой медали оказалась и третья сторона – страх. Жуткий ужас неконтролируемого падения в пропасть.

– Мне? – растерянно протянул машинист Никонов Максим Олегович, глядя на свое имя на белом конверте, и улыбка на его лице слегка поблекла, словно он почувствовал беду, исходящую от красных букв на нем. Не дожидаясь ответа, он взял конверт и повернулся к приборной панели.

В момент, когда пальцы машиниста ухватились за конверт, Денис отчетливо увидел картину: Максим Олегович стоит в очереди в магазине. В руках – корзинка с продуктами. Внезапно, но при этом как-то мягко и неспешно, он оседает. Ноги понемногу сгибаются, и в какой-то момент перестают держать тело, и машинист то ли падает, то ли ложится на плиточный пол…

Картинка пропала, как только Денис отпустил письмо. В этот момент он решился.

Денис резко рванул к дверям. Краем глаза он увидел, что у второго входа в вагон то же самое сделала Лана.

Они успели. Денис извинился перед похожей на скелет женщиной за то, что в спешке наступил ей на ногу. Та лишь пробурчала в ответ что-то неопределенное: то ли она приняла извинения, то ли прокляла его.

Двери захлопнулись, и состав, которым управлял машинист, получивший уведомление о собственной смерти, тронулся.

К Денису, посекундно извиняясь, пробиралась Лана. Ее большие глаза вопросительно смотрели на него. Можно ли ей подходить?

Денис кивнул.

– Ты?.. – начала, было, Лана, когда приблизилась вплотную к Денису, но замолчала.

Денис тихо проговорил:

– Мы можем говорить, но все же давай потише, иначе на нас будут смотреть как на придурков.

Лана тут же снизила голос:

– Ты что, передал сейчас письмо машинисту?

– Да, – и, заметив в ее глазах испуг, тут же продолжил: – Я не думаю, что сейчас будут какие-то проблемы.

– Ты не думаешь? – раздраженно и язвительно повторила

Лана, глядя ему в глаза.

– Я *уверен*, – Денис сделал ударение на второе слово, пытаясь говорить успокаивающе.

– У Анку для меня слишком много дел, чтобы так просто убить меня, – озвучил он мысль, мелькнувшую в голове.

– Ты знаешь про Анку? – спросила она, повысив голос.

– Тс-с. Прошу тебя, тише.

Лана прошептала:

– Откуда ты знаешь?

Денис улыбнулся:

– Это долгая история, как бы это затерто ни звучало. А вот откуда тебе о нем известно?

В ее глазах появились чертенята:

– Моя история ничуть не короче твоей. Так что уж извини.

«Вот же язва», – подумал Денис с нежностью, но тут же осекся – медлить было нельзя.

– Что ты знаешь о нем? – спросил он.

Лана рассказала то, что узнала от Алексея Петровича. История не заняла много времени. Ей хотелось как можно скорее выйти из этого поезда, а еще лучше – закричать во весь голос, чтобы пассажиры выметались отсюда. Заорать, что здесь умирающий машинист, террорист, пожар, паралитический газ – да все что угодно, лишь бы быстрее. Наивная вера Дениса в свою неприкосновенность не внушала доверия. Могли погибнуть десятки, сотни, а он выжить. И это не противоречило его теории о том, как он важен Анку. В конце концов, выжившие в крушении поезда обязательно должны быть.

Лана огляделась. Интересно, сколько пассажиров получили свои письма? Кто их им передал? Анку? Денис? Еще какой-нибудь наемный курьер смерти? Она понимала, что сейчас перед ней находится много людей, которых через несколько минут может не стать. Они просто превратятся в куски мяса, которые покинула душа. Это поразило ее. Наверняка так себя ощущали предсказатели – смесь всемогущества и беспомощности. Знание будущего, не подкрепленное возможностью изменить это самое будущее.

«Но я же пока не получила свое письмо», – подумала она.

Денис словно прочитал ее мысли:

– Постарайся расслабиться. Мы с тобой еще не получали уведомлений.

Лана посмотрела на него. Было ли письмо обязательным условием? Или, может, это была «старая добрая» традиция? Так, штришок. Такой же, как, например, сороки, стук молотка или скрип колес. Маленький заскок любителя эффектного выхода

Анку, приятный, но совершенно не обязательный.

Денис продолжил:

– Никакой аварии и никаких смертей сейчас не будет. Машинист умрет не сейчас. Не сегодня.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Видел. Не понимаю, как это получилось, но видел. Возможно, это одна из привилегий работы разносчика уведомлений от Анку.

Лана взглянула в глаза Денису, удивленная. Но в его взгляде она не заметила ни единой нотки юмора, прозвучавшей в голосе. Скорее это походило на горькую иронию.

– А почему тут можно говорить? – спросила она. – Из-за него?

Она кивнула головой в сторону кабины машиниста.

– Да, – ответил Денис. – Анку не видит меня, пока я нахожусь возле человека, которого я уведомил. По крайней мере, пока это подтверждается.

– Откуда?..

– Выяснил позавчера, когда мне «СОС» рассказывал об Анку.

И тут же ответил на незаданный вопрос:

– Сокращенно от Сажина Олега Сергеевича – одного из получателей «писем смерти».

– Ты их так называешь?

Голос из динамика, неприятно скрипучий из-за помех, сообщил: «Станция Таганская. Переход на Таганско-Краснопресненскую линию и на станцию «Марксистская». Поезд остановился. Денис пропустил маленькую старушку с грязным пакетом, которая молча и упрямо, словно мул, пробиралась к выходу, и сказал:

– Их как не назови, а суть одна. А откуда взялся этот самый Александр Петрович?

– Алексей Петрович. Меня с ним познакомил человек, который следил за тобой.

– За мной следят? – Денис заметно заволновался.

– Не бойся. Это не полиция и не ФСБ. Просто старик, который хотел убить человека, но тот умер раньше, после того, как ты передал ему письмо.

– Просто старик, который хотел убить человека? Знаешь, все же тебе стоит объяснить все подетальней.

Скрипучий голос объявил станцию «Павелецкую».

Она постаралась как можно короче описать свою встречу с Виктором. Эпизод с девочкой, погибшей под колесами внедорожника, она пропустила.

– Вот так повезло, – горько произнес Денис, когда она закончила. – Вот так просто взял и попал на главную роль в

херовый низкобюджетный сериальчик.

Лана хотела его приободрить, но не нашла слов.

Поезд остановился на «Добрынинской».

– Честно говоря, ума не приложу, что сейчас делать. Может, твой библиофил, Александр Петрович…

– Алексей.

– Да хоть Лаврентий, лишь бы помог. Может он подкинет какую-нибудь здравую идею?

Лана моментально достала мобильник из кармана джинсов и слегка дрожащими пальцами нашла контакт друга Виктора и нажала на «вызов».

«Лишь бы была связь, лишь бы была связь», – мысленно повторяла она свое заклинание.

Связь была. Пошли гудки: первый, второй, третий, четвертый, пятый. Никакого ответа, лишь прерывистый и слегка плавающий звук гудков. Лана подумала, что в такие моменты, когда счет идет на секунды, всегда просыпается закон подлости и радостно бежит навстречу, чтобы помешать, отвлечь, затянуть.

Краешком сознания она отметила, что в вагоне поднялся гомон, чуть громче, чем обычно. Но не успела поразмышлять на эту тему, так как в трубке раздался голос букиниста:

– Алло?

Лана, растерявшись, ответила не сразу.

– Алексей Петрович, – наконец проговорила она и быстро и дергано начала говорить: – Мы с Денисом в метро… разговариваем… он говорит, что это можно делать… Анку не слышит, когда рядом… тот, кому дали письмо… получатель…

Букинист коротко ответил на эту сбивчивую тираду и положил трубку.

– Нам нужно на «Нагатинскую».

Денис кивнул, не задав ни единого вопроса.

– Пара станций отсюда. Нужно перейти на другую ветку. Надо здесь выйти.

В вагоне стало свободней. Голоса, сливающиеся в общий гул, напомнили Лане пчелиный улей. Встревоженный пчелиный улей.

– Что за хрень? – Лана задала вопрос, уже зная ответ. – Ты же сказал, что не сейчас.

Денис взял ее за плечо и развернул так, что она уткнулась взглядом прямо ему в глаза. Вторую, свободную, руку он поднял к ее лицу и, оттопырив указательный палец, повторил вчерашний жест: ни слова.

«Пожалуйста, Господи, только бы этот гад не слышал, только бы не слышал», – взмолился Денис.

Он потянул Лану к переходу. Она двинулась за ним, не проронив ни слова. Как хорошо, что она обладала редким талантом – вовремя замолчать. Не задавать миллион вопросов, не возмущаться, а просто молчать. Не женская черта, но крайне необходимая сейчас.

Ситуация с машинистом походила на небольшой розыгрыш от Анку. Сначала он внушил Денису, что тот может предвидеть, когда человек умрет, а затем – раз! – и все оказалось по-другому. И теперь, обнаружив Дениса и Лану, он, несомненно, захочет в очередной раз продемонстрировать свою силу. И ему и Лане.

По пути Денис задел плечом крупного мужика с выдающимся вперед пузом и двойным подбородком, но, кажется, тот не обратил на это внимания. Толстяк раздраженно и недоуменно крутил головой. Его лицо приняло пунцовый оттенок, а глаза превратились в маленькие щелочки, утопающие среди жирных пудингообразных щек. Денис представил, как этот мужик мысленно обкладывает отборным матом машиниста, и у него возникло мимолетное желание подойти к толстяку и спросить, считается ли смерть уважительной причиной нерасторопности Никонова Максима Олеговича.

Возле кабины уже собралось несколько зевак. Они заглядывали внутрь, не решаясь открыть дверь. Хотя наверняка это бы у них не получилось – скорее всего, машинист должен был закрываться изнутри. Метрах в десяти через толпу пробиралась полная женщина в оранжевой униформе. Она двигалась боком, постоянно махая черной рацией, и громко басила: «Пустите, граждане, ну пустите же».

Денис, не останавливаясь, обернулся и еще раз бросил мимолетный взгляд на кабину машиниста, вокруг которой суетились люди. Кто-то все же решился и открыл дверь. Внезапно Денис с облегчением выдохнул. Среди зевак он увидел машиниста. Тот стоял, слегка покачиваясь, женщина в оранжевой униформе придерживала его одной рукой, второй же раздраженно махала на пассажиров.

«Анку ничего не слышал, – подумал Денис, но тут же возникла другая мысль, которая Денису совсем не понравилась: – Но зато теперь он все видит».

25

Анку стоял возле озера и вглядывался в темную воду. Волны со звуком, похожим одновременно на чавканье свиньи и на томный вздох влюбленного юноши, разбивались о берег и

прятались, чтобы следующие за ними волны тут же заменили их. Бесконечно медленно они совершали свой путь, появляясь на поверхности и исчезая в ней. Свечи человеческих жизней создавали на взволнованной воде переливающиеся и постоянно изменяющиеся грани. Живые грани. Поразительно живые на фоне мертвого леса.

Многие тысячелетия назад Анку впервые увидел это место: озеро, лес и свечи. Тогда, в самом начале, свечей было гораздо меньше. По прошествии веков их число росло: сотни тысяч, миллионы, миллиарды. Одни зажигались, другие гасли; одни горели долго, другие тухли, едва начав гореть.

Он поймал свое отражение в успокоившейся на секунду воде. Из глубин на него смотрел настоящий Анку – вечная жизнь в оболочке смерти, живая сущность внутри иссохшегося черепа.

Здесь, наедине с собой, Жнец (как он сам предпочитал себя называть) отбросил маску. Маска была нужны для тех, чьи свечи горели за его спиной. Человеческий разум придавал слишком большое значение внешней оболочке. Анку это помнил еще с тех времен, когда и сам был человеком. Начинка не столь важна, важен фасад. Любой старьевщик знал это простое правило: можно продать насквозь гнилой товар, если тот радует глаз покупателя, и, напротив, сложно избавиться от того, что неприглядно. И Жнец создал фасад. Он стал своим собственным image maker, художником собственного образа, а уж людской страх и людская тяга всему придать эпичности и таинственности завершили дело.

Густая волна всколыхнула воду, и иллюзия зеркала исчезла, но Анку не шевелился. Ему нравилось созерцание того, что было так же вечно, как и он сам. В такие моменты время останавливалось, мысли, постоянные его спутники и мучители, прятались, и оставалась лишь пустота, чистая и прекрасная. Как же он, Жнец, хотел раствориться в этой пустоте, остаться там! Но Творец не отпускал его. Творец, который вместо справедливости являл собой предвзятость, тем самым позволяя людям делать вывод, что Слово Божие – не догма, а всего лишь мнение, слабое и изменчивое. Этот мясоед мог прощать кого угодно: убийц, насильников, тиранов, но не находил в своем черном сердце места для прощения Анку. Не позволял ему уйти в пустоту.

Многие тысячелетия назад это место стало тюрьмой Жнеца из-за преступления, которое еще не было определено как преступление, а, следовательно, не являлось им. В те времена еще не было правил, а мораль… мораль – понятие изначально мертвое. Это слово, которым чаще всего оперируют те, кто давно уже попрал эту самую мораль. Его, Жнеца, словно какого-нибудь жалкого джинна из арабских сказочек, обрекли на прозябание

здесь, в этом маленьком ограниченном мирке, даже не имеющем названия. Анку так и не удосужился сам назвать его: ни к чему имя временному пристанищу, даже если это «временно» длится тысячелетиями. Так и существовала тут его вечная, опостылевшая плоть, пока душа, утомленная жизнью и знаниями, металась между мирами в поисках решения единственной проблемы – как заставить Творца отпустить его в пустоту. И Анку сделал ставку на изменчивость и непостоянство Создателя. Он понимал: чтобы убедить азартного Бога играть по правилам своего невольника-помощника, нужно было терпение и время. И первого и, в особенности, второго у Жнеца оказалось в избытке. Ему нравилась одна английская пословица – «Little strokes fell great oaks»[8]. Иногда он и в самом деле ощущал себя терпеливым дровосеком, который раз за разом ударяет топором по стволу огромного дуба – упрямства Всевышнего.

И действительно, по прошествии веков Творец стал более сговорчивым – дуб поддавался. Бесплотный дух в итоге оказался не против бросить кости. Оставалось найти предмет пари, который мог бы заинтересовать искушенного Бога. И тут Анку не торопился. Время само найдет и определит, на что будут сделаны ставки. Время – заклятый враг и, в то же время, самый близкий друг Жнеца. Проклятое бесконечное время.

Анку отвернулся от озера и окинул взглядом развернувшееся перед ним полыхающее поле. Жизни миллиардов людей на его глазах начинали и заканчивали свой путь, зажигались и тухли. Здесь были и безымянные, никому не интересные люди, и те, кого после смерти еще долго вспоминают и цитируют. Чингисхан, Коперник, да Винчи, Эйнштейн, Сталин когда-то стояли, ничем не отличаясь от других. Кто-то, может быть, сказал бы, что их свечи горели чуть ярче, но Анку, растерявший за тысячелетия всю романтику, знал, что жизни гениев на этом поле горели точно так же, как и жизни нищих, глупцов и убогих.

Он двинулся между рядов, наблюдая, как тут и там загораются и тухнут свечи. Вот появилась одна жизнь, неимоверно маленькая. У этого существа еще даже нет имени, и пока горит свеча, его даже не успеют назвать. А вот огарок, вокруг которого могла быть внушительная лужица воска, если бы свеча была сделана из воска. Это Аслан Магомаев, столетний старец, который еще не закончил свой путь. Анку неспешно продолжал идти. Время здесь всегда казалось каким-то неправильным, и сложно было сказать, как долго он шел: минуты или часы. Остановился он возле ничем не выделяющейся свечи. Это была жизнь Дениса Крайнова, двадцатипятилетнего курьера, от которого теперь зависело, сможет ли Анку уйти в пустоту от

опостылевшей работы или нет.

– Давай, мой друг, не подведи, – наконец разорвал тишину Жнец. Звук получился пустым и бездушным, словно здешний маленький мирок напрочь убивал эмоции.

Он мысленно взглянул на то, что происходит с Денисом. Закрыв глаза, моментально увидел на внутренней стороне век картину: курьер стоит на станции метрополитена. Рядом виднеется табло, время – 10.31.15, а через секунду 10.31.16. Через минуту подъедет поезд, и Денис выполнит свою задачу. Анку надеялся, что тот получит удовольствие. Всегда приятно, когда постоянная работа приносит радость. И видит Бог – Анку улыбнулся своей шутке, – что скоро распоряжение людскими жизнями станет единственной работой нового Анку – курьера Дениса.

Поезд появился, и когда первый вагон приблизился к табло, мысленная картинка погасла. Отдав уведомление, он терял связь с обреченным покупателем. Эта странность не беспокоила Анку. В конце концов, какие козыри может иметь в рукаве запуганный, безвольный недоросль? И, кроме того, что успеет предпринять Денис за те несколько секунд, в течение которых он передает письмо?

Однако курьер не появился и через две минуты.

Анку открыл глаза. Никакого метро, никакого Дениса. Лишь свечи, свечи, свечи кругом.

– Куда же ты провалился, щенок?

Анку не заметил, как моментально стал распаляться. На кону стояло слишком много, чтобы позволить авантюрам этого беспозвоночного сорвать пари, к которому он, Жнец, тысячелетиями подталкивал Творца. Слишком много!

Он сощурился: зрачки почернели, а по белкам в разные стороны побежали грязно-бурые прожилки. Ссохшиеся щеки, тонкие, как пергамент, судорожно вздрогнули.

– Не смей мне срывать игру, – выплюнул он безгубым ртом. Кости пальцев мерно сжимались и разжимались. – Не вздумай.

Огоньки свечей одновременно колыхнулись в разные стороны, словно испугавшись гнева Жнеца – как будто бесшумная волна прошла по огненному морю. Прошло несколько мгновений, и вновь наступил полный штиль. Анку брал себя в руки.

Закрыв глаза, он попытался мысленно нащупать Дениса, но поначалу ничего не выходило. Он открыл глаза и медленно, размеренно задышал. Истлевшие легкие с еле заметным хлопающим звуком качали стерильный воздух. Окончательно вернув контроль над собой, Анку попытался еще раз. На этот раз получилось. Он увидел курьера, который резво бежал по

коридору метро, обгоняя людей. Он постоянно оглядывался, и через несколько мгновений Анку увидел причину этого: за Денисом бежала его подружка, любящая совать нос не в свои дела. К сожалению, Жнец ничего не мог с ней (как и с любым другим смертным) поделать – по крайней мере, на физическом уровне. Единственным исключением был Денис, но это уже по личной договоренности с Творцом. Одно из условий пари.

Картинка изредка пропадала и тут же появлялась вновь – виной тому была толпа, в которой периодически попадались уже уведомленные люди. Мелькание вновь начало раздражать Жнеца, и связь с Денисом пришлось прервать. Анку решил подождать. Немного терпения, и наглец получит полноценный урок. Щенок не поймет хозяина, пока тот не ткнет животное мордой в лужу. Пора было раз и навсегда объяснить Денису положение вещей. Ставки были слишком высоки.

Анку вернулся на берег озера. Он чувствовал себя гораздо лучше – ярость ушла. Не подобало Жнецу волноваться из-за какого-то жалкого смертного, пусть тот и был единственным шансом Анку уйти в пустоту. Взглянув на темную гладь воды, он увидел худощавое лицо Анкудинова Константина Андреевича. Маску.

26

Беготня по переходам метро истощила больного Дениса: горло саднило нещадно, голова кружилась, тело ломило, словно какой-то неведомый изощренный садист отрабатывал на нем удары шестом. Он задыхался, но все же двигался вперед – сейчас нельзя было останавливаться. Каким-то внутренним чутьем он понимал, что Анку захочет помешать ему, не позволит строить против себя козни. И хотя Денис совершенно не представлял, какой вред могут причинить Анкудинову эти разговоры, все же он не позволял себе расслабляться. Нужно было бороться. Перспектива превратиться в подобного Анкудинову пугала его до смерти (хотя и присутствовало некоторое темное очарование), и, кроме всего прочего, не хотелось показывать свою слабость Лане. Совершенно не хотелось.

Они молча двигались по улице. Она короткими фразами из-за его спины обозначала направление, а он полушел-полубежал вперед, задавая ритм. Лана удивлялась: куда девалась апатия Дениса? В его глазах, в моменты, когда он на секунду поворачивался к ней, чуть сбавляя скорость, читалась мрачная уверенность, словно он принял какое-то решение для себя и уже

не отступал. Быть может, их вчерашний разговор что-то изменил в нем? Лана не знала и не слишком беспокоилась. Важно, что ни он, ни она не собирались сдаваться этому ублюдку.

Лана, окликнув Дениса, остановилась и попыталась сориентироваться. Увидев пыльный, без единого яркого пятна, двор и старенькую панельную «пятиэтажку», где жил Алексей Петрович, произнесла:

– Вот его дом, – и махнула рукой, указывая направление.

Именно в этот момент Денис почувствовал присутствие Анкудинова. Голова словно засвербела изнутри, там, где это доставляет жуткое неудобство, но где нельзя почесать. Денису показалось, что он маленький мышонок, бегающий по клетке, в то время как люди в белых халатах внимательно изучают все его передвижения. И ждут, когда они смогут сделать инъекцию, чтобы увидеть последствия. Но мышонок Денис совершенно не хотел последствий и потому резко прибавил шаг. У него было одно предположение, которое, скорее всего, окажется лишь беспомощной фантазией, но все же это был шанс. А уж мизерные шансы Денис ценить научился.

– Что случилось?.. – взволнованно начала Лана.

– Какой подъезд? – резко перебил ее Денис, срываясь на бег.

Она ткнула пальцем в ближайший, метрах в пятидесяти, подъезд, стараясь поспеть за ним.

– Вон тот.

– Слава богу, – задыхаясь, прокричал он.

Когда до подъезда оставалось метров пять, невообразимая боль взорвалась в его висках. Денис, не сдержавшись, закричал. Левая нога зацепилась за правую, и он нырнул вперед. Рухнул на землю, заново раздирая еще не зажившие после прогулки под дождем ладони и лицо.

– Денис!

Это кричала Лана, но как-то очень далеко, с другого края Земли. Ублюдок Анку каким-то непостижимым образом сжимал его черепную коробку, которая была готова вот-вот треснуть. Внутри головы смесь адского жара со смертельным холодом сводила с ума.

Денис поднял глаза и сквозь пелену увидел дверь подъезда. Он пополз. Он уже не думал, сгорая в этой безумной боли, он просто полз. И кричал от нестерпимой агонии.

Он почувствовал чьи-то руки на своем вороте. Затем дверь подъезда открылась, и Денис потерял сознание.

– Кажется, ваш злосчастный кавалер приходит в себя, – услышал Денис в полудреме незнакомый голос.

– Денис.

А этот испуганный голос он узнал. Это была Лана.

Он открыл глаза. Мир вращался с бешеной скоростью, угрожая пропасть вновь. Все сливалось в многоцветное пятно, постоянно движущееся и меняющееся. Опустив веки, Денис вновь оказался в темноте.

Прошло несколько секунд. В висках что-то глухо тукало, распространяя волны тупой боли по голове. Денису казалось, что кто-то переместил его сердце в черепную коробку и заставил биться.

Что-то мокрое и холодное прикоснулось к его лбу, принеся небольшое облегчение.

– Как ты, милый?

– Жив, – проговорил он, не открывая глаз. – Больше ничего не могу утверждать.

Лана рассмеялась нервно, но приятно.

– Это главное. Остальное лечится.

Денис ответил:

– Тогда можно мне таблеточку от головы?

Незнакомый голос вновь вмешался в темноту, окружающую Дениса:

– Я помню каждую книгу в моем доме, но никак не могу запомнить, от чего помогают те или иные таблетки. Но в моих обширных запасах точно должен быть аспирин.

Денис вновь предпринял попытку вернуться в реальность. На этот раз получилось лучше: вещи были на своих местах, а перед его глазами было взволнованное и неимоверно красивое лицо Ланы.

– С возвращением, незнакомец.

Теперь к головной боли прибавилось еще и саднящее подергивание в правой щеке. Приподняв обессиленную руку, он нащупал несколько царапин.

– Привет.

– Щеку я тебе промыла перекисью. Зеленки не нашла.

Денис улыбнулся, отметив в поврежденной щеке легкое онемение.

– Спасибо. Давно я в отключке?

– Полчаса, может, минут сорок. Я не очень хорошо следила за временем.

– Я рад, что познакомился с тобой, – проговорил Денис немного невпопад.

Лана мило покраснела.

– Перестань меня смущать, иначе мою девичью голову заполнят ненужные мысли.

– Если там буду я, то я не против.

– Прошу меня простить, что вмешиваюсь в вашу непринужденную беседу, но, думаю, нам необходимо заполнить наши головы нужными мыслями, – проговорил сухонький старичок с катарактой на левом глазу. – Меня зовут Алексей Петрович, а вас, насколько мне известно, – Денис. Отбросим дальнейшие любезности, ибо времени у нас практически нет. Вот ваши таблетки.

Алексей Петрович протянул к Денису руки: в одной лежали две белые таблетки, во второй оказался стакан с водой.

Денис сидел на диване, уперев локти в колени и положив голову на ладони. Головная боль никуда не делась, но ослабла: то ли действовала таблетка, то ли сила самовнушения. Тем не менее, он чувствовал себя чуть лучше. Рядом с ним устроилась Лана, поджав под себя ноги и прильнув к плечу Дениса.

Напротив, на стуле, устроился Алексей Петрович. Вчера на этом самом стуле сидел его друг Виктор Погодин.

Лана, только сейчас вспомнив, спросила:

– Алексей Петрович, а где Виктор?

Букинист улыбнулся, но ничего веселого в этой улыбке не было.

– Он уехал домой. Полагаю, что нам с ним не суждено уже увидеться. По крайней мере, на этом свете. Но обнадеживает одно – есть шанс встретиться с ним на том. Конечно, если предположить, что существование Бога доказывает существование загробного мира в той или иной форме.

Лана открыла рот, но, не найдя нужных слов, промолчала. Денис то смотрел на Алексея Петровича, то начинал водить взглядом по комнате, не зная, как себя вести.

Алексей Петрович продолжил, обращаясь к Денису:

– Вам повезло, что я живу на первом этаже. И подозреваю, что еще больше вам повезло, что я вышел вас встречать. Иначе могло быть чуть больнее.

– Могло быть *гораздо* больнее, – проговорил Денис.

Алексей Петрович кивнул, не отрывая от него взгляда.

– Судя по тому, что рассказала мне Лана о вашей с ней встрече, и тому, как вы реагируете сейчас, полагаю, вы знаете мой маленький секрет. Это была логическая выкладка или у вас есть какой-то источник информации?

– Просто пришло в голову. А так как вариантов у меня не было, пришлось действовать. – И добавил, глядя на букиниста: – Сочувствую.

Алексей Петрович махнул рукой:

– Не стоит. За последнюю неделю, пока заканчивал свои немногочисленные дела, я к этому привык.

Лана непонимающе переводила взгляд с одного на другого.

– Вы пять минут как знакомы, а уже имеете от меня какие-то секреты?

Она сидела, чуть отстранившись от Дениса, и ждала ответа. Денис заговорил первым, коротко глянув на букиниста и получив его молчаливое согласие:

– Алексей Петрович получил уведомление. Я понял это, когда он нас позвал к себе. Здесь, рядом с ним, Анку нас не видит.

Пару секунд Лана пыталась понять, о каком уведомлении идет речь, потом, ошарашенная, взглянула на букиниста:

– Я… не…

Алексей Петрович прервал:

– Лана, милая, не стоит сочувствовать или огорчаться. Я прожил свою жизнь так, как прожил, и у меня не возникает ни малейшего желания что-либо переиграть. И судя по тому, как долго я ношу свое письмецо, я не слишком сильно навредил своим существованием. И, – он сделал паузу, – прошу меня извинить за то, что пришлось лукавить перед вами и Витей. Да, я получил свое письмо – нашел его среди моих книг. Дата и время на конверте с точностью до минуты совпадали с тем моментом, когда я увидел письмо. Я был в замешательстве и испуган. Я, конечно, перевел послание, но не представлял, что мне делать со этим знанием. Поэтому я и солгал. Меня это не оправдывает ни в коей мере, но это хотя бы объяснение. И, естественно, к вашему приходу тему обсуждения я изучил, потому так быстро и сориентировался.

Он слегка покраснел при этих словах. Затем, чуть помолчав в смущении, окинул Лану и Дениса взглядом.

– Однако же не стоит испытывать судьбу и тянуть драгоценное время.

Но все же, вопреки своим словам, Алексей Петрович сначала пошел на кухню поставить чайник.

Вернувшись, он снова уселся на стул, слегка поморщившись.

– Денис, Лана мне сказала, что у вас есть одна небольшая история, которая могла бы нам помочь. Сослагательное наклонение я использовал не просто так. Вполне может статься, что наши гипотезы, а точнее, будущие гипотезы, не будут иметь к этой ситуации никакого отношения.

– Надеюсь все же, что вы будете правы, – пробормотал Денис.

– Сенека говорил: «Кто ни на что не надеется, тот никогда не отчаивается». Но давайте мы не будем слушать канувшего в Лету самоубийцу, а будем *верить*, что все разрешится. Итак, если вы не

против поделиться своей историей, начинайте.

Денис посмотрел на Лану в ожидании поддержки. Та улыбнулась, как бы говоря: «Давай, смог один раз, сможешь и второй», хотя он видел, как ей тяжело далась эта улыбка. Видимо, она очень переживала из-за того, что только что узнала от него и букиниста. Он начал рассказывать. Как ни странно, теперь история убийства родного брата Денису далась гораздо легче.

На протяжении всего рассказа Алексей Петрович сидел, не шевелясь. Его единственный зрячий глаз уставился на старый, местами порванный линолеум. Он уже понимал, о чем рассказывал Денис. Меняются обстоятельства, меняются лица, меняются причины, но результат все тот же – убийство. Нет, он не судил парня. Жизнь иногда делала невообразимые повороты и маневры так, что человек не всегда мог управлять этой сложной машиной. Мало того, со временем он убеждался, что чаще всего люди бывают не водителями своих жизней, а пассажирами – сидят себе на заднем сиденье и почитывают журнальчик, полностью положившись на автопилот. Конечно, убийство это не оправдывало, но, как минимум, давало понять, что зачастую виновны те плохо контролируемые чувства, которыми Господь наградил живых разумных тварей – людей: зависть, ревность, злость.

Денис замолк. Под конец рассказа его голос дрожал и срывался, а глаза покраснели. Алексей Петрович хотел сказать ему что-нибудь ободряющее, успокаивающее, но правильные слова почему-то не хотели приходить. Вместо этого в голове крутилось что-то непонятное, какая-то неродившаяся мысль, которая сейчас только мешала сосредоточиться. Возможно, что-то имеющее значение.

– Вы забыли про чайник, – произнес Денис и попытался улыбнуться.

– И вправду, – с облегчением произнес Алексей Петрович и встал. – Хотите чайку?

Денис и Лана согласились.

Букинист вышел на кухню, достал три чашки и налил заварку из заварочного чайника. Его руки дрожали, и он пролил немного на стол.

– Дьявол, – тихо чертыхнулся он и принялся вытирать темно-коричневую лужицу. Страх, который спрятался, пока он разговаривал с молодыми людьми, вернулся вновь. Он очень боялся. Не смерти, нет, – к ней он был готов. Он боялся неопределенности и мучительного ожидания этой самой смерти.

Алексей Петрович вспомнил слова Дениса: «Вся любовь доставалась Леше, меня как будто не существовало. Естественно,

кроме тех моментов, когда нужно было кого-то наказать». Старик представил себе мальчика с заплаканными глазами, сидящего на табуретке, и родителей, занимающихся своими делами и не обращающих на него внимания. Что думал в этот момент ребенок? Он желал умереть и чтобы родители по нему плакали? Или хотел убить своего брата, потому что тому досталось больше любви?..

Внезапно Алексей Петрович дернулся и чуть не обжег себе ногу кипятком.

– Боже мой, – пробормотал он. – Вот оно. Естественно. Несомненно.

А потом проговорил:

– Боже, какого дьявола ты мне перед смертью загадываешь такие загадки?

Он рассмеялся своему небольшому каламбуру, сдержался, чтобы не побежать в комнату и не поделиться своим озарением, и доделал чай.

– Сахар нужен? – громко произнес он. Голос почти не дрожал.

– Нет, – раздались в унисон два голоса.

Когда букинист скрылся на кухне, Лана прижалась к Денису.

– Ты ведь его любил, да?

– Что? – не понял Денис.

– Братика. Ты ведь его любил. Несмотря на все то, что происходило, ты его любил. И понимал, что он ни в чем не виноват.

Денис чуть отстранился, посмотрел в глаза Лане.

– Ты считаешь, что мне сейчас станет легче, от того, что он ни в чем не виноват?

Лана не стала обижаться.

– Я на это очень надеюсь.

Он потупил взгляд.

– Извини. И – да, я его любил. Что не мешало его ненавидеть. Вот такая хрень. Хоть сейчас беги к психиатру и ложись на кушетку.

Лана улыбнулась, и вновь Денис отметил, как почти физически ощутимо она отогнала от себя свои собственные переживания.

– Ты смотришь слишком много фильмов, – сказала она.

– Если ты права, то ты права. Да я и сейчас, как в каком-нибудь засраном блокбастере.

– Ты же говорил, что это сериальчик.

Денис посмотрел на Лану, и ей не понравился его взгляд.

– Я очень надеюсь, что все закончится в первой серии. Так

или иначе.

Из кухни раздался голос букиниста, спрашивающего про сахар.

Оба отказались.

Алексей Петрович следил за реакцией своих собеседников. В глубине души он мечтал о немой сцене из «Ревизора» с ошалевшими глазами и раскрытыми ртами. Ну или, на худой конец, возгласы изумления. Но то, что он наблюдал, совершенно не вязалось с его ожиданиями. Денис со спокойным лицом смотрел на него, как бы проигрывая в голове сказанное букинистом. Во взгляде Ланы читалось легкое непонимание. Немая сцена, в конце концов, имела место, но была явно неудовлетворительной.

– Вы уверены, Алексей Петрович? – произнес после нескольких секунд молчания Денис.

– Уверен ли я? Учитывая, что мы не имеем более ни единой гипотезы, хорошей или плохой? Да, я абсолютно уверен.

– Опять сказочка получается, – вступила в разговор Лана.

– Моя теория не более сказочна, чем история про Анку. А Анку, как мы выяснили, есть. Поэтому вполне логично предположить, что некоторые иные легенды, в том числе и библейские, тоже являются не совсем выдумкой.

– Охренеть можно, – с чувством выдохнул Денис. – Как же вы до всего этого доперли?

– Я до всего этого, как вы изволили выразиться, допер с помощью логики, счастливого случая и вон той кучи, – не без самодовольства сказал Алексей Петрович, указывая в направлении заваленного со всех сторон книгами шкафа.

Денис машинально оглянулся на книги. Он перебирал в голове слова букиниста. Выяснялось, что у него с Анку было кое-что общее. И именно это общее привело Смерть к совершенно заурядному московскому курьеру. И что теперь с этим можно было сделать, Денис не представлял.

Он почему-то вспомнил сумасшедшего у станции Кропоткинской. Что он кричал? Что-то насчет выздоровления с помощью раскаяния. Почему-то Денису казалось, что этот псих появился в том месте и в то время не просто так. Он хотел что-то передать. Быть может, подсказать, помочь.

«Да нет, ерунда. Я же не в фильме, чтобы всякая хрень вместо случайности оказывалась намеком», – размышлял Денис.

Но все же, что он кричал? Денису показалось чрезвычайно важным вспомнить слова психа.

– Выздоровление с помощью… – пробормотал он себе под

нос. – Нет, не с помощью, а через раскаяние.

– Исцеление через покаяние, – поправила Лана, отстранившись и пристально взглянув ему в глаза. – Кажется, так.

– Точно, не раскаяние, а покаяние, – все так же тихо проговорил Денис.

Букинист отвлекся от своих мыслей и, не расслышав, спросил:

– Что, простите?

Молодые люди помотали головой. А Лана вновь взглянула на Дениса.

Алексей Петрович обвел своих собеседников взглядом.

– Но все мои мистические логические выкладки рассыпаются об один-единственный вопрос, которым в свое время грешил Чернышевский, – «Что делать?». Как мы (а судя по тому, что я уже почти что списан, скорее вы) будем противостоять Смерти? Или уже стоит называть ее своим именем?

Лана молчала, все так же глядя на Дениса. Денис тоже безмолвствовал, сверля взглядом пол.

Алексей Петрович вздохнул:

– Дайте мне часик. Я посижу, поразмышляю. Ответ должен быть неглубоко.

– Не надо размышлять, – наконец поднял голову Денис. – Я, кажется, знаю, что нужно делать.

Он нервно хихикнул и взъерошил волосы на голове. В глазах читалось волнение вперемешку со страхом.

– А если я окажусь не прав… то я буду не прав.

27

Около трех часов дня Алексей Петрович остался один. Сначала, в полвторого, ушел Денис. Затем, спустя час, его покинула Лана.

Он видел, как терзалась девушка. С одной стороны, она должна была хоть как-то помочь своему кавалеру в воплощении вполне логичного и последовательного и, в то же время, абсолютно авантюрного плана. С другой, она чувствовала, что должна поддержать старого букиниста. Алексей Петрович прочел все это в глазах девушки, где сочувствие боролось с жаждой действий.

Лана пыталась пойти с Денисом, но тот оказался очень настойчив. Она довольно долго пыталась его переубедить, но в итоге все ее аргументы и уловки разбились о стену принятого им решения. Когда Денис ушел, она не могла найти себе места.

Алексей Петрович, видя ее растерянность, угощал ее чаем, рассказывал разные истории из своей жизни, вспоминал свою с Виктором дружбу. Делал все, чтобы хоть как-то развеять это напряженное молчание. Но через некоторое время все же решился и напрямую сказал:

– Лана, милая, я вижу, что если вы сейчас не примете какое-либо решение, то просто-напросто взорветесь.

Девушка непонимающе взглянула на него.

– Алексей Петрович…

– Да, это я, – прервал он ее. – Я – Алексей Петрович, старая рухлядь, которая в этой жизни увидела все, что нужно. И я достаточно самостоятелен, чтобы умереть.

Лана вздрогнула.

– Извините за бестактность и резкость в выражениях, но грызть себя почем зря не стоит. Вы мне ничего не должны, хотя, признаться, ваше сочувствие мне крайне приятно. Но в данном случае в вашем сочувствии и, что важнее, в вашей помощи нуждается Денис, поэтому без сомнения бегите и помогайте ему. И даже если он говорит, что должен справиться один, все равно сделайте это. А если… нет, *когда* вы двое добьетесь успеха и Анку останется с носом, расскажите ему, что старый буквоед Сергеев Алексей Петрович поспособствовал тому, чтобы подложить ему свинью.

Лана плакала, беззвучно и спокойно. Обычно слезы обезображивали человека, превращая лицо в нечто аморфное, бесформенное. С Ланой все выглядело иначе. На ее красивом лице просто появились капельки влаги, которые, начав свой путь в уголках покрасневших карих глаз, нежно пробежали по щекам и, добравшись до подбородка, исчезли из виду. Перед Алексеем Петровичем сидела юная девочка, которая, наконец, разрешила свой внутренний конфликт и плакала скорее от облегчения, чем от печали.

– У меня никогда не было детей, моя милая. Господь, который, оказывается, существует, как-то не соизволил мне в этом помочь. Два моих недолгих брака закончились быстро и скучно. Хотя, – улыбнулся Алексей Петрович, – если учесть, что мне всегда твердили, что единственной моей спутницей в жизни могла быть и была только книга, то я имею полное право называть себя многоженцем. Собственно, из-за книг и развалились мои союзы. Я не терпел вмешательство в этой сфере моей жизни, а женщины, в свою очередь, не терпели моей нетерпимости. Поэтому компромисса мы не находили. И вопрос о детях, естественно, даже не успевал назреть.

У него на секунду закружилась голова, и он потерял нить

рассуждения.

– О чем же я?

– О детях, – тут же ответила Лана.

– Да. Знаю, что я, как всегда, излишне многословен, но избавляться от своих недостатков уже поздно. – Алексей Петрович устало улыбнулся. – Так вот, если бы я был вашим отцом, я бы очень вами гордился. И считал бы, что у меня самый лучший ребенок в мире.

Он сделал паузу, подбирая слово.

– Вы светлая. Сохраните в себе этот свет.

Он замолчал. Соображать становилось все тяжелее, видимо, от усталости. Он не хотел оставаться в последние минуты один, но понимал, что девушке надо идти.

Немного застеснявшись своего откровения, он сменил тему:

– Будьте очень аккуратны. Шутки со смертью никогда не доводили до хорошего, как бы это сейчас странно ни звучало.

– А шутить с этим козлом никто и не будет, – резко и жестко ответила Лана.

Алексей Петрович невольно улыбнулся.

– Остра, как бритва. Витя правильно сказал, что вы не промах. А от этого сварливого хрыча, – он вздохнул, – нечасто можно было услышать подобный комплимент. Ну да хватит меня слушать. Допивайте чай и бегите скорее. И… все же будьте аккуратны.

Лана кивнула. Затем, не глядя на полупустую чашку с остывшим чаем, встала и поцеловала его в щеку. Алексей Петрович не нашелся, что сказать. Он просто молча провел рукой по коротким волосам Лану и слегка улыбнулся. А девушка встала, обулась и вышла, не сказав ни слова.

Алексей Петрович дотронулся до щеки и накрыл ладонью то место, куда поцеловала его Лана. Он хотел хоть ненадолго сохранить это тепло.

Прошло несколько минут. Алексей Петрович, медленно передвигая ноги, вернулся в комнату, взял первую попавшуюся книгу и лег на диван. На обложке небольшого томика было написано: Габриэль Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества»

– Я вас умоляю! – пробормотал он. – Из всего, что я накопил, умудрился вытянуть самое занудное.

Положив книгу на пол возле дивана, он откинулся на потрепанную подушку. Закрыл глаза и попытался расслабиться, но мысли, хаотично крутящиеся в голове, не позволили это сделать.

Решив не сопротивляться, он стал перебирать в голове свой разговор с Ланой. Конечно, разговором это назвать было сложно –

скорее, монолог. Девушка, по большей части, молчала, и, как ни странно, это не походило на стеснение. Время от времени она подталкивала беседу какой-нибудь короткой ремаркой или своевременным вопросом, делая это столь естественно и непринужденно, что Алексею Петровичу казалось, что они давно знакомы. Лана придавала разговору уют пледа в промозглую погоду. Напоследок он сказал ей, что был бы горд считать ее своей дочерью. Тут он был искренен. Но он слукавил, сказав, что Господь не дал ему детей. Он сделал это машинально, не задумываясь, и теперь очень стыдился этого лукавства. Неправильно было заканчивать свою жизнь с ложью на устах. Попахивало Петровым отречением от Христа.

Оба его брака были изначально обречены на провал. Единственная женщина, которую любил Алексей Петрович, была Катя. Студент, он проявлял к ней чувства, которые, казалось, были несовместимы с его возрастом: в них не было пошлости, похоти. Он боготворил ее, но при этом так и не набрался смелости признаться ей в этом. А когда нашел-таки силы, было уже поздно – его лучший (и единственный) друг Витя, бабник и балагур, оказался смелее. На их свадьбе Алексей радовался за друга, пытаясь смириться со своей собственной потерей. И за годы их дружбы он научился прятать «ненужные» чувства далеко в сердце. Было одновременно тяжело и отрадно видеть этих двоих вместе, созерцать их тихое счастье. Алексей Петрович так никогда и не сказал Виктору об этом. Это было ни к чему. Потеряв любовь, он не хотел лишиться еще и дружбы.

С первой женой, спортсменкой Ларисой, брак длился недолгие полгода. Она, начинающая биатлонистка, не дожидаясь вопроса, сразу обозначила, что не хочет заводить детей. И это нежелание оказалось единственной общей чертой молодоженов. Уже после развода Алексей Петрович не раз задавался вопросом: как он умудрился связаться с девушкой, которая ему была совершенно неинтересна и которую абсолютно не интересовал он сам.

Второй брак протянул чуть дольше и был чуть более приятен: у пары родился сын Егор. Но через два года жена Татьяна (тридцативосьмилетний Алексей Петрович называл тридцатилетнюю супругу исключительно Танюшей) собрала вещи, посадила сына в коляску, вызвала такси и уехала к своим родителям, напоследок сказав: «И живи со своими книгами, червь несчастный». Первое время он приходил к ней, чтобы повидаться с сыном, но через год Танюша, выйдя второй раз замуж, запретила это делать.

Время шло, сын рос. Алексей Петрович не старался искать его

– он боялся. Он боялся, что не найдет, что сказать, не будет знать, как себя вести. Тысячи прочитанных книг не могли подсказать, что отец, не видевший сына долгие сорок лет, должен делать. Он знал, что, как только он увидит Егора, все его красноречие моментально превратится в косноязычие и он все испортит. Сотни раз он проигрывал в голове сюжет под названием «Встреча с сыном», но получалась всегда бессмыслица.

За те несколько дней, что дал ему Анку, он смог найти номер телефона Егора. В социальных сетях, которые называл «убийцей времени», он разыскал свою бывшую жену – Танюшу. Она изобразила радость несколькими восклицательными знаками в сообщениях, но позвонить не предложила. Как и Алексей Петрович. А вот номер Егора она дала. Следующие три дня Алексей Петрович время от времени подходил к телефону с твердым намерением позвонить сыну, но страх показаться никчемным старым глупцом неизменно останавливал его.

Алексей Петрович встал с дивана и тут же пошатнулся, едва не упав. В глазах потемнело, и замелькали маленькие звездочки. Несколько секунд, и головокружение прошло.

Он достал телефон, нашел в списке контакт Егора, и, пока смелость не покинула его, нажал на «вызов».

Слушая гудки, Алексей Петрович думал: что он скажет сыну? Как объяснит свое отсутствие в его жизни? Нужно ли вообще Егору это знакомство? И тут же ответил на свои вопросы – все равно. Все равно, что он будет говорить и как на это отреагирует сын. Сейчас важнее было дозвониться и попытаться объяснить. Весь его страх попасть впросак теперь казался смешным и бессмысленным. Чего, в конце концов, может бояться человек, которому остались считаные часы, а то и минуты?

Гудки прервались, и неприятный звук, оповещающий, что соединение разорвано, резанул по уху.

– Дьявол, – пробормотал Алексей Петрович.

«Насмешка судьбы», – подумал он, в бессилии сев на диван. Телефон выпал из ослабевших рук на маленький, потертый половик.

Он несколько дней тянул с разговором, а сейчас мог просто-напросто не дожить до беседы с сыном. В бульварных книжонках этот разговор обязательно должен бы был состояться. Но Алексей Петрович, человек, который так и не получил женщину, которую любил, очень сомневался, что фортуна подыграет ему на этот раз.

Он взглянул на окно и понял, что так оно и случится. Никакого счастливого финала. За стеклом по карнизу расхаживала огромная черно-белая сорока.

Когда откуда-то снизу раздалась примитивная мелодия

мобильного телефона, он удивился. Собравшись с силами, поднял аппарат с пола. Звонил Егор. Голова кружилась, перед глазами все плясало и прыгало, поэтому букинист смог нажать на кнопку ответа только с третьего раза. Наконец справившись, он поднес трубку к уху и слабым голосом проговорил:

– Алло.

28

Анку не просто негодовал – он был в ярости. Он метался из стороны в сторону, не касаясь земли, – от поля к озеру, от озера к лесу и обратно. Путь, по которому недавно шел Денис, Жнец преодолевал за считаные мгновения, хотя, возможно, все было совсем наоборот. Время здесь не отличалось постоянством и логикой.

Давно он не испытывал такого чистого, ненаигранного гнева. Десятилетия, века! Анку отвык от того, что что-то идет не по его правилам. Он был распорядителем судеб, а какой-то посыльный забыл об этом и посчитал себя достаточно важным, чтобы принимать свои собственные решения.

Перед глазами мелькнуло озеро, мост и первые деревья мертвого леса. В голове Жнеца возникло желание вернуться на поле, найти свечи курьера и его глупенькой любопытной подружки и затушить никчемные жизни, а сами свечи втоптать в здешнюю мертвую землю, пока они не успели раствориться в воздухе. И плевать на Бога, на спор и на желанную пустоту. Хотелось поддаться мимолетному порыву и забыть о последствиях. Порыву, подобному тому, которым Анку тысячи лет назад прогневал Творца и из-за которого он до сих пор работал Божьим курьером. И Жнец ни разу не пожалел о содеянном. Если бы время повернулось вспять, и вновь встал бы выбор: убить или не убить, он, не раздумывая, поступил бы так же, как тогда.

Вспомнив о Творце, Анку вновь мыслями вернулся к спору. Теперь, немного успокоившись, он уже более взвешенно посмотрел на ситуацию и удивился, насколько в нем еще были живы эти бесполезные человеческие фантазии. Они походили на телескоп: смотришь на большую проблему и не замечаешь ее серьезности, но стоит развернуть зрительную трубу, и какая-то мелкая заноза превращается в огромное неподъемное бревно. Такая мелкая заноза, как курьер по имени Денис. На самом деле не произошло ничего из ряда вон выходящего. Просто курьер пытается найти какие-либо способы избежать предначертанной участи. Трудно его в этом винить. Сам Анку когда-то был в таком

положении – в положении испуганного, загнанного зверя, который пытается, но не может найти выход. Ведь Господь не предлагал альтернативы. Его наказание было прямым и неизбежным. Естественно, все закончилось тем, что Жнец смирился. По крайней мере, тогда. Вот и Денису предстояло то же самое – смириться.

«Кроме того, этому сопляку выпала великая честь – стать предметом пари между Богом и Смертью. Многие из тех, кто обивает пороги церквей, изошлись бы пеной от такого счастья».

Анку, слегка улыбнувшись последней мысли, плавно опустился на берег, где находились свечи, и сел на землю, устремив взгляд на озеро. Жирная черная вода, ни разу не видевшая солнца, окончательно привела мысли Жнеца в порядок. Он закрыл глаза и попытался нащупать курьера. Не получилось. Но это не было проблемой. Рано или поздно Денис должен появиться.

А пока, чтобы отвлечься от опостылевшего маленького мирка, в котором он был заточен, Анку мысленно перенесся в мир людей.

Он постоянно собирал знания. Веками, тысячелетиями, по крупинкам он вбирал в себя всю мудрость и глупость мира, созданного Творцом. Он пытался проникнуть под кожу этой многогранной оболочки. Ему казалось, что сложность – напускная, непостоянство – иллюзорное. Со временем он пришел к выводу, что под всем, что происходит наяву, что рождается в головах, что прячется в сердцах, – под всем этим прячется лишь одна причина, повод и основа – бренность. Страх, любовь, благородство, подлость – все было крепко привязано к желанию чуть продлить недолговечное существование. Отсрочить приход Анку. Люди барахтались, как та лягушка в горшочке, наивно полагая, что сметана превратится в масло. Нет. Никакого масла – в конце жизни всех ожидала пустота.

Если бы эти бестолковые млекопитающие знали, как гнетет неизменность, как невыносима жизнь без смерти. Но им повезло – у них был свой Анку, который помогал каждому найти путь в пустоту. А вот Жнецу некому было показать этот путь. Он оказался сапожником без сапог. Смертью, которая не в состоянии умереть.

И так выходило, что основная мечта и смысл существования – иллюзия и ложь. Бессмертие – это адское пекло, которое манило к себе яркими жизнерадостными огнями своих костров. И лишь смерть, неприглядная, гниющая, давала покой, как мягкая постель в придорожной таверне – уставшему путнику.

Анку пересекал в доли секунды материки и моря. Под ним с

головокружительной скоростью проносились мимо города, леса, горы. Где-то там, внизу, люди шагали навстречу пустоте: кто-то пытался сберечь огонь своей свечи, кто-то старался быстрее спалить ее, наивно полагая, что огарок будет чадить еще долго. Вот молодая девушка, только что вышедшая замуж. Она не считает себя бессмертной, но при этом и отрицает саму мысль о смерти. А вот двадцатилетний парень, сидящий в пустой, пропахшей мочой и безумием, квартире. Он только что пустил в вену иллюзию бессмертия.

Они оба такие разные, но Жнец их обязательно уравняет. В этом была часть его работы.

Путешествие, как всегда, успокоило Анку и уверило, что все идет как надо. Все же в нем еще были живы остатки романтизма. Эдакий Бодлер – поэт темных сторон человеческой души. Стоило чаще выбираться из мертвого леса в мир живых. Хотя зачем? В ближайшее время он намеревался покинуть это место навсегда.

Мысленный полет Жнеца оборвался достаточно резко. За закрытыми глазами вместо земного ландшафта появилось лицо Дениса, мятежного курьера. Тот отходил от дома, до которого смог добраться несколько часов назад. Анку показалось, что в глазах Дениса показались отблески уверенности и целеустремленности. Словно тот знал, что нужно делать. Жнеца это не расстроило. Он не сомневался, что сможет справиться с сопливым юнцом, возомнившим себя взрослым. Анку даже решил пока не наказывать курьера. Сначала нужно было окончательно все разъяснить.

29

Свербение в голове, сообщающее о присутствии Анку, Денис почувствовал, когда вход в метро уже был хорошо виден. Он даже не рассчитывал, что сможет пройти так далеко незамеченным, но суть от этого не менялась – теперь он был во власти Анкудинова.

Но ожидаемая боль так и не пришла. Вместо этого в голове зазвучал голос Анку, на удивление спокойный и мягкий. Вкрадчивый.

– Мой бунтующий друг, ты всеми силами пытаешься подорвать нашу сделку. А невыполнение обязательств – есть наихудшее из нарушений. Obligatio est iuris vinculum, как говаривали древние мудрые римляне. Обязательство – узы права. И ты, Денис, на данный момент крепко связан узами моего права. Поэтому, если в твоей вольнодумной голове вдруг возникнет соблазнительная мысль о нарушении нашей сделки, настоятельно советую подумать о последствиях.

– *Ваша* сделка, – произнес, выделив слово «ваша», Денис, – скорее напоминает шантаж.

В голосе Анкудинова послышалась обескураженность:

– А где ты видел договоренности, в которых обе стороны полностью свободны? В любой сделке чресла одного зажаты в кулаке другого. Это аксиома. Называй, как тебе заблагорассудится: шантаж, обман, мошенничество – смысл от этого не изменится. Единственное, чего ты добьешься, – это того, что мое дружелюбие растает, как дым.

Денис почувствовал некоторое замешательство в тоне Анкудинова.

«Удивительно, но, кажется, я заставил эту сволочь поволноваться. Будет о чем рассказать внукам… если доживу».

Мысль придала ему смелости. Он промолчал, ожидая, что еще скажет Анку, не забывая при этом двигаться в направлении станции.

Через несколько секунд Анкудинов вновь заговорил:

– Теперь о деле. Через полчаса (думаю, тебе достаточно этого времени) я ожидаю тебя у себя дома. Нам есть что обсудить и что прояснить.

Денис хотел спросить, в каком именно доме ожидает его Анку: в квартире номер двадцать четыре или на поле за озером, но понял, что это не выведет Анкудинова из себя. Но Денис знал, *что* выведет. И хотя разум твердил, что не стоит играть со Смертью, он все же раскрыл рот:

– Это будет оплачено дополнительно?

И тут же пожалел. Ему показалось, что в голове произошел ядерный взрыв. Сначала взор заполонило невыносимо яркой белизной, а затем, через вечность, до него дошла взрывная волна боли. Но через секунду все прошло, оставив лишь фантом агонии.

– Парень?

Денис, оглушенный, не сразу понял, что происходит. Затем увидел перед собой женщину, невообразимо худую, почти иссушенную. Одежда, джинсы и кофта, смотрелись на ней так, как будто студент-медик, решивший пошутить, одел скелет в кабинете анатомии. Ключицы выпирали видимыми бугорками, сетка вен растянулись на висках, чересчур высокий лоб нависал над запавшими глазами, как утес.

– Парень? Тебе помощь нужна?

Он подумал, что помощь требовалась скорее этой истощенной женщине, чем ему. А потом он понял.

– Как давно вы получили свое письмо? – спросил он.

На сухом, как пергамент, лице отразился целый поток чувств: от страха и изумления до раздражения и ненависти. Эмоции смотрелись неестественно и чужеродно в безжизненных глазах.

– Я вас не понимаю, – тут же перешла она на «вы». – Но, судя по всему, вы в порядке.

Она резко обогнула Дениса и быстрым шагом пошла прочь. Он посмотрел ей вслед, отметив, что женщина напоминала марионетку: каждый ее шаг сопровождался легким подергиванием сухих плеч.

«Она и есть марионетка», – подумал Денис.

Кукла, которой поиграли достаточно, чтобы она успела надоесть. И теперь пришло время избавиться от опостылевшей игрушки. Справедливость от Анку. И Денис понимал – как ни плоха эта справедливость, другой не было и не могло быть. И пусть эта теория прозвучала из уст Анкудинова, она не стала менее верной.

Денис не стал терять время и быстро прошмыгнул в метро. Когда он заходил в вагон, намереваясь ехать на станцию «Кропоткинская», голос Анку, теряя связь, произнес: «На…юсь, … меня поня…».

– Понял, понял, – пробормотал Денис, разглядывая карту метро, приклеенную возле выхода из вагона. – Отлично понял. Уже еду.

Почувствовав на себе взгляды, Денис замолчал, мысленно пожелав Анкудинову получить свое письмо.

Он бы очень удивился, если бы узнал, что Анку мечтает о том же.

Жнец замечательно себя чувствовал. Все было под контролем. Хитрый юнец направлялся к нему, покорно, как овца на заклание. Пари вот-вот должно было завершиться, что открывало ему путь в пустоту. Все шло как по маслу.

Отпускать курьера на этот раз Анку не собирался. Он видел, что юнцу приглянулась новая работа, как бы тот ни отрицал это. Распоряжение жизнями себе подобных – это высшая степень власти, высшее наслаждение. Словно ты становишься Богом для них – для стада. Только по прошествии веков осознаешь, что приедается все, даже высшее наслаждение. Но курьеру, будущему Анку, пока было рано об этом знать. У него будут свои века и тысячелетия, чтобы прийти к этому.

– Думаю, пари за мной, Всевышний! – воскликнул он, не в силах сдержать радость.

С того момента, как было заключено пари, Творец перестал отвечать Жнецу, хотя раньше Анку часто проводил свое время заключения, разговаривая с Ним. Складывалось ощущение, что Он обиделся. Или разочаровался.

– Плевать, – произнес Анку, широко улыбаясь безгубым ртом. Лоскутки грязно-серой плоти натянулись на щеках, грозя лопнуть от напряжения. – Мне в пустоте не нужен собеседник. Мне там вообще ничего не нужно. И Твое одобрение тоже. Я выиграл это пари.

Жнец оглядел поле свечей, которое он так ненавидел, мысленно попрощался с ним и повернулся к озеру. Анку решил прогуляться по лесу, еще раз напоследок обойти свою тюремную камеру. Но прежде он закрыл глаза, мысленно нащупывая курьера. Картинка моментально появилась за закрытыми веками. Юнец бежал по пешеходному переходу, лавируя между машин. И он явно не планировал идти на Остоженку, так как двигался в другом направлении. Впереди, в сорока метрах от дороги, виднелся храм Христа Спасителя.

– Тварeныш, стоять!

Он мысленно толкнул курьера в спину.

Денис полетел вперед, на асфальт, в третий раз обдирая ладони, на которых уже не осталось живого места. Синяя легковушка, истошно визжа тормозами, ударила его бампером в плечо. Дениса отшвырнуло на пару метров.

– Мудила сраный, какого рожна ты лезешь под машину?! – заверещал толстяк из-за руля, не собираясь выходить из автомобиля.

Денис поднялся и поглядел на водителя. Испуганные глаза на перекошенном от злости лице. Видимо, толстяк не на шутку

перепугался. Но Денису сейчас было не до этого. Он повернулся и рванул к ступенькам храма, не обращая внимания на крики, летящие в спину.

Знакомая боль скрутила виски. Ноги подкосились, и он рухнул на колени. Из головы вылетели все мысли. Сквозь боль проникал только один животный рефлекс – двигаться вперед. Он пополз на четвереньках.

Словно гром с ясного неба раздался в голове голос Анкудинова.

– Куда ты идешь, сопляк? Разве я тебе недостаточно ясно сказал, куда ты *должен* идти?

Денис бездумно продолжал передвигать колени. Ступени храма были близко, но в то же время казались неимоверно далекими. Практически недостижимыми.

– Ты разве не помнишь условия нашего договора? Тебе их напомнить?

Денис молча полз. Он не мог ответить голосу в голове, да и не обращал на него внимания. Все его естество было направлено на движение вперед. Туда, где было спасение. Или где его не было. До ступенек оставалось не более полуметра, но сил ползти уже не оставалось. Его словно схватила огромная рука и выжимала, как сырую губку. Мышцы практически не работали. А боль и ощущение тисков сводило с ума, лишая воли.

– Напоминаю. Ты должен выполнять то, что я тебе сказал. Очень простое правило. А если не поймешь, то твоя свеча будет тухнуть медленно и мучительно.

Денис чувствовал, что еще секунда – и его голова лопнет, как спелый арбуз. И когда боль стала совершенно невыносимой, он взмолился:

«Боже! Если ты там существуешь, успокой эту сволочь! Дай мне сделать то, что я должен. Я уже готов».

Отчаянным движением он сдвинулся на несколько сантиметров вперед. Удивительно, но боль стала уходить. Денис почувствовал в себе силы еще на один рывок. И боль стала еще тише. Когда смог говорить, он четко произнес:

– Ты не можешь меня убить, скотина!

Вокруг Дениса собралась приличных размеров толпа. Одинаково ошарашенные лица в глазах Дениса сливались в одно, крайне удивленное лицо. Кто-то что-то говорил, но из-за звона в ушах он не мог разобрать, что именно. Да его это и не сильно беспокоило.

Он встал и на дрожащих ногах стал подниматься по ступенькам вверх. Лестница казалась бесконечной, и Денис опасался, что Анку может вновь поселиться у него в голове. Но

когда Денис пересек ворота храма, Анкудинов так и не появился.

30

Отец Павел поднял глаза к своду. Оттуда, с высоты в несколько десятков метров, на него взирали Господь, Сын Божий и Дух Святой. Взирали печально и, одно-временно, требовательно, словно понимали и сочувствовали слабой человеческой плоти, но в то же время и не освобождали от бремени ответственности за мысли и действия этой самой плоти.

Сегодня этот взгляд из-под купола храма как нельзя лучше сочетался с состоянием отца Павла. Голова нещадно болела, словно он поднялся на колокольню и отыграл трезвон к утрене раз эдак сто подряд, все тело ломило, а мышцы ног, казалось, заменили на вату, мягкую и безвольную. А глаза ветхозаветной Троицы добавляли: «Терпи, Павел, не ропщи».

– Прости, Господи, – не задумываясь, неслышно пробормотал отец Павел себе в бороду.

Видимо, снова поднималось давление. Чтобы немного отвлечься, он решил пройтись до свечного ящика, приютившегося слева от входа в храм. Лавку окружали немногочисленные в этот час посетители. Свечница с одутловатым лицом что-то объясняла подошедшему старичку, похожему на шампиньон. Судя по уставшему взгляду женщины, объяснение проходило нелегко.

Отец Павел уже было хотел подойти и помочь ей, чтобы хоть как-то отвлечься от головной боли, когда краем глаза увидел, как через рамку металлоискателя проходит молодой человек. Павел остановился под мраморной плитой на стене, где перечислялись раненные во время сражения при Смоленске в августе одна тысяча восемьсот двенадцатого. Он решил понаблюдать за происходящим.

Охранники, трое крепких молодцев в черных костюмах и белых рубашках и с одинаковым выражением (словно это была одна из неотъемлемых черт секьюрити) на лицах, следили взглядами за парнем. Легкая настороженность в глазах, по всей видимости, должна была означать тревогу. Один из них долго и тщательно копался в засаленном рюкзаке молодого человека, достал оттуда все вещи, прощупал каждый уголок. Затем второй охранник, с вежливой, но натужной улыбкой принялся ощупывать одежду странного визитера, хотя было очевидно, что под футболкой и в карманах джинсов тот ничего не держит.

Странность этого парня заключалась в глазах: на осунувшемся, искаженном, словно в агонии, лице они выглядели

огромными, выпученными, словно хотели сбежать от своего хозяина. Отец Павел вспомнил, как пять лет назад его овчарку Дору сбил пьяный сосед, решивший устроить во дворе многоэтажки гонки на своем стареньком фургончике «Газель». Дора тогда лежала среди своих внутренностей и, приподняв черную от крови морду, смотрела на хозяина. В ужасно человеческих глазах овчарки читалась мольба: «Хозяин, помоги. Ты всегда был добр ко мне, так помоги мне сейчас, избавь меня от этой жуткой и непонятной боли. Ведь ты все можешь». Тогда он смог помочь, и ему до сих пор изредка снился сон, как он держит за передние лапы Дору в то время, как ветеринар делает смертельный укол собаке, и безотрывно смотрит в угасающие собачьи глаза. А теперь глаза этого удивительного молодого человека с искаженным от боли лицом говорили о том же: «Кто-нибудь, избавьте меня от боли. Помогите мне». У священника кольнуло сердце. Что-то происходило, странное и необъяснимое. И самое отвратительное было то, что он понятия не имел, с чем столкнулся. В тот момент, когда охранники все же пропустили парня (но тут же принялись тихо передавать что-то по рации), у отца Павла возникло мимолетное желание отвернуться и уйти подальше от этого странного посетителя, но усилием воли он подавил в себе низменное стремление и поблагодарил Бога за то, что тот дал ему сил.

Молодой человек, заметив священника, пошел к нему, не отводя от лица отца Павла выпученных глаз. Один из секьюрити, рослый, под два метра, детина, тут же двинулся следом. Бдительный охранник, все с тем же непроницаемым, но слегка настороженным взглядом, передвигался удивительно грациозно для своей комплекции. И он явно был готов к любому развитию событий.

«Не позавидуешь тому, кто его разнервирует», – машинально подумал Павел.

Он приподнял руку в успокоительном жесте, хотя его сердце стучало словно набат, тяжело и тревожно. Охранник, тем не менее, не отреагировал и остался позади посетителя, когда тот остановился перед священником. Этот «Голиаф» возвышался над посетителем – «Давидом», словно гора, и в какой-то момент Павел испугался, что охранник все же скрутит парня в бараний рог. Но нет, детина продолжал тактично стоять и ждать развития событий. А молодой человек, казалось, и вовсе не замечал угрозу. Он лишь пристально смотрел на священника.

Теперь Павел смог более детально рассмотреть визитера: лицо бледное, словно воск, и столь же безжизненное, на худом лице четко выделялась каждая жилка, каждая мышца, челюсть не

тряслась, но вибрировала мелкой дрожью, будто парень замерз, глаза с красными прожилками вокруг зрачков постоянно двигались туда-сюда, не останавливаясь ни на секунду.

Молодой человек, глядя на священника, хотел что-то сказать, но из его уст раздался лишь слабый стон. Он поднял дрожащую руку к лицу и провел по своей небритой щеке. Так и не убрав ладонь, он несколько секунд просто стоял и смотрел перед собой. Затем попытался снова, на этот раз успешно:

– Мне нужна ваша помощь.

Денис ожидал, что его тут же выпроводят на улицу. Он спиной чувствовал громилу-охранника, сверлившего его взглядом. Его выведут отсюда, и это будет конец. Анку возьмет его за жабры и уже больше не отпустит. Теперь храм, словно в Средневековье, становился единственной защитой от божьего курьера с замашками садиста.

Было удивительно, что Денис вообще дошел сюда. Здесь, в храме, по какой-то причине он не чувствовал в своей голове Анкудинова. Сердце чуть не пробивало грудную клетку, заходясь в бешеном исступленном темпе; ноги сводило от постоянного напряжения; руки, поднятые к вискам, не хотели опускаться, но в голове все смолкло. И в этой тишине стук сердца казался громким уханьем огромного пресса.

Денис не боялся Анку. Страх пропал, когда пришло осознание, что Анкудинов – жалкое, закомплексованное существо, которое ни разу до этого момента не получало отпора. Истинная сила проявлялась не тогда, когда ее демонстрировали перед слабыми, а когда она проходила проверку большей силой. Анкудинов не понимал этого, и века доминирования сослужили ему плохую службу – он недооценивал существ, которых ежедневно тысячами отправлял на тот свет.

Сейчас, стоя перед священником, который мог помочь, спасти его, а мог и прогнать, Денис боялся только одного – стать таким, как Анку, – нераскаявшимся, вечно ненавидящим убийцей. Остаться навечно со злобой и чувством вины – двумя чудовищными спутниками, подпитывающими друг друга и не дающими умереть друг другу.

Но сердце приходило в нормальный ритм, а в голове крепла мысль, что он делает все правильно.

– Чем я могу помочь вам? – Взгляд священника был в одно и то же время напряженным и возбужденным, словно он с нетерпением ждал, что сейчас услышит от странного посетителя, и одновременно боялся того, что может узнать.

– Мне нужно покаяться.

Сказав это, Денис перестал отводить взгляд и посмотрел на священника, твердо и немного зло, словно обвиняя его в том, что тот стал невольным свидетелем хаоса в душе Дениса.

Священник, мимолетом взглянув за спину Денису, сказал:

– Меня зовут отец Павел. А как вас?

Денис назвал свое имя, все так же глядя в глаза. Почему-то сейчас ему казалось, что его дальнейшая судьба зависит от того, сможет ли он не отвести взгляд, хватит ли ему твердости для этого.

Священник пару секунд молчал, потом произнес мягко и тихо:

– Денис, постарайтесь немного расслабиться. Я попробую вам помочь, но для этого мне понадобится *ваша* помощь.

Денис закрыл глаза. От слов священника он почувствовал успокоение, теплое, словно стакан чая.

– Хорошо. Но я не очень-то верю в Бога.

В голове непроизвольно возник киношный образ священника, говорящий: «Это не важно, главное Он верит в вас».

– Думаю, все обстоит иначе. Вы бы не пришли за помощью к тому, в кого не верите.

Денис кивнул. Священник ему нравился. Он внушал доверие и покой и походил на человека, который сможет если не помочь, то хотя бы выслушать.

– Теперь попробую предположить, что вам сейчас нужна исповедь, а не покаяние.

– Я думал, что это одно и то же.

Отец Павел слегка помотал головой, спокойно, словно перед ним сейчас не стоял всклокоченный посетитель, а за спиной посетителя – напряженный охранник.

– Не совсем так. А точнее, совсем не так. Если не углубляться в дебри, то исповедь – это диагноз, а покаяние – это исцеление.

Денису пришла в голову мысль, что отец Павел одной удачной метафорой показал, что Денис напрасно прошел весь этот путь. Видимо, эта мысль отразилась на его лице, так как священник тут же произнес:

– Но мы прекрасно знаем, что без диагноза любое лечение – лишь напрасная трата сил и времени.

Священник говорил коротко, стараясь не удаляться от сути, но с явным удовольствием. Денис решил, что Павел любит себя послушать. Он совсем не походил на образ служителя церкви, который Денис сложил для себя: не было напыщенности, мягкого, скрытого за всеобъемлющей любовью, превосходства над другими. Ничего подобного. Священник, на которого Денис теперь возлагал все свои надежды, как и любой смертный, имел

свои слабости и пристрастия.

– Итак, начнем с малого, а большее зависит от вас.

Денис вновь кивнул и тут же спросил:

– Отец Павел, почему вы мне помогаете?

Почему-то ответ на этот вопрос показался ему важным.

Священник мягко улыбнулся, задумался на секунду, словно выуживая что-то из своей памяти, и произнес:

– Аще кто, епископ, или пресвитер, обращающегося от греха не приемлет, но отвергает: да будет извержен из священного чина.

Денис смотрел на отца Павла, стараясь понять то, что услышал. Наконец до него дошло.

– То есть вы не имеете права мне отказать?

– Да, формальная сторона такова. И если я сейчас не попытаюсь вам помочь, Денис, то боюсь, спать я буду хуже. Это – неформальная.

А внутренний голос в голове священника добавил: «И если ты не удовлетворишь свое любопытство, то совсем не сможешь заснуть».

– Прости, Господи, – снова еле слышно пробормотал он.

Почувствовав, что головная боль, то ли из-за происходящего, то ли сама по себе, немного утихла, отец Павел улыбнулся странному визитеру чуть шире, вызвав тем самым ответную улыбку. Денис тоже чувствовал себя гораздо лучше, чем пару минут назад.

– Следуйте за мной.

Отец Павел двинулся в глубь храма. Денис поспешил за ним, с радостью ощущая, что охранник, стоявший за спиной, не последовал за ними. Возможно, ему передалось спокойствие священника, но, скорее всего, секьюрити передал своим коллегам информацию, а сам остался на своем посту. Тем не менее, Денис почувствовал облегчение.

Священник подошел к лестнице, спрятавшейся в углублении, и кивнул Денису на нее. «Вход в Преображенскую церковь», – гласила надпись на небольшой зеленой табличке. Они двинулись по узкой винтовой лестнице вниз: впереди священник, за ним Денис, окидывая взглядом светло-зеленые стены помещения. Круглая лестничная шахта вызывала у него стойкую ассоциацию с колодцем. Денису показалось, что они спустились этажа на три (хотя в тесном пространстве «колодца», лестница могла показаться длиннее, чем она есть), когда, наконец, ступеньки кончились и они вышли в зал с высокими, метров под пять, сводами. Оказалось, что под храмом пряталась довольно большая,

просторная церковь.

– Я не знал, что здесь есть церковь под землей, – проговорил он.

– На самом деле, мы находимся как раз на уровне земли, – ответил священник, не оборачиваясь.

Денис вспомнил ступеньки, к которым он полз вверх, к дверям храма, сходя с ума от дикой боли в висках. Они казались ему в тот момент бесконечными.

Он кивнул, хотя отец Павел и не мог увидеть его движения.

Священник вел его через маленькие залы, разделенные между собой арками. Когда Денис увидел табличку «Выход» на чуть покосившейся металлической стойке, он удивился.

– А куда мы идем?

– В будни литургия проходит не в здании храма, а…

В этот момент они прошли в следующий зал, в конце которого Денис с ужасом увидел распахнутые двери. Пятачок перед выходом был залит ослепительным солнечным светом.

– …в часовне.

Отец Павел оглянулся, произнося это, и увидел то, что всегда считал оборотом речи – красивым, поэтичным, но слегка преувеличенным. Фраза «краска сошла с лица» скорее подходила дамским романам девятнадцатого века, где все преувеличенно охали и ахали и, чуть что, грохались в обморок. Но сейчас он в действительности наблюдал, как краска схлынула с лица молодого человека, превратив щеки и лоб в бледную, цвета гипса, плоть. Болезненные мешки под глазами тут же проявились, словно на лакмусовой бумаге. В глазах появилось то же выражение, что и при их встрече у входа в храм.

– Что-то не так?

Денис открыл было рот, но не смог произнести ни звука.

«Туда нельзя», – ярко, как солнечный свет за дверями, вспыхнуло в голове Дениса.

Так не могло быть. Он проделал весь этот путь сюда, в храм, спрятался в нем, словно какой-нибудь древний житель во время набега монголо-татар, убедил священника помочь ему. И все должно было закончиться там, за этими дверями, где, словно рыбак несчастную рыбешку, его ожидал Анку?

Священник взволнованно смотрел на него, возможно, уже жалея, что решил помочь странному посетителю. Денис и сам понимал, как он сейчас выглядит, но его это не волновало. Он просто не собирался идти туда, где его ждал Анку, до того, как сделает то, за чем пришел.

«Иди», – внезапно услышал он.

Денис удивленно посмотрел на священника, но тот молчал.

«Иди, не бойся», – повторил голос, и Денис понял, что он не услышал эти слова, а почувствовал их в своей голове. И это не был его внутренний голос. Этот новый голос озвучивал в его голове чужую мысль чужими словами.

«Я не могу туда идти. Эта скотина Анку меня уже не отпустит. Он ждет меня там», – мысленно проговорил Денис, чувствуя себя немного глуповато и понимая, что голоса не существует и ответа он не дождется.

Но голос ответил.

«Иди и делай то, что должен. Жнец не увидит тебя».

Жнец. Судя по всему, голос так называл Анкудинова. Денис отметил про себя, что это имя, Жнец, очень подходило Константину Андреевичу.

– Денис, ничего не бойтесь, – голос священника звучал неуверенно. – Вы в храме Божьем.

Денис повернулся к отцу Павлу и ответил, но не священнику, а голосу внутри:

– Идемте. Но если вдруг со мной начнет происходить что-то странное, затащите меня обратно в эту дверь.

Священник непонимающе приподнял бровь. В его лице чувствовалась нешуточная борьба эмоций. Наконец он кивнул.

– Хорошо.

И вышел первым, словно давая понять Денису, что бояться нечего. Денис мельком увидел в глазах священника довольное выражение, словно тот радовался тому, что так просто смог уговорить испуганного посетителя. В этот момент отец Павел стал ему еще более симпатичен.

Он шагнул за дверь следом и остановился, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Константин Андреевич, Жнец, себя никак не проявил. Ни голоса, ни свербящего ощущения в голове. Ничего. Только шум машин от находящейся рядом дороги.

Сзади раздался скрипучий, с истерическими нотками, старушечий голос:

– Молодой человек, вы здесь не один. Дайте пройти.

Денис пропустил сварливую старушку и пошел следом за отцом Павлом, который время от времени настороженно оборачивался, словно думая, что Денис убежит прочь, хихикая и громко возвещая кару на головы неправедных.

Часовня оказалась невысоким зданием из сруба, окруженным кленами и палисадниками. Здесь после помпезности и монументальности храма все казалось легким и открытым. Словно бы они находились не в центре мегаполиса, а в какой-

нибудь малочисленной, хоть и богатой, деревушке.

Отец Павел поднялся по ступенькам, открыл одну створку дверей и обернулся к Денису:

– Ничего страшного не произошло?

И вновь неосознанное выражение довольства показалось на его лице.

– Кажется, не произошло, – проговорил Денис, но все же поспешил войти следом за отцом Павлом под свод часовни.

Они оказались в небольшом, но довольно просторном помещении. В отличие от храма, закованного в камень, часовня казалась более живой, естественной: стены из сруба, пробитого паклей; слегка поскрипывающий деревянный пол; мягкий дневной свет, льющийся сквозь узкие окна – здесь было естественнее размышлять о праведной жизни, чем о наказании за неправедную. Денис мысленно порадовался, что в итоге они пришли сюда. В часовне он почувствовал себя более уверенно.

Отец Павел повел Дениса мимо, в дальний угол справа от иконостаса, занявшего центральную часть стены. Здесь в углу на стене висела высокая, метра три-четыре, икона Божьей Матери, восседавшей на троне в короне на голове и со скипетром и державой в руках. На коленях у нее был младенец Иисус.

Священник подвел Дениса к темно-коричневой деревянной подставке с покатым верхом, доходящей Денису до груди. Там, на подстеленной материи, лежала книга с длинной и широкой атласной лентой между страниц и большой крест.

Отец Павел повернулся:

– Вы побудьте здесь, а я сейчас вернусь.

Он исчез за небольшой дверкой в иконостасе и через минуту появился снова, облаченный поверх рясы в длинное, в пол, подобие шарфа с вышитыми на нем золотыми нитками крестами. В руках он держал узкую книжицу, больше похожую на блокнотик для записи телефонов и адресов. Подойдя к Денису, он вкратце объяснил, что этот «шарф» называется епитрахилью, а подставка – аналоем, на котором лежит крест и Евангелие.

Он проинструктировал Дениса:

– Подойдите и встаньте лицом к аналою. Я прочитаю молитву, и мы можем начинать.

Денис сделал несколько шагов и встал перед аналоем. Отец Павел расположился слева от него так, что Денис видел его краем глаза.

– Боже, Спасителю наш, – начал священник, – иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениих оставление даровавый, и Манассиину в покаяние молитву

приемый, Сам и раба Твоего Дениса, кающагося о нихже…

Денис чуть повернул голову и посмотрел на висящую икону. Глаза Божьей Матери и Иисуса были устремлены вперед, но Денис почему-то подумал, что было бы хорошо, если бы они смотрели на него. Это бы ему помогло.

– …величество Твое безприкладное, и милость Твоя безмерная…

Он не слушал молитву.

«Вот бы они смотрели на меня», – думал он.

– …и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Священник несколько секунд хранил молчание, затем произнес все с той же присущей ему мягкостью:

– Вы можете начинать, Денис.

Денис начал рассказывать: тяжело, подбирая слова, словно боялся, что если даст волю чувствам, то остановиться не сможет. Он сухо и сдержанно упомянул о своих родителях, не вдаваясь в подробности его взаимоотношений с ними, и сразу же перешел к пожару. Денис и сам понимал, что его речь больше походила на исполнение тяжелой и нежелательной обязанности, чем на исповедь, но это понимание нисколько не помогало. Он стоял лицом к аналою и поэтому не видел стоявшего за спиной священника и не мог сказать, как тот реагирует на рассказ. Денису ежесекундно казалось, что священник захлопнет Евангелие и выгонит его со словами: «Уйди вон, братоубийца!»

– Денис, – тихо проговорил священник, когда тот закончил короткую историю.

Денис чуть поднял опущенную голову, не поворачиваясь.

Отец Павел, видя, что его слушают, продолжил:

– Что вы чувствовали, когда убегали из квартиры?

– Я… я… злился.

– Вы на что-то обижались?

– Да. Я не хотел быть чужим дома, – выпалил Денис и понял, что в этом и была причина его ненависти к брату, а не постоянное навязывание родителями ему ответственности. – Мне хотелось, чтобы хоть иногда что-нибудь сделали для меня. Любую мелочь. Чтобы я понимал, что я им нужен. А вместо этого отец, скотина…

– Денис, вы здесь, чтобы открыть свои собственные грехи, – раздался сочувствующий и в то же время внезапно ставший тверже голос священника.

Денис кивнул, и его злоба словно бы свалилась с него с этим резким кивком. Он несколько секунд помолчал и сказал то, что держал в себе все эти годы, не имея возможности выговориться и

избавиться от этого.

– Я вижу его постоянно. Я имею в виду Лешу, – произнес он и добавил: – Брата.

Он на секунду задумался:

– Естественно, не в реальности. Он мне снится. Постоянно. Я не вижу лица. Наверное, потому, что не помню его. Он даже ничего не делает, он просто присутствует. Напоминает мне о том, что я натворил.

Денис немного замялся, вспомнив последний сон, в котором его брат говорил с ним.

Священник спросил:

– Сейчас в вашей душе есть обида?

– На Лешу?

Денис замолчал.

Он попытался найти в себе обиду, злость. Хоть что-нибудь похожее. Но нет. Только сожаление за содеянное и страстное желание вернуться в ту самую квартиру, в тот самый день, чтобы на этот раз уже не убегать.

– Нет, – наконец сдавленно произнес Денис. Больше он не смог ничего сказать – в горле стоял ком.

– Склоните голову, Денис, – попросил отец Павел.

Денис, уставший и опустошенный, выполнил просьбу. Священник положил ему на голову край «шарфа» – епитрахили и начал быстро нараспев молиться:

– Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Денис, вся согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, властию Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Затем убрал епитрахилью и проговорил:

– Не знаю, что у вас сейчас происходит в жизни, но то, что вы здесь появились, – очень важно. Как для вашей пошатнувшейся веры, так и для вашей неспокойной души. И, продолжая мою аллегорию, – диагноз вам известен, и вы уже встали на путь исцеления. Возможно, путь будет неблизким, но, по крайней мере, он в нужном направлении.

Денис кивнул. Он хотел что-то сказать, ответить, но сил не было.

– А теперь идите, довершайте начатое и… будьте аккуратны.

Отец Павел вышел из часовни и посмотрел вслед молодому человеку, который так и не раскрыл секрет того, почему он прибежал в храм в таком расстроенном виде. Наверняка его

история стоила того.

«Так же как и плод, который вкусила Ева», – мысленно осек он себя.

Несколько раз во время исповеди он порывался направить беседу так, чтобы Денис рассказал о том, что толкнуло его прийти в храм, но каждый раз он усилием воли останавливал себя. И сейчас был безмерно рад этому, хотя в душе и остался лукавый голосок, который жалел, что священник не утолил свое любопытство.

«Чиста должна быть та рука, что омывает нечистоты других», – вспомнились ему где-то прочитанные слова.

Повернувшись к храму, отец Павел обнаружил, что от головной боли не осталось и следа.

31

Короткий, не более полукилометра, путь от храма Христа Спасителя до дома номер шесть «а» по улице Остоженка показался Денису долгим и удивительным. Он практически не замечал окружающей действительности, машинально выбирая направление и переходя перекрестки по пешеходным переходам. Внутри него происходило нечто невообразимое: дикое необузданное чувство радости, взявшееся словно ниоткуда, перемешивалось с ужасом, который возникал при мысли о посещении квартиры двадцать четыре. И этот самый ужас моментально менялся на твердую убежденность, что он со всем справится. А потом приходила растерянность и неуверенность, вплетаясь в бурлящий бессознательный поток мыслей и чувств. И над всей этой неразберихой, на поверхности, плавал единственный осознанный вопрос: «Где же Анку?» Ведь после выхода из часовни Анкудинов ни разу не обозначил свое присутствие. Ни единого намека на то, что в голове Дениса присутствовал этот монстр. От этого становилось еще хуже – кто знает, что тот задумал.

На Остоженке, в нескольких десятках метров от пункта назначения, непонятный душевный подъем спал, и мысли приняли более конкретное, но менее оптимистичное направление. Шаг за шагом он подходил к дому, где его ждала Смерть. Денису не нравилась эта фраза, но он не мог не думать об этом. С одной стороны, он понимал, что думает он именно о Смерти, о ком-то осязаемом. Именно так, с большой буквы, имя собственное. Но в том, что его ждет Смерть, уже была заложена обреченность, ведь смерть с маленькой буквы была где-то рядом,

и, возможно, она тоже ожидала его.

Двор дома номер шесть «а» встретил Дениса безжизненной тишиной. Денис ожидал, что обстановка каким-то чудесным образом подскажет, что он победил, но правило голливудских фильмов вновь не сработало. Все казалось в точности таким же, как и раньше. Все так же ветер, который совершенно не чувствовался на улице, гонял мусор по палисадникам двора. Все те же мертвые деревья и та же мертвая трава.

Денис набрал на домофоне код «51», открыл дверь второго подъезда и поднялся на первый этаж. Его встретили двери семнадцатой и восемнадцатой квартиры. Стены, двери, потолок – все выглядело безжизненным и брошенным. Словно люди, жившие здесь, однажды собрались и организованно покинули дом. Эта мысль настолько поразила Дениса, что он, не раздумывая, приблизился к двери семнадцатой квартиры и нажал на кнопку звонка. Ничего не произошло – раздался еле слышный щелчок пластмассовой кнопки и ничего более. Звонок не работал. Денис несколько секунд задумчиво поизучал отчетливый отпечаток своего пальца на пыльной кнопке и затем постучал кулаком по железной поверхности двери. Звук получился мягкий и безжизненный, словно он бил в кусок поролона. И вновь – никакой реакции с той стороны двери.

Он постучал в восемнадцатую, уже понимая, что произойдет то же самое. Произошло. По звуку казалось, что за дверью находится не помещение, а глухая стена. Денис ощущал себя человеком, попавшим на съемки фильма, когда декорации вокруг такие реалистичные на вид, но оказываются бутафорскими на проверку. Иллюзия для зрителя. И зрителем сегодня был именно Денис.

Он еще раз постучался в восемнадцатую, внутренне надеясь на чудо. Хоть на какое-нибудь. Чуда не произошло. Поблизости все так же не было ни единой живой души, кроме самого Дениса и Анкудинова, ожидающего его на четвертом этаже этого подъезда-декорации. Хотя в том, что Анку – живая душа, Денис сомневался. Оснований для сомнений было более чем достаточно.

Небольшая задержка на первом этаже заставила Дениса засомневаться в правильности того, что он делает. У него возникло сильное желание рвануть прочь из этого дома. Вдруг исповедь сделала его недосягаемым для Анку? Вдруг уже все закончилось и его возвращение сюда только все испортит, перечеркнет? Вдруг сейчас нужно избегать места, где обитает Анкудинов, чтобы тот не смог вновь контролировать Дениса?

«Нет, – раздалось в голове. – Иди и доведи дело до конца.

Другого не дано».

Снова тот же голос, и снова он толкал вперед. И раз уж Денис затеял противостояние, то останавливаться было нельзя. И, кроме того, несмотря на свой страх, он отчаянно хотел взглянуть этой сволочи Жнецу в глаза и сказать то, что собирался сказать. Не очень праведное желание, но, как он недавно сказал Анкудинову, он и не Христос.

Нужно было идти, пока сомнения вновь не вкрались в голову, и Денис двинулся вверх.

Алюминиевая табличка с цифрами «24» словно бы кричала: «Ничего не изменилось. Все в силе. И в этом договоре твои чресла зажаты в руке Смерти!»

Денис не стал звонить или стучать. Соблюдать условности не имело смысла. Он просто опустил тяжелую ручку вниз и слегка толкнул дверь внутрь квартиры.

Еще по пути сюда он мысленно расставлял сегодняшние знамения в два столбика. Первый назывался «Знамения против» и состоял из всего того, что не изменилось после посещения часовни: мертвенность дворика, пустота подъезда, сама квартира двадцать четыре. Во втором столбике с названием «Знамения за» было лишь одно, не очень убедительное, предзнаменование – молчание Анку. И сейчас, в проклятой квартире, получалось, что шансы Дениса, в соответствии с законами жанра, стремились к нулю.

«Да ну эти глупости», – мысленно отбросил он от себя ненужные мысли и сделал шаг вперед. И тут же сквозь его тело прошел безболезненный разряд тока, добавив еще одно «знамение против».

Жнец сидел в пустой квартире в ожидании курьера. Он пытался сохранить самообладание, но это у него получалось из рук вон плохо. Проклятый сопляк заставил его понервничать – это стоило признать. Анку слишком расслабился за века своей работы. Он не думал, что человек, в особенности такой тщедушный, каким казался Денис, мог что-то противопоставить самой Смерти. Оказалось, мог. Жнецу вновь пришла на ум сказка про лягушку в горшочке со сметаной. Юнец оказался той лягушкой, которая будет дрыгать лапками, если не оставить ей выбора. Будет дрыгать, пока не выкарабкается.

– Или пока ей не оборвут ее зеленые лапки, – произнес Жнец и рассмеялся, но пустая квартира не отдалась эхом. Вместо этого пыльные стены, словно губка, поглотили звук. Убили его. Здесь все было мертво, кроме самого Жнеца, свеча которого до сих пор

горела.

Он видел, что курьер вышел из храма и двинулся в направлении дома Анку. И это был хороший знак. А вот плохой заключался в том, что он не мог влиять на юнца. По какой-то неведомой причине Всевышний внес изменения в пари.

– Это нечестно, Творец! – проговорил Жнец, вскакивая с места. При этом его лицо, словно помехи в телевизоре, рябило, то превращаясь в трухлявый грязно-серый череп, то вновь принимая человеческий облик.

Жнец никак не мог совладать со своей яростью. В какой-то момент он даже испугался, что злоба испортит все дело, а этого нельзя было допустить. Страдать века из-за вспышки ярости? Нет, он это уже проходил и повторения не желал. Поэтому нужно было брать себя в руки. Ведь не будет же он нервничать из-за конвульсивных сокращений жалкого червяка. Как бы резко и непредсказуемо тот ни сокращался, он все равно остается червяком, и кобры из него не выйдет.

Анку сел в кресло и несколько минут не шевелился. Рябь на лице постепенно сошла на нет, вернув Жнецу человеческую маску.

Когда раздался звук открываемой двери, он был совершенно спокоен.

Поначалу пришло ощущение повторения. Не дежавю, когда не можешь вспомнить, какой именно эпизод из жизни повторяется, а ощущение попадания в прошлое. Словно Денис был героем очередной части «Пункта назначения»: он видел и знал, что произошло, а виденное повторялось с точностью до секунды. И даже если бы этот герой вздумал сейчас рвануть прочь, то рок все равно бы его настиг.

Дениса встретил коридор, покрытый толстым слоем пыли. На полу не было видно ни единого отпечатка. Шкаф в дальнем правом углу и вешалка слева все так же неудачно имитировали человеческое жилище. Грязно-серый телефон на тумбочке казался безжизненным чучелом, которое сюда выставил безумный таксидермист, так, для заполнения пространства.

«Интересно, с этого телефона он звонил мне? Мобильника я у него не видел».

Почему-то мысль, что Анкудинов мог пользоваться телефоном, удивила его. Как-то не вязался этот инфернальный демон с благами цивилизации. Хотя, с другой стороны, имел же Анку ноутбук.

Денис двинулся по небольшому коридорчику в сторону комнаты, мимоходом взглянув на дверь туалета, за которой ему

вчера открылся неведомый раньше мир Анку. Безжизненный мир непрощенного убийцы. Мертвый лес, мертвое озеро и бесконечное поле жизни.

Оторвав взгляд от двери, он шагнул к проходу в комнату и остановился. На него пристально смотрели древние глаза Анку. Лицо, по которому невозможно было определить возраст, светилось холодным спокойствием, а на тонких губах играла легкая уверенная улыбка. Именно спокойствие и улыбка окончательно привели Дениса к выводу, что не только не произошло улучшений, но и что степень дерьмовости ситуации повышалась с каждой секундой.

«Приплыли», – обреченно вздохнул Денис.

На него навалилось чувство безразличия. Тяжелое, но спокойное. Мысль о том, что при плохом раскладе ему предстояло стать преемником Анку, не вызвала в нем никаких эмоций.

В комнате из мебели остался лишь один стул, на котором и сидел Анку. Второй стул и журнальный столик исчезли. И без того безликая комната превратилась в некое подобие одиночной палаты в психиатрической клинике.

«Здесь была картина», – вспомнил Денис, шагнул в комнату и обернулся на стену. Правее от выхода висело полотно, на которое он обращал внимание в оба посещения квартиры. Адам и Ева.

Денис против воли усмехнулся. Это походило на усмешку обреченного преступника, которому начали рассказывать о вечной жизни после казни.

– Ты увидел что-то забавное? – произнес Анку, и Денис моментально почувствовал, что за каменным спокойствием скрывается дикая, еле сдерживаемая ярость.

– Просто смотрю на картину, – сказал он.

Вспомнив, *что* из себя представляет Анкудинов, Денис понял, что не все еще потеряно. Анку ненавидел его и в глубине души боялся. А значит, шанс был. Но Денис не представлял, как действовать дальше: в голливудских фильмах герой по какому-то нереальному совпадения или по знамению в последний момент всегда находил выход из ситуации. Но здесь и сейчас не было ни режиссера, ни сценария, чтобы понять, что делать.

– Посмотри, посмотри, – проговорил Анкудинов. – Только не долго, ибо нам предстоит выдвигаться.

– Мы куда-то идем? – спросил Денис.

– Естественно! – произнес Анку все с тем же внутренним бешенством, глубоко запрятанным за ширмой внешнего спокойствия. – Сам понимаешь, мне нужно передавать дела и уходить на пенсию. Я ее заслужил, не правда ли?

Денис ничего не ответил. Он почувствовал в груди несильное жжение, смешанное с легкой дрожью, похожее на ощущение курильщика, который давно не брал в рот сигарету и которому предстояло подождать еще несколько минут. Странное чувство, но не неприятное.

– Конечно, заслужил, – сам ответил на свой вопрос Анку.

Он встал, наигранно поправил полы пиджака, неспешно стряхнул несуществующие пылинки с рукавов. Затем медленно, шаг за шагом, прошествовал мимо Дениса к коридору. У Дениса по спине побежал холодок, а на руках появилась «гусиная кожа». Он готов был сейчас отдать все, что угодно, лишь бы не ощущать этой холодной, промозглой сырости, которой веяло от Смерти. Анкудинов это заметил и улыбнулся чуть шире.

– Не волнуйся, я задержу тебя ненадолго. Я, знаешь ли, сам очень спешу.

Он рассмеялся уже до боли знакомым Денису бесчувственным смехом.

– Билеты куплены, сумки собраны. Так что поспешим.

И он распахнул дверь туалета, открывая путь во Владения Смерти, которые она (или скорее, он), решила переписать на московского курьера Дениса Крайнова.

– Я никуда не пойду! – произнес Денис. В его голосе появилась уверенность, которой он не ощущал.

– Прости? – переспросил Анкудинов, но по его глазам было видно, что он все прекрасно расслышал. Лицо Анку от ярости запузырилось язвами, лопающимися и вновь надувающимися. Зубы, видневшиеся из-за просвечивающей тонкой, омертвелой кожи, скалились в ухмылке. Серые глаза сверлили ненавидящим взглядом Дениса.

В голове Дениса в мгновение ока промелькнули две мысли, совершенно противоположные: страх, что сейчас начнется невыносимая экзекуция в стиле Анку, и дикая радость от того, что он смог довести до белого каления гада, который превратил его в разносчика смерти.

Через секунду Денис с удивлением понял, что боль в голове не возникла, но прежде, чем он успел это обдумать, две мертвенно-холодные, как сталь, руки сжали его горло, и он почувствовал, как его ноги отрываются от пола.

Жнец подождал, пока из горла курьера не раздастся хрип, и только тогда бросил уже не сопротивляющееся тело на мертвую землю безымянного мирка. Стена леса окружала их, создавая интимную обстановку для разговора tête-à-tête. Он не мог убить наглеца, он не мог, как недавно выяснилось, забраться к нему в

голову и привести в чувство бунтовщика, но он пока еще был в состоянии воздействовать на него физически. Хотя для того, чтобы убедить Дениса, сила ему не требовалась. Он знал другой способ.

– Прошу меня великодушно извинить, – произнес Анку нарочито грустным голосом, – но необходимость выполнения сделки требует от меня более радикальных мер.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал ярко-белый конверт. Затем бросил его на грудь распростертому на земле курьеру. На письме, слишком ярком в этом мрачном лесу, бурлила кроваво-красная надпись «AMS». В графе «Кому» значилась «Абадеева Светлана».

Денис, не поднимаясь, вытянул шею и взглянул на письмо. Увидев фамилию Ланы, он рванулся, словно бы вылетел из-под письма, не дотрагиваясь до него.

«Это какая-то ошибка! – панически метнулась в голове мысль, и тут же на нее наслоилась другая: – Нет, этот гад сделал так намеренно. Это письмо не Лане…»

– Это не однофамилица, смею тебя заверить, – холодно проговорил Анку и, присев, поднял конверт. – Как я уже говорил, сделка, в результате, никогда не бывает взаимовыгодной, но у тебя есть серьезный шанс хотя бы сохранить то, что тебе дорого.

Он с преувеличенно торжественным видом взглянул на надпись на конверте:

– Вернее сказать, сохранить того, кто тебе дорог. Вариантов – два. Первый – наименее предпочтительный. Ты продолжаешь свое героическое позерство, в то время как твоя спутница отправляется в пустоту, а в итоге ты все равно попадаешь сюда. И второй – наиболее предпочтительный. Ты перестаешь паясничать, а я рву письмо, и Лана живет, долго и счастливо коптя своей свечкой.

Он убрал конверт обратно в пиджак.

Денис растерянно смотрел на лацкан, за которым исчезло уведомление о смерти для Ланы, не в силах проговорить ни слова. В голове перемешалось все: и постыдное желание сопротивляться, несмотря на последствия, и желание согласиться с Анкудиновым и тем самым обречь себя на вечное проклятие.

«Бог, где ты, когда мне нужна помощь?»

Анкудинов терпеливо ждал, не торопя Дениса. Теперь, когда он контролировал ситуацию, можно было и не спешить.

Под черным неподвижным небом мертвые деревья все так же безмолвно смотрели на открывшуюся перед ними картину. В тишине раздавалось лишь частое дыхание Дениса, который собирался принять самое важное решение в жизни.

Денис так и не дождался ответа Господа. Сейчас он, и только он, должен был решить вопрос, и от его решения вновь зависела жизнь.

Через минуту он молча встал.

Анкудинов приподнял бровь и изобразил сочувствующую улыбку на чистом, без изъянов, лице и произнес:

– Итак? Ты принял свое решение?

Денис зло посмотрел на Анку и тихо проговорил, морщась от боли в горле:

– Да, мы идем. – И тут же добавил: – Чтоб ты сдох, скотина.

Анкудинов рассмеялся, и впервые его смех звучал естественно:

– Само собой, мой друг! Чтоб я сдох! В этом и весь план. И я рад, что у нас с тобой здесь нет расхождений во мнениях.

Денис следовал за Анкудиновым по мертвому лесу по направлению к озеру и полю со свечами. Горло горело внутри, будто он сделал огромный глоток кипятка, а снаружи он ощущал пульсирующий холод от пальцев Анкудинова.

«Рабочее место», – с мрачной безнадежностью подумал он.

Место, где ему предстояло провести вечность. Думая об этом, Денис не мог отделаться от мысли, что происходящее находится на той грани, где пересекается фантазия и реальность. С одной стороны, опыт, ограничитель человеческого восприятия, кричал: «Бред! Такого не может быть! Мы не в Стране чудес, в которой может произойти все, что угодно, только потому, что может произойти все. Ты просто спишь под деревом, а не гоняешься за сраным белым кроликом». А с другой стороны, невозможно было себя убедить, что все вокруг – лишь его разыгравшаяся фантазия, не вынесшая постоянного пресса голливудского мусора. Анку, Лана, Алексей Петрович, отец Павел…

Пару недель назад он шатался по жизни, где все было хоть и скучно, но предсказуемо, а теперь мир перевернулся с ног на голову и вывернулся наизнанку. Да и сам Денис ощущал себя совершенно другим человеком – на те же вопросы он бы давал уже совершенно иные ответы. А как иначе, если за несколько дней он превратился в смертоносного почтальона – в демоническую версию Печкина из «Простоквашино», который приносит свои дурные вести всегда туда, куда нужно, и тогда, когда нужно?

Денис резко остановился. Как он мог оказаться таким дураком? Денис мысленно проиграл диалог с Анку. Нет, все верно: Анкудинов провел его, как первоклассника! В голове Дениса раздался тихий, но уверенный голос, тот самый, что

несколько минут назад посоветовал ему доводить начатое до конца.

– Он лжет. Он всегда лжет – такова его суть.

Только через секунду он понял, что на этот раз услышал голос не в голове. Кто-то произнес эти слова вслух: мягко и тихо, но отчетливо.

Анку резко обернулся, но Денис тут же понял, что причиной этого был не прозвучавший голос, а задержка Дениса.

– Какие-то проблемы?..

Анкудинов ничего не слышал. Денис почувствовал, как в груди вновь появилось то самое легкое жжение курильщика, жаждущего никотина. И с этим жжением пришла надежда и уверенность.

– Да, есть небольшая проблемка. На твоем славном конвертике для Ланы нет даты вручения. А это значит, что ты – просто жалкий балабол, у которого…

Он не смог договорить начатое, так как вновь на его шее сомкнулись руки Анку. Но боли Денис не чувствовал. Его словно мягко отбросило вглубь сознания, и теперь он, немного отстраненно, наблюдал за тем, что происходит. Его тело уже ему не принадлежало, и на данный момент его это устраивало. А вот жжение он чувствовал. Оно ежесекундно усиливалось. И теперь оно было в десятки раз сильнее, словно внутри него открыли маленький химический заводик, на котором внезапно произошла утечка ядохимикатов. Это жжение тоже не причиняло боли, скорее – трепет. Священный трепет перед чем-то непознаваемым, необъятным. Денис прислушивался, погружался в это ощущение, и ему казалось, что внутренний трепет все рос, хотя больше расти уже не мог. Казалось, что еще немного, и он в клочья разорвет слабое тело и вырвется наружу. Этому жжению-трепету было тесно внутри. Оно требовало выхода.

Глядя на пыльно-серые истлевшие, с зияющими отверстиями, щеки Анку, сквозь которые виднелись столь же серые зубы, Денис назвал его по имени. Но голос, который он услышал, был чужим. Этот голос, который только что прозвучал и который не услышал Анкудинов («Лжет. Он всегда лжет»), раздался теперь отовсюду. Казалось, каждая частичка его тела, каждое дерево и каждая травинка в мертвом лесу произнесли настоящее имя Анку:

– КАИН!

32

Чем дольше Лана ждала Дениса у дома номер шесть «а», тем

меньше она верила в то, что увидит его живым. Надежда на то, что все их злоключения не должны были пропасть даром, таяла с каждой минутой, проведенной тут. Тот боевой настрой, с которым она покидала квартиру Алексея Петровича, медленно, но неумолимо сходил на нет, уступая место безысходности.

Сначала Лана обошла двор вдоль и поперек. Затем зашла в единственный подъезд, вызвав подозрительный взгляд консьержки, которая все же предпочла промолчать. Поднявшись на четвертый этаж, она тупо уставилась на дверь квартиры номер шестнадцать. Никакой двадцать четвертой тут не было и быть не могло. В определенный момент к ней закралась подленькая мысль, что все: Виктор, Алексей Петрович, Денис, – были просто сумасшедшими. Письма, сороки, бретонские сказки – все это напоминало чью-то хоть и весьма правдоподобную, но все же больную фантазию.

Она села на ступеньки и заплакала. В эти дни она плакала больше, чем за последние несколько лет. То ли из-за того, что она оказалась вовлечена в странную и жуткую пляску со смертью, то ли из-за того, что в ее жизни появилось то, что она боялась потерять. Она ни на секунду не жалела, что все это произошло с ней, хоть сейчас от этого не было легче.

– Почему вы плачете? – раздался тихий голосок за спиной.

Лана резко обернулась и прижалась к стене. Сердце подскочило и заухало в бешеном ритме в висках.

Смуглый мальчик лет восьми с длинными, черными как смоль волосами смотрел на нее. Он нисколько не смущался: его большие карие глаза светились интересом и сочувствием, немного странным для восьмилетнего мальчугана.

Лана невольно улыбнулась.

– Мне просто немножко грустно. Но, кажется, все прошло.

Мальчик с деловым видом кивнул.

– Это хорошо. Моя мама говорит, что, если часто плакать, можно ослепнуть. – И продолжил заговорщицким тоном: – Но я в это не верю.

Лана рассмеялась:

– Твоя мама очень умная.

Мальчик, видя, что его слушают, продолжил:

– А еще мама говорит, что плакать не надо, потому что слезки не помогают.

– Ты слушаешь маму? Не плачешь?

Мальчик кивнул, но его пухлые щеки тут же густо покраснели.

Лана почувствовала, что слезы и в самом деле отступили.

– Паша, ты где? – раздался голос из-за двери пятнадцатой

квартиры.

– Я уже тут, мам!

– В подъезде?

Из-за двери появилась женщина – миловидная худенькая брюнетка, при взгляде на которую можно было сразу сказать, что она – мать Паши: те же губы, тот же нос, даже блеск карих глаз был точно таким же.

– Здравствуйте, – проговорила Лана, смахивая рукавом слезы.

– Добрый день! – доброжелательно проговорила женщина, а затем повернулась к мальчику: – Ты ничего не забыл?

– Ой, – проговорил Паша после нескольких секунд размышлений.

Он повернулся к Лане и прошептал, словно его шепот не могла слышать мама:

– Я забыл взять Барсика. Мы несем его к ветеринару. Он обжег себе лапу.

И Паша шмыгнул за дверь.

– Находка для шпиона, – улыбаясь, проговорила ему вслед женщина и захлопнула дверь.

Лана несколько секунд смотрела на дверь. Странно, но слова добродушного мальчишки привели ее в чувство. Это походило скорее на глоток вкусного бодрящего кофе, чем ушат воды на голову. Действительно, не имело смысла сидеть здесь и жалеть себя. Ведь где-то рядом, в несуществующем втором подъезде, Денис находился в столь незавидном положении, что ее причитания казались пустым и бессмысленным сотрясанием воздуха. Даже если сейчас она не знала, как ему помочь, то, по крайней мере, она должна быть готова к тому, чтобы помочь.

Мальчик Паша, кроме того, что каким-то чудесно-непринужденным способом вернул ей силу духа, произнес одну фразу, которая почему-то прочно засела у Ланы в голове. Пока она спускалась с четвертого этажа, медленно переставляя ноги, слова мальчика крутились в мыслях, но все еще не имели никакого значения для Ланы. Когда же на первом этаже картинка полностью сложилась в голове, она остановилась.

– А почему бы и нет? – вслух произнесла она.

Ее идея не имела особого смысла, но почему-то показалась ей необходимой.

– Девушка, а вы к кому пришли? – громко и немного угрожающе раздался голос консьержки.

Лана обернулась и изобразила самую доброжелательную улыбку, какую только могла.

– Я уже увидела, кого хотела. Не стоит беспокоиться.

И, оставив старушку, которая раскрыла рот, чтобы

продолжить свою раздраженную тираду, но так и не сделала этого, она двинулась к входной двери. Лана теперь чувствовала себя гораздо лучше.

Выйдя во двор, она обошла дом и встала на тротуаре Остоженки. Люди шли по своим делам: кто-то медленно прогуливался, кто-то целеустремленно спешил. А где-то за спиной Ланы, в доме номер шесть «а», находилась Смерть – эта безжалостная, бескомпромиссная сволочь, с которой встретятся все те, кого она сейчас видела. И, скорее, даже не так. Просто все. Независимо от толщины кошелька или количества совершенных добрых дел. И если смотреть с этой позиции, то вся эта показная суета не имела смысла. Результат был предрешен. Как говорила Раневская, жизнь – это затяжной прыжок из утробы матери в могилу. Но в последние дни Лана осознала, что важен не результат. Важен процесс. Важно, как ты прыгнешь и как будешь лететь. Раз нельзя отменить падение, то почему нельзя привнести в прыжок немного смысла, хотя бы и иллюзорного? Глядишь – не останется времени на мучительное ожидание удара об землю.

Лана выбросила из головы ненужные мысли. Сейчас ей нужен был магазин. Она очень надеялась, что найдет там то, что нужно. То, что ей подсказал мальчик Паша, беспокоящийся о своем коте Барсике. Вспомнив магазинчик, где Денис покупал ей сигареты в их первую, случайную, встречу, Лана повернулась в направлении «Кропоткинской».

«Денис, Денис, в какую аферу ты меня затащил?» – подумала она, торопливо шагая по Остоженке. И вновь пришла к выводу, что не жалеет об этом. Что-то появилось в ней. Что-то незаметное, но в то же время столь необходимое. Маленький невзрачный гвоздик, который держит на себе весь дом, и без которого вся конструкция постепенно, этаж за этажом, развалится. Это что-то походило на свет. Не яркое, режущее глаза и раздражающее свечение, а тусклый, еле ощутимый, но позволяющий разглядеть все вокруг огонек. Огонек, позволяющий больше не метаться в потемках. Спасительный огонек.

33

Жнец заозирался, услышав свое старое имя, которое долгие века он старался забыть. Всевышний звал его, и в голосе чувствовался гнев. Лес незримо бурлил. Окружающее было все так же недвижимо, но в этом окаменелом спокойствии чувствовалось дыхание Творца. Словно каждая крупинка в этом

лесу замерла, напрягшись в ожидании.

Каин взглянул на курьера. Тщедушный до этого момента юнец теперь стоял, выпрямившись, и, казалось, сильно прибавил в росте. Шея под рукой Анку оказалась жесткой, словно камень, и он не был уверен, что это он держит за шею Дениса, а не Денис удерживает его руку. На лице, бледном, но как будто бы светящемся из каждой поры, горели глаза. Другие глаза. Глубокие, как небо. Каину казалось, что эти глаза направлены сразу на все и вся так, что скрыться от них невозможно даже в самой глубокой горной пещере. Каин чувствовал себя окруженным негодующей толпой, держащей в руках сотни факелов. И куда ты не побежишь, свет этих факелов все равно будет слепить тебе глаза. Такой же взгляд, он помнил, был у Творца, когда тот спрашивал: «Где брат твой, Каин?» Этот взгляд, как и раздающийся отовсюду громоподобный голос, не сулил ничего доброго.

– КАИН!

Жнец убрал руку с шеи курьера так быстро, словно это была не шея, а клубок разъяренных змей.

– Да, Всевышний, я тебя слышу.

Голос стал тише, но все так же сочился отовсюду, и его невозможно было не услышать.

– Каин, думаю, наш спор можно считать завершенным.

Денис, забившись в угол своего сознания, наблюдал за тем, что происходило. Он чувствовал, что его рот открывается так, как чувствует человек прикосновение к онемевшей руке – отдаленно, словно все происходит не с ним.

Каин произнес:

– Почему, Всевышний? Ведь я привел себе замену. Ты забыл условия пари? В конце концов, я сделаю из него Жнеца, как и обещал. Сопляк готов. И если Ты не будешь вмешиваться, я доведу начатое до конца.

– Твоя самоуверенность опять сослужила тебе плохую службу, Каин. Ты проиграл, даже не узнав об этом. Ты слеп, как крот, даже с широко распахнутыми глазами.

– Я не понимаю, Всевышний.

Денис почувствовал, что первоначальный гнев, звучавший в голосе, был наигранным – для того, чтобы приструнить зазнавшегося собеседника, и теперь он звучал мягко, сочувствующе, но в то же время непоколебимо, как скала.

– Шоры на глазах мешают тебе понять. Этот мальчишка сделал то, до чего ты не можешь дойти уже многие тысячелетия.

– Он такой же убийца, как и я. Ведь мы так и договаривались, – проговорил Каин, сдерживая свои страх и гнев.

Творец был терпелив, но, когда терпение кончалось, никто не желал быть тем самым, кто вывел Его из себя.

Денис завороженно следил из своего убежища за Каином. С лицом Анку происходило нечто невообразимое. Метаморфозы происходили с бешеной скоростью: вот бледное, но вполне человеческое лицо, а вот оголенный, местами покрытый тонкими полосками кожи череп, вот лицо, а вот череп, лицо, череп, лицо, череп. Это походило на слегка замедленный бег пленки в кинокамере, когда глазом видно двигающиеся вверх рамки кадров.

– Нет, – произнес рот Дениса. – Не такой же. Он – *раскаявшийся* убийца. Он нашел в себе силы найти путь ко мне. И тебе этот шанс давался не единожды, но, спрятавшись за жалостью к себе, ты не видел очевидного. Предпочитал лгать и мне и себе. Ты начал со лжи и никогда не расставался с ложью.

Лицо Каина скривилось. Это было заметно, даже когда оно становилось черепом. Словно злость этого существа впиталась в кости.

– А в чем я должен был раскаяться? В том, что Ты призрел жертвоприношение моего братца? В том, что Ты – мясоед?

Денис задержал дыхание, ожидая от собеседника Анку («Бог, это Бог! Во мне Бог») жесткой ответной реакции на подобный выпад, но голос Всевышнего ни на секунду не зашел за границы мягкого и непоколебимого спокойствия:

– Нет, тебе надлежало раскаяться в своей ненависти и себялюбии. И тогда было бы совершенно не важно, какую жертву ты бы мне преподнес. Около меня найдется место всем, кто выбрался из болота самовлюбленности к свету любви к ближнему.

Каин, внезапно лишившись сил, как будто уменьшился в размерах. Он, как и несколько секунд назад, смотрел сверху вниз в глаза того, кто сейчас находился в Денисе, но теперь жуткое изнеможение отразилась в каждой его черточке. Лицо, вновь возникшее на месте черепа, осунулось, щеки – ввалились, глаза спрятались в глазницах. Руки беспомощно повисли вдоль тела. Вся ярость, ненависть ушли, осталась только нечеловеческая усталость. Денис на несколько секунд проникся жалостью к этому существу – то ли человеку, то ли нет. Он видел теперь перед собой настоящего Каина – несчастного, обреченного на тысячелетия одиночества, к которому так и не привык, имеющего в своей бесконечной жизни лишь одно удовлетворение – иллюзию управления человеческими жизнями.

Денис понял (он не мог объяснить, откуда приходило знание, оно просто рождалось в нем), что Каин был лишь исполнителем

воли того, кого он называл Всевышним. Все слова Анку по поводу справедливости были очередной ложью. Ложь заключалась не в том, что отнимание жизни было справедливым – тут Анку говорил правду, а в том, что эта самая справедливость зависела от Анку. Тот лишь исполнял волю Всевышнего, как Денис, в свою очередь, исполнял волю Смерти. И все угрозы Анкудинова теперь казались всего лишь пустым словоблудием. Анку ничего не мог сделать Лане просто потому, что не имел на это полномочий.

«Дешевые понты, не более того», – удовлетворенно подумал он.

Каин открыл рот, затем закрыл его, вновь распахнул. Он силился что-то сказать, но пока не мог. Слова рождались тяжело. Наконец тихо и беспомощно он произнес:

– Отпусти меня.

Всевышний молчал.

– Отпусти меня, Творец. Я оплатил свои грехи в полной мере. Я уже тысячи раз пожалел о содеянном. Отпусти меня в пустоту. Я больше не могу этого терпеть. Я получил свое наказание.

Каин продолжал говорить одно и то же, неразборчиво шевеля тонкими губами. В конце концов, он остановился на середине слова и просто смотрел в глаза собеседнику.

– Нет.

Короткое слово, раздавшееся со всех концов этого маленького мирка, из каждой точки, прозвучало мягко, почти сочувствующе. Но сказанное, оно моментально стало законом – Денис это почувствовал. Взгляд Анку потух окончательно, и тот, закрыв глаза, опустил голову так, что его лицо невозможно было рассмотреть.

Денис, сидя в уголке своего сознания, попытался пошевелить рукой, но ничего не получилось. Всевышний еще не отдал ему его тело. У Творца еще оставалось что сказать беспомощному Каину.

Голос, раздавшийся из уст Дениса, поразил отцовской мягкостью и в то же время суровостью.

– Я буду ждать, когда ты придешь ко мне со склоненной головой, а не с хитрым трюком в рукаве, и тогда возле меня найдется место и для тебя, Каин.

Анку в последний раз посмотрел в глаза Творца, не ожидая отмены приговора, и повернулся в сторону озера, которое уже виднелось за стволами деревьев. В этот момент с Денисом начало происходить что-то еще более странное. Сначала он понял, что вернулся в свое тело: чуть онемевшие пальцы сжимались, задеревеневшие мышц рук слушались, веки шевелились. Это ощущение оказалось удивительно приятным – словно Денис вернулся в родной дом, где тапочки всегда стоят в нужном углу,

на кухне всегда тот же самый стол, а ковер в гостиной всегда одинаково щекочет босые ноги. Затем приятное чувство сменилось жутким ощущением – в него словно воткнули огромный шприц и стали высасывать что-то очень важное и родное, оставляя на своем месте вакуум. В глазах потемнело. Ему до ужаса не хотелось отпускать то, чего его лишали, – он боялся появляющейся пустоты. В какой-то момент он не смог сдерживаться и закричал. Закричал от страха, от внутренней, душевной, боли и от бессилия остановить то, что происходит.

Каин медленно пошел к озеру, но Денис этого уже не видел. Он витал в темноте, потерянный и испуганный, пытаясь в панике найти выход отсюда. Он не боялся того, что может прятаться в этой темноте, он страшился того, что здесь никогда и ничего не будет. Уж не та ли это «пустота», которой так жаждал Каин (или Анку, или Анкудинов, или Бог его знает как еще)?

Внезапно в темноте появилось окошко. Часть пространства вдруг оказалась заполненной изображением, словно кто-то включил в темной комнате телевизор. На этом экране вовсю светило солнце, но ни капельки света не попадало за его пределы. Денису казалось, что он стал бесплотным духом, который может только видеть и слышать.

На экране появилось желтое пятно, которое тут же превратилось в пустыню. Денис мог рассмотреть клубы пыли и песка, поднимаемые ветром. В нижнем краю экрана были видны две цепочки следов, которые уже через секунду исчезли под вездесущим песком. Стирающаяся дорожка следов шла вглубь экрана, где Денис разглядел человека. Это был мужчина, неимоверно худой, напомнивший Денису черно-белые картинки узников Бухенвальда или Освенцима из Интернета. На ногах грязно-серые штаны, на которых, казалось, не осталось ни одного живого места, рваные ботинки, из которых при каждом поднятии ноги высыпался песок. Шаг, второй, и человек упал. Денис видел на экране его обгоревшую, покрытую волдырями спину. Внезапно появился еще один герой этого немого фильма. Денис, витая в темноте, вздрогнул. Естественно, он узнал долговязую худую фигуру и длинные ярко-белые волосы, которые отчетливо выделялись даже на желто-сером пейзаже пустыни. Анку. Он был одет в черный плащ с капюшоном и был совершенно неуместен в своем одеянии в этом месте. Анку шел от края экрана к середине, где лицом вниз лежал несчастный с обгоревшей спиной. Песок под его ногами оставался нетронутым, словно он шел по воздуху. Анку остановился в двух шагах от человека и что-то произнес. Обреченный мужчина («А он обречен, – подумал Денис, – раз к нему пришел Анку и уведомил его») медленно поднял голову, но

Анку, выполнив свою работу, уже ушел. Мужчина смог встать на колени, затем на ноги, рухнул и встал опять. На этот раз удержался. И двинулся вперед.

Картинка стала терять фокус, но перед тем, как она окончательно пропала, Денис смог разглядеть, что человек вновь упал.

Когда размытые пятна вновь превратились в отчетливое изображение, Денис увидел комнату. Высокие, метров под десять, потолки; огромная люстра с большим количеством свечей; стены, увешанные гобеленами; тяжеленная на вид кровать, окруженная людьми. Несколько женщин в громоздких платьях загораживали того, кто лежал в кровати. Денис понял, что происходило, и, когда в дальнем углу комнаты появился Анку, не удивился его появлению. Одетый в черный плащ немного другого покроя, чем в предыдущем «ролике», Анку прошествовал к смертному одру. Женщины, даже не заметив этого, одновременно расступились. Они не видели Анку, а вот умирающий в постели, которого теперь Денис мог разглядеть, напротив, видел. Маленькая, словно птичья, голова повернулась к Смерти, на бледном лице с острыми чертами отразились страх и понимание. Анку, глядя в глаза умирающему, беззвучно произнес свое уведомление и, не медля, тут же развернулся и отошел, а женщины, вновь сомкнувшись, закрыли больного.

И вновь смена кадра, на этот раз быстрее, и Денис увидел разрушенную множеством снарядов и пуль комнату. Среди дырявых стен, разбитой мебели и вставшего на дыбы пола лежали мертвые тела. Денис насчитал троих: один в бледно-зеленой гимнастерке, ставшей от гари и сажи почти черной, и двое в темно-серых кителях.

«Русский и два нациста», – решил Денис.

Один из «мертвых» зашевелился и, приподнявшись, на руках, перевернулся на спину. На запачканной кровью петлице расположились две буквы S, стилизованные под молнии. Исцарапанное лицо было искажено. Выпученные глаза смотрели вверх на подошедшего Анку. Последний мимолетом взглянул на умирающего эсэсовца, с каменным лицом проговорил свое послание, тотчас развернулся и двинулся прочь.

Денис чувствовал, что «фильм» перед его глазами начинает ускоряться. Эпизоды становились короче, мелькание лиц набирало скорость. Перед его глазами проносились войны, несчастные случаи, катастрофы, убийства. Женщины, мужчины, дети, старики, больные и здоровые. Смерти, смерти, смерти. Несправедливые и в то же время справедливые. Закономерные.

Прежде чем мелькание превратилось в бесконечный

неразборчивый поток образов и линий, Денис успел заметить еще одну картину. Перед ним на секунду появилась кабина самолета. Частично прикрытые креслами пилотов сотни приборов жили своей жизнью: стрелки двигались, лампочки мигали. В левом кресле сидел человек, но это был не пилот – он был в костюме. Денис мог разглядеть короткую аккуратную бородку и большие очки на смуглом лице. На приборах между сиденьями пилотов лежал уже знакомый предмет – белый конверт с красными буквами. Картинка расплылась, но Денис успел увидеть то, на что смотрел этот человек: два стремительно приближающихся небоскреба, один из которых был объят огнем.

Когда переизбыток информации, казалось, готов был взорвать голову изнутри, мельтешение прекратилось. Денис вновь оказался в темноте, но через секунду понял, что это не совсем так. Постепенно его глаза привыкли, и он смог разглядеть безлунное небо с бегущими черно-синими пятнами облаков и тропинку, вьющуюся через небольшую полянку с левого нижнего края экрана к середине и вглубь. Тут и там росли редкие чахлые деревца. Сильный ветер поднимал в воздух сухие ветви и листья.

По тропинке медленным и тяжелым шагом двигался скелет, облаченный в плащ, более напоминающий рваные бесформенные лохмотья. На опущенном вниз черепе, повернутом к Денису в профиль, висели кусочки плоти, которые вот-вот готовы были осыпаться с голых костей. Ярко-белые волосы развевались от ветра, и казалось, что вокруг черепа пробегали беспокойные волны. В костлявой руке скелет сжимал серп с почерневшей ручкой и проржавевшим изогнутым лезвием. Полы плаща при каждом порыве ветра задевали мелкие зубцы лезвия. Во второй руке существо держало поводья, ведя за собой два лошадиных скелета. Вытянутые черепа с пустыми глазницами и без ушей совершенно не были похожи на лошадиные головы. Внутри массивных грудных клеток не было ничего – Денис подумал, что при свете он смог бы разглядеть между ребер землю. Кости, которые, казалось, крепились между собой так непрочно, что в любой момент могли посыпаться, как кегли, медленно перемещались, ведомые Анку. Позади них, покачиваясь из стороны в сторону на шатающихся деревянных колесах, двигалась телега. Керосиновая лампа, висевшая на той стороне борта, которую видел Денис, давала настолько слабый свет, что могла осветить только саму себя и маленький участок деревянного борта.

Небольшая процессия медленно удалялась. Все происходило по законам немого кино – в полнейшей тишине. Через несколько секунд фигура Анку стала понемногу растворяться во мраке, а

еще чуть позже Денис мог разглядеть лишь два слабых пятнышка света – от керосиновых ламп по обе стороны телеги.

Затем наступила полная темнота.

Открыв глаза, Денис некоторое время не мог сообразить, где находится. Серые стены и грязно-белый потолок казались ему незнакомыми. В квартире, которую он снимал, стены покрывали обои, местами рваные, местами протертые, но все же более приятного вида, чем эти – голые, больничные.

А затем Денис увидел тумбочку с телефоном. «Интересно, с этого телефона он звонил мне?» – вспомнился ему вопрос, пришедший в голову несколько часов назад.

«Или это были минуты? Дни?»

Время для Дениса сейчас представляло какую-то вязкую субстанцию, которая могла тянуться до бесконечности. Он не понимал, какой сегодня день и сколько сейчас времени. Но теперь он отчетливо осознал, где находится. В проклятой квартире двадцать четыре, в гостях у Смерти. Только вот самого Анку не было ни видно ни слышно.

Денис попытался встать и тут же сморщился от боли в голове. Он поднял правую руку и дотронулся до виска. Указательный и безымянный пальцы погрузились во что-то густое и мокрое. Посмотрев на руку, Денис не удивился, обнаружив кровь. Он же не мог вырваться из такой передряги без потерь!

Но боль в голове оказалась не самым страшным. Хуже оказалась та пустота внутри, которую он ощутил в момент, когда Всевышний оставил его тело. Чудовищное чувство опустошения слегка притупилось, но никуда не делось.

Денис, наконец, поднялся, и ему тут же пришлось опереться о стену. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота, ноги с трудом держали тело.

«Можно класть в катафалк и отвозить на кладбище», – подумал он, и эта мысль неожиданно приободрила его.

В конце концов, он все еще был жив! Плохое самочувствие? После того, как он оказался объектом спора Бога с Каином, удивляться плохому самочувствию не стоило. А тошнота, слабость и боль пройдут.

Денис мысленно пожелал, чтобы и ощущение пустоты куда-нибудь исчезло.

Он повернулся лицом к коридору и заглянул в комнату. Пусто. Ни кресла, ни журнального столика. Ничего. Денис прошел в комнату и оглянулся. Там, где раньше висела картина с Адамом, Евой и змеем, теперь было пусто. Даже цвет краски не отличался, как это обычно бывает, когда снимаешь картину,

провисевшую на стене долгое время.

Анку здесь не было. Денис буквально кожей ощущал, что Жнец ушел. Теперь квартира двадцать четыре стала окончательно мертвой.

Денис подошел к двери в туалет и повернул ручку. Дверь отворилась, и перед Денисом возникла совершенно пустая комната: ни унитаза, ни раковины, ни труб, и уж тем более никаких лесов, озер и полей.

Он рванул к выходу, не собираясь ни на секунду задерживаться в этом склепе. Пробежав мимо тумбочки с телефоном и шкафа, он повернул ручку и попытался открыть дверь. Дверь не шевельнулась. Денис поднажал плечом, но результат не изменился.

– Блин! – стукнул он себя по лбу, догадавшись, в чем дело, и потянул дверь на себя. Он обернулся и, посмотрев на пыльный коридор, мысленно пожелал никогда не видеть эту квартиру. А затем вышел, не зная, что через несколько минут он сюда вернется.

Он бегом спустился с четвертого этажа на первый. Подъезд, который, казалось, уже не мог выглядеть более безжизненным, был именно таким. Денис считал, что категории живого и мертвого не имели степеней. Ты либо жив, либо мертв. Однако дом, в котором проживал Анку, стал еще мертвее. Естественно, Анкудинов никуда деться не мог, в этом сомнений не было, – ведь для жизни обязательно нужна была смерть. Но именно этот уголок, потеряв свое назначение, угасал.

«Уголок, созданный ради меня», – неожиданная мысль заставила Дениса вздрогнуть. По спине побежали мурашки.

Распахнув металлическую дверь подъезда, Денис выскочил во двор. Обернувшись, он посмотрел на темные окна, затем взглянул на тусклое серое небо. Солнце бледным пятном висело в вышине. Денис даже не щурился, глядя на него. Просто желтое пятно, размещенное в нужном месте по воле неведомого художника. Мертвое желтое пятно. День в мире Анку оказался еще более жутким, чем ночь.

Денис поспешно обогнул дом, чуть не наткнувшись на угол заборчика, и выскочил на Остоженку. В этот момент произошло два события. Сначала Дениса ослепило солнце. Такого яркого света он не видел никогда в жизни. Словно перед ним устроили конкурс на звание лучшего сварщика, забыв выдать ему защитные очки. Белизна застилала весь мир вокруг, проникала под сомкнутые веки и теплыми, почти горячими, руками

обволакивало его тело. Денис по инерции сделал вслепую несколько шагов вперед и тут же столкнулся с кем-то, кого он не мог разглядеть.

34

Лана почувствовала неожиданный удар в спину и с трудом удержала равновесие. Тяжелый черный пакет, который она держала в руках, выпал, и содержимое полетело на асфальт.

– Вашу мать! – воскликнула она, оборачиваясь. – Разве сложно?..

При виде Дениса, ошарашенного и испуганного, в грязной футболке и покрытых пылью джинсах, все слова куда-то пропали. Лана бросилась ему на шею и крепко, отчаянно, прижалась к нему. Она моментально забыла про пакет на асфальте, про свою небольшую идею, нечаянно подсказанную мальчиком Пашей, про Анкудинова – про все. В какой-то момент знакомства с Денисом врожденное любопытство перестало доминировать в ее мотивации, уступив место новым ощущениям, и она не расстраивалась по этому поводу. Теперь у нее было только одно желание – держать его, никуда не отпускать. Ни на секунду.

Они стояли посреди тротуара, не шевелясь, молча, боясь нарушить хрупкую тишину словами. Пакет лежал на боку, топорщась округлыми формами содержимого. Рядом валялось несколько маленьких, пухлых, словно вздувшиеся осколочные гранаты, пластиковых бутылочек. Люди обходили пару, кто молча, кто бормоча что-то недовольно себе под нос. Обоим было плевать: Денису, который только что видел то, что никому из живущих не суждено было видеть, и Лане, которая не имела ни малейшего представления о том, что произошло, и ее это сейчас совершенно не волновало.

Молчание прервала Лана. Не отрываясь от грязной футболки Дениса, вдыхая запах пыли и пота, она пробормотала:

– Все?

Денис молчал. Лана чувствовала, как медленно, тягуче текут секунды. Одна за другой – невыносимо медленно.

Вместо слов она почувствовала, как прижатая к ее затылку щека шевельнулась. Еще через несколько бесконечно долгих секунд он еле слышно проговорил:

– Все.

Лана внимательно посмотрела ему в глаза. На лице отражалась странная смесь облегчения, торжества и тревоги. Словно Дениса все еще что-то волновало.

Она открыла рот, чтобы прямо спросить его об этом, но Денис, отведя взгляд, кивнул в сторону пакета:

– Это твое?

Лана обернулась.

– Да, ты же мне обещал, и я подумала, что ждать, пока парень исполнит свое обещание – глупо. Поэтому взяла вопрос в свои руки.

Денис присел на корточки и собрал в пакет выкатившиеся бутылочки. Последнюю он повернул в руках так, чтобы видеть надпись на бумажной красно-белой наклейке, отдаленно напоминающей этикетку «кока-колы». Мимолетом Денис вспомнил, что Анку использовал те же цвета на своих конвертах. «Жидкость для розжига» – было написано на пластиковом бочонке.

Денис в недоумении посмотрел на Лану снизу-вверх.

– А зачем?..

– Так и знала, что нужно было брать бензин. Но где же его найдешь в центре Москвы?

Денис приподнял бровь.

– Скажи мне, незнакомка, ты всегда все вопросы берешь в свои руки?

– Больше, чем ты думаешь.

И тут же подумала, что прозвучало это двусмысленно.

Денис встал, растягивая губы в довольной ухмылке:

– Я-то как раз об этом и думаю.

Лана покраснела.

– Тьфу ты, дурак.

Она прижалась к Денису, стараясь скрыть свое смущение, и тихо продолжила:

– Я подумала, что я сделала большую глупость, только тогда, когда купила все это. Не будем же мы поджигать дом? Да и я «засветилась», где только могла. Тетка в магазине на меня посмотрела как на умалишенную. Представляешь, как я выглядела? Набрала целую кучу этой жидкости. Да и консьержка эта в подъезде…

– В каком?

– В первом. И, судя по всему, в единственном.

Денис сначала непонимающе изучал Лану, затем кивнул.

– Угу, единственный.

Он поставил пакет рядом возле ноги.

– Глупость, в общем, – продолжила она. – Но почему-то приперла сюда все это. Давай выкинем бутылки куда-нибудь и пойдем отсюда. С меня хватит этих приключений.

Но Денис покачал головой. Он чувствовал, что нужно было

сделать еще кое-что. Довести начатое до конца.

– Ты все правильно сделала.

Лана отодвинулась и взглянула ему в глаза.

– В смысле?

– В смысле мы сейчас устроим этой сволочи чудесное жертвоприношение с костерком и всеми прочими удовольствиями.

– Но ведь ты же не знаешь… Что, если ты спалишь весь дом? Денис, не надо, это все глупости…

Денис взял ее за руку. Лана остановилась. Она посмотрела и удивилась, как изменился Денис – в мелочах, почти незаметных, но изменился. Он стал каким-то более уверенным, умудренным опытом, словно то, что произошло с ним, прибавило ему лет.

Он тихо, но отчетливо, проговорил:

– Я знаю. Он сказал мне.

– Кто он? Анку?

Он медленно покачал головой: вправо, влево и вновь вправо. И ничего не ответил.

35

Денис прошел в квартиру двадцать четыре, держа в руках пакет с бутылками. То странное ощущение безболезненного разряда, сопровождавшего вход в проклятую квартиру, появилось, но было настолько слабым, что Денис не сразу заметил его. Ему снова пришло в голову, что квартира, эта маленькая частичка мира Анку, просто напросто выдыхалась, как пиво в открытой бутылке – слабый запах еще чувствовался, но вкуса уже не было. Денис смог попасть в несуществующий подъезд дома номер шесть «а», но чувствовал, что пройдет час, два, – и это здание для Дениса будет точно таким же, каким оно было для всех остальных – с одним подъездом и шестнадцатью квартирами.

Серые стены, шкаф, тумбочка с телефоном, вешалка точно так же стояли на своих местах, но те блеклые цвета, в которые все это было окрашено, почти полностью размылись, превращая квартиру в выцветшую фотографию.

Он поставил пакет возле двери и провел ревизию. Получилось пять бутылок жидкости для розжига. Денис никогда не пользовался парафиновыми жидкостями и теперь немного волновался. Ведь то, что могло подойти для розжига углей в мангале, могло быть совершенно бесполезным сейчас. А что, если горючая жидкость вспыхнет и тут же потухнет?

«Хуже от этого не станет», – решил Денис и выбросил из

головы ненужные мысли.

Он вытащил две бутылки. Затем отвинтил у одной пластиковую крышку. Тут же в нос ударил едкий химический запах. Денис взглянул на надпись «Без запаха» на бутылке и усмехнулся.

– Что ж, к операции готов. Надеюсь, Константин Андреевич, ты не будешь использовать это в качестве компромата.

Он двинулся в комнату. Голые стены, потолок и паркет. Вот и все. Только сейчас Денис обратил внимание на то, что здесь не было окон.

– Долбаный склеп, – пробормотал он.

Внезапно что-то произошло. Денис почувствовал холод. По коже рук побежали мурашки. Волосы на голове, казалось, встали дыбом. Через несколько секунд наваждение прошло, но Денис понял – Анку был здесь. Денис все еще имел возможность чувствовать присутствие Каина, но вот видеть его уже не мог. А Каин, в свою очередь, никак не мог воздействовать на Дениса, если не считать эти жалкие попытки. Пари закончилось, и теперь для Анку он был всего лишь смертным, свеча которого еще не собиралась потухать.

– Ты здесь, – проговорил Денис.

Вновь укол холода, словно Анку в злобе попытался ударить его, но чуть слабее.

«Надо скорее выметаться отсюда!» – решил Денис.

Он на секунду представил себе, как окончательно исчезает фантомная квартира с фантомным подъездом, и он, крича и размахивая руками, летит с высоты четвертого этажа, а люди в недоумении озираются, не понимая, что происходит. И где-то там, на тротуаре, на крик оборачивается Лана и слышит глухой шлепок упавшего тела.

– Тьфу ты, черт.

Денис принялся разливать жидкость по стенам, по полу, начав с дальнего края и постепенно приближаясь спиной к двери. Он лил аккуратно, стараясь не забрызгать себя. Приходилось поддерживать бутылку под дно, так как мягкий пластик продавливался внутрь. Когда горючая жидкость закончилась, он бросил бутылку на пол.

Выйдя из комнаты, он понял, что в этой странной квартире отсутствовали не только окна. Анку не позаботился и о кухне в своем маленьком временном убежище. Денис подумал, что Каин проявил здесь присущую ему самоуверенность, посчитав, что достаточно будет и небрежно созданных декораций.

Денис вернулся к выходу и взял вторую бутылку. Затем распахнул узкую дверь пустого «туалета», которая совсем недавно

вела в мертвый лес, а дальше – к озеру и полю свечей, и принялся разбрызгивать горючую жидкость там. Закончив, он принялся за коридор: обильно полил шкаф, вешалку, а остатки вылил на серо-зеленый телефон. Тут он вновь почувствовал присутствие Анку. Слабое и беспомощное присутствие.

– Придется тебе подождать, пока моя свеча догорит.

Он улыбнулся. Ему понравилось, как это позвучало.

Холодок еле ощущался. Быть может, это был просто сквозняк от открытой двери в подъезд, а вовсе не жалкие потуги Каина наказать Дениса.

– Какой сквозняк? Тут же нет окон.

Денис рассмеялся нервным, почти истеричным смехом. Он вновь почувствовал внутреннюю пустоту – почти осязаемый вакуум. Смешок застрял в горле.

Он бросил смятую бутылку в телефон. Раздалась еле слышная трель звонка, и трубка полетела на пол, увлекая за собой и корпус телефона. Вместо звонкого удара раздался глухой удар, словно аппарат упал не на паркет, а на толстый ковер.

– Трехочковый, – проговорил Денис, ухватил за ручки пакет и шагнул из квартиры номер двадцать четыре.

Он аккуратно закрыл за собой дверь. Внезапно он почувствовал шум, похожий на радиопомехи, и успел подумать, что это по какой-то неведомой причине мирок Анку вновь набирает силы, наливается жизнью, и сейчас вновь вернется адская боль, и окажется, что кошмар еще только начинается. Но нет, окружающее пространство было все так же мертво, а в голове вместо боли заговорил голос, который недавно обрек Каина на дальнейшую жизнь. Голос звучал так же тихо и спокойно, но в нем не чувствовалось тех железных ноток, какие слышал Каин.

– Ты найдешь, чем заполнить пустоту.

Денис спустился на первый этаж, разбрызгивая жидкость на двери и ступени. Когда последний бочонок болотно-зеленого цвета опустел, Денис остановился. Он стоял, прислонившись спиной к входной двери, и вдыхал кружащую голову тошнотворную смесь запахов керосина и растворителя. До «девяносто второго» этой отраве было далеко.

Денису нравился запах бензина. Это был «аромат» избавления от боли. Огонь помогал Денису прогнать из головы своего брата, свою семью, помогал забыться и не думать о вине, которая лежала на нем. Огонь на некоторое время стирал каинову печать, которая была невидима для других, но столь явна для самого Дениса. Но теперь он чувствовал, что это ему уже не нужно. Он пришел к миру внутри себя. И теперь, держа в руке

свой «Зиппо» и готовясь в последний раз провести операцию «Огненный шквал», Денис понял, чем он мог заполнить пустоту внутри себя.

Чиркнуло колесико о кремень, и зажигалка полетела на площадку первого этажа. Вдруг пол, стены и двери покрылись сеткой разбегающихся в разные стороны полосок полупрозрачного зеленоватого огня. Денис смотрел на пламя, ожидая, что через несколько секунд огонь сойдет на нет, так и не начав пожар. Слишком уж несерьезной ему показалась эта парафиновая смесь с неприятным запахом растворителя и керосина. Сначала так все и происходило: огонь, который, казалось, горел сам по себе, не трогая поверхности, постепенно становился все меньше и прозрачней. Но через несколько секунд, когда Денис уже совсем уверился в провале, на стенах все же стали появляться черные прожилки, а потом краска на железной двери квартиры номер семнадцать вдруг покрылась мелкими пузырьками, словно закипающее молоко. Язычки пламени, уже хорошо различимого, принялись облизывать деревянную поверхность перил.

Денис завороженно смотрел на распространяющийся огонь. Он представлял себе молодого Каина, крепкого белокурого юношу с упрямо поджатыми губами, разводящего огонь под своим жертвоприношением – плодами и колосьями. Дым от его приношения стелется по земле в то время, как дым от жертвенного костра младшего брата поднимается вверх, прямо в небеса, разнося запах горящего мяса. Каин воровато поглядывает на более удачливого Авеля и копит внутри себя зависть, которая больше похожа на ненависть.

Внезапно Денис вздрогнул. Его пробрал озноб, хотя жар от огня уже чувствовался.

«Кроме одной свечи», – так сказал Анку-Каин. На том поле побывали свечи всех, кроме одной. Там никогда не было свечи Авеля. Того, чья смерть открыла непрекращающуюся историю убийств.

Денис ощущал, как температура медленно растет – легкие волны тепла постепенно превращались в сильный, обжигающий кожу жар. Он перебирал в голове историю Каина и Авеля, которую кратко, но очень красочно рассказал Алексей Петрович. Из головы никак не шел образ упрямца Каина, пытающегося разжечь огонь во что бы то ни стало и доказать, что он достоин любви. Из-за этого упрямства он будет веками тушить свечи потомков Адама и Евы, не раскаиваясь и ненавидя.

«Не только потомков, но и свечи самих Адама и Евы, – подумал он. – Интересно, что он ощущал, уведомляя своих

родителей?»

Но размышлять на эту тему становилось все сложнее – мысли в голове путались. Стоять в подъезде, быстро превращающемся в духовой шкаф, было уже невыносимо. По лицу Дениса градом катился пот, горячий воздух обжигал внутренности, глаза ломило. Но все же он смог остановить себя и дождаться, пока занялась деревянная дверь восемнадцатой квартиры. Для этого ему пришлось подняться на пару ступенек – с площадки перед входом дверь было не видно.

Жар с новой силой ударил в лицо. Денис, окончательно выбросив из головы все лишнее, рванул к двери, понимая, что если сейчас не вырвется на улицу, то сгорит в этом фантомном подъезде.

Он нажал на кнопку на стене, отщелкивающую магнитный замок, и подналег на дверь. Но ничего не произошло. Железная дверь, нагревшаяся от жара в подъезде, не поддалась. Денис стукнул по ней плечом, но та вновь не сдвинулась ни на миллиметр.

«Вот так просто, – подумал он. – Это ни хера не кино».

Он вновь нажал на кнопку, понимая, что огонь мог что-то повредить, и в этот момент раздалось пиликанье, сигнализирующее о том, что дверь разблокирована. Денис распахнул ее и оказался на улице.

36

Лана стояла на улице и все больше нервничала. Прошло уже тринадцать минут, а Дениса все не было. Она задавала себе вопрос, сколько нужно времени, чтобы разлить пять бутылочек горючей смеси и поджечь все это. Пять, десять минут? Сейчас ей казалось, что за это время можно было не только подпалить ненавистную квартиру, но и успеть выкурить сигарету. Как жаль, что она сейчас не могла быть рядом с Денисом там, в квартире, где некоторое время обитала Смерть. Она хотела увидеть все это своими глазами. Пережить это. Увидеть то, что потом останется в памяти на всю жизнь.

«Я смотрю, твое любопытство никуда не делось», – проговорил в голове внутренний голос.

Нет, не делось. И в этом не было ничего предосудительного. В каждом человеке живет авантюрист, и все зависит от того, насколько убедительно говорит этот жилец. Насколько ярко он расписывает то, на что собирается тебя толкнуть.

Лана закурила. Пересохшее горло саднило от табачного

дыма, который не приносил удовлетворения. Рука, державшая сигарету, дрожала.

Она загадала, что Денис появится до того, как уголек дойдет до фильтра. Внутренний голос тут же продолжил, что, если Денис не появится, пока сигарета горит, это будет означать, что он мертв.

– Заткнись, – прошипела она. Поднесла сигарету ко рту, но тут же опустила руку. Если не затягиваться, то сигарета будет тлеть медленнее. И, возможно, это прибавит Денису шансов.

К середине сигареты и к окончанию пятнадцатой минуты ожидание стало совершенно невыносимым. Нет ничего хуже, чем неизвестность. Банальность, сейчас она не казалась таковой. Когда от белой части сигареты осталась лишь четвертинка, Лана не выдержала и глубоко затянулась. Черный столбик пепла с еле видным оранжево-красным угольком внутри незамедлительно устремился к фильтру. Она едва не застонала.

– Лана!

Она обернулась так резко, что в глазах потемнело. Но уже через мгновение она увидела Дениса. Она завизжала от радости, не обращая внимания на окружающих. И тут же замолчала, разглядев приближающегося Дениса: багрово-красное лицо покрывали крупные капли пота, на одежде виднелись следы копоти. Одна штанина его джинсов была опалена, и от нее явственно шел дым. Руки Дениса, имеющие такой же специфический «загар», как и лицо, поднялись. На утомленном лице расплылась счастливая улыбка.

Лана стояла как вкопанная, не в силах шагнуть навстречу.

«Слава Богу, ты успел».

Она вспомнила про сигарету в руке, посмотрела на нее. До фильтра оставалось всего несколько миллиметров. Но он успел. Лана бросила сигарету на тротуар.

Подходя, Денис счастливо рассмеялся:

– Правильно. С меня хватит огня на сегодня.

Они стояли на тротуаре: он, обняв ее за плечи, она – положив руку ему на пояс. Люди с любопытством поглядывали на странную парочку, от которой распространялся запах гари. Некоторое время смотрели, а потом спешили дальше. Мало ли чудиков в Москве! Столько дел еще нужно выполнить, так что времени разглядывать эту необычную пару совершенно не было. Столько важных и неотложных вопросов нужно было решить до того момента, как придет Анку и вручит последнее письмо.

Денис и Лана внимательно смотрели на дом номер шесть «а»,

ожидая, что вот-вот появится дымок, а потом быстро, за считаные минуты огонь распространится на все здание, и начнется огненный ад. Логика подсказывала, что пожар в мертвом мирке Анку не имеет никакого отношения к этому дому, но когда дело сделано и время ожидания последствий тянется так долго, логика пасует, а бурная фантазия рисует самое неприглядное развитие событий.

Прошло пять, семь, десять, пятнадцать минут. Ничего не изменилось. Дом номер шесть «а», настоящий дом номер шесть «а», жил своей обычной жизнью, не зная, что где-то рядом, в какой-то иной реальности, у него был подъезд номер два, где в самой последней квартире за номером двадцать четыре, за обычной дверью в санузел Смерть вершила свои дела.

Денис сжал плечо Ланы чуть крепче.

– Знаешь, это мой самый крутой поджог, и первый, за который ничего не будет. Хотя я очень надеюсь, что другие мне тоже как-нибудь простятся.

Она рассмеялась.

– А я надеюсь, что этот раз будет еще и самым последним.

– Уж будь уверена. Хотя ты, кажется, хотела поучаствовать в моей операции…

Лана почувствовала улыбку в голосе Дениса.

– Я как-нибудь переживу эту потерю.

Он кивнул.

– Переживешь.

Лана обняла его и крепко поцеловала в губы, вдыхая запах гари, который сейчас ей казался приятней любых ароматов. Денис прижал ее к себе, наслаждаясь вкусом и мягкостью ее губ. А в голове тем временем голос повторил:

– Ты найдешь, чем заполнить пустоту.

Теперь Денис знал, что именно так и будет.

37

Денис открыл глаза и сел в постели. В комнате было темно, но очертания мебели можно было различить без усилий. За окном слышался вой ветра и виднелись кружащиеся в бешеном ритме снежинки, словно февраль, поначалу больше похожий на позднюю осень, вдруг решил вернуть себе звание зимнего месяца и под конец засыпал Москву снегом. Время от времени по потолку проплывал свет от фар проезжающих автомобилей. Казалось, что Москва не знала, что такое сон.

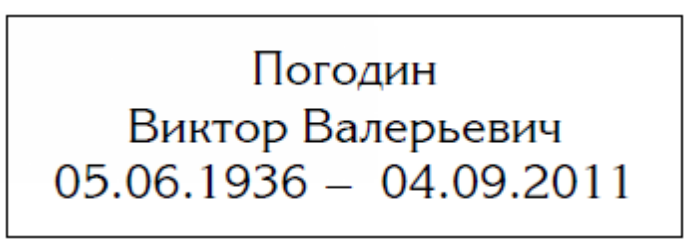
Денис взял с тумбочки телефон и, сморщившись от яркого

света монитора, посмотрел время. 04.02. До звонка будильника еще чуть меньше трех часов. Уйма времени, чтобы выспаться.

С момента последнего посещения им квартиры двадцать четыре прошло пять месяцев. Поначалу он ощущал себя довольно странно. То, что с ним произошло, казалось ему каким-то водоразделом. Была жизнь до появления Анку – пустое бессмысленное брожение из одного дня в следующий, и была жизнь после Анку – жизнь, которую нужно было наполнять смыслом. Этим смыслом стала для него Лана – единственный человек, с кем он мог поделиться не только пережитым, но и всем, чем угодно. Ее поразительная способность толкать человека на откровения каждый раз поражала его, но ни капельки не беспокоила. Ему нужно было открываться. За годы молчаливого самоуничижения многое накопилось.

В начале сентября, через три дня после того, как он спалил квартиру Каина, пришло время похорон. Два анонимных звонка в полицию, и тела двух одиноких стариков были найдены. То, что эти двое дружили более полувека, так никто и не выяснил.

Два дня похорон выдались на удивление теплыми и солнечными, словно лето, закончившись, сразу сменилось бабьим летом, задержав на несколько дней осеннюю промозглость. Виктора хоронили на Донском кладбище, рядом с его женой и сыном. На похороны пришло всего несколько человек. Это оказались исключительно знакомые Екатерины, ведь единственного друга Погодина Виктора – полуслепого букиниста Сергеева Алексея Петровича – готовили к похоронам на следующий день. Денис и Лана стояли поодаль, решив не подходить к могиле. Они сделали это позже – когда маленькая группа, провожавшая Виктора в последний путь, разошлась, а могильщики закопали гроб. Пара некоторое время смотрела на маленькую табличку



которую некому было поменять на гранитный памятник, затем двинулась по извилистым дорожкам кладбища к выходу.

На следующий день они появились на Кузьминском кладбище, где хоронили Сергеева Алексея Петровича. Провожавших старого букиниста в последний путь оказалось так

же мало, но Лана обратила внимание на пару: аккуратную старушку лет семидесяти в черном платье и пухловатого сорокалетнего мужчину в сером костюме. Она сутулилась, но казалась достаточно бодрой женщиной. Он был лысоват, припухлости под глазами и отечность на болезненно-желтоватых щеках говорили о проблемах с печенью.

Лана мысленно рассуждала, кто это могли бы быть – эти люди не походили на провожавших, которым просто нечем больше заняться, кроме как поприсутствовать на похоронах. И когда она увидела вблизи лицо мужчины, все ее вопросы отпали. В уголках глаз мужчины спрятались морщинки, которые придавали лицу совершенно открытый и доброжелательный вид.

«Разрешите мою дилемму, друзья, и разрешите ее мудро!» – вспомнились ей слова, услышанные совсем недавно. Она мысленно представила, что эти слова произносит этот толстый, болезненного вида мужчина. Состарить лицо, добавить катаракту на левый глаз, и перед ней возникнет Алексей Петрович.

«Он сказал, что у него никогда не было детей», – подумала Лана.

Но, кажется, это оказалось неправдой. И мужчина, стоящий перед гробом, поставленным на двух табуретках, подтверждал это.

Время похорон прошло, и жизнь, в которую столь грубо и бесцеремонно вмешался Анку, пошла своим ходом. Лана и Денис притирались, ругались, мирились, решали вопросы – наполняли смыслом жизнь «после Анку».

Постепенно все произошедшее стало стираться из их памяти. Словно с жестких дисков самостоятельно удалялись ненужные файлы. Со временем их воспоминания превращались в череду непонятных образов, слабо связанных между собой, а затем полностью исчезали, и оставалось лишь воспоминание о том, что что-то забыто. Поначалу Денис и Лана удивлялись этому, но постепенно и это прошло. К началу две тысячи двенадцатого года они помнили, что испытали нечто удивительное, но что именно, они сказать не могли. В жизни «после Анку» не было места самому Анку. По крайней мере, до тех пор, пока не придет его время позвать на суд.

Теперь же, проснувшись среди ночи, Денис пытался понять, что он видел во сне. Ему определенно снилось что-то очень приятное, потому что он ощущал улыбку на своих губах, а внутри него таилось какое-то непонятное, но прекрасное чувство. И еще он помнил мысль, которая была у него в голове, когда он проснулся.

– Я наконец-то вижу его лицо, – произнес он эту мысль вслух,

надеясь, что это поможет вспомнить.

Не помогло. Но новое чувство осталось.

Рядом с ним зашевелилась Лана и пробормотала что-то во сне. Денис погасил телефон и, забравшись под одеяло, обнял ее.

notes

1

Мать богов – Сагарматха, непальское наименование Эвереста (с санскрита – «Лоб Небес»)

2

Владимир Высоцкий, «Вершина».

3

Здесь и все последующие – песни из мультфильма У. Диснея «Белоснежка и семь гномов».

4

Труп (*жарг.*).

5

По доброй воле (*лат.*).

6

«Carl Zeiss» – германская компания, специализирующаяся в области оптики.

Сперва работа, потом развлечения (*англ.*).

8

Малые удары валят большие дубы (*англ. пословица*).